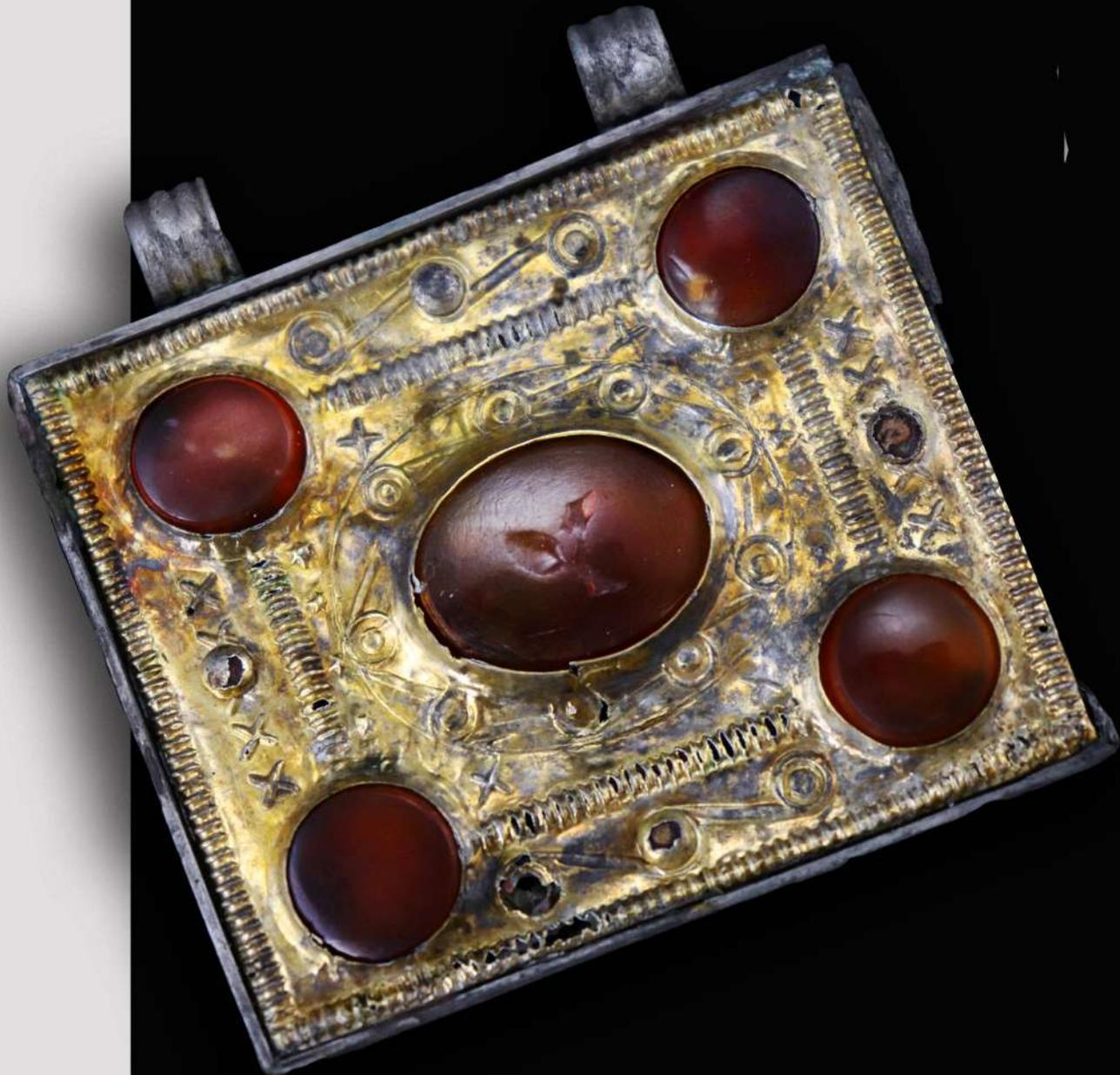

КРЫМ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

НАСЛЕДИЕ
тысячелетий
благотворительный фонд

Выход в свет этой книги стал возможен, благодаря финансовой поддержке ООО «Таврическое археологическое общество». Редакция сборника благодарит Александра Юрьевича Манаева, генерального директора «ТАО», за оказанную помощь!

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»

Памяти Анатолия Степановича Скрипкина

**КРЫМ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ
(II в. до н. э. – IV в. н. э.)
VII**

Сборник научных статей

Симферополь
2021

ББК 63.4(49Кр.-6)273.1
К 852

**Рекомендовано к изданию Ученым советом
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»**
(Протокол заседания Ученого совета № 2 от 04.03.2021 г.)

Рецензенты: д. и. н. С. И. Лукьяшко, д. и. н. А. П. Медведев

Редколлегия:

М. С. Гаджиев, д.и.н. (Махачкала)
М. М. Казанский, д.и.н. (Париж, Франция)
В. Кульчар, к.и.н. (Сегед, Венгрия)
В. В. Майко, д.и.н. (Симферополь)
В. Ю. Малашев, к.и.н. (Москва)
А. М. Обломский, д.и.н. (Москва)
А. С. Скрипкин, д.и.н. (Волгоград)
А. А. Стоянова, к.и.н. (Симферополь, ответственный секретарь)
А. Д. Таиров, д.и.н. (Челябинск)
И. Н. Храпунов, д.и.н. (Симферополь, ответственный редактор)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (протокол № 3 от 24.10.2016 г.)

К 852

Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII. Сб. научных статей /
Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. —
292 с.

ISBN 978-5-6046346-5-3

В сборнике статей публикуется информация об исследованиях позднескифских поселений и могильников в Крыму, о результатах раскопок сарматских погребений на Нижнем Дону и в Приазовье, об итогах изучения крымского могильника Опушки, а также анализируются различные категории погребального инвентаря сарматской эпохи.

На первой странице обложки — нагрудное украшение из могильника Опушки

© Авторы, текст, 2021
© Храпунов И. Н., сост., 2021
© Фонд «Наследие тысячелетий»,
2021
© Институт археологии Крыма
РАН, 2021

ISBN 978-5-6046346-5-3

“Heritage of Millennia” Non-Profitable Foundation
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences

In memory of Anatolii Stepanovich Skripkin

**THE CRIMEA
IN THE AGE OF THE SARMATIANS
(200 BC – AD 400)
VII**

Collected papers

Simferopol
2021

ББК 63.4(49Кр.-6)273.1
К 852

**Recommended for publication by the Scholarly Council of the Institute of
Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences**

(protocol no. 2 of 04.03.2021)

Reviewers: DSc S. I. Luk'yashko, DSc A. P. Medvedev

Editorial board:

M. S. Gadzhiev, DSc (Makhachkala)

M. M. Kazanski, DSc (Paris, France)

V. Kulcsár, CSc (Szeged, Hungary)

V. V. Mayko, DSc (Simferopol)

V. Yu. Malashev, CSc (Moscow)

A. M. Oblomskiy, DSc (Moscow)

A. S. Skripkin, DSc (Volgograd)

A. A. Stoyanova, CSc (Simferopol, executive secretary)

A. D. Tairov, DSc (Chelyabinsk)

I. N. Khrapunov, DSc (Simferopol, editor-in-chief)

The Editorial Board's composition is approved by the Scholarly Council of the Institute
of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences

(protocol no. 3 of 24.10.2016)

К 852

The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400. VII. Collected papers /
Edited by Igor' Khrapunov. Simferopol: Salta LTD, 2021. — 292 p.

ISBN 978-5-6046346-5-3

This collective volume publishes the accounts on the researches of the Late Scythian settlements and cemeteries in the Crimea, on the results of the excavations of Sarmatians graves in the Lower Don and Azov Sea areas, and on the results of the investigations of the cemetery of Opushki in the Crimea, and analyses various categories of grave goods from the Sarmatian Period.

Cover photo: pectoral ornament from the cemetery of Opushki

© The authors, 2021

© Igor' Khrapunov, the editor, 2021

© "Heritage of Millennia" Foundation, 2021

© Institute of Archaeology of the Crimea
of RAS, 2021

ISBN 978-5-6046346-5-3

Содержание Contents

От ответственного редактора.....	9
<i>Editor-in-Chief's Preface</i>	
■ Е. Е. Антонов. Поселения Северо-Западного Крыма во второй четверти I – начале II в. н. э	10
<i>Egor Antonov. The Settlements in the North-Western Crimea from the Second Quarter of the First to the Early Second Centuries AD</i>	
■ С. И. Безуглов. Позднесарматское погребение с имперской бронзовой посудой на Нижнем Дону	18
<i>Sergei Bezuglov. A Late Sarmatian Grave with Imperial Bronze Vessels i n the Lower Don Area</i>	
■ В. П. Глебов. Сарматские погребения из могильника Бейсужек 36 у г. Кореновск.	61
<i>Viacheslav Glebov. The Sarmatian Graves from the Cemetery of Beisuzhek 36 in the Vicinity of the Town of Korenovsk</i>	
■ Л. Грумеца. Бусы из кораллов и морских раковин в погребениях, приписываемых сарматам, на территории Румынии	74
<i>Lavinia Grumeza. Coral and Mollusk Shell Beads in the Graves Attributed to Sarmatians in Romania</i>	
■ В. К. Гугуев, А. В. Евглевский. Сарматское погребение с набором уникальных амулетов из Северного Приазовья	89
<i>Vladimir Guguev, Aleksandr Evglevskii. A Sarmatian Grave with a Set of Unique Amulets from the Northern Azov Sea Area</i>	

■ А. А. Красноперов. Ареал и хронология бус типов «Т-М-362/Алексеева-480-482,490,496» на Кавказе	114
<i>Aleksandr Krasnoperov. The Distribution Area and Chronology of the Beads of the Type T-M-362/Alekseeva-480-482,490,496 in the Caucasus</i>	
■ В. К. Максименков. Пикообразные наконечники копий римского времени из Крыма	132
<i>Viktor Maksimenkov. The Roman-Period Conical Spear-Heads in the Crimea</i>	
■ С. А. Мульд, Д. С. Корнеев. Конструкция браслетов в позднеримском полихромном стиле	140
<i>Sergei Mul'd, Denis Korneev. The Construction of the Bracelets Featuring the Late Roman Polychrome Style</i>	
■ В. А. Нессель. Керамика группы Восточная сигиллата В2 из могильника Нейзац	148
<i>Viktoriiia Nessel'. The Eastern Sigillata B2 Pottery in the Cemetery of Neizats</i>	
■ М. Ю. Трейстер. Веретенообразные унгентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии	157
<i>Mikhail Treister. Fusiform Unguentaria from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia</i>	
■ А. А. Труфанов. О плитовых могилах Усть-Альминского некрополя	195
<i>Aleksandr Trufanov. On the Slabbed Graves in the Cemetery of Ust'-Al'ma</i>	
■ И. Н. Храпунов. Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы	235
<i>Igor' Khrapunov. The Researches of the Cemetery of Opushki: The Results and Perspectives</i>	
■ С. Б. Шабанов. Стеклянные сосуды I – первой половины III вв. н. э. из варварских памятников предгорного Крыма	260
<i>Stanislav Shabanov. The Glass Vessels from the First to the First Half of the Third Centuries AD in the Barbarian Sites in the Sub-Mountainous Crimea</i>	
■ Н. Н. Чемодуров. О некоторых аспектах истории изучения грунтовых некрополей римского времени в предгорном Крыму	276
<i>Nikolay Chemodurov. On some aspects of the history of the exploration of burial grounds of the Roman period in the Foothill Crimea</i>	
Список сокращений	286
<i>Abbreviations</i>	
Сведения об авторах	288
<i>Contributors</i>	

От ответственного редактора Editor-in-Chief's Preface

Седьмой выпуск сборника статей «Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)» посвящается памяти члена нашей редколлегии А. С. Скрипкина (1940–2021).

Анатолий Степанович издал множество научных трудов, преимущественно по истории и археологии сарматских племен, занимал высокие должности, имел награды. Но, кажется, главное, чего он достиг в жизни, — это уважение коллег. Немногие способны оценить труд археолога «изнутри», понять, насколько глубок анализ, какова эрудиция автора. Для тех, кто может это сделать, книги и статьи Анатолия Степановича являются примером высокого профессионализма и таланта ученого. Именно поэтому он был неформальным, но совершенно бесспорным лидером для всех, кто занимается сарматской археологией.

В публикуемый сборник вошли статьи о позднескифской культуре (Е. Е. Антонов, А. А. Труфанов), вводятся в научный оборот комплексы нижнедонских погребений (С. И. Безуглов, В. П. Глебов, В. К. Гугуев, В. К. Евглевский), анализируются различные категории изделий сарматской эпохи (Л. Грумеза, А. А. Красноперов, Д. С. Корнеев, С. А. Мульд, В. К. Максименков, В. А. Нессель, М. Ю. Трейстер, С. Б. Шабанов), подводятся некоторые итоги исследования крымского могильника Опушки (И. Н. Храпунов), имеется работа историографического характера (Н. Н. Чемодуров).

Редколлегия приглашает всех специалистов по сарматской эпохе принять участие в следующем сборнике «Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)», подготовка которого начнется незамедлительно после публикации этого выпуска.

Поселения Северо-Западного Крыма во второй четверти I – начале II в. н. э.

Ключевые слова: *поздние скифы, Северо-Западный Крым, античное домостроительство*

Резюме

Статья посвящена застройке позднескифских поселений Северо-Западного Крыма во второй четверти I – начале II в. н. э. Их площади по сравнению с предыдущим периодом уменьшаются, застройка становится менее плотной. На протяжении всего рассматриваемого периода укрепления существуют только в Калос Лимене. Застройка унаследовала от предыдущего периода ориентацию по сторонам света. Для Калос Лимена характерна также и блокировка домов в кварталы. Ядром застройки, видимо, остаются многоквартирные дома. На Южно-Донузлавском поселении выявлены полуподвальные помещения, на Кара-Тобе после похода Т. Плавтия Сильвана помещения становятся более крупными и вытянутыми. Уменьшение площади застройки и ее плотности, очевидно, — следствие сокращения населения. Перемены в домостроительстве Кара-Тобе и Южно-Донузлавского поселения можно предположительно связывать с притоком переселенцев из других регионов.

Для цитирования: Антонов Е. Е. Поселения Северо-Западного Крыма во второй четверти I – начале II в. н. э. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С. 10–17.

Egor Antonov

The Settlements in the North-Western Crimea from the Second Quarter of the First to the Early Second Centuries AD

Keywords: *Late Scythians, north-western Crimea, ancient house-building*

Abstract

This paper addresses the buildings at the Late Scythian settlements in the north-western Crimea from the second quarter of the first to the early second century AD. In comparison to the previous period, their square declined, and the buildings were less densely situated. Throughout the whole period in question, fortifications existed in Kalos Limen only. The building structure continued the orientation in cardinal directions inherited from the previous period. Kalos Limen was also typical of the houses structured in quarters. Multi-room houses probably remained the core elements of the town plan. The excavations at Iuzhno-Donuzlavskoe settlement uncovered semi-basement rooms; following T. Plautius Silvanus' campaign, the rooms of Kara-Tobe became bigger and elongated. The building area diminished and became less dense probably in result of a population decline. The changes in house-building at Kara-Tobe and Iuzhno-Donuzlavskoe settlements were plausibly related to the inflow of migrants from other regions.

Настоящая работа — третья в цикле о застройке позднескифских поселений Северо-Западного Крыма. Две предыдущих были посвящены более ранним периодам — позднеэллинистическому (Антонов, 2017) и периоду расцвета (середина I в. до н. э. — первая четверть I в. н. э.) (Антонов, 2021a). Представляемая заметка охватывает время от второй четверти I до начала II в. н. э. — это заключительный этап существования поселений региона. Цель работы, как и предыдущих в цикле, — выявление общих закономерностей в застройке, а также проверка рабочей гипотезы о преемственности планировок поселений поздних скифов Северо-Западного Крыма на всем протяжении их существования. Аналогии этим поселениям будут рассмотрены в отдельной статье, которая сейчас готовится к печати (Антонов, 2021б).

Стоит напомнить, что из восьми поселений римского времени в Северо-Западном Крыму, исследованных раскопками, только пять продолжают существование после предполагаемого похода Аспурга (16 – 23 гг. н. э.): Калос Лимен, Тарпанчи, Беляус, Южно-Донузлавское, Кара-Тобе¹ (Антонов, 2020, с. 187–189). При этом о застройке Беляуса этого времени практически ничего неизвестно, кроме самого факта ее существования (Дашевская, Голенцов, 2004, с. 37). Строительная история других поселений изучена неодинаково. Только на Кара-Тобе в рамках рассматриваемого этапа четко выделены два строительных периода: до предполагаемой экспедиции Т. Плавтия Сильвана (63 – 66 гг. н. э.) и после нее.² Два яруса, которые датируются так же, выделены и на Калос Лимене, но относительно застройки последнего яруса никаких сведений практически нет. На Тарпанчи

застройка 16/23–63/66 гг. н. э. не открыта, там исследованы только строительные остатки, которые датируются временем после похода Т. Плавтия Сильвана. На Южно-Донузлавском находки не позволяют датировать строительный период уже, чем второй четвертью I до н. э. — началом II в. н. э.³ Такая ситуация диктует порядок рассмотрения материала: сначала описывается застройка поселений до 63 – 66 гг. н. э. (Кара-Тобе, Калос Лимен), затем — после 63 – 66 гг. н. э. (Кара-Тобе, Тарпанчи), в заключение — планировка Южно-Донузлавского поселения, которая по находкам датируется всем периодом второй четверти I – начала II в. н. э.

Кара-Тобе и Калос Лимен между походами Аспурга и Т. Плавтия Сильвана (16/23 – 63/66 гг. н. э.)

На Кара-Тобе от построек этого времени сохранились лишь отдельные кладки и вымостки, открытые в центральной и западной части раскопа (рис. 1) (Внуков, 1999а, с. 210). Достоверно реконструировать планировку ни одного из домов не удастся, однако получить некоторое представление о застройке можно. Поселение, очевидно, заметно уменьшается в размерах по сравнению с периодом II, плотность застройки, вероятно, была меньше. Кладки периода III ориентированы так же, как и более ранние, по оси ССЗ–ЮЮВ. Поздние скифы используют понтийскую центральную башню. В ее помещениях зафиксирован жилой уровень рассматриваемого времени (Внуков, 1999а, с. 210), ко входу башни пристраивается новое небольшое помещение (Внуков, 1993, с. 35). «Цитадель», видимо, уже не используется как укрепление, хотя отдельные части ее стен могли быть восстановлены.

¹ Благодарю С. Ю. Внукова за разрешение использовать неопубликованные материалы, сотрудников архивов ИА РАН, Евпаторийского краеведческого музея и музея-заповедника «Херсонес Таврический», а также С. Г. Демьянчука и К. С. Ушакову за содействие в работе с отчетами.

² Основания датировок и синхронизация строительных остатков позднескифских поселений Северо-Западного Крыма рассмотрены в отдельных статьях (Антонов, 2018б; 2019), поэтому здесь нет необходимости уделять внимание этому вопросу.

³ Статья о планировке и периодизации позднескифского Южно-Донузлавского поселения готовится к печати, поэтому обоснования датировок здесь не приводятся.

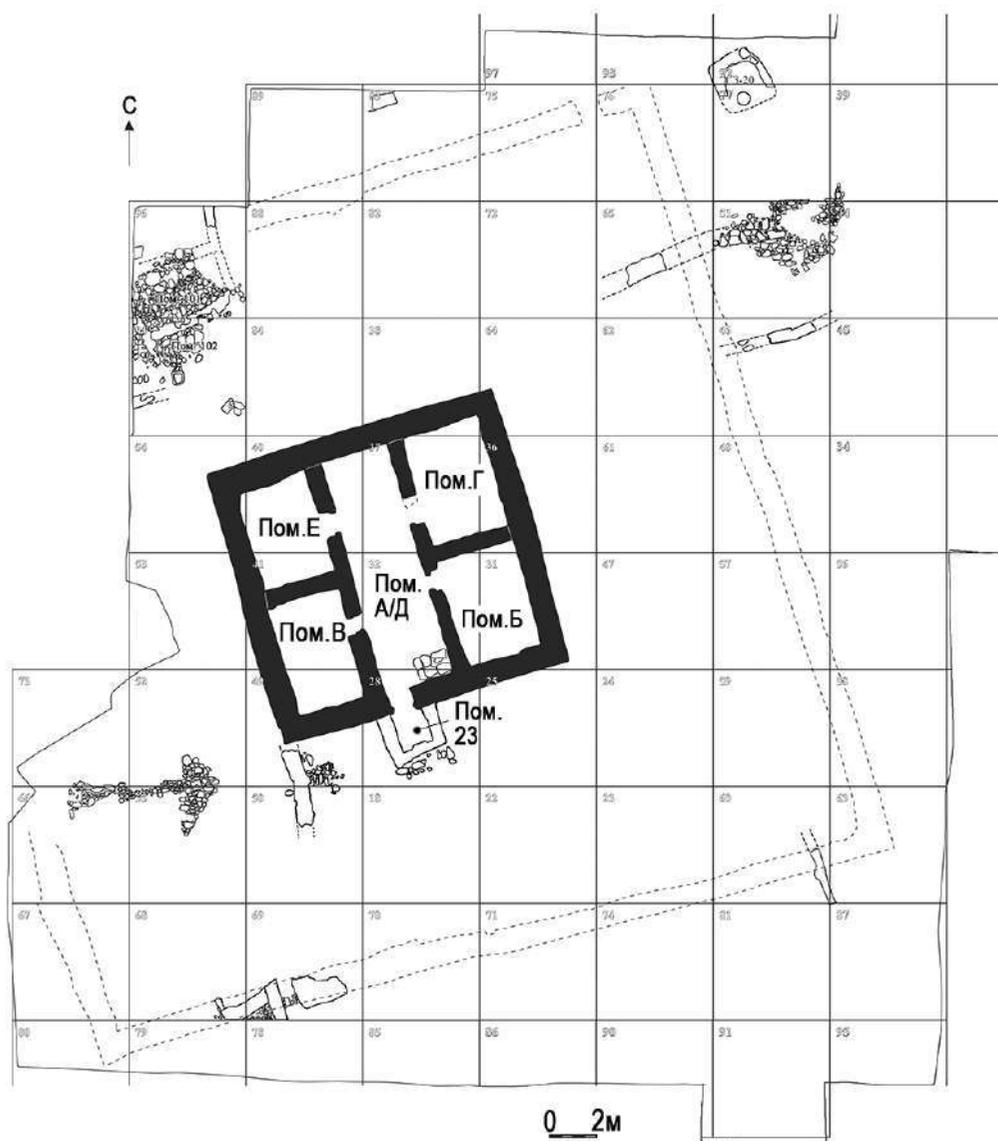

Рис. 1. Кара-Тобе. Строительные остатки периода III (16/23 – 63/66 гг. н. э.)

Площадь **Калос Лимена** (Уженцев, 2006, с. 162, рис. 26),⁴ очевидно, также сокращается: во всяком случае на территории «пригорода» не открыта ни одна постройка, которая бы датировалась второй четвертью I – началом II в. н. э. (Уженцев, 2006, с. 105). Деление остальной части поселения на «цитадель» и «городище» сохраняется.

Стены «цитадели» Калос Лимена, видимо, не претерпели существенных изменений. Северо-восточная угловая башня была окружена дополнительным, «пирами-

дальным» поясом. В 5 м к востоку от нее строится какое-то фортификационное сооружение, возможно, башня (Уженцев, 2006, с. 57, 58).

Внутренняя застройка «цитадели» значительно изменяется. Большую часть зданий разобрали, исключение составляет только участок у северной стены, где продолжают функционировать позднеэллинистические постройки. Новая застройка состояла минимум из трех кварталов неправильных конфигураций. Они были вытянуты с востока на запад и разделя-

⁴ Здесь и далее опубликованные ранее планы не приводятся, их заменяют ссылки на публикации.

лись криволинейными улочками шириной 1,2–1,8 м (Уженцев, 2006, с. 104).

Оборонительные стены «городища» также укрепляются дополнительными поясами. Стены ремонтируют, некоторые участки полностью перекладывают, при этом их первоначальная ориентация сохраняется (Уженцев, 2006, с. 57).

В целом планировка «городища», по мнению В. С. Уженцева, стала «значительно ближе к регулярной». Но в чем именно это выразилось, из описаний исследователя не вполне ясно. Дома блокируются в кварталы, ни один из которых пока не открыт полностью. Кварталы отделялись один от другого улицами и переулками, направление кото-

рых часто совпадало с сетью эллинистического времени. В центральной части «городища» выявлен небольшой незастроенный участок, занятый хозяйственными ямами. Застройки не было и по внешнему периметру цитадели (Уженцев, 2006, с. 104).

Кара-Тобе и Тарпанчи после похода Т. Плавтия Сильвана (63/66 гг. – начало II в. н. э.)

Строительные остатки этого времени на **Кара-Тобе** сохранились, в основном, в центральной части раскопа (рис. 2). Центральную башню понтийской крепости частично разбирают, а на ее площади появляются новые помещения (Внуков, 1994, с. 62, 65; 1999а, с. 210). Открыты, в част-

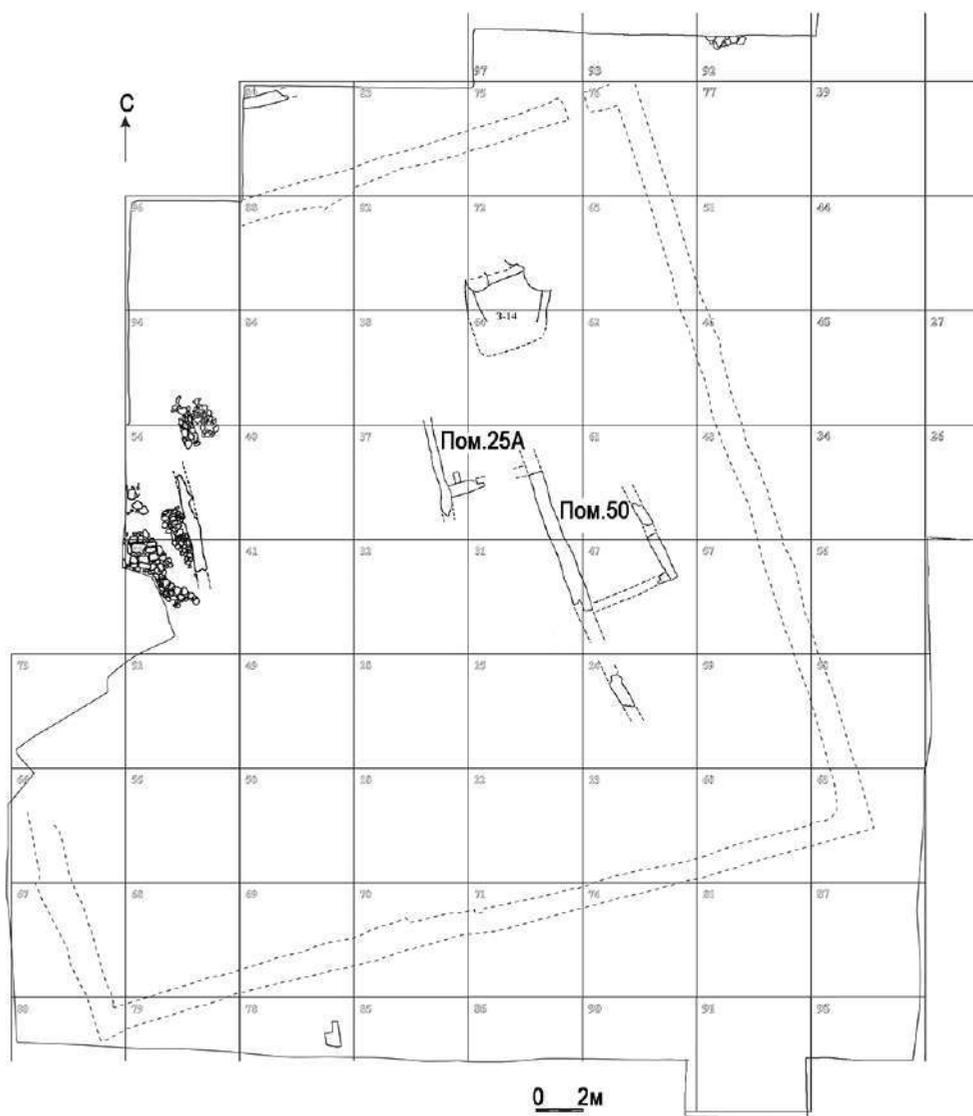

Рис. 2. Кара-Тобе. Строительные остатки периода IV (63/66 гг. – начало II в. н. э.)

ности, остатки двух помещений несколько вытянутых очертаний, расположенных рядом. Не исключено, что они представляют собой части одного многоквартирного дома, но утверждать это не позволяет их плохая сохранность. Прежняя ориентация кладок (СЗ3–ЮЮВ) сохраняется (Внуков, Лагутин, 1994, с. 16, 17; Внуков, 1999б, с. 17; 2005, с. 51, 52). Распространение находок позволяет предполагать, что центр поселения сместился севернее Центральной башни.

Очевидно, площадь поселения на Каратобе сокращается еще сильнее, чем прежде. Плотность застройки, скорее всего, была невысокой. Судя по всему, поселение не было укреплено.

Отсутствуют укрепления и у поселения **Тарпанчи** в последнем периоде его существования (Щеглов, 1978, с. 39; Смекалова, Кутайсов, 2017, с. 342; Антонов, 2018а, с. 58, 59). В юго-восточной части памятника открыт многоквартирный «дом с контрфорсами» (Щеглов, 1965, с. 144, рис. 50, I, 2; III), с севера к нему примыкает еще один, неисследованный дом (Щеглов, 1965, с. 145–147; 1978, с. 39, 83–85). Отдельные кладки открыты и в северо-западной части поселения, они перекрывают позднеэллинистическую башню (Щеглов, 1963, с. 60, 61). Что интересно, сохраняется прежняя ориентация стен: как и в эпоху позднего эллинизма, они построены по оси СЗ3–ЮЮВ (Щеглов, 1961, с. 3).

Сведения о последнем строительном ярусе **Калос Лимена** (Уженцев, 2006, с. 162, рис. 26) практически отсутствуют. В. С. Уженцев отмечает лишь, что планировка сохраняется прежней, а в «цитадели» забрасывают и уже не восстанавливают несколько домов (Уженцев, 2006, с. 33).

Судя по всему, после экспедиции Т. Плавтия Сильвана сокращается и количество домов на **Беляусе**. Во всяком случае, после разрушения жилые дома на поселе-

нии были «восстановлены» только «частично» (не все?) (Дашевская, Голенцов, 2004, с. 37).

Южно-Донузлавское поселение во второй четверти I – начале II в. н. э.

К указанному времени относятся остатки трех «зданий»⁵ периода V, которые открыты на раскопе I: Б, Е, Р.⁶ Из них только постройка Б открыта целиком: от «здания» Е сохранились лишь участки двух стен и печь (Дашевская, 1961, с. 20), у постройки Р открыта только северо-восточная часть (Дашевская, 1967, с. 10, 11). Все «здания» пятого периода были подвальными. Они углублены не менее, чем на 1–1,1 м, стены их выложены на одно лицо (Дашевская, 1960, с. 23; 1961, с. 20, 23; 1962, с. 18; 1967, с. 11). О количестве комнат судить можно только по постройке Б. Изначально она была однокамерной (Дашевская, 1960, с. 22, 23), затем ее разделила на две части перегородка (Дашевская, 1961, с. 19). Ориентация построек такая же, как и в предыдущие периоды — с СЗ3 на ЮВВ. «Здание» Б более крупное, чем помещения предшествующего времени, оно несколько вытянуто по основной оси. Большие размеры можно предполагать и для постройки Р.

«Здание» Е прорезало вал поселения. Сохранились только участки его западной и северной стен (Дашевская, 1961, с. 20), но, судя по их трассам, они не только прорезали вал, но и должны были перекрыть ров поселения. Следовательно, эти оборонительные сооружения уже не использовались. О том, существовал ли в рассматриваемое время «пригород», открытый в раскопе V, информации нет. По аналогии с другими поселениями можно предполагать, что и площадь Южно-Донузлавского сократилась.

Подведем итоги. Очевидно, что площадь поселений по сравнению с предыдущим периодом уменьшается. Эта тенден-

⁵ Термин автора раскопок О. Д. Дашевской.

⁶ Статья о планировке и периодизации позднескифского Южно-Донузлавского поселения готовится к печати, поэтому план здесь не приводится.

ция фиксируется уже для времени между походами Аспурга и Т. Плавтия Сильвана на материалах Калос Лимена и Кара-Тобе. На Кара-Тобе выявлено и дальнейшее сокращение площади — после экспедиции легата Мезии. По-видимому, уменьшается в размерах и Южно-Донузлавское поселение, однако его материалы не позволяют датировать это событие уже, чем временем между второй четвертью I и началом II в. н. э.

Уменьшается и плотность застройки. Это хорошо видно на примере Кара-Тобе — как в период 16/23 – 63/66 гг. н. э., так и в последующее время. Тенденция проявляется и в Калос Лимене после похода Т. Плавтия Сильвана. После него сокращается количество домов и на Беляусе, но, к сожалению, не вполне ясно, как это отразилось на облике поселения: уменьшилась его площадь или плотность застройки.

Характерны и изменения в оборонительных системах поселений. На протяжении всего периода второй четверти I – начала II в. н. э. они существуют только в Калос Лимене. На Кара-Тобе до 63 – 66 гг. н.э. из укреплений существует только башня, оставшаяся от понтийской крепости, впоследствии же поселение становится неукрепленным. После экспедиции мезийского легата не было укреплений и у Тарпанчи, но не исключено, что оборонительные сооружения поселения перестали использовать и раньше. Во второй четверти I – начале II в. н. э. неукрепленными были также Беляус и Южно-Донузлавское. Но если первое из этих поселений лишилось оборонительной системы еще в конце предыдущего периода, то узко датировать тот же процесс на Южно-Донузлавском пока невозможно. Тем не менее, общая тенденция очевидна — к началу II в. н. э. в Северо-Западном Крыму осталось только одно укрепленное поселение — Калос Лимен, остальные населенные пункты не были защищены.

Наиболее четко выраженная черта, которую застройка поселений второй четверти I – начала II в. н. э. унаследовала

от предыдущего периода, — ориентация кладок и построек по оси СЗЗ–ЮВВ. Но, строго говоря, такая ориентация — «наследство», доставшееся от греческой застройки эллинистического времени. Для Калос Лимена характерна также и блокировка домов в кварталы, но на других поселениях во второй четверти I – начале II в. н. э. они не выявлены (это может объясняться сокращением площади и плотности застройки).

Ядром застройки, видимо, остаются многокомнатные дома. Во всяком случае, это справедливо для Калос Лимена и Тарпанчи. О планировках домов Беляуса рассматриваемого времени информации недостаточно. Сохранность построек второй четверти I – начала II в. н. э. на Кара-Тобе и Южно-Донузлавском не позволяет уверенно говорить о количестве комнат. Тем не менее, именно помещения этих двух памятников демонстрируют отличия от более ранних. Они более крупные, вытянутые, а на Южно-Донузлавском полуподвальные. На Кара-Тобе эти изменения датируются временем после 63 – 66 гг. н. э., на Южно-Донузлавском не могут быть датированы уже, чем в пределах второй четверти I – начала II в. н. э. (что, впрочем, не исключает их синхронности).

Чем можно объяснить отмеченные тенденции? Сохранение ориентации построек может быть связано с использованием кладок, оставшихся от построек предыдущего периода. Многокомнатность домов может отражать схожее горизонтальное социальное устройство сообществ двух периодов. Примечательно, однако, что эта черта четко зафиксирована только в двух населенных пунктах.

Очевидно, что уменьшение площади застройки и ее плотности — это следствие сокращения населения региона. Кроме того, в планировках большинства поселений нет следов некой единой организующей воли, которая была заметна в предыдущее время. Вероятно, поселения восстанавливали после Аспургова разгрома стихийно,

без участия какой-либо власти. Этим же можно объяснить и отсутствие укреплений. Исключение, вероятно, составляет Калос Лимен, что, очевидно, связано с его особой ролью — он мог быть не только хорошей гаванью, но и региональным центром. Не исключено также, что в него переселилась часть жителей из разоренной округи. Сказанное может быть справедливо и для периода после второго разгрома, устроенного экспедицией Т. Плавтия Сильвана. В последующем восстановлении могли участвовать

и переселенцы из других регионов, чем можно объяснить перемены, отмеченные в домостроительстве Кара-Тобе и Южно-Донузлавского поселения. В этой связи интересно наблюдение С. Ю. Внукова об изменениях в обряде погребения младенцев. Если с середины I в. до н. э. их хоронят под полами помещений, то с последней четверти I в. н. э. — вне помещений, в амфорах (Попова, 2020, с. 206, 207). Такое совпадение вряд ли случайно, оно требует дополнительных наблюдений и исследований.

Литература

- Антонов Е. Е. Ранние поселения поздних скифов в Северо-Западном Крыму // ПИФК. 2017. Вып. 3. С. 99–123.
- Антонов Е. Е. О хронологии позднескифского поселения Тарпанчи в Северо-Западном Крыму // КСИА. 2018а. Вып. 253. С. 54–65.
- Антонов Е. Е. Синхронизация строительных периодов позднескифских поселений Северо-Западного Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2018б. Т. 4 (70). № 3. С. 3–15.
- Антонов Е. Е. События позднескифской истории Северо-Западного Крыма и их датировка по письменным источникам // Нураніс. Труды отдела классической археологии ИА РАН / Отв. ред. В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин. Вып. 1. М.: б. и., 2019. С. 33–42.
- Антонов Е. Е. О времени прекращения жизни на позднескифских поселениях Северо-Западного Крыма // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 185–195.
- Антонов Е. Е. Планировки поселений Северо-Западного Крыма во второй половине I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. // КСИА. 2021а. В печати.
- Антонов Е. Е. Планировки позднескифских поселений Северо-Западного Крыма: закономерности и аналогии // Нураніс. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Вып. 3. 2021б. В печати.
- Внуков С. Ю. Исследования Кара-Тобинского отряда Крымской экспедиции // Археологічні дослідження в Україні 1992 / Ред. Д. Н. Козак, В. І. Клочко, М. Ю. Відейко, Г. М. Тощев. Київ: б. и., 1993. С. 34–36.
- Внуков С. Ю. Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // Археологические исследования в Крыму. 1993 год / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: Таврия, 1994. С. 60–67.
- Внуков С. Ю. Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. // ПИФК. 1999а. Вып. VIII. С. 207–211.
- Внуков С. Ю. Отчет о раскопках городища Кара-Тобе в 1998 г. Ч. 1. Отчет о раскопках городища Кара-Тобе. Архив Музея краеведения и истории грязелечения г. Саки. 1999б. 67 с.
- Внуков С. Ю. Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2004 г. Архив ИА РАН. 2005. Ф. 1. Р-1. № 31882. 100 с.
- Внуков С. Ю., Лагутин А. Б. Отчет о раскопках городища Кара-Тобе у г. Саки в 1993 году. Архив Музея краеведения и истории грязелечения г. Саки. 1994. 35 с.

- Дашевская О. Д.* Отчет о работе Крымского отряда Скифской экспедиции Института археологии АН СССР и Одесского гос. археологического музея за 1960 год. Архив ИА РАН. 1960. Ф. 1. Р-1. № 2420.
- Дашевская О. Д.* Отчет о работе Крымского отряда Скифской экспедиции Института археологии Академии наук СССР и Одесского государственного археологического музея за 1961 г. Архив ИА РАН. 1961. Ф. 1. Р-1. № 2617.
- Дашевская О. Д.* Отчет о работе Крымского отряда Скифской экспедиции Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1962 г. Архив ИА РАН. 1962. Ф. 1. Р-1. № 2627.
- Дашевская О. Д.* Отчет о работе Крымского (Донузлавского) отряда Института археологии Академии наук СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1967 г. Архив ИА РАН. 1967. Ф. 1. Р-1. № 3617.
- Дашевская О. Д., Голенцов А. С.* К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма / Ред. Т. Е. Приднева. Симферополь: Центр музейных технологий и этно-культурного туризма, 2004. С. 26–41.
- Попова Е. А.* Детские погребения на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 201–212.
- Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А.* Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетейя, 2017. 448 с. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XVIII. Серия «Археологические атласы Северного Причерноморья». Том II).
- Уженцев В. Б.* Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.): Материалы по археологии Крыма. Симферополь: Сонат, 2006. 248 с.
- Щеглов А. Н.* Полевые работы Херсонесского музея в Северо-Западном Крыму в 1959–1960 гг. // Тезисы докладов на археологическом пленуме в г. Москве в 1961 г. Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». 1961. Ф. 1. № 765. С. 2–4.
- Щеглов А. Н.* Отчет о работах Тарханкутской экспедиции в 1962–1963 гг. Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». 1963. Ф. 1. № 840/1.
- Щеглов А. Н.* Тарханкутская экспедиция в 1962–1963 гг. // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 140–147.
- Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 159 с.

Позднесарматское погребение с имперской бронзовой посудой на Нижнем Дону

Ключевые слова: *Нижний Дон, позднесарматская культура, Танаис, римские импорты, пощенная керамика*

Резюме

В статье рассматривается курганное позднесарматское погребение, исследованное в 1975 г экспедицией Ростовского университета и хорошо известное в специальной литературе. На основе анализа полевой документации и работы с вещами дополняются и корректируются многие детали, не получившие освещения в предшествующих публикациях материалов комплекса. По мнению автора, погребение относится к кругу памятников позднесарматской социальной элиты и, скорее всего, может датироваться развитой — поздней частями II в. н. э. Рассматривается вопрос о возможных путях попадания в комплекс металлических вещей, изготовленных на территории Римской империи.

Для цитирования: Безуглов С. И. Позднесарматское погребение с имперской бронзовой посудой на Нижнем Дону // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С.18–60.

Sergei Bezuglov

A Late Sarmatian Grave with Imperial Bronze Vessels in the Lower Don Area

Keywords: *Lower Don Area, Late Sarmatian culture, Tanais, Roman imports, polished ceramic ware*

Abstract

This paper analyses a barrow grave from the Late Sarmatian culture excavated in 1975 by a team from the Rostov University and well-known to the scholarship. From the analysis of field documents and the first-hand study of the grave goods, there are reasons to amend and correct many details, which were not covered in previous publications of the materials from this assemblage. In the author's opinion, this grave belonged to a circle of the sites created by the Late Sarmatian social elite and, most likely, dated from the middle to the late second century AD. Possible ways by which the metalware manufactured in the Roman empire penetrated into the assemblage in question have been analysed.

В 1975 г. один из отрядов археологической лаборатории Ростовского государственного университета проводил раскопки курганов в зоне реконструкции Донской оросительной системы — крупного мелиоративного проекта, реализовавшегося в 70 – начале 80-х гг. XX в. Район, в кото-

ром производились работы, расположен в степном донском левобережье, в 220 км к востоку от Ростова-на-Дону (рис. 1, 1).

Среди курганов, исследованных в 1975 г., специальный интерес представляет насыпь, содержащая единственное, ограбленное в древности погребение,

принадлежащее к кругу памятников кочевнической позднесарматской культуры¹. Несмотря на высокую степень разрушения, погребальный комплекс сохранил значительное количество инвентаря, в том числе бронзовые сосуды, изготовленные на территории Римской империи.

Этот комплекс многократно упоминался и упоминается в литературе по самым различным поводам, преимущественно в связи с проблематикой римских импортов в южно-русском регионе. Первая, самая предварительная информация об этом погребении появилась в сборнике «Археологические открытия 1975 года». Оно было отнесено ко II – III вв. н. э.; здесь же был приведен краткий перечень инвентаря (Казакова и др., 1976, с. 123)².

Впоследствии комплекс из кургана 20 был неоднократно упомянут в иноязычной работе Б. А. Раева, посвященной обзору некоторых находок импортных римских вещей в нижнедонском регионе (Raev, 1986, p. 23, 27, 30, 31, 39, 54, 55). Здесь для комплекса была предложена довольно узкая дата — 1-я половина II в. н. э. (Raev, 1986, p. 55).

Наконец, в 1993 г. появилась публикация, специально посвященная этому комплексу (Раев, Науменко, 1993, с. 151–160). Основные выводы публикации 1993 г.:

1) инвентарь позволяет датировать погребение первой третью II в. н. э. (Раев, Науменко, 1993, с. 157);

2) «...в первые века н. э. сармато-аланские племена СВ Причерноморья имели контакты не только с Закавказьем и провинциями Малой Азии, но и с западными» (так! – СВ) (Раев, Науменко, 1993, с. 158).

Каким собственно образом «сармато-аланские племена СВ Причерноморья» осуществляли свои «контакты... с западными» провинциями Римской империи, здесь не поясняется. Помимо рисунков вещей, статья укомплектована таинственной схемой, комбинирующей несколько странных фигур, изобилующих изгибами и округлостями (Раев, Науменко, 1993, с. 187, рис. 5).

Некоторые обстоятельства (совершенно непригодная полиграфия малотиражного издания, низкое качество иллюстраций и сопровождающего их текста, множество неточностей и ошибок в описаниях и характеристиках материала) позволили мне вновь вернуться к этому интересному комплексу.

Его рассмотрение выполнено на основе анализа полевой документации (чертежей и фото), текста отчета, и непосредственной работы с вещами³. Перебелка плана погребения была заново произведена с оригинального полевого чертежа 1975 г. Основная цель предлагаемой работы — превращение часто цитируемого комплекса в **полноценный археологический источник**⁴.

Описание

Могильник Центральный IV входил в большую цепь курганных групп, расположенных на водораздельной возвышенности междуречья Дона и Сала, протянувшейся в целом с востока на запад. Исследованные в этом районе курганы содержали погребения самых различных эпох — от ранней бронзы до развитого средневековья. В северном направлении от этой возвышенности начинается плавное длительное понижение в сторону поймы Дона, к югу от нее — понижение к изрезанному

¹ Рассматриваемая насыпь входила в так называемую группу IV, расположенную к востоку от пос. Центральный Мартыновского района Ростовской обл., и имела полевой № 20.

² Отчет о раскопках кургана 20 группы Центральный IV вошел в итоговый отчет о раскопках 1975 г. в зоне строительства Донской оросительной системы, подписанный В. П. Копыловым. В поле исследованиями кургана реально занималась С. А. Науменко. Пользуюсь случаем выразить ей глубокую благодарность за сообщенные дополнительные данные о раскопках; именно ее тонкие наблюдения за деталями позволили понять некоторые моменты, связанные с комплексом, даже много лет спустя.

³ До преобразования Ростовского государственного университета в Южный федеральный (2006 г.) вещи из кургана 20 хранились в Учебном музее Исторического факультета РГУ.

⁴ Рисунки вещей к статье выполнены А. И. Мищенко.

Рис. 1. 1 — курганный могильник Центральный IV на карте Ростовской области;
2 — местоположение кургана 20 могильника Центральный IV. Космическая съемка

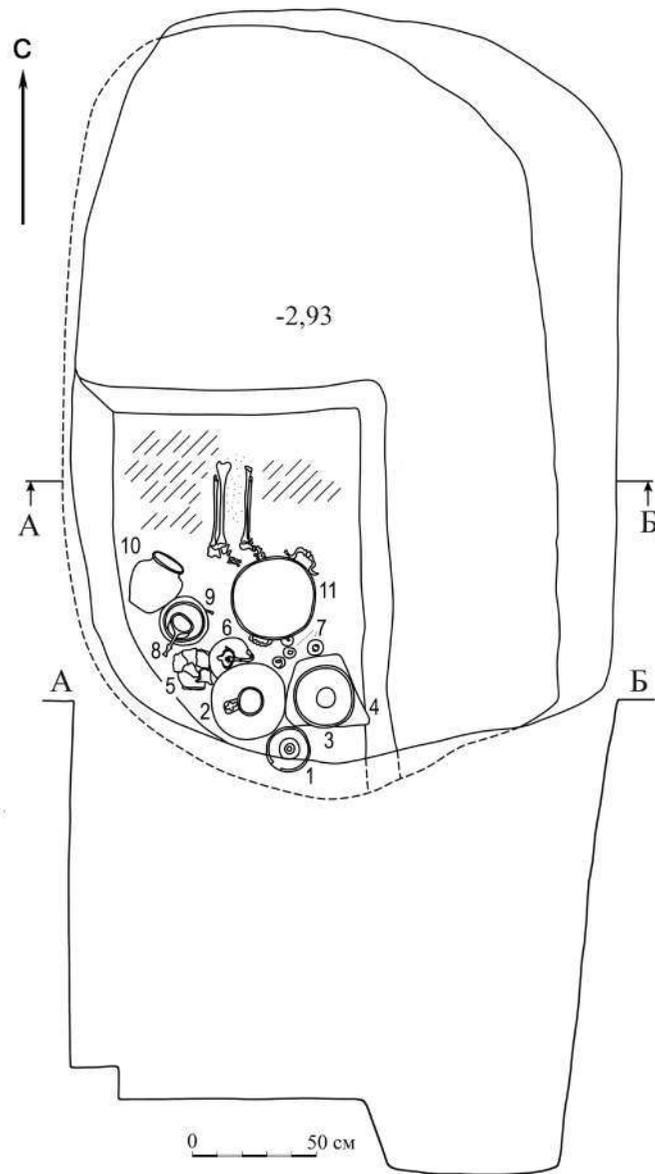

Рис. 2. Центральный IV, курган 20, погребение 1. План и разрез: 1 — ковш; 2 — лощеный кувшин; 3 — лощеная миска; 4 — меловая плита; 5 — лепной горшок; 6 — кованый кувшин; 7 — колокольчики; 8 — ситечко; 9 — котелок; 10 — гончарный горшок; 11 — таз (1, 6–9, 11 — бронза; 2, 3, 5, 10 — глина)

многочисленными балками и оврагами высокому коренному берегу р. Сал, русло которой в этом районе отличается большим количеством изгибов и излучин (рис. 1, 2).

Интересующий нас курган 20 располагался в 5,9 км к востоку от северо-восточной оконечности небольшого поселка Центральный Мартыновского района Ростовской обл., в непосредственной близости (к северу) от полотна железной дороги, подходящей

к поселку с востока. К моменту раскопок он представлял собой распаханную возвышенность высотой 0,65 м и размерами 26 x 28 м, слегка вытянутую по линии З–В. Насыпь кургана была возведена в один прием над единственным погребением, располагавшимся в центральной ее части.

Погребение 1 (рис. 2). Глубина 2,93 м от вершины кургана. Вокруг ямы на уровне древнего горизонта зафиксирован выкид:

к северу, западу и югу это материковая глина (ширина 0,5 м в южной части, 0,8 — в северной и западной), к востоку — песок (ширина — 1,7 м).

В состоянии на момент раскопок яма в плане имела неправильные четырехугольные очертания с округленными углами и стенками и была ориентирована по линии С–Ю. Размеры ямы на материке — 3,07 х 2,21 м. Погребальное сооружение в большей своей части разрушено при ограблении могилы. Нетронутой осталась лишь юго-западная часть погребения шириной в 1 м; она находилась выше уровня грабительского прокопа на 0,28 м. В заполнении северо-восточной части ямы, в пределах грабительского перекопа на глубине 2,59 м обнаружены разрозненные кости человека — фрагменты черепа, бедренные, тазовые, кости рук, ребра, позвонки.

В юго-западной, сохранившейся части ямы *in situ* обнаружены кости ног человека ниже коленных суставов (берцовые и кости стоп). Судя по их положению, погребенный был уложен вытянуто, на спине, головой на север. Под костями прослежен органический тлен («кора» в тексте отчета) и мел, «между костями ног зафиксированы остатки золы» (Копылов, 1976, с. 15).

Инвентарь погребения:

- К юго-западу от голеностопного сустава правой ноги погребенного на боку, устьем к СВ лежал горшок, изготовленный на гончарном круге (рис. 2, 10; 5, 1; табл. 2, 1).

- К юго-востоку от костей стоп стоял бронзовый таз на кольцевидном поддоне с двумя литыми ручками (рис. 2, 11; 7; табл. 5).

- К юго-востоку от горшка, вплотную к нему стоял острореберный котелок из тонкого бронзового листа (рис. 2, 9; 10, 1; табл. 10).

- В котелке находилась бронзовая цедилка (ситечко) с веслообразной ручкой (рис. 2, 8; 10, 2; табл. 11).

- Между котелком и тазом, со смещением к югу стоял кувшин, кованный из тонкого бронзового листа и снабженный массивной литой ручкой (рис. 2, 6; 8; табл. 6; 7).

- К западу от бронзового кувшина лежал раздавленный грунтом лепной горшок (рис. 2, 5; 6, 1; табл. 3).

- К югу от бронзового таза обнаружено скопление из четырех бронзовых колокольчиков — одного удлинённого массивного (рис. 2, 7; 11, 1; табл. 12, 1) и трех однотипных тонкостенных (рис. 2, 7; 11, 2–4; табл. 12, 2–4).

- К югу от бронзового кувшина, вплотную к нему стоял крупный сероглиняный серолощенный гончарный кувшин с зооморфным налепом на верхней части ручки (рис. 2, 2; 4; табл. 1).

- К востоку от глиняного кувшина лежала меловая плита треугольных очертаний, на которой стояла гончарная сероглиняная серолощенная миска с желобчатым бортиком (рис. 2, 3; 5, 2; табл. 2, 2).

- В южной части скопления вещей стоял бронзовый ковш с орнаментированными плечиками. Рукоять ковша с прилегающей частью венчика выломана в древности (рис. 2, 1; 6, 2; табл. 4).

Анализ

1. Погребальное сооружение. В отчете о раскопках погребальное сооружение в кургане 20 определено как ориентированная по линии С–Ю прямоугольная яма, в западной части которой было сооружено некое «ложе», поднятое выше дна ямы на 0,28 м. На нетронутом остатке этого «ложа» располагались инвентарь и часть останков погребенного (Копылов, 1976, с. 14, 15). Это же определение впоследствии перешло и в текст публикации (Раев, Науменко, 1993, с. 151).

Погребальные сооружения подобного рода в сарматских древностях донского бассейна мне неизвестны. Это обстоятельство послужило поводом к тщательному изучению текста отчета, чертежей и сохранившихся полевых фото. На мой взгляд, следует обратить внимание на несколько моментов:

1а. Характер распределения материкового выкида на уровне древнего горизонта,

подробно зафиксированный в тексте отчета (см. выше, в описании). Материковый песок, поднятый из ямы с наибольшей глубины, составлял самую значительную по объему и занимаемой площади часть выкида, залегающую у восточного продольного края ямы. Такая ситуация могла сложиться в единственно возможном случае — сначала яма была углублена в материковую глину, равномерно разлегшуюся по ее периметру, а затем с **глубины**, из ее **западной части** был извлечен песок, выброшенный к востоку от могилы.

1б. На чертеже погребения отчетливо видно, что, несмотря на степень разрушения погребальной конструкции, восточная и северо-восточная стенки ямы имеют явно выраженный наклон ко дну, а западная и юго-западная — слегка подбиты (наклонены под отрицательным углом). Это дает основания предполагать изначальное наличие в западной части могилы **погребальной камеры**.

1в. Сохранившиеся полевые фото зафиксировали деталь, не получившую отражения на чертеже погребения. Южная стенка ямы в средней части имеет хорошо выраженный в северном направлении **выступ**, разделяющий здесь яму на две части — **западную**, с явно обозначенной нишей с юга и юго-запада, и **восточную** (рис. 3, 1, 2 — выступ указан красными стрелками).

Приведенные факты позволяют предложить наиболее вероятный вариант реконструкции изначальной формы погребального сооружения. По всей видимости, это была **обширная подбойная могила**, ориентированная по линии С–Ю, с камерой, вырытой в продольной западной стенке. При сооружении входной ямы и углублении ее в материковую глину последняя довольно равномерно легла по всему периметру. Вынутый же с максимальной глубины при ее сооружении материковый песок в значительной части остался на восточном краю ямы (камера была оставлена полой)

и впоследствии был перекрыт насыпью кургана. Грабительская мина полностью разрушила северную и восточную части могилы, а истинное ее дно было прокопано. Обвал свода камеры в южной ее части сделал эту зону могилы незаметной для грабителей. Так возникло «ложе», реально представлявшее собой нетронутую часть погребальной камеры. Данные о погребальном сооружении в сочетании с северной ориентировкой погребенного в полной мере соответствуют степной позднесарматской погребальной обрядности.

2. Инвентарь погребения состоит из двух групп вещей: это керамические сосуды (4 единицы) и бронзовые изделия — сосуды (4), ситечко (1) и колокольчики (4).

2. 1. Керамика

2. 1а. Большой (46,5 см) лощеный кувшин из погребения (рис. 4; табл. 1) — выразительный образец продукции нижнедонского гончарства. Об этом свидетельствуют состав и фактура керамического теста и характер обработки внешней поверхности. Отметим, что горло кувшина под венчиком и у основания покрыто залощенными горизонтальными желобками (по 4 вверху и внизу), а остальная его поверхность оставлена без лощения. Зато все тулово от плечиков и даже дно сосуда покрыты ровным лощением хорошего качества.

Среди находок на памятниках круга нижнедонских городищ типа Кобякова–Гниловской известны и прямые аналогии кувшину из Центрального. Очень близок ему сосуд (высотой 47 см), обнаруженный в 2007 г. в яме 3 по ул. Октябрьской 11 в Азове (Крепостное городище — Горбенко, Косяненко, 2011, с. 495, 496, рис. 197, 2). Горло азовского кувшина, как и в нашем случае, кроме двух горизонтальных полос, осталось nelloщенным (Горбенко, Косяненко, 2011, с. 495). Этот технологический прием оживляет вид верхней части сосуда и даже может восприниматься как декоративный.

Налепы в верхней части ручки кувшина в публикации 1993 г. были определены

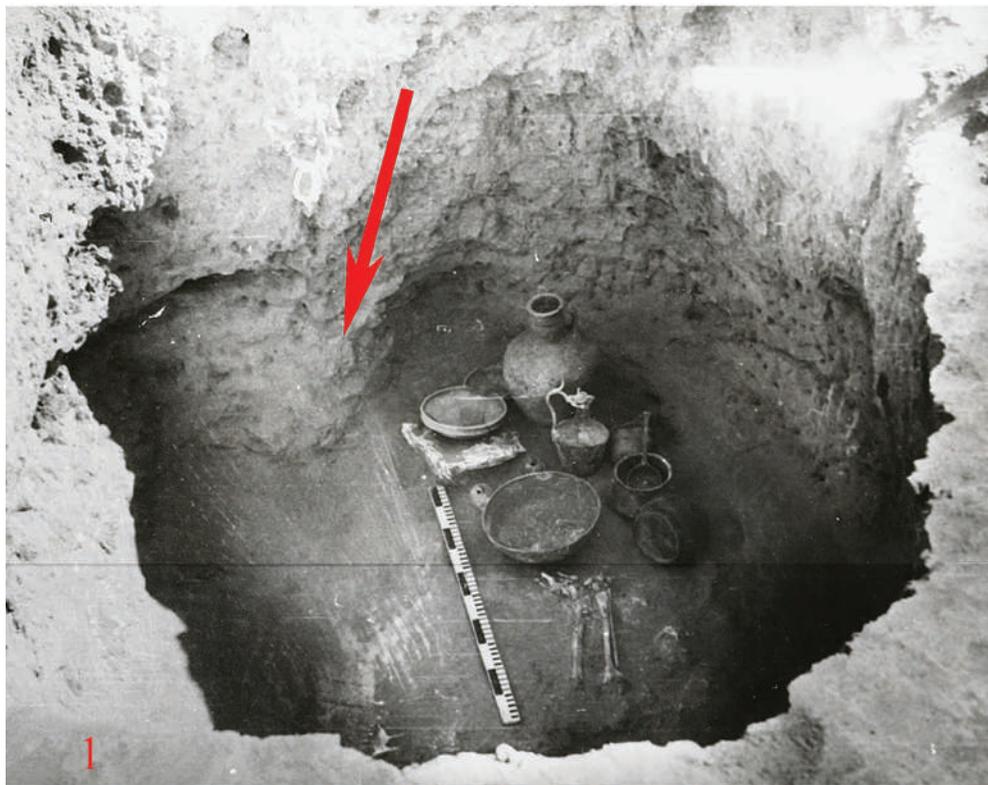

Рис. 3. Центральный IV, курган 20, погребение 1: 1 — общий вид с ССЗ (фото 1975 г.);
2 — деталь, вид с ССЗ (фото 1975 г.)

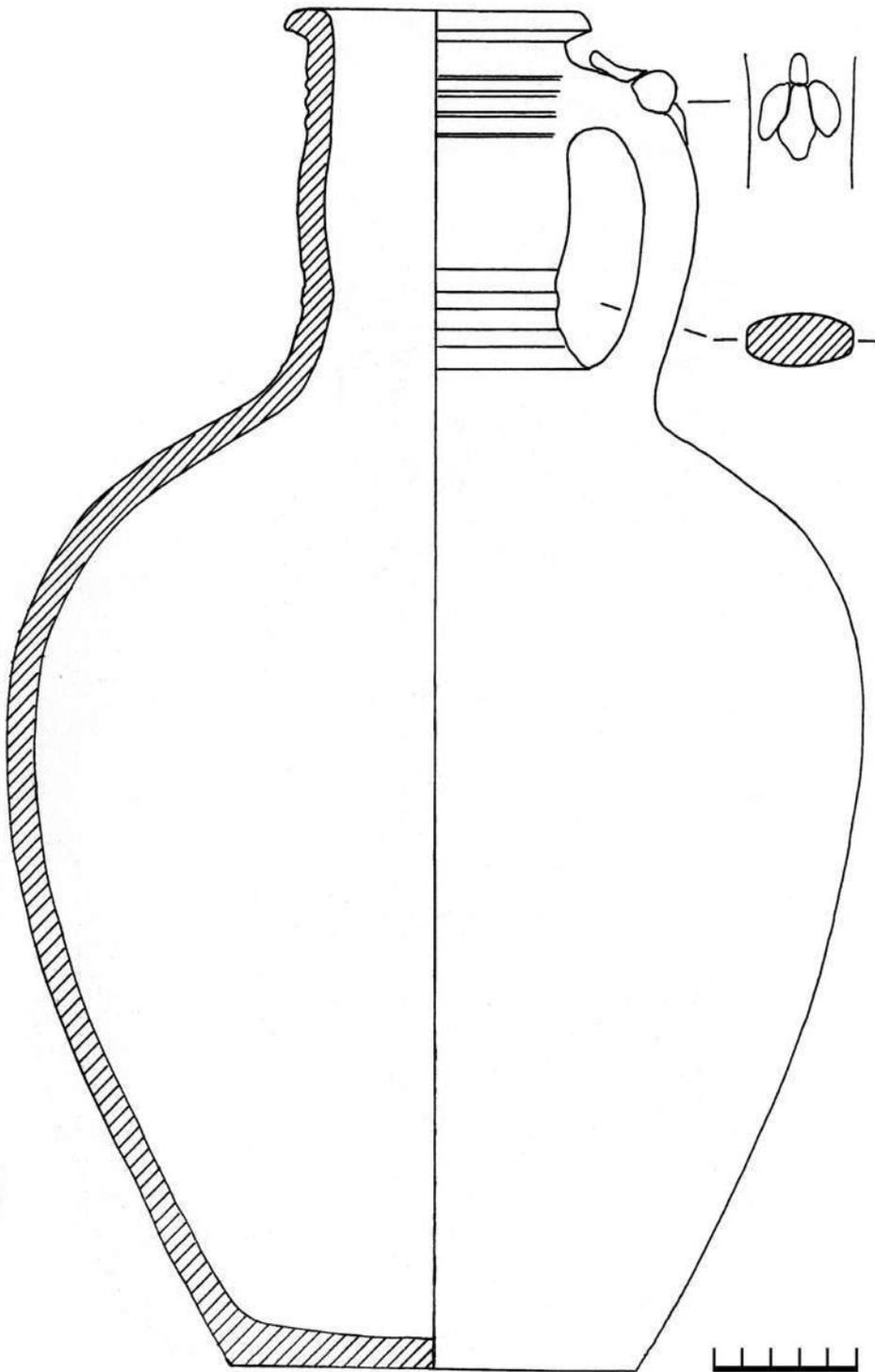

Рис. 4. Центральный IV, курган 20, погребение 1. Серолощенный кувшин

как имитация металлического шарнирного соединения (Раев, Науменко, 1993, с. 152, 153). На самом деле, это хорошо известное, многократно тиражированное изображение головки животного, тогда как сама ручка изображает изогнутое тело. Налепы этой схемы, образующие в плане крестообразную фигуру (табл. 1, а), хорошо известны на ручках кувшинов нижнедонского производства (**Кобяково**: Косяненко, 2008, с. 519, рис. 138, 6 (случайная находка); Ларенок, 2013, с. 415, табл. 130, 13 (погр. 290/2000); с. 421, табл. 138, 10 (погр. 323/2000); Ларенок, 2016, с. 273, табл. 54, 16 (раскоп И, погр. 80/2002); с. 301, табл. 81, 12; с. 309, табл. 91, 4; **Крепостное**: Горбенко, Косяненко, 2011, с. 257, 258, рис. 57, 2 (погр. 19 (Л)1984)). Таким же образом оформлены ручки и на лощеных кувшинах из неопубликованных раскопок, проведенных В. К. Гугуевым на Нижне-Гниловского некрополе в 1990 – 1991 гг.

Известны они и на кувшинах, найденных на Средней Кубани (могильник Старокорсунского 2 городища, подбойное погр. 284з — Лимберис, Марченко, 2011, с. 191, рис. 4, 12). Иногда эта схема налепа модифицирована — он удлинен и смещен по ручке таким образом (Косяненко, 2008, с. 513, 514, рис. 135, 3 (погр. 19/1962); Горбенко, Косяненко, 2011, с. 370–373, рис. 119, 1 (погр. 3 (Д) 2003), что заподозрить здесь копирование в глине металлических деталей совсем уж затруднительно...

Кувшин с таким же налипком на ручке был найден во входной яме богатого позднесарматского женского погребения в кургане 18 группы Высочино V на Доно-Кагальницком водоразделе близ Азова. Любопытно отметить, что и у этого экземпляра поверхность покрыта лощением, кроме центральной части горла (Беспалый, 2000, с. 156, 157, рис. 5, 1).

Важно отметить наличие большого кувшина, близкого найденному в Центральном (с таким же налипком на ручке), в позднесарматском кургане 9 у с. Шевченко в Приазо-

вье (Шепко, 1987, с. 186, рис. 7, 12). Серия раскопанных там курганных погребений без сомнений принадлежит нижнедонскому культурному кругу, и, по мнению автора публикации, относится ко второй половине II – началу III вв. (Шепко, 1987, с. 172). Специально упомяну совсем уж удаленную территориально параллель зооморфному оформлению ручки кувшина из Центрального — это верхняя часть двуручного сероглиняного кувшина (налепы на обеих ручках!) из кургана 32 могильника Алкалия, располагавшегося у с. Широкое к юго-западу от Одессы (Субботин, Дзиговский, 1990, с. 10, рис. 10, 5). Возможно, этот сосуд происходит с Нижнего Дона.

Особо отмечу характерную деталь морфологии экземпляра из Центрального — слегка намеченную пухлогорлость. По многолетним наблюдениям В. К. Гугуева, кувшины с обозначенной пухлогорлостью представляют собой достаточно позднее явление в нижнедонском гончарстве. Он специально отмечал сопряженность «пухлогорлых» сероглиняных кувшинов с кругом общепризнанных хронологических указателей позднего II – раннего III вв. н. э. (Гугуев, 2018, с. 60). Новые находки подтверждают справедливость такого определения (Абоян, Ларенок, 2013, с. 81, 82, рис. 5, 10).

Это обстоятельство позволяет считать серолощенный кувшин из Центрального важным хронологическим ориентиром в определении времени совершения погребения и сооружения рассматриваемого кургана.

2. 16. Обнаруженная в погребении лощеная миска (рис. 5, 2; табл. 2, 2), как и кувшин, сделана на Нижнем Дону. Ее поверхность серого цвета, с обширными темными, местами почти черными пятнами. Керамическое тесто серо-коричневое, местами с довольно крупными известковыми включениями. Бортик вертикальный, с четким ребром при переходе в слегка выпуклые стенки. Над ребром при формовке на круге выделен один желобок, так что формально эта миска может быть отнесена

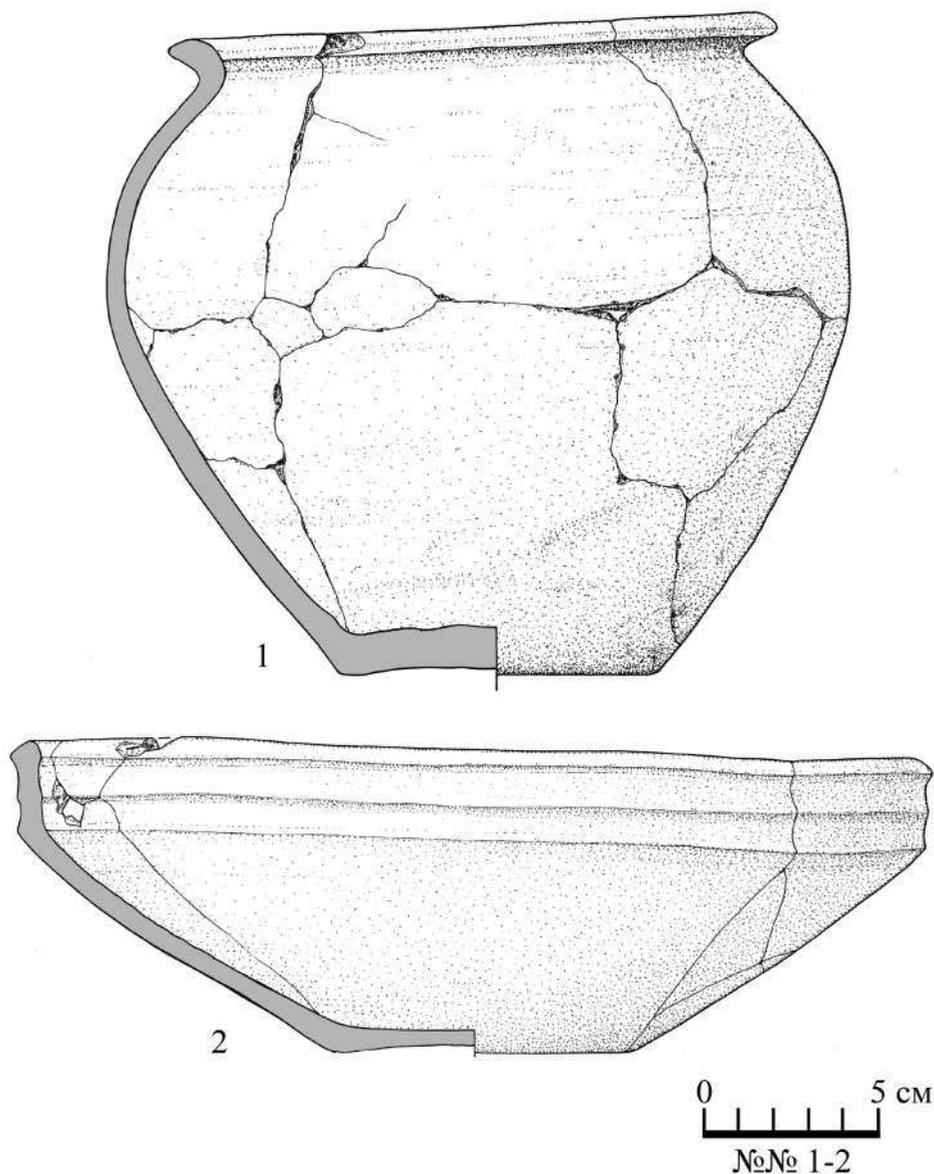

Рис. 5. Керамика из погребения: 1 — гончарный горшок; 2 — лощеная миска

к типу с желобчатым (или профилированным) бортиком (высота — 9,1 см, диаметр по краю — 26,3, дна — 8,8 см). Близкие экземпляры неоднократно встречены в погребениях Кобяковского некрополя (Косяненко, 2008, с. 286, рис. 5, 2 (погр. 7/1957 г.); с. 293–295, рис. 28, 3 (погр. 18/1957 г. — в сочетании с узкогорлой светлоглиняной амфорой типа В); Ларенок, 2013, с. 204, 205,

табл. 130, 12 (погр. 290/2000 — в комплексе с профилированными фибулами с пластинчатой ромбической спинкой и продольным ребром на ней)⁵; Ларенок, 2016, с. 210, 211, табл. 57, 12 (р-Н 2002 г., погр. 83 — с лучковой подвижной фибулой варианта Амброз 15–I–5); с. 107, 108, табл. 74, 2 (погр. КНТ-15, с профилированными фибулами с пластинчатой спинкой).

⁵ Сопоставить текст описания В. А. Ларенок и таблицу иллюстраций сложно — там присутствует какая-то путаница. В тексте упомянута не прорисованная в таблице железная фибула (Ларенок 2013, с. 204, позиция 3), но зато ничего не сказано о попавшей в таблицу, посвященную комплексу, бронзовой фибуле (Ларенок, 2013, табл. 130, 9). А это важный хронологический ориентир.

Гончарные лощеные миски с желобчатым бортиком (местного, нижнедонского производства) часто встречаются в могилах некрополей типа Кобякова–Гниловской. Но они попадали и в курганные кочевнические погребения позднесарматского облика, порой весьма удаленные от нижнедонского очага оседлости (см., например, Ясырѳв I, к. 6, п. 20 — в сочетании со светлоглиняной узкогорлой амфорой типа С — Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974, с. 42, табл. XIV, 2). Миска из Центрального изготовлена довольно небрежно и сочетает признаки экземпляров с профилированным (желобчатым) краем и остросереберных с вертикальным бортиком.

2. 1в. Гончарный горшок из погребения (рис. 5, 1; табл. 2, 1) — темно-серого, местами почти черного цвета, с коричневатыми пятнами. Поверхность шероховатая, с хорошо различимой обильной примесью кварцевого песка и дробленых минеральных частиц черного и белесого цветов. Высота 19,2 см, диаметр устья — 16,2 см, тулова — 20 см, дна — 9,1 см.

В публикациях 1986 и 1993 г. на разных языках о нем сказано одно и то же: таких сосудов «ни в Танаисе, ни в поселениях его округи нет. Единственный известный нам экземпляр⁶ найден в погр. III века н. э. у ст. Воронежской на Кубани» (Раев, 1986, с. 55; Раев, Науменко, 1993, с. 154).

Это утверждение не соответствует действительности. На самом деле, атрибуция рассматриваемого сосуда из Центрального не составляет проблемы. Это типичный образец кухонной посуды так называемого «зилгинского» или «терско-сунженского» гончарства (см., например, Габуев, Малашев, 2009, с. 121, 122; Малашев, 2016, с. 42, рис. 65, 8 и др.). Количество находок таких горшков на памятниках Центрального Предкавказья огромно: наряду с мисками с загнутым внутрь бортиком они

составляют там одну из наиболее массовых категорий керамического комплекса раннеаланской культуры (Аржанцева, Деопик, 1989, с. 86–90). Горшки различаются пропорциями и размерами (от почти миниатюрных до очень крупных, «пифоидных»), но всегда настолько специфичны по форме, фактуре и облику керамического теста, что легко узнаваемы даже по фрагментам.

В пределах Подонья они встречены в Танаисе, в подвалах времени пожара середины III в. н. э., как правило, вместе с другими формами керамики, импортированной из Центрального Предкавказья (см., например, Гугуев, Ильяшенко, Казакова, 2007, с. 439, 440), в некрополях нижнедонских городищ (Кобяково, погр. 6/1957 г. — Косяненко, 2008, с. 283, рис. 24, 15), а также и в поселенческом контексте (Крепостное городище в Азове — Масловский, Косяненко, 2011, с. 373, рис. 2, 1–7; с. 381, рис. 6, 1–10). Кавказские гончарные горшки встречаются и в кочевнических позднесарматских погребениях Калмыкии и Волго-Донского междуречья

В степных комплексах донского бассейна они нередко сочетаются с образцами продукции нижнедонского гончарства, как и в рассматриваемом нами кургане могильника Центральный IV (см., например, Ильяшков, 2000, с. 111, рис. 24, 1 и 8).

Феномен мощного присутствия керамического импорта из Центрального Предкавказья (включая тяжелые громоздкие тарные формы — двуручные сосуды, крупные горшки) в пределах нижнедонского очага оседлости и в прилегающей степи уже во II — первой половине III вв. н. э. получил отражение в литературе (Гугуев, Гугуев, 1989, с. 72–75; Гугуев, 1994, с. 121–124, Масловский, Косяненко, 2011, с. 371–390; Гугуев, Малашев, Рылов, 2017, с. 52, 53; Косяненко, 2019, с. 130–135⁷).

⁶ По всей видимости, похожий? — С. Б.

⁷ Керамические фрагменты, приведенные в цитируемой работе В. М. Косяненко, на мой взгляд, могут относиться и к более позднему времени — III – IV вв. н. э. Осложняет ситуацию отсутствие убедительного археологического контекста и оснований к датировке азовских находок.

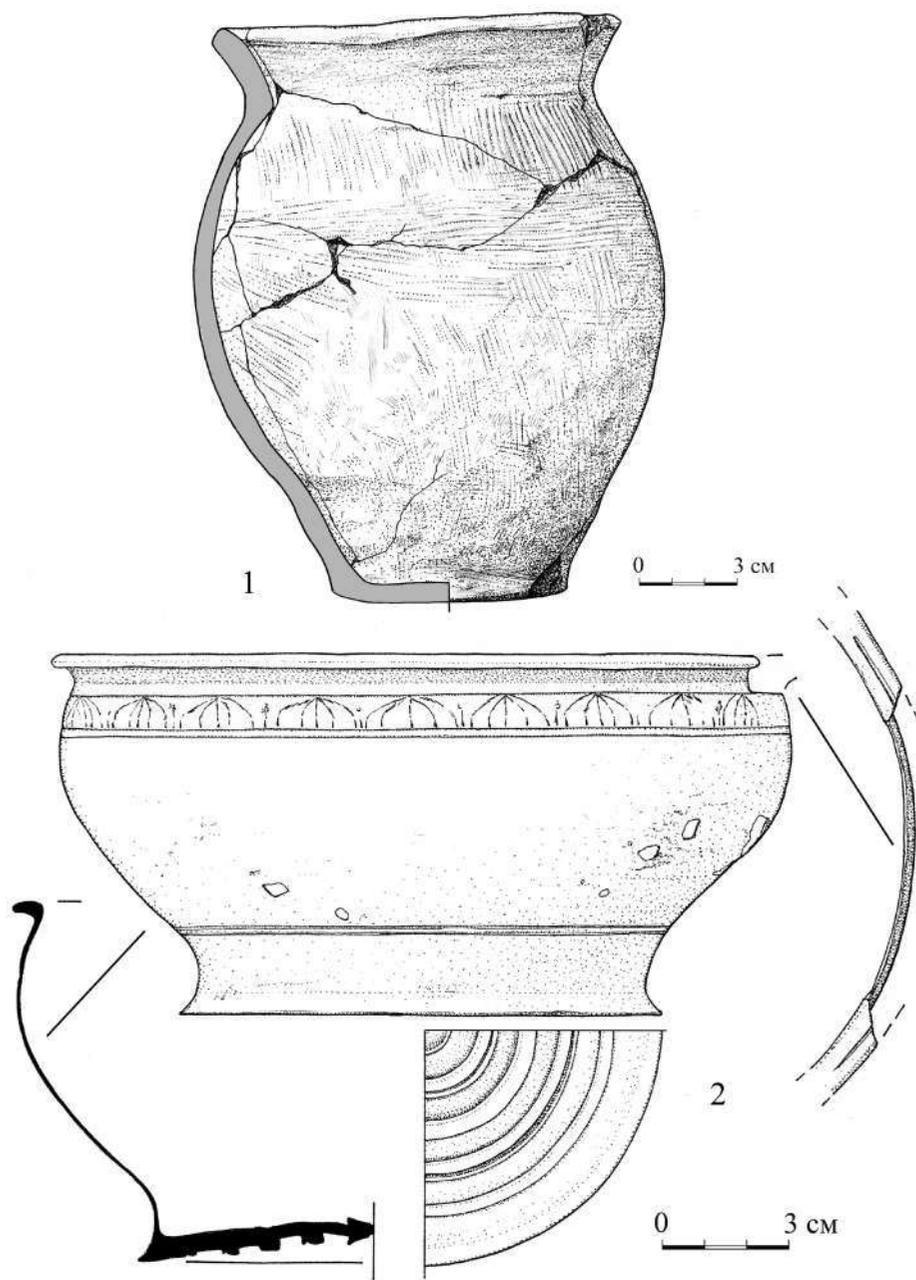

Рис. 6. Центральный IV, курган 20, погребение 1. Инвентарь:
1 — лепной горшок; 2 — бронзовый ковш

Что же касается довольно странного комплекса из станицы Воронежской⁸, то я не видел горшка из этого погребения в оригинале, и знаю его лишь по слабому фото в публикации Н. В. Анфимова 1952 г. Но не исключено, что и он может принадлежать тому же «зилгинскому» кругу керамики

из Центрального Предкавказья.

2. 1г. Лепной горшок из погребения — с широким раструбным устьем, покатыми плечиками и удлиненным туловом с максимальным расширением в средней части. Стенки слегка прогнуты у неустойчивого дна (рис. 6, 1; табл. 3). Поверхность

⁸ Выразительные в хронологическом отношении вещи комплекса — витая золотая гривна, миниатюрная фрагментированная фибула и узкогорлая светлоглиняная амфора — позволяют считать его наиболее вероятной датой развитой-поздний III в. н. э. Н. В. Анфимов датировал это погребение концом III — началом IV вв. н. э. (Анфимов, 1987, с. 222, рис на с. 224 и 225).

пятнистая, от темно-серого, почти черного, до коричневого, даже с оранжевым оттенком. Поверхность небрежно заглажена и покрыта обильными вертикальными и наклонными рисками. Размеры горшка, в полном соответствии с данными публикации 1993 г., — высота 18 см, диаметр устья 12,4 см. Ни по форме, ни по способу обработки поверхности и облику керамического теста он не обладает должной спецификой и сказать о нем что-либо дополнительно я не могу.

2. 2. Бронзовые вещи

2. 2а. Ковш (рис. 6, 2; табл. 4). В погребении попал в поврежденном виде — рукоять ковша выломана вместе с частью края. Основание рукояти по краю было украшено врезными желобками, от которых сохранились лишь небольшие отрезки (табл. 4, б). Край отогнут, плечико выделено едва намеченным уступом сверху и узким горизонтальным валиком снизу; по плечу нанесена полоса врезного орнамента, который принято описывать как сильно стилизованный лесбийский киматий. Дно слегка вогнуто, резко профилировано рельефными концентрическими окружностями (табл. 4, в). С внешней стороны придонная часть выделена четырьмя тонкими врезными линиями. Высота ковша 8,5 см, диаметр края — 18 см, дна — 11,4 см.

В публикациях 1986 и 1993 г. ковш определен как принадлежащий типу Эггерс-144 (Gödåker) (Raev, 1986, с. 29, 30, 54, 55; Раев, Науменко, 1993, с. 155). Р. Петровский разделил свой тип V,5 (=Эггерс-144) на 3 варианта. Экземпляр из Центрального по признакам формы и орнамента относится к его группе С с датой ок. 60/70 – 100/120 гг. н. э. (Petrovsky, 1993, с. 79, 80). М. Ю. Трейстер

отметил 3 находки таких ковшей в погребениях сарматского круга; все они так или иначе тяготеют к донскому бассейну (Кобяково, курган 1/1983 г. (Гугуев, 2018, с. 59, 60, рис. 3, 1), Центральный IV, 20/1; Чугунно-Крепинка⁹, 2/1— Трейстер, 2020б, с. 32). К западу от Дона такой ковш был найден в кургане 3 в Старых Куконештах в Молдавии (Гросу, 1990, с. 51, с. 189, рис. 19, В, 8)¹⁰. Хронологическая позиция комплексов, содержащих ковши этого типа, растянута от середины I до середины III вв. н. э. (Трейстер, 2020б, с. 36), что не позволяет рассматривать ковш из Центрального в качестве надежного хронологического указателя. Ныне преобладает мнение о том, что центром производства ковшей этого типа могла быть Галлия (Трейстер, 2020б, с. 36).

2. 2б. Таз из кургана 20 (рис. 7; табл. 5) — типичный образец типа Эггерс-100 по основным критериям — «с огрубленными контурами и высокой ножкой (=поддоном по-русски — С. Б.)» (Eggers, 1951, S. 169). Никаких дополнительных декоративных элементов — строгая полусферическая чаша с 2 концентрическими бороздками на дне изнутри, стандартные литые ручки с атташами в виде так называемых «змеиных головок» (рис. 7, а; табл. 5, а–б).

В публикации 1993 г. приведены заведомо неверные размеры таза из Центрального — «диаметр таза — 44,4 см, высота 13,5 см» (Раев, Науменко, 1993, с. 152)¹¹. Эта размерная характеристика впоследствии воспроизведена и в работе М. Ю. Трейстера (Трейстер, 2020а, с. 19). На самом деле диаметр таза по внешнему краю составляет 34,5 см; за счет нынешнего состояния поддона (см. ниже) его высота колеблется

⁹ Тиражируемое в литературе написание с одним «н» («Чугуно-») — «украинизм». В русскоязычной картографии применяется транскрипция, указанная в тексте. М. Ю. Трейстер почему-то поместил этот пункт в «междуречье Дона и Северского Донца» (Трейстер, 2020б, с. 32).

¹⁰ В работе А. В. Симоненко о римских импортах у сарматов Северного Причерноморья упомянут ковш типа Эггерс-144 в составе инвентаря известного погребения 4 в кургане 4 у с. Олонешты (Оланешты) на Днестре (Симоненко, 2013, с. 77). Но в этом комплексе, согласно публикациям А. И. Мелюковой (1962) и С. Курчатова и В. Бубулича (2003) вообще не было никакого ковша...

¹¹ К сожалению, эти размерные данные попали уже в текст отчета о раскопках (Копылов, 1976, с. 16), откуда, по всей видимости, они и заимствованы.

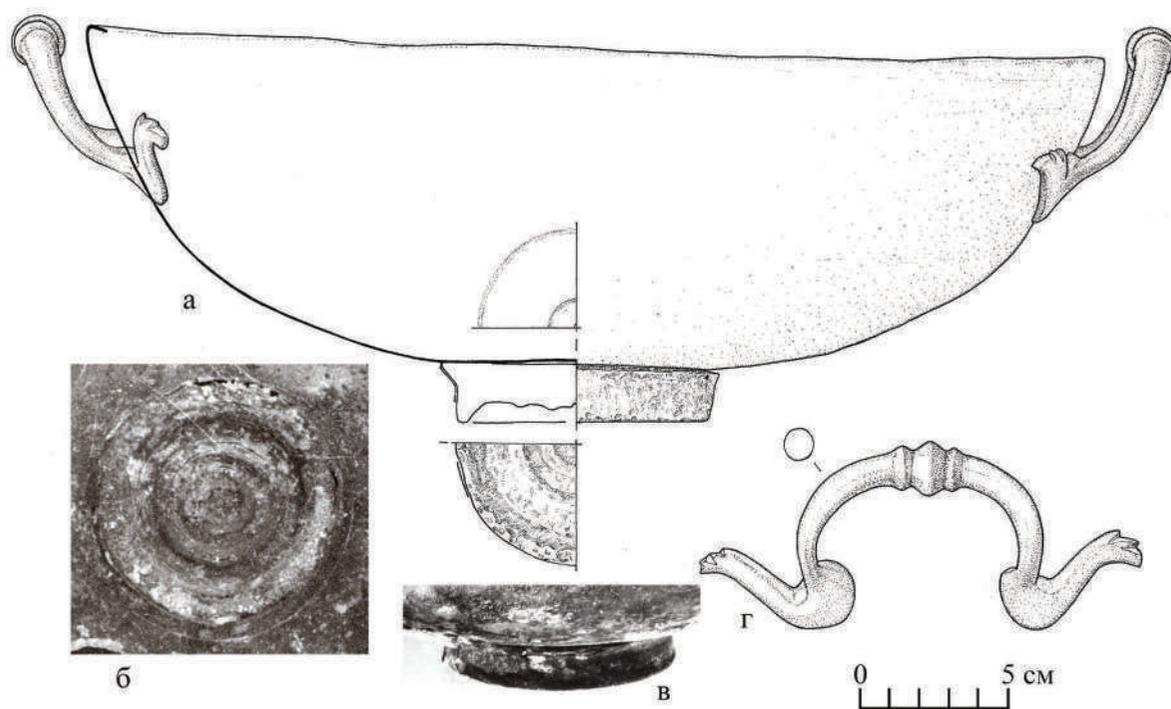

Рис. 7. Центральный IV, курган 20, погребение 1. Бронзовый таз: а — прорисовка; б, в — фото поддона до химической обработки (1975 г.); г — прорисовка ручки

от 12,1 до 13,2 см. Существует мнение о значимости размеров тазов в связи с их различным функциональным использованием (Трейстер, 2020а, с. 26–28).

На мой взгляд, следует обратить внимание на две морфологические особенности таза из Центрального:

1. очень простой, загнутый внутрь край — пластина просто завернута внутрь без каких-либо дополнительных деталей профилировки;
2. поддон (Fuß — «ножка» у Эггерса). В отчете описан суммарно — форма и размеры (Копылов, 1976, с. 16).

В публикации 1993 г. указано, что «таз имел невысокий кольцевой поддон, утраченный в древности. От поддона сохранилось только внутреннее свинцовое заполнение в виде шайбы, профиль которой повторяет профиль поддона» (Раев, Науменко, 1993, с. 151, 152). С течением времени скромный поддон таза из Центрального отягощается

историографической традицией. В более поздней работе Б. А. Раев, со ссылкой на некое «дополнительное исследование», утверждал, что «массивная шайба была отлита и припаяна ко дну взамен утраченного поддона, а валики и бороздки на нижней поверхности имитировали оригинальный поддон» (Раев, 2013, с. 169).

Это не так. При анализе бронз из рассматриваемого погребения необходимо учитывать, что проведенная вскоре после извлечения вещей из земли¹² «реставрация», по сути, представляла собой очень жесткую химическую и последующую абразивную их обработку, в результате которой многие информативные детали «ушли» с предметов. Поэтому ныне о них можно судить лишь по старым фото, выполненным к отчету о раскопках до удаления продуктов коррозии с поверхности металлических предметов. Я не знаю, в чем, собственно, могло состоять загадочное «дополнитель-

¹² В отчете о раскопках приведены фото бронзовых вещей как до, так и после «реставрации».

ное исследование» Б. А. Раева, но на этих фото совершенно отчетливо различается сохранившаяся пластинчатая бронзовая оболочка поддона, покрытая трещинами (рис. 7, б–в). Ее фрагменты сохранились на тазе и поныне, даже после «реставрации» (табл. 5, в). Таким образом, изначально таз из Центрального был снабжен круглым профилированным поддоном из тонкой бронзовой пластины (на поверхности сохранившегося фрагмента различаются тонкие бороздки — следы круговой станковой обработки), заполненным тяжелым мягким металлом (диаметр 8,5, высота 2 см; табл. 5, г). Он не был ни «утрачен в древности» (1993 г.), ни, тем более, заменен «массивной шайбой» (2013 г.). По всей видимости, производственные приемы и технологические схемы имперских мастерских, изготовлявших металлическую посуду, отличались большим разнообразием, чем можно было предполагать. Соединение чаши таза и поддона у экземпляра из Центрального не безусловно — в нынешнем состоянии колебания высоты края чаши составляют около 1 см (см. выше).

Новейшие обзоры состояния изученности тазов типов Эггерс 99–106 на русском языке принадлежат М. Ю. Трейстеру (Трейстер, 2019б, с. 147, 148; Трейстер 2020а, с. 5–48). Он сделал акцент на условности деления на типы по разным основаниям, предложенного некогда Г. Эггерсом. Детальный анализ с огромным количеством информации и рассмотрением степных и южнорусских находок бронзовых тазов, приведенные М. Ю. Трейстером, позволяет мне ограничиться лишь несколькими мелкими замечаниями.

В свой «*Beilage 38*» («*Mittlere*» und «*späte*» *bronzene Fußbecken mit festen Griffen*) Эггерс включил всего 8 типов (№№ 99–106), положив в основу их выделения форму **атташей ручек**. Важно отметить, что лишь два первых (типы 99 и 100 — с атташами в виде «змеиных

головок» — дополнительно различаются деталями формы собственно чаши (корпуса) (тип 99 — «*mit schlangenkopfförmigen Löffläschen, elegant-weitaufladendem Becken und niedrigem Fuß*»; тип 100 — «*ähnlich, aber mit vergrößerten Konturen*¹³ und hohem Fuß» — Eggers, 1951, с. 169). Остальные шесть типов различаются **только** формой атташей, причем три из них (№№ 101, 105 и 106) оказывается, «*ohne Griffe*», т. е. без ручек! Поэтому мне не совсем ясно, почему М. Ю. Трейстер перенес эмоциональные, субъективные определения Эггерса об «элегантности» и «огрубленности» формы **чаши таза** на **атташи ручек** (Трейстер, 2019б, с. 147; Трейстер, 2020а, с. 6).

Обзор нижнедонских находок бронзовых тазиков приведен В. К. Гугуевым в связи с публикацией экземпляра из некрополя Кобякова городища (Гугуев, 2018, с. 64, 65). Он справедливо отметил, что тазы типов Эггерс 99–100 встречаются в курганных погребениях как средне- так и позднесарматского культурного типа (Гугуев, 2018, с. 65) и, следовательно, попадали в степь на протяжении достаточно длительного временного интервала и в разном культурно-историческом контексте. Таким образом, значение находки в Центральном IV в качестве хронологического репера невелико. На основе анализа экземпляров с клеймами Р. Петровский удревнил и сузил дату группы тазиков Эггерс 99–100 (у него это тип XV, 1, 2) с датой «ок. 25/30 – не позднее 115/130 гг. н. э.» (Petrovszky, 1993, с. 114)

Но даже в пределах Подонья, столь отдаленного от мест производства рассматриваемых тазов, они встречаются в составе позднесарматских комплексов поздней части II – начала III вв. н. э. (см., например, Трейстер, 2020а, с. 30). Издали хуже видно, но, может быть, некоторые из них могли быть изготовлены и после 130 г. н. э.? (см., например, Раев, 2013, с. 170, прим. 3).

2. 2в. Кованый кувшин (рис. 8; табл. 6; 7). Как некогда указывал Д. Б. Шелов, кувшин

¹³ Выделено и подчеркнуто мною — С. Б.

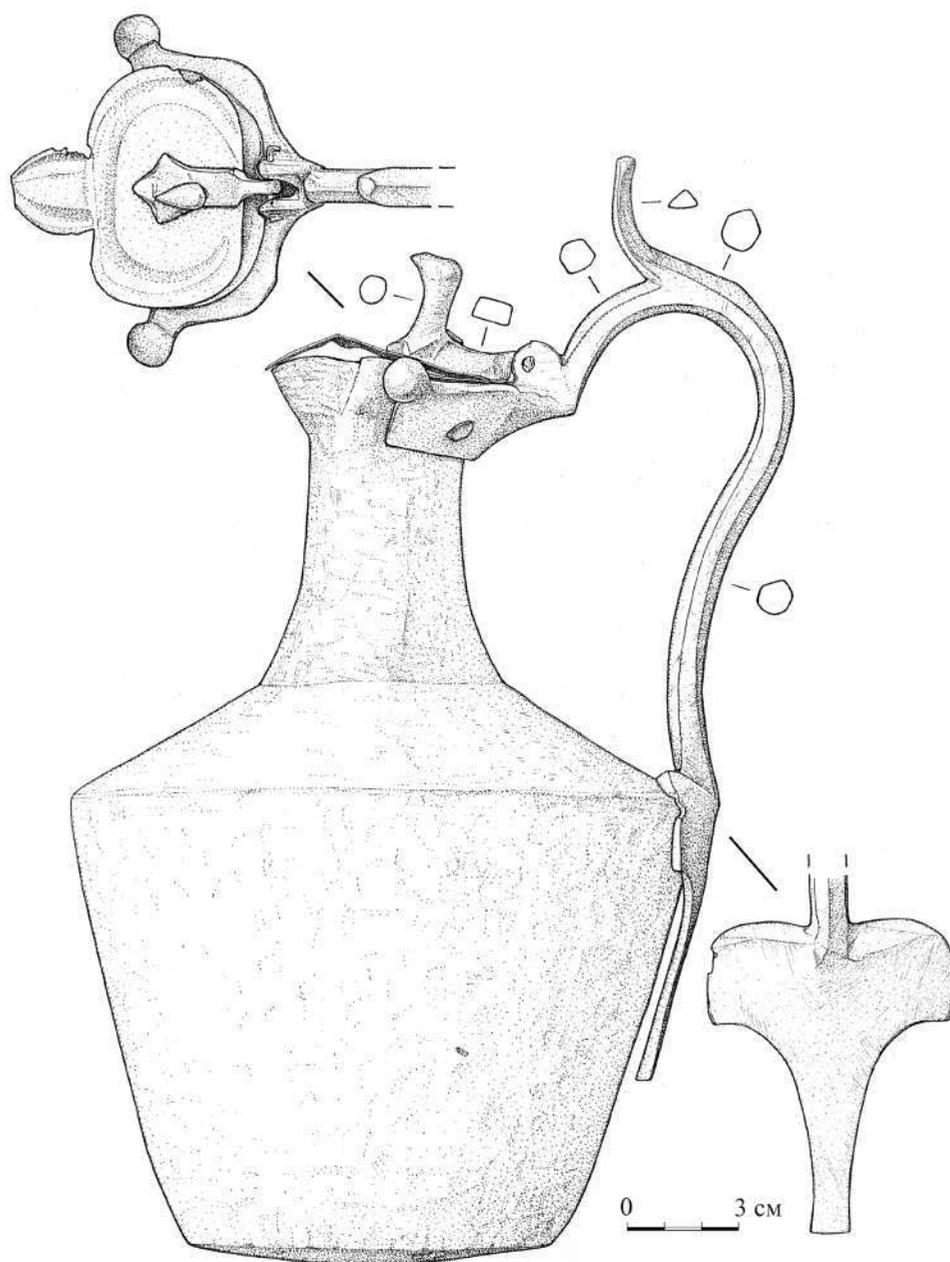

Рис. 8. Центральный IV, курган 20, погребение 1. Бронзовый кованый кувшин

из Центрального — один из лучших образцов типа (наряду с керченским 1837 г. и олонештским 1960 г.) по сохранности и полноте набора признаков (Шелов, 1983, с. 65).

Из последних работ наиболее полный и обстоятельный анализ типа, выразительным образцом которого является кувшин из

Центрального, представлен М. Ю. Трейстером (Трейстер, 2018, с. 216–238)¹⁴.

В публикации 1993 г. кувшин описан недостаточно точно, а приведенные его размерные данные не вполне корректны (Раев, Науменко, 1993, с. 151). В действительности, высота кувшина (без ручки) составляет

¹⁴ Следует, наверное, упомянуть и очень своеобразный текст четы Ларенок, посвященный находке кованого кувшина близ х. Калинина на берегу донской дельты, неподалеку от Танаиса (Ларенок, Ларенок, 2016, с. 148–155). По крайней мере, это еще один пункт находки сосуда рассматриваемого типа вполне приличной сохранности (без дна).

24,1 см, высота горла (до перехода в плечики) — 8,8 см, высота ребра на тулове (от дна) — 12,2 см, максимальный диаметр тулова (по ребру) — 17,2 см, диаметр дна — 10 см. К приводимому графическому (и фото) воспроизведению кувшина (рис. 8; табл. 6; 7), на мой взгляд, следует сделать несколько замечаний.

1. На дне сосуда, в его центре различается четкая небольшая вмятина (табл. 7, 3) — «маленькое округлое углубление от фиксации на токарном станке» (Трейстер, 2018, с. 230).

2. Также на дне, у его края, даже после «реставрации» в двух местах сохранились капли припоя — мягкого серого металла. По их взаиморасположению можно утверждать, что изначально, как и во многих других случаях, кувшин имел на дне три припаянные ножки, располагавшиеся у края под углом ок. 120° друг к другу.

3. От устья (слива) до дна на поверхности кувшина — обильные следы проковки. Визуально места соединения различных частей кувшина не определяются.

4. Ручка кувшина — довольно массивная, литая; ее ствол и отогнутый отросток в верхней части огранены. Обработана довольно небрежно, с многочисленными рисками от напильника и большим количеством мелких литейных раковин. Нижний атташ назван «сердцевидным» (Раев, Науменко 1993, с. 151), но вряд ли его форму с опущенным вниз удлиненным отростком-пластиной (табл. 7, 2) можно сопоставить с «сердечком»...

Верхний атташ — это монолитная с ручкой массивная широкая наклонная пластина, через отверстия крепившаяся двумя заклепками к краю сосуда и завершающаяся двумя шариками по краям. В месте перехода верхнего конца ручки в край атташа смоделированы два округлых вертикальных выступа-стойки с отверстиями. Между ними крепилась отлитая отдельно фигурка

«птички», задняя часть которой представляет собой вертикальную пластину с продланым в ней горизонтальным отверстием (табл. 7, 1). Сквозь отверстия в стойках и «птичке» пропущен горизонтальный проволочный штифт с расплюснутыми и загнутыми концами; он обеспечивает конструкции подвижность¹⁵. Но «птичка», помимо отверстия в задней части для скрепления с рукоятью, в средней части имеет и второе, вертикальное отверстие, через которое к ней небрежно раскованным штифтом прикреплен тонкая и легкая пластинчатая крышка, прикрывающая устье сосуда по всему периметру. И на основном овале крышки, и на выступе, прикрывающем слив, вдоль края смоделирован небольшой желобок. Справедливее будет сказать, что крышка не увенчана фигуркой «птички», а прикреплена к ней, как завершающий композицию, подчиненный элемент. Нижний атташ ручки был припаян к тулову; сохранились остатки припоя под ним.

Я не стану повторять данных, тщательно собранных и исследованных М. Ю. Трейстером. Укажу лишь на еще одну возможную находку такого кувшина, не вошедшую в его сводку, — «птичку» с рукояти и крышки, происходящую из разрушенного при строительных работах погребения (погребений?) у пос. Ильевка в Подонье и опубликованную А. С. Скрипкиным еще в 1978 г. (Скрипкин, 1978, с. 77, рис. 1, 4).

Еще одна такая «птичка» происходит из погребения 17 в склепе 520 Усть-Альминского некрополя в Крыму. По мнению автора публикации А. Е. Пуздровского, «птичка», снятая с кованого кувшина, использовалась как амулет (Пуздровский, 2007, с. 163, рис. 145, 4).

Специально остановлюсь еще на одной, донине не опубликованной находке кованого кувшина. Она хорошо дополняет нижнедонскую группу.

Кувшин найден около 2010 г. на пахот-

¹⁵ В публикации 1993 г. указано, что «стержень шарнира литой, приклепан к крышке и завершен фигуркой утки» (Раев, Науменко, 1993, с. 151). Честно говоря, я ничего здесь не понял... Видовая принадлежность «птички» (табл. 7, 1) осталась для меня загадкой.

ном поле у Танаиса, примерно в 50 м к С от средней части северного края рва цитадели Недвиговского городища. Он обнаружен на небольшой глубине, по всей видимости, примят плугом при вспашке и с наибольшей вероятностью происходит из каких-то примогильных сооружений расположенного здесь северного танаисского некрополя.

Устье сосуда деформировано, но на нем

четко различается выделенный с боков слив и уплощенная противоположная ему сторона с 2 отверстиями для крепления верхнего атташа рукояти (рис. 9; табл. 8; 9). Горло расширяется книзу, отделено от выпуклых плечиков уступом. По максимальному диаметру сосуда — четкое ребро. На дне — та же вмятинка в центре (табл. 9, 2). У края ко дну припаяны литые массивные фигурные

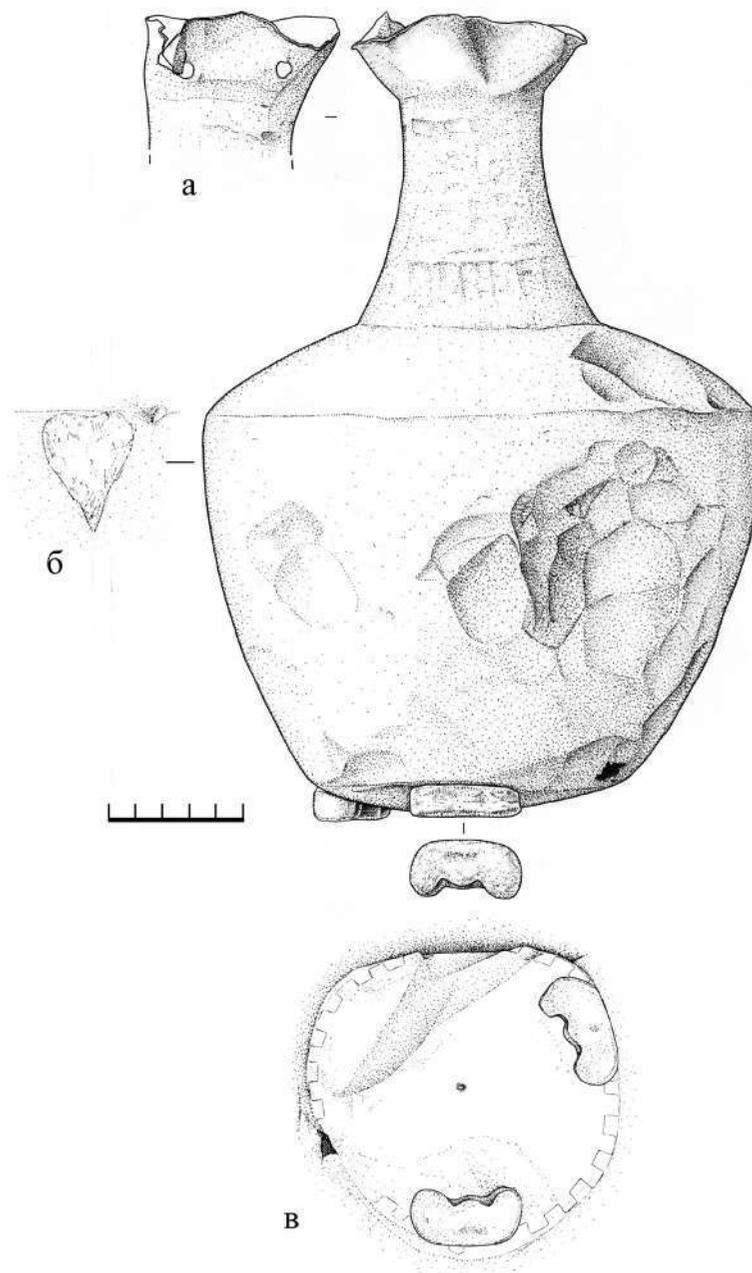

Рис. 9. Танаис, северный некрополь. Кованый кувшин: а — место крепления верхнего атташа рукояти; б — след припоя нижнего атташа рукояти; в — дно с ножками и следами монтажа дна и тулова

ножки из тяжелого мягкого металла (рис. 9; табл. 9, 1). Сохранились две оригинальные ножки; третья была утрачена и заменена кустарно изготовленной, ныне представляющей собой аморфный кусок сильно разложившегося серого металла. Ниже ребра на тулове сосуда, под отверстиями у устья сохранился след припоя, крепившего нижний атташ рукояти, — пятно листовидных очертаний размерами 4,5 x 3,5 см (табл. 9, 3). Сочетание отверстий вверху со следом атташа внизу не оставляет сомнений в изначальной наличии у кувшина бронзовой ручки.

Высота кувшина (на ножках) — 30,2 см, высота горла — 11,2 см, высота ребра (от дна) — 15,2 см, диаметр тулова 20,4 см, дна — 12 см.

Кувшин из Танаиса особо интересен тем, что в двух местах различается соединение его частей. Слегка выпуклое дно сосуда по периметру было надрезано лепестками высотой 5–6 мм и шириной ок. 7 мм; таким же образом была надрезана и придонная часть стенок кувшина. Затем лепестки соединены внахлест и тщательно прокованы (табл. 9, 5). По всей видимости, эти швы были проработаны и пайкой. Аналогичным образом была прикреплена и раструбная часть горла, на высоту ок. 4,5 см от края сосуда (табл. 9, 4).

Для сопоставлений с кувшином из Центрального наиболее пригодны выразительные экземпляры с сохранившимися бронзовыми ручками и, по возможности, крышками. Таких немного¹⁶. У большей части этих находок (6 из 9 перечисленных пунктов; кроме №№ 3, 5, 8 в сноске) ручки очень похожи: они пологие в верхней части, выступающий стержень-отросток в верхней части резко отогнут назад, а нижний конец ствола ручки нависает над плоскостью атташа, образуя выступ.

Ручка кувшина из Центрального круто изогнута в верхней части, отросток на ней практически вертикален, а нижний край не нависает над атташем. В этом смысле к нему ближе ручки кувшинов из керченской гробницы 1837 г. и кургана 2 у Чугунно-Крепинки.

Хронологическая значимость кувшина из Центрального, увы, невелика. Часть находок кованых кувшинов вообще лишена археологического контекста и достоверных хронологических указателей. Часть (например, Мокра, Горелый) имеет сильные среднесарматские культурные ассоциации. Но есть факт, не подлежащий сомнению, — наличие типичного во всех деталях и одного из наиболее сохранных кувшина в гробнице, исследованной А. Б. Ашиком весной 1837 г. в Керчи. Она была и могилой «царицы с маской», и «погребением царя Рискупорида III». В последние годы появилось несколько новых пассажей о ее хронологии (см., например, Трейстер, 2004, с. 254 («вряд ли может датироваться ранее 320-х гг. н. э.»); Шаров, 2009, с. 38–42). Остаюсь на точке зрения, высказанной более 30 лет тому назад, — это женский погребальный комплекс представительницы высшей боспорской знати, относящийся к развитому-позднему III в. н. э.¹⁷ (Безуглов, Захаров, 1989, с. 48–50). Такая разница в датах наиболее ярких комплексов заставляет очень осторожно и умеренно оценивать датирующие возможности кованых медных кувшинов рассматриваемого типа.

Еще более сложно высказываться о месте производства таких кувшинов. Некогда их именовали «галло-римскими», затем «фракийскими» (или «типом Стралджа»); ныне, пожалуй, эти названия могут представлять в основном историографический интерес. Новые находки существенно

¹⁶ 1 — Олонешты 4/4; 2 — Усть-Альма, погр. 844; 3 — Керчь-1837; 4 — Павловка в Полтавской области; 5 — Чугунно-Крепинка, к. 2/1984 г.; 6 — х. Калинин близ Ростова; 7 — Кобяково, погр. 7/2008 г.; 8 — Центральный IV, 20/1; 9 — Горелый I, к. 1.

¹⁷ В 1989 г., благодаря доброй помощи Н. З. Куниной, мне довелось просмотреть в оригинале значительную часть вещей из «гробницы с маской». В тот момент общение с вещами лишь укрепило меня во взглядах на датировку этого великолепного комплекса.

изменили картину территориального и культурно-хронологического распределения рассматриваемых сосудов. Еще Д. Б. Шелов высказывал предположение о том, что они могли производиться в южнорусском Причерноморье (Шелов, 1983, с. 66). В последнее время к этой точке зрения склоняется и М. Ю. Трейстер (Трейстер, 2018, с. 232, 233).

Я не специалист по римской бронзе. Отмечу лишь, что прослеженная на описанном выше кувшине из Танаиса «лепестковая» техника соединения частей сосуда хорошо известна на бронзовых изделиях варварского облика (например: Безуглов, Захаров, 1988, с. 12, рис. 4, 13; Безуглов, Захаров, 1989, с. 46, рис. 1, 1) и сильно отличается от технологичных тазов, ковшей и цедилок, имперское происхождение которых сомнению не подлежит.

2. 2а. Заслуживает внимания кованый бронзовый остросереберный котелок, найденный в кургане 20 (рис. 10, 1; табл. 10). В публикации 1993 г. указано: «под венчиком — железный ободок, к которому крепились железные кольцевые ручки. Их обломки найдены рядом с котлом» (Раев, Науменко, 1993, с. 152). Этот пассаж не соответствует реалиям находки.

Железные детали котелка из кургана 20 к настоящему времени не сохранились. Где, когда и при каких обстоятельствах они исчезли, я не знаю. Но, согласно тексту отчета о раскопках, под отогнутым наружу краем котелок действительно был охвачен пластинчатым железным ободком шириной 1,5 см. К этому ободку крепились ушки (термин отчета — С. Б.: «рядом с котелком лежали фрагменты дужки и ушка»). Описано одно из них — «ушко представляет собой широкое железное несмыкающееся кольцо (D — 2,1 см), концы которого отогнуты наружу». Именно к этим кольцам на ободке и крепилась «дужка» (ручка котелка — С. Б.), от которой сохранился лишь фрагмент длиной 16 см (Копылов, 1976, с. 16). Таким образом, котелок из Центрального

был снабжен дуговидной железной ручкой, продетой в ушки, укрепленные на ободке под венчиком. Она во всем была подобна, например, ручке близкого по времени и типу котелка из погр. 21 Андреевского кургана в Мордовии (Кропоткин, 1970, с. 94, № 807, рис. 56, 5 (прорисовка), 66, 4 (фото); Гришаков, Зубов, 2009, с. 53, 100), а также ручкам кованых котелков из кург. 3 у ж/д станции Бердия и кург. 11 могильника Авиловский II на р. Иловля в Нижнем Поволжье (Сергацков, 2000, с. 121, рис. 87, 1; 104, 4).

Экземпляр из Центрального, в числе прочих, упомянут в статье М. Ю. Трейстера, посвященной бронзовым кованым котлам Азиатской Сарматии (Трейстер, 2019а, с. 178–185). Он учел 18 находок котелков этой разновидности в степных комплексах. Подводя итоги своих наблюдений над типологией и данными о распространении котелков этой разновидности, М. Ю. Трейстер выразил сомнение в их «италийском» или провинциально-римском происхождении (Трейстер, 2019а, с. 182, 183).

Котелок из Центрального, без сомнения, один из лучших и по сохранности, и по тщательности исполнения. Наверное, именно это обстоятельство стало основой утверждения о том, что он «судя по качеству его изготовления, не провинциального производства» (Раев, Науменко, 1993, с. 156). Находка в Центральном IV мало что дает к определению даты комплекса — она, в любом случае, укладывается в широкие хронологические рамки бытования типа (Трейстер, 2019а, с. 185). Близкие кованые остросереберные котелки в абсолютно преобладающем числе случаев ассоциированы с яркими комплексами позднесарматского облика, но известны и в явно более раннем, выразительном среднесарматском культурном контексте (см., например, уже упоминавшиеся комплексы: Бердия, курган 3; Авиловский II, курган 11 — Сергацков, 2000, с. 67, 87, 121, рис. 87, 1 (ср.: Трейстер, 2019а, с. 186, рис. 21, 1–4); 104, 4).

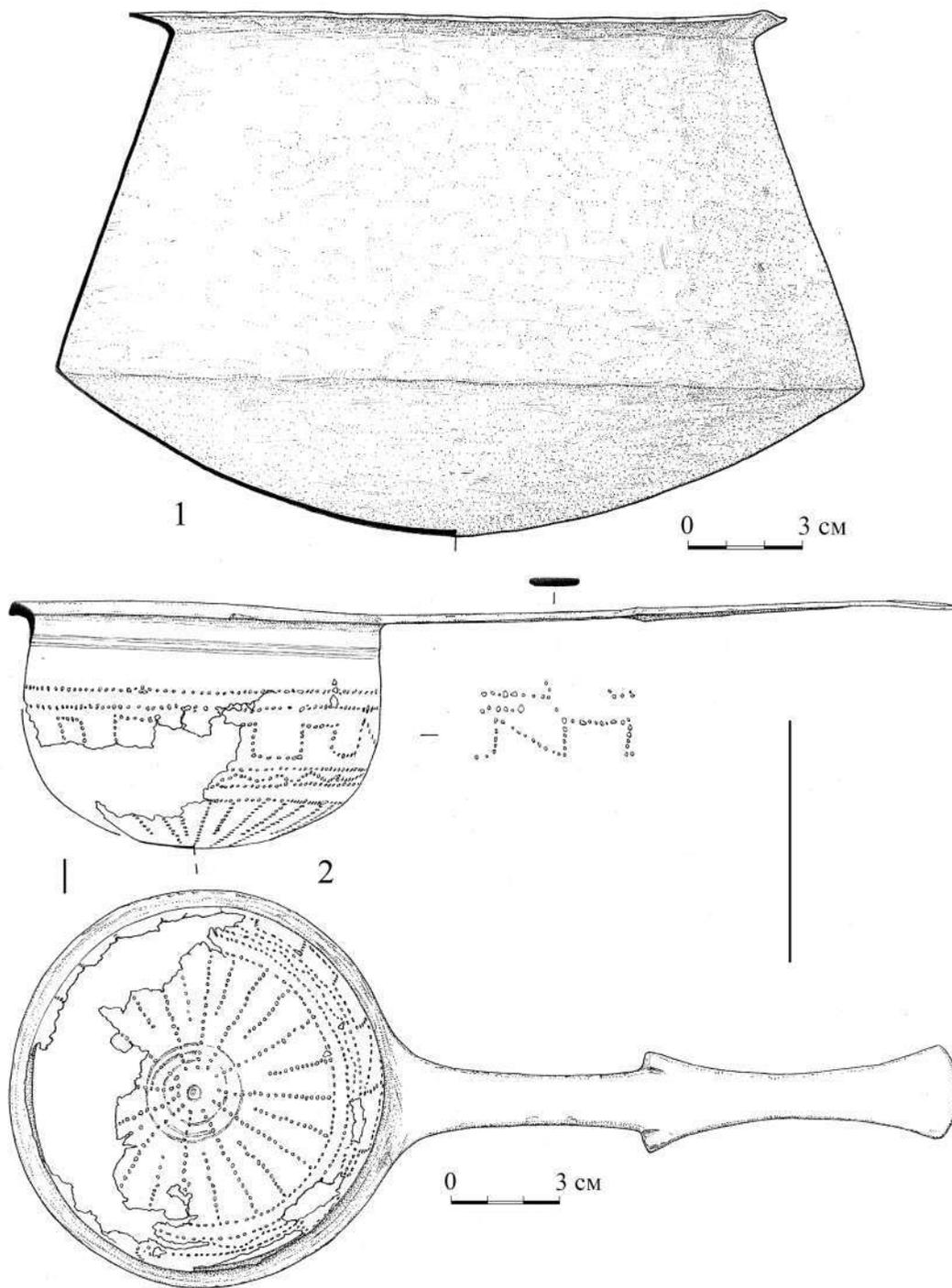

Рис. 10. Центральный IV, курган 20, погребение 1: 1 — бронзовый котелок; 2 — бронзовое ситечко

2. 2д. Найденная в погребении бронзовая сителка (ситечко)¹⁸ с весловидной ручкой (Эггерс-160; Петровский Х, 6 — Petrovszky, 1993, S. 98 (с датой 35/45 – 140/160 гг. н. э.) — хорошо известная в южнорусских степных древностях категория имперской бытовой утвари (Трейстер, 2016, с. 283).

Черпачок ситечка из Центрального (рис. 10, 2; табл. 11) на внешней стороне сохранил отчетливые следы круговой правки на станке. Полусферическое дно его покрыто радиальными линиями из мелких отверстий. Выше — три горизонтальные полосы из таких же отверстий; между двумя из них — волнистая линия, а еще выше — меандроподобный орнамент, также ограниченный сверху двумя горизонтальными полосами. Нижняя плоскость расширенной части ручки выделена двумя фасетками (табл. 11, б).

Функция этих вещей в бытовой культуре степняков неясна; с современных позиций кажется лишь, что это была не самая необходимая вещь в повседневном обиходе кочевников. Тем не менее, целые, деформированные или фрагментированные сителки неоднократно встречены в составе курганных погребальных комплексов на огромной территории. Сошлюсь лишь на несколько примеров:

— Олонешты, к. 4, погр. 4 (Мелюкова, 1962, с. 199, 200, рис. 2, 1а–б; Курчатов, Бубулич, 2003, с. 299, 300, рис. 6, 1),

— Чугунно-Крепинка, к. 2, погр. 1 (Симоненко, 2013, с. 81–83, рис. 30, 2–2б),

— Валовый I, к. 9, погр. 1 (фрагмент черпака) (Безуглов и др., 2009, с. 84, рис. 21, 6),

— Ростов-на-Дону, Вятская, к. 6, погр. 8 (Volkov, Guguev, 1986, с. 73, табл. 53, 3),

— Кобяково, погр. 7/2008 (Ларенок, 2016, с. 62, 63, табл. 96, 3, 4),

— Красный Кут, к. 2 (Guguev, Treister, 1992, с. 245, рис. 4, 3),

— Усть-Лабинская, к. 41/1902 г. (Кропоткин, 1970, с. 89, № 766, рис. 67, 3; Гущина, Засецкая 1994, с. 69, табл. 47, № 430¹⁹),

— Котлубань, к. 2 (Скрипкин, 1989, с. 174, рис. 2),

— Большая Дмитриевка, к. 96/1887 г. (Максимов, 1957, с. 159, рис. 3, 1; уточнения: Трейстер, 2016, с. 283),

— Магнитный, к. 21 (Трейстер, 2016, с. 283, рис. 2, 5).

Большинство этих комплексов — позднесарматского круга, другие, видимо, немногим более раннего времени. Для нас важным является вопрос о *верхней* хронологической границе бытования этих предметов, по крайней мере, в пределах Нижнего Дона. Здесь принципиальное значение имеет находка комплекта из черпака и ситечка в помещении У на раскопе IV в Танаисе (Арсеньева, Шелов, 1974, с. 146, 147, табл. XXII, 1, 2). Это типичный комплекс времени пожара, уничтожившего город ок. 250 – 251 гг. н. э. Таким образом, мы можем отметить, что у населения Танаиса такие вещи еще находились в употреблении в середине III в. н. э. Вплоть до этого времени они могли попадать и к кочевому населению прилегающих степей.

2. 2е. Помимо описанной металлической посуды, в погребении было найдено 4 бронзовых колокольчика (рис. 11, 1–4; табл. 12, 1–4). В публикации 1993 г. они описаны бегло и слабо проиллюстрированы (Раев, Науменко, 1993, с. 152, 154, рис. 3,

¹⁸ Как и в случае с тазом и кувшином, размеры ситечка в публикации 1993 г. (Раев, Науменко 1993, с. 152) указаны некорректно. Общая его длина в действительности составляет 26 см, высота черпака — 6,5 см, его диаметр — 10,8 см.

¹⁹ У В. В. Кропоткина и И. И. Гущиной с И. П. Засецкой изображены разные сосуды. Кроме того, у Кропоткина упомянуто еще одно ситечко в «Золотом кладбище» — в кургане 8 у ст. Тифлисской (Тбилисской) (Кропоткин 1970, с. 89, № 764, а). В каталоге Гущиной и Засецкой в составе инвентаря кургана 8 у Тифлисской (Гущина, Засецкая, 1994, с. 55, кат. №№ 215–221) бронзовое ситечко отсутствует. Ясность в вопрос внесли Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко. Сителка, изображенная на рис. 67, 3 в своде В. В. Кропоткина, происходит из кургана 8 у Тифлисской и донныне не сохранилась. Сителка из кургана 41 у Усть-Лабинской изображена в работах И. И. Гущиной с И. П. Засецкой (см. ссылку выше) и Н. Ю. Лимберис с И. И. Марченко (Лимберис, Марченко, 2006, с. 55, 62, №№ 18, 19, рис. 13, 19; рис. 14, 1, 2).

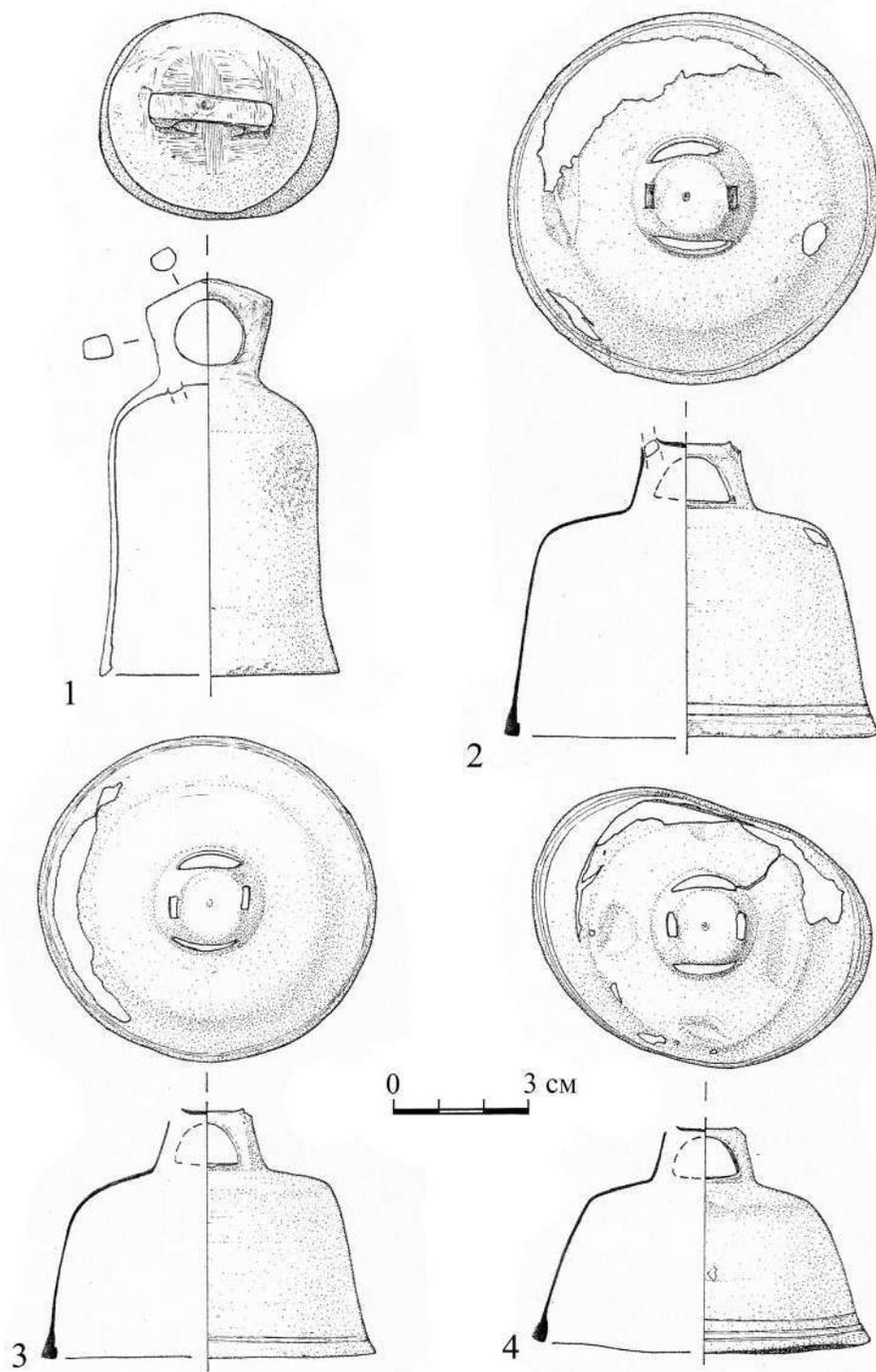

Рис. 11. Центральный IV, курган 20, погребение 1: 1-4 — бронзовые колокольчики

3, 4). М. Ю. Трейстер посвятил находкам бронзовых колокольчиков в погребениях кочевников Азиатской Сарматии специальную работу (Трейстер, 2020в, с. 168–196). Но по тексту публикации 1993 г. о Центральном IV было сложно разобраться с сюжетом о найденных там колокольчиках, и поэтому в цитированную выше статью М. Ю. Трейстера вкрались небольшие неточности.

1. «Колокольчики цилиндрической формы с вогнутыми стенками и массивной граненой петлей-навершием» (Трейстер, 2020в, с. 169). В перечне находок М. Ю. Трейстер упоминает пару колокольчиков «из кургана № 20/1975 могильника Центральный IV» (Трейстер, 2020в, с. 169, 176). На самом деле, в комплексе был лишь один такой колокольчик (рис. 11, 1; табл. 12, 1). Он слегка деформирован, у петли — грубые риски. В верхней части петли — маленькая вмятина от фиксации на станке, на поверхности — тонкие горизонтальные бороздки. Его высота с петлей — 8,8 см, размер основания — 5,2 x 4,4 см.

Поданным, собранным М. Ю. Трейстером, они, «как правило, были связаны с конской упряжью» и известны на территории Империи и за ее пределами с конца I в. до н. э. вплоть до позднеантичной эпохи (Трейстер, 2020в, с. 169, 170). Из донских параллелей, в первую очередь, следует назвать пару колокольчиков этого типа из Кобяковского кургана 10 на восточной окраине Ростова — одного из наиболее ярких среднесарматских комплексов южнорусского региона (Трейстер, 2020в, с. 170, рис. 1, 1, 2).

2. «Колокольчики конической формы со срезанной вершиной». М. Ю. Трейстер считал, что таких колокольчиков в кургане 20 было два (Трейстер, 2020в, с. 172, 173, 176). В действительности их там было три, они совершенно однотипны и различаются лишь размерами (рис. 11, 2–4; табл. 12, 2–4 (2: высота — 6,5 см, высота выступа для подвешивания — 1,5 см, диам. основания — 8 см; 3: соответственно 5,6–1,2–7,3; 4: соответственно 5–1,2–7,5 x 5,6 (дефор-

мирован)). Все они имеют в верхней части «цилиндрическое возвышение с отверстиями для подвешивания» (Трейстер, 2020в, с. 173). Таких отверстий 2 пары: большие, арочной формы служили для подвешивания колокольчика; меньшие — щелевидные — для крепления кольца, на котором подвешивался язычок. На самом крупном экземпляре из Центрального (рис. 11, 2; табл. 12, 2) в малых прорезях сохранились фрагменты такого железного кольца, изготовленного из уплощенной узкой пластинки. Все три колокольчика этого типа из кургана 20 имеют вмятинки в центре верхушек и четкие горизонтальные риски на внешней поверхности — следы круговой подправки на станке. Край каждого отчеркнут более глубокими врезными линиями.

М. Ю. Трейстер приводит обширный список находок колокольчиков этого типа — по преимуществу, из позднесарматских комплексов Нижнего Дона и Южного Приуралья. Хронологический диапазон их бытования, по мнению исследователя, простирается от I в. до н. э. до III в. н. э. (Трейстер, 2020в, с. 173). Некоторые экземпляры из позднесарматских погребений у донской дельты практически тождественны с находками из кургана 20 (Ново-Александровка I, к. 20, п. 1; Валовый I, к. 4, погр. 2 — Трейстер, 2020в, рис. 4, 1; 5; 6).

Без сомнения, все колокольчики из кургана 20 следует отнести к числу имперских импортов.

Хронология. Несмотря на обилие в комплексе выразительных вещей, его узкая датировка составляет проблему. Практически все импортные вещи, найденные в погребении, имеют растянутые даты, охватывающие какую-то часть I, весь II и даже, возможно, III вв. н. э. Поэтому даты комплекса, предложенные в публикациях 1986 г. («1-я половина II н. э.» — Раев, 1986, с. 55) и 1993 г. («1-я треть II в. н. э.» — Раев, Науменко, 1993, с. 157) кажутся излишне зауженными: объективных оснований для таких жестких и конкретных хронологиче-

ских ограничений, на мой взгляд, нет.

Важный момент в культурно-хронологической атрибуции комплекса — сумма данных позволяет рассматривать его в позднесарматском контексте. Тип погребения, облик керамической части инвентаря и металла убедительно ассоциирует курган 20 могильника Центральный IV с яркими позднесарматскими погребальными комплексами низовий Дона — Доно-Кагальницкого водораздела у Азова и курганных могил на правом берегу Дона и донской дельты — от Танаиса до Кобякова. Набор категорий бронз (кованый кувшин, ковш, таз, цедилка, кованый остро-реберный котелок, колокольчики) на уровне явления сближает его с погребением 8 в кургане 6 на ул. Вятской на северо-восточной окраине Ростова (Volkov, Guguev, 1986, с. 73, 74, табл. 49–59). Но это — выразительный памятник «всаднического» позднесарматского горизонта с убедительной датой, охватывающей конец II — начало III вв. н. э.

Погребение в Центральном IV может датироваться и несколько более ранним временем. По сумме данных (по преимуществу, все же косвенных) можно лишь предположить, что наиболее вероятным временем сложения комплекса и сооружения кургана 20 являлся временной отрезок где-то в пределах развитой — поздней частей II в. н. э. На цифровых показателях я бы настаивать не стал. Как правило, в таких случаях принято взывать к мудрому и светлому будущему, в котором решаются все проблемы и устанавливаются истины...

Археологический контекст. В прилегающих к месту расположения кургана 20 районах степного Подонья исследовано немало позднесарматских курганных погребений. Некоторые из них содержали и образцы римской бронзовой посуды или ее детали. Но комплексы этой эпохи, содержащие целый ассортимент имперских бронз, в этом районе поныне неизвестны. Поэтому я позволю себе несколько сопоставлений из более удаленных мест. Вспомним лишь несколько ярких комплексов, сочетающих

признаки позднесарматской погребальной обрядности (преобладание достаточно обширных подбойных могил в комбинации с ориентировкой погребенных в северный сектор) и выразительный инвентарь, в котором всегда присутствуют импортные металлические изделия.

Могильник Валовый I, курган 9. Располагался в непосредственной близости от Танаиса. Большая подбойная могила с северной ориентировкой, в составе инвентаря которой — несколько бронзовых сосудов (амфора, ковш, кувшинчик) и несколько деталей и обломков, также принадлежавших римским бронзовым изделиям (зеркало, медальон с изображениями, фрагмент цедилки и др.). Как и в Центральном, при обилии яркого инвентаря — проблемы с узкой датой. Косвенные данные позволяют считать, что курган 9 мог быть сооружен раньше курганов 25 и 33 в том же могильнике, относящихся к концу II — ранней части III вв. н. э. (Безуглов и др., с. 24–45, 113).

Могильник Высочино V, курган 18. На противоположном Валовому (южном) берегу донской дельты, также в зоне прямой видимости из Танаиса. Обильное инвентарем женское позднесарматское погребение позднего II — раннего III вв. н. э. в обширной подбойной могиле, с деформированным черепом; в составе инвентаря — бронзовые ковш и таз; колокольчик, совершенно аналогичный трем найденным в Центральном IV (Беспалый, 2000, с. 156–168).

Ст. Мелиховская, находка 1927 г. при прокладке водопровода. Разрушенное позднесарматское погребение с деформированным черепом; в инвентаре — кованый кувшин, бронзовый черпак с надписью на ручке, бусы, «монета размером с пятак» (скорее всего, небольшое металлическое зеркальце) (Кропоткин, 1970, с. 92, рис. 57, 6, 7) — прорисовка с фото из газеты почти вековой давности; вещи исчезли во время немецкой оккупации Ростова летом 1942 г.

Чугунно-Крепинка, курган 2, раскопки 1984 г. Курган располагался на территории Донецкой области, в 20 км от современной административной границы с Ростовской областью и в 100 км к северу от Танаиса. Это выдающийся археологический памятник **позднесарматского культурного типа**, принадлежащий **нижнедонскому кругу** погребений кочевой аристократии. Стержневой точкой для людей, некогда создававших погребальное сооружение близ современной Чугунно-Крепинки, безусловно были Танаис и прилегающий к нему очаг оседлой и кочевой культур. Ряд совпадений с Центральным IV — бронзовые таз, кованный кувшин, ковш того же типа, цедилка. По всей видимости, комплекс из Чугунно-Крепинки максимально близок погребению в Центральном и в культурно-историческом, и в хронологическом отношениях. Как и в Центральном, большая часть бронзовой посуды находилась в южной части камеры, в ногах скелета.

А. В. Симоненко склонен относить комплекс к более раннему времени — от конца I до середины II вв. н. э. (Симоненко, 2013, с. 88, 94 и др.). На мой взгляд, погребение в Чугунно-Крепинке совершено позже этого временного промежутка.

Олонешты (Оланешты), курган 4, погребение 4 (около 870 км к западу от Танаиса). Подбойная могила с большой камерой, северная ориентировка погребенного. Погребение в Олонештах — один из наиболее ярких, довольно ранних памятников «всаднического» горизонта к западу от Дона (Мелюкова 1962, с. 207, 208; Курчатов, Бубулич, 2003, с. 305). В инвентаре — длинный меч и кинжал, элементы конского убора. Бронзовые сосуды (таз, кованный кувшин, цедилка) сближают комплекс с курганом 20 в Центральном IV. Авторы статьи 2003 г. об олонештском погребении специально подчеркивали его чужеродность в регионе обнаружения и его близость элитным позднесарматским комплексам нижнедонского круга (Курчатов, Бубулич,

2003, с. 305, 308). Несмотря на значительную удаленность друг от друга, погребения из Центрального IV, Чугунно-Крепинки и Олонешт, по всей видимости, очень близки по времени совершения и могут представлять собой материальное воплощение одной и той же историко-культурной реальности. По времени совершения они вполне могут соответствовать периоду активных агрессивных действий варваров (в первую очередь, германцев и сарматов) на имперских границах, происходивших со 166 по 180 гг. н. э. и вошедших в историю под названием Маркоманнских войн. Для этого хронологического отрезка существуют археологические свидетельства контактов и взаимодействия сарматской и германской военных элит (Безуглов, 2017а, с. 108, 109). Возможно, что часть римских вещей могла попасть в руки (а впоследствии и в могилы) кочевников вследствие этих событий.

Существует несколько точек зрения на источники происхождения римской бронзовой посуды, найденной в курганных сарматских погребениях степного Подонья и примыкающих районов, вплоть до Южного Приуралья²⁰.

В конце 60-х гг. ушедшего века, опираясь на доступный к тому времени объем данных, Д. Б. Шелов считал, что «основная масса металлических изделий попадала к сарматской племенной знати путем обычных торговых связей, осуществлявшихся через Танаис» (Шелов, 1972, с. 195). Он не исключал и иных путей обретения кочевниками импортного металла, но отмечал: «хотя попадание дорогих античных изделий к сарматам в виде военной добычи, подарков или дани и могло иметь место в отдельных случаях, оно не может считаться обычным путем проникновения таких изделий в степь» (Шелов, 1972, с. 194–195).

Занимавшийся проблемой импортов в степных комплексах В. П. Шилов предполагал существование неких торговых

²⁰ «Не всегда могут быть определены пути, которыми эти привозные изделия попадали в курганы сарматской знати» (Шелов, 1972, с. 194).

направлений «...из Нижней Мезии или Паннонии (римские провинции) по степям, минуя Танаис. Очевидно, и в период наивысшего расцвета торговой деятельности Танаиса (I – первая половина III в. н. э.) часть изделий поступала в степи тем же путем, о чем свидетельствует различие форм собственно танаисских и степных металлических изделий» (Шилов, 1975, с. 164).

М. В. Кривошеев считает, что «поступление импортов к сарматам в первую очередь происходило путем дипломатических даров, которые позже и попадали в могилы вместе со своими владельцами» (Кривошеев, 2014, с. 111). Версии такого рода (дипломатические дары, военная добыча), несомненно, увлекательны, но требуют доказательств... Эта версия заманчива при рассмотрении элитных среднесарматских комплексов, обильных драгоценностями и серебряной и золотой посудой, происхождение большей части которой поныне является загадкой. В позднесарматских погребениях картина совершенно иная — здесь мы встречаем образцы грубоватой повседневной имперской утвари без всяких претензий на элитарность, да часто еще и не в лучшем состоянии²¹. Представить такие вещи в качестве подношений сложно.

На самом деле, количество способов попадания импортных металлических сосудов в степные сарматские могилы не так велико; все они без особого труда определяются умозрительно и четко сформулированы в цитированной выше работе В. П. Шилова²². Отрицать, как и утверждать любой из этих вариантов для каждой конкретной находки сложно; дело в том, какую из версий и в каком случае можно считать приоритетной.

Но в обзорах Д. Б. Шелова и В. П. Шило-

ва в круг исследования попадали и известные к тому времени знаменитые комплексы среднесарматской знати, содержавшие большое количество материальных ценностей. Они находятся вне нашей темы. Со времени написания и выхода в свет их работ количество выявленных комплексов, содержащих импортные римские бронзы, возросло многократно. Применительно к нижнедонскому региону можно утверждать, что современная картина территориально-хронологического распределения металла имперского происхождения позволяет на обновленной базе фактов признать преимущественную правоту точки зрения Д. Б. Шелова, сформулированной более полувека тому назад (Безуглов, 2017б, с. 31–33). Для рассматриваемого круга памятников в обозначенных хронологических рамках чем ближе к Танаису, тем выше плотность находок импортных металлических вещей. Такая ситуация вряд ли могла сложиться случайно.

Возвращаясь к материалам погребения в кургане 20 могильника Центральный IV, отмечу, что найденный там набор керамики (включая громоздкий кувшин и центральнокавказский горшок) был получен людьми, поставившими эти сосуды в могилу, в пределах нижнедонской зоны оседлости. По всей видимости, там же могли быть тем или иным способом приобретены и рассмотренные бронзовые вещи. Комплекс в кургане 20 могильника Центральный IV — важный аргумент в пользу мнения о высокой степени единства кочевого и оседлого (как боспорского, так и варварского) элементов в культуре нижнедонского очага античной северопонтийской цивилизации во II – начале III вв. н. э.

²¹ При этом мы не знаем, были ли повреждения и следы ремонтов на вещах получены до или после их перехода в собственность к степнякам.

²² «Таким образом, мы считаем, что западноиталийский импорт (так — С. Б.) попадал к сарматам и другим варварским племенам несколькими путями. 1. Путем вручения даров — наиболее ценных художественных сервизов и изделий из серебра и золота. 2. В результате торговых связей. 3. В качестве военных трофеев. 4. Путем межплеменных обменов» (Шилов, 1975. С. 166).

Литература

- Абоян Ю. В., Ларенок В. А. Раскопки некрополя Сухо-Чалтырского городища в 2011 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Вып. 27. / Отв. ред. А. А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2013. С. 68–97.
- Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1987. 232 с.
- Аржанцева И. А., Деопик Д. В. Зилги — городище начала I-го тысячелетия н. э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (археологические источники) / Отв. ред. Г. А. Кошеленко, С. А. Узянов. М.: Наука, 1989. С. 75–107.
- Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964 – 1972 гг.) // Археологические памятники Нижнего Подонья. I / Отв. ред. М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов. М.: Наука, 1974. С. 125–210.
- Безуглов С. И. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. Вып. 4 / Отв. ред. В. И. Переводчиков. Недвиговка: АМЗ «Танаис», 2017а. С. 84–127.
- Безуглов С. И. Танаис и кочевники Нижнего Дона во II – III вв. н. э. (экономические аспекты) // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь–Керчь: б. и., 2017б. С. 29–33.
- Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону: «Медиа-Полис», 2009. 128 с.
- Безуглов С. И., Захаров А. В. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1988. С. 5–28.
- Безуглов С. И., Захаров А. В. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1989. С. 42–66.
- Беспалый Е. И. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 156–168. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС, 2009. 468 с.
- Горбенко А. А., Косяненко В. М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. 512 с. (Донские древности. Вып. 11).
- Гришаков В. В., Зубов С. Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.
- Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: «Штиинца», 1990. 204 с.
- Гугуев Ю. К. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II – первой половине III в. н. э. (к постановке проблемы) // Вестник Танаиса. Вып. 1/ Ред. Л. М. Казакова. Ростов-на-Дону: Изд-во Гефест, 1994. С. 114–139.

- Гугуев В. К. Два погребения с западными и восточными импортами с территории Кобяковского курганного могильника // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 58–84.
- Гугуев В. К., Гугуев Ю. К. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984 – 1985 гг.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1989. С. 67–75.
- Гугуев Ю. К., Ильяшенко С. М., Казакова Л. М. О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н. э. в Танаисе // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой / Отв. ред. В. И. Козенкова, В. Ю. Малашев. М.: ТАУС, 2007. С. 432–457. (Материалы и исследования по археологии России. № 8).
- Гугуев Ю. К., Малашев В. Ю., Рылов В. Г. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в Танаисе в середине III в. н. э. (по результатам минералогическо-петрографических исследований) // НАВ. 2017. Т. 16, № 1. С. 45–61.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб: Фарн, 1994. 172 с.
- Ильюков Л. С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 100–140. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).
- Казакова Л. М., Копылов В. П., Науменко С. А. Раскопки курганов у поселка Центральный // Археологические открытия 1975 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 123.
- Копылов В. П. Отчет об исследовании археологических памятников в зоне реконструкции Донской оросительной системы в 1975 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5441, 5441а.
- Косяненко В. М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956 – 1962 гг.). Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2008. 544 с. (Донские древности. Вып. 9).
- Косяненко В. М. Новое аланское стойбище I – II вв. н. э. вблизи меотского поселения (в центре г. Азов) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). V. Материалы X международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 130–135.
- Кривошеев М. В. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12 – 15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Н. С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 105–112. (УАВ. Вып. 14)
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.). М.: Наука, 1970. 280 с. (САИ. Вып. Д1-27).
- Курчатов С., Бубулич В. «Сарматское погребение у с. Олонешты» — 40 лет спустя // Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона / Отв. ред. Е. Сава. Кишинев: Штиница, 2003. С. 285–312.
- Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999 – 2000 гг. Часть I. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом», 2013. 448 с.
- Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000 – 2001, 2002, 2004 годов. Часть II. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом», 2016. 320 с.

- Ларенок В. А., Ларенок П. А.* Случайная находка бронзового кувшина пробел// пробелАнтичная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б. А. Раева. Кагальник, 20 – 21 октября 2016 г. / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 148–155.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья // LIBER ARCHAEOLOGICAE. Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева. Краснодар–Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 51–77.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Подбойно-катакомбные погребения из меотских могильников правобережья Кубани // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Отв. ред. Г. Г. Матишов, Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 186-209. (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III).
- Максимов Е. К.* Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области // СА. 1957. № 4. С. 157–161.
- Малашев В. Ю.* Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.
- Масловский А. Н., Косяненко В. М.* Керамика с кварцевым песком из раскопок Крепостного городища в 2008 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2009 г. Вып. 25 / Отв. ред. А. А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. С. 371–390.
- Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1962. № 1. С. 195–208.
- Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. Пробел / Отв. ред. М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов. М.: Наука, 1974. С. 23–122.
- Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Раев Б. А.* Комплекс из кургана близ аула Кончукохабль: взгляд через 50 лет // АСГЭ. 2013. Вып. 39. С. 162–184.
- Раев Б. А., Науменко С. А.* Погребение с римскими импортами в Ростовской области // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева) / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Б. и., 1993. С. 151–160.
- Сергацков И. В.* Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2000. 396 с.
- Симоненко А. В.* Римский и провинциальный импорт у сарматов Северного Причерноморья. Типология и хронология. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 359 с.
- Скрипкин А. С.* Позднесарматский комплекс из Нижнего Поволжья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В. И. Козенкова, Ю. А. Краснов, И. Г. Розенфельдт. М.: Изд-во Наука, 1978. С. 77–81.
- Скрипкин А. С.* Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. № 4. С. 172–181.
- Субботин Л. В., Дзиговский А. Н.* Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. I. Курганные могильники Алкалия и Хаджидер II. Препринт. Киев, 1990. 40 с.

- Трейстер М. Ю.* О датировке погребения с Золотой маской в Керчи // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Часть I / Отв. ред. В. Ю. Зуев СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2004. С. 247–258.
- Трейстер М. Ю.* Кочевники на перекрестке трансъевразийских караванных путей (западные импорты в сарматском погребении кургана № 21 могильника Магнитный) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 279–286.
- Трейстер М. Ю.* *Blechkanne*. Медные кованые кувшины первых веков н. э. в Северном Причерноморье и Сарматии // Древности Боспора. Т. 22 / Гл. ред. А. А. Масленников. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 216–238.
- Трейстер М. Ю.* Импортные бронзовые кованые котлы Азиатской Сарматии // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. VIII / Гл. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2019а. С. 147–207.
- Трейстер М. Ю.* Бронзовые сосуды из тризны Кобяковского кургана № 10/1987 // Вестник Танаиса. №5. Том 2. / Отв. ред. С. М. Ильяшенко. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019б. С. 146–150.
- Трейстер М. Ю.* Римские бронзовые тазы Eggers 99–106 в Восточной Европе // ПИФК. 2020а. Вып. 3 (69). С. 5–48.
- Трейстер М. Ю.* Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии // ПИФК. 2020б. Вып. 2 (68). С. 5–60.
- Трейстер М. Ю.* Импортные бронзовые колокольчики в погребениях кочевников Азиатской Сарматии I в. до н. э. — III в. н. э. // Херсонесский сборник. Вып. XXI / Отв. ред. А. В. Зайков. Севастополь: ООО Издательство «Буки Веди», 2020в. С. 168–196.
- Шаров О. В.* Погребение с золотой маской // Тайна золотой маски. Каталог выставки / Научн. ред. А. М. Бутягин. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 17–42.
- Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. 352 с.
- Шелов Д. Б.* Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. 1983. №4. С. 57–69.
- Шепко Л. Г.* Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. № 4. С. 158–173.
- Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 208 с.
- Eggers H. J.* Der Römische Import im Freien Germanien. Hamburg, 1951. 203 S. (Atlas der Urgeschichte. Band I).
- Guguev V. K., Treister M. Ju.* Une oenochoé de bronze a scène mythologiques provenant d'un kourgane sarmate de la region de Rostov // Revue Archéologique. 1992. Fasc. 2. P. 243–271.
- Petrovsky R.* Studien zu Römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln // Kolner Studien zur Archaologie der Romischen Provinzen. 1993. Bd. 1. 460 S.
- Raev B.A.* Roman imports in the Lower Don Basin, 1986. 135 p. (BAR Int. Ser., 278).
- Volkov I. V., Guguev Yu. K.* A Late Sarmatian burial in Rostov-on-Don // Raev B. A. Roman imports in the Lower Don Basin, 1986. P. 73–74. (BAR Int. Ser., 278).

Табл. 1. Центральный IV, курган 20, погребение 1. Серолощенный кувшин: а — налп в верхней части ручки, вид сверху (без масштаба)

Табл. 2. Курган 20, погребение 1. Керамика: 1 — гончарный горшок; 2 — серолощенная миска

Табл. 3. Курган 20, погребение 1. Лепной горшок

Табл. 4. Курган 20, погребение 1. Бронзовый ковш: а — дно изнутри; б — место крепления утраченной рукояти; в — дно снаружи

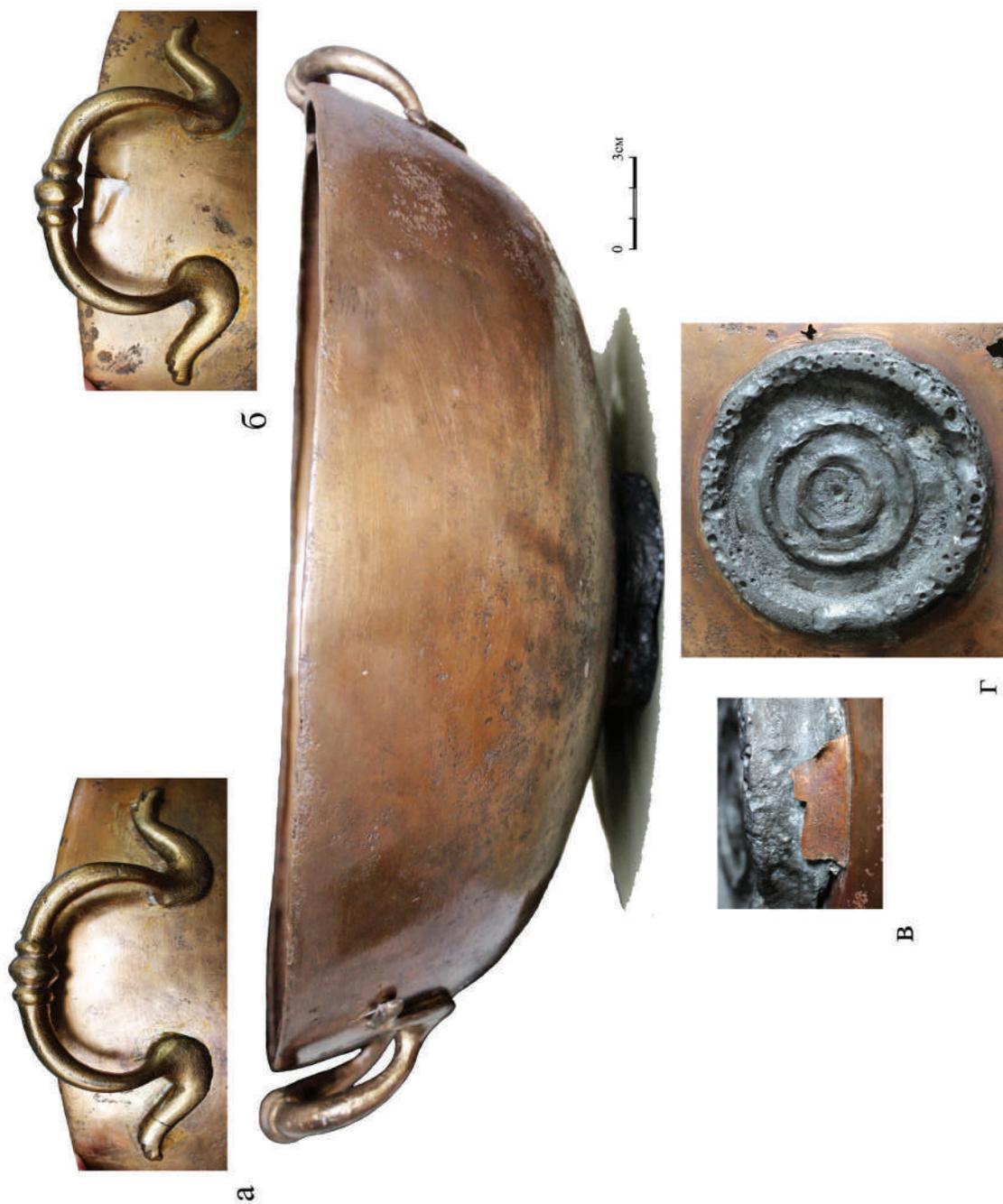

Табл. 5. Курган 20, погребение 1. Бронзовый таз: а, б — ручки (без масштаба); в — фрагмент бронзового поддона; г — заполнение поддона, мягкий тяжелый сплав

Табл. 6. Курган 20, погребение 1. Кованый кувшин с литой рукоятью

Табл. 7. Курган 20, погребение 1. Кованый кувшин, детали: 1 — верхняя часть;
2 — нижний атташ рукояти; 3 — дно

Табл. 8. Танаис, северный некрополь. Кованый кувшин с литыми ножками

Табл. 9. Танаис, северный некрополь. Кованый кувшин, детали: 1 — дно с ножками и следами монтажа дна и тулова; 2 — вмятина в центре дна; 3 — след припоя нижнего атташа ручки; 4 — верхняя часть горла со следами крепления атташа и «лепесткового» монтажа устья; 5 — следы монтажа дна и тулова (все — без масштаба)

Табл. 10. Курган 20, погребение 1. Кованый котелок с округлым дном

Табл. 11. Курган 20, погребение 1. Бронзовое ситечко (цеделка):
а — вид черпака снизу; б — вид ручки снизу

Табл. 12. Курган 20, погребение 1. 1-4 — бронзовые колокольчики

В. П. Глебов

Сарматские погребения из могильника Бейсужек 36 у г. Кореновск

Ключевые слова: *правобережье Кубани, сарматские погребения, сероглиняная посуда, втульчатые наконечники стрел, железный шлем*

Резюме

В 2012 – 2013 гг. экспедицией ГАУК РО «Донское наследие» в кургане 2 могильника Бейсужек 36 у г. Кореновска были исследованы два впускных сарматских захоронения II – I вв. до н. э. Погребальные сооружения — узкие прямоугольные ямы, погребенные располагались вытянуто на спине, с ориентировкой на ЗСЗ. Погребальный инвентарь: железный шлем, железные втульчатые наконечники стрел, колчаный крюк, фрагменты меча, железная пряжка, кружальные сосуд и миска, лепной сосуд, кости мелкого рогатого скота, железный нож и пр. Импортный железный шлем не принадлежит ни к одному из известных типов. Изображения похожих шлемов известны на боспорских надгробиях и у лучников на колонне Траяна. Погребение 3 со шлемом подтверждает некоторые закономерности: тяготение захоронений со шлемами к Кубани и Центральному Предкавказью, находки шлемов в большинстве случаев в рядовых погребениях.

Для цитирования: Глебов В. П. Сарматские погребения из могильника Бейсужек 36 у г. Кореновск // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С. 61–73*

Viacheslav Glebov

The Sarmatian Graves from the Cemetery of Beisuzhek 36 in the Vicinity of the Town of Korenovsk

Keywords: *right-bank Kuban area, Sarmatian graves, grey-clay vessels, socketed arrowheads, iron helmet*

Abstract

In 2012–2013, a team of the State Autonomous Cultural Institution of the Rostov Oblast' Donskoe Nasledie investigated two secondary Sarmatian graves from the second and first centuries BC in barrow 2 of the cemetery of Beisuzhek 36 in the vicinity of the town of Korenovsk. These burial structures were narrow rectangular pits. The dead persons were supine, with the head oriented to the west-north-west. The grave goods comprised an iron helmet, iron socketed arrowheads, a quiver hook, fragments of a sword, an iron buckle, wheel-made vessel and bowl, bones of sheep and goats, an iron knife, and so on. Imported iron helmet does not belong to any known type. There are images of similar helmets at Bosporan tombstones and on the figures of bowmen on Trajan's Column. Grave 3 with the helmet confirmed a few trends: helmet graves gravitated towards the Kuban area and Central Ciscaucasia, and the helmets were found mostly in ordinary graves.

В 2012 – 2013 гг. экспедиция ГАУК РО «Донское наследие» под руководством С. А. Науменко¹ проводила раскопки курганных могильников в степном правобережье Кубани. В ходе этих работ были исследованы курганы 1 и 2 могильника Бейсужек 36, расположенного в 1,5 км к северо-западу от г. Кореновска (Краснодарский край), на первой надпойменной террасе правого берега реки Бейсужек Левый.

Курган 2 (современные размеры: высота 3,70 м, диаметр 60 м) был возведен над группой погребений новотитаровской культуры, в последующие эпохи неоднократно

досыпался. В кургане исследовано 22 разновременных погребения, в том числе два сарматских захоронения — 3 и 9. Сарматские погребения были впущены в центральную часть насыпи, несколько севернее R0, располагались рядом друг с другом, северо-западный угол погребения 3 находился почти вплотную к южной стенке погребения 9 (рис. 1).

Погребение 3 (рис. 2, 1) располагалось в 5,50 м к северо-востоку от центра насыпи, на глубине 1,63 м от R0. Погребение было совершено в узкой прямоугольной яме (2,95 x 0,85 м), ориентированной длинной

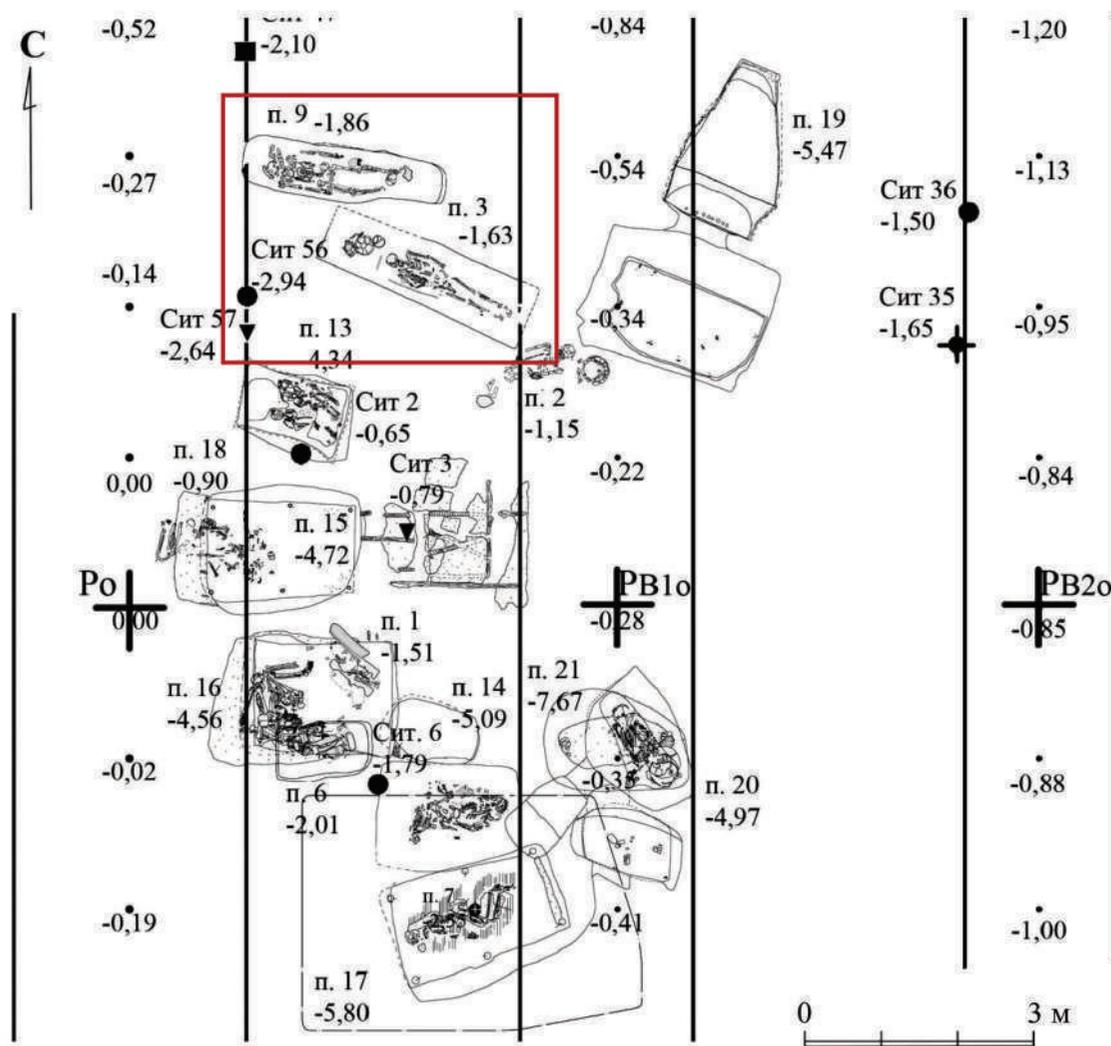

Рис. 1. Курганный могильник Бейсужек 36, курган 2. План центральной части кургана

¹ Выражаю благодарность Светлане Андреевне Науменко за разрешение публикации материала.

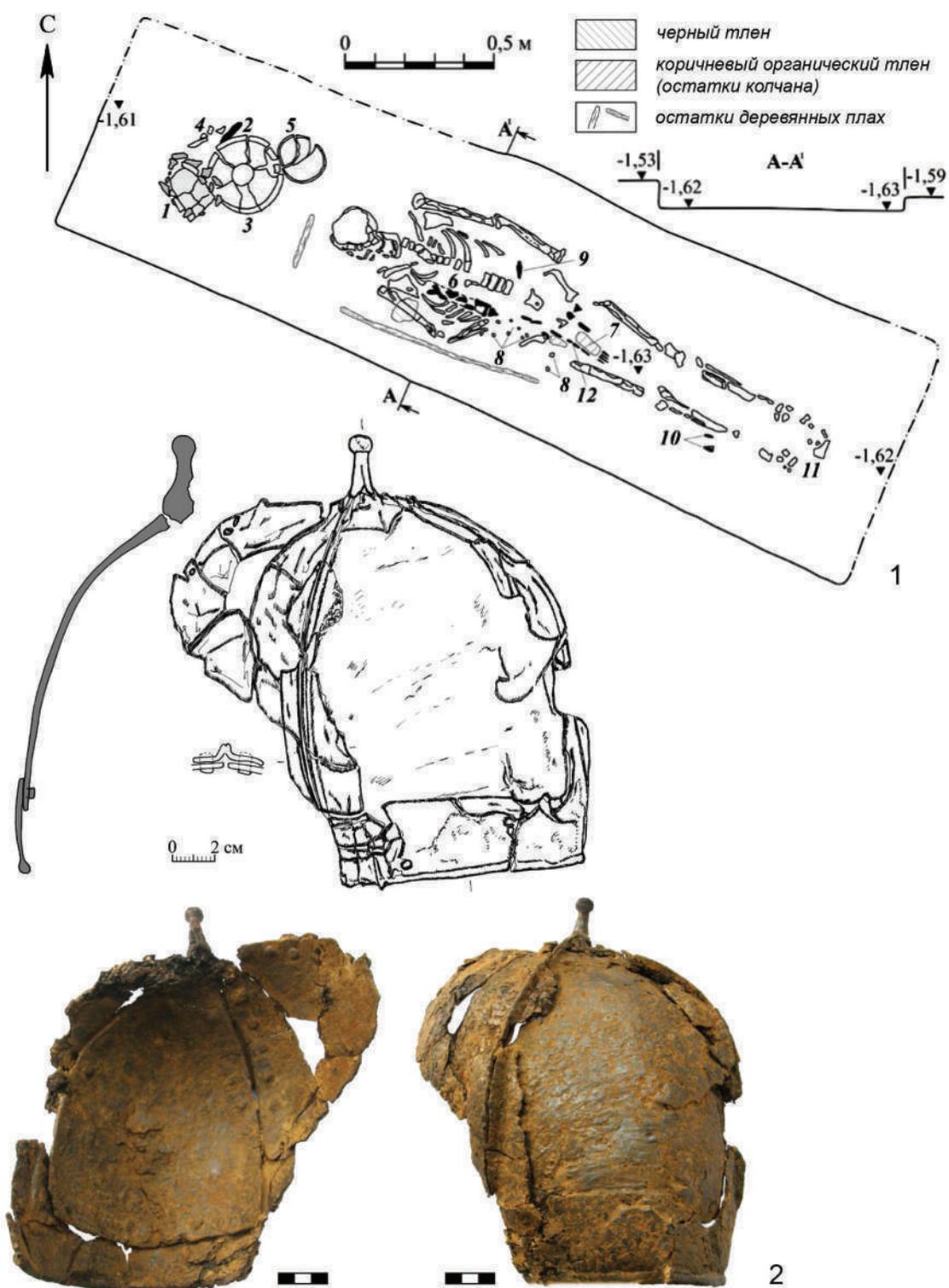

Рис. 2. Курганный могильник Бейсужек 36, курган 2, погребение 3: 1 — план и разрез погребения (1 — железный шлем, 2 — железный нож, 3 — миска, 4 — кости животного, 5 — кувшин, 6 — фрагменты железного меча, 7 — остатки колчана с железными наконечниками стрел, 8 — бронзовые колчаные бляшки, 9, 10 — отдельные железные наконечники стрел, 11 — фрагмент точильной плитки, 12 — фрагмент железного стержня); 2 — железный шлем

осью ЗСЗ–ВЮВ. Костяк взрослого человека располагался вытянуто на спине, черепом к ЗСЗ, левая рука была вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кисть находилась в районе живота погребенного. Все кости очень плохой сохранности, многие сохранились в виде костного тлена.

В погребении были зафиксированы остатки деревянной рамы — фрагменты деревянных плах шириной 0,02 м, длиной до 0,7 м справа и слева от погребенного, а также за черепом. Поверх правой плечевой кости погребенного был прослежен фрагмент черного тлена.

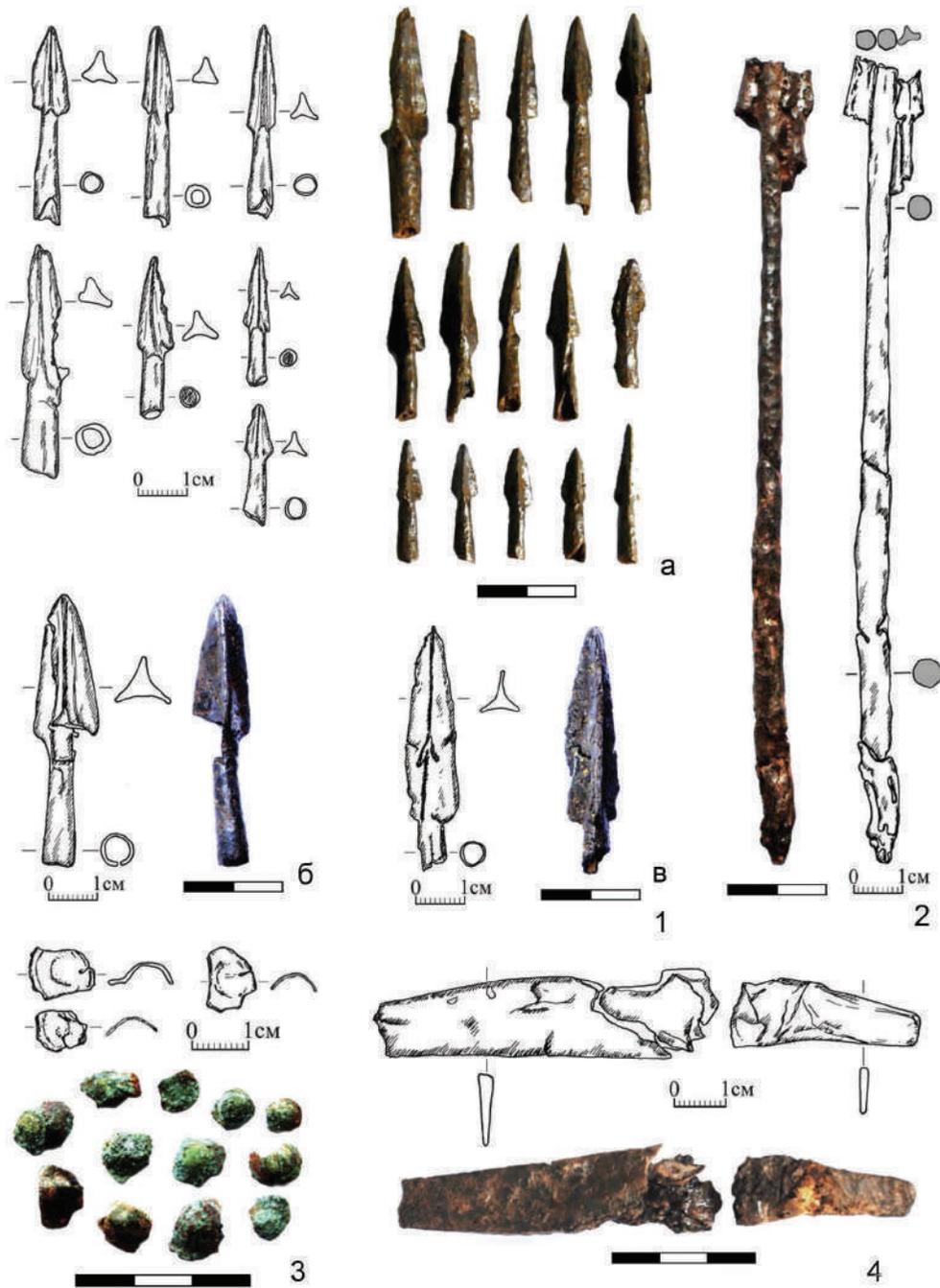

Рис. 3. Курганный могильник Бейсужек 36, курган 2, погребение 3: 1 — железные наконечники стрел; 2 — железный стержень; 3 — бронзовые колчаные бляшки; 4 — железный нож

Расположение погребального инвентаря и напутственной пищи.

За черепом погребенного в северо-западной части ямы находились: сероглиняный сосуд (рис. 5, 2), сероглиняная миска (рис. 5, 1), железный шлем, располагавшийся наверху к северу (рис. 2, 2), кости передних конечностей мелкого рогатого

скота и железный нож (рис. 3, 4). На правой стороне груди погребенного обнаружены фрагменты железного меча, ориентированного острием в сторону ног (рис. 4, 5). Под клинком меча найден фрагментированный железный стержень (рис. 4, 3). Между бедренных костей, ближе к правой, расчищено компактное скопление железных

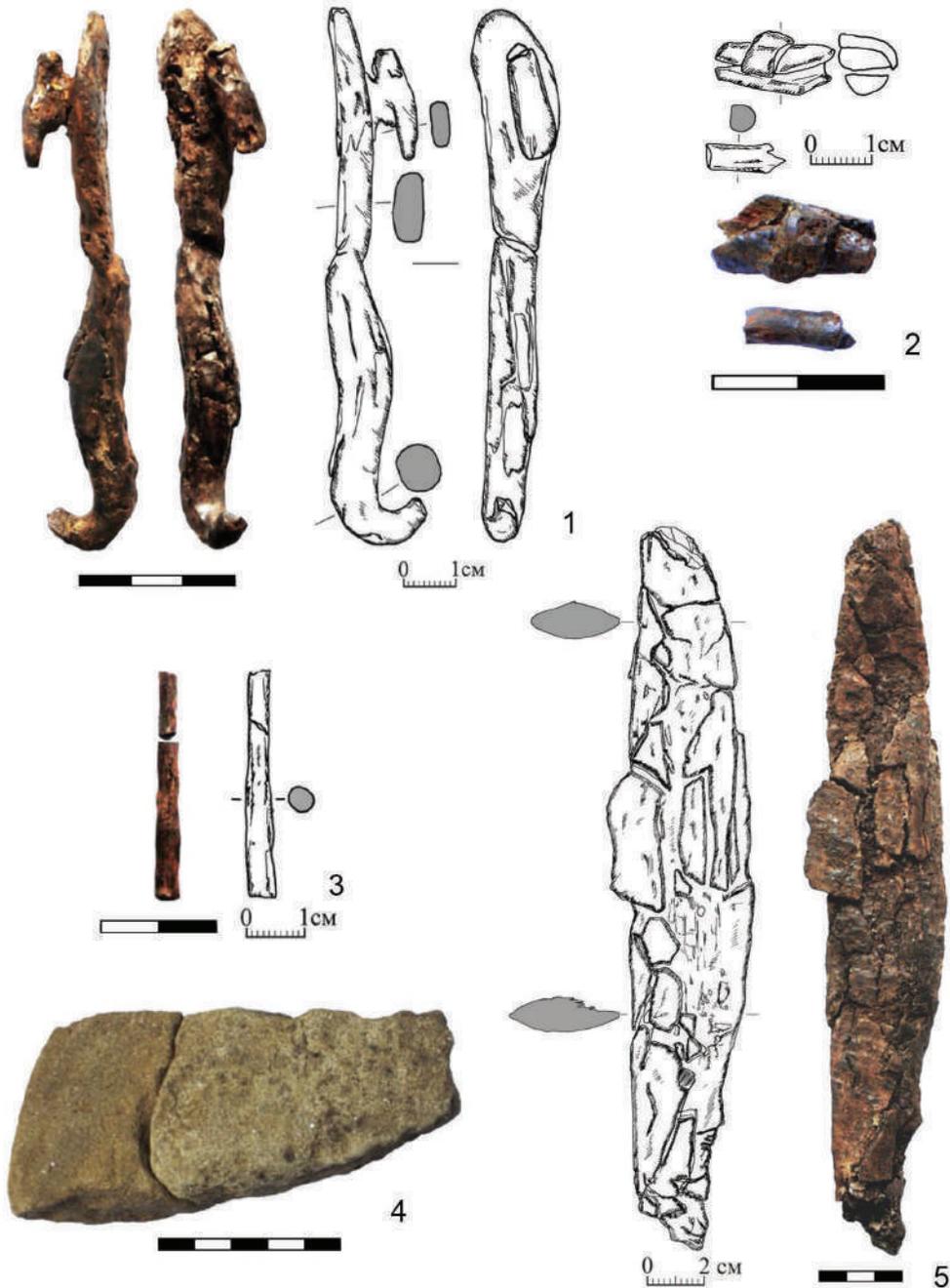

Рис. 4. Курганный могильник Бейсужек 36, курган 2, погребение 3: 1 — железный колчанный крюк; 2 — фрагменты железной пряжки; 3 — фрагмент железного стержня; 4 — точильный камень; 5 — фрагмент клинка железного меча

втульчатых наконечников стрел (рис. 3, 1а), ориентированных остриями к ВЮВ. Среди стрел обнаружен фрагментированный железный стержень, к которому прикрепились несколько наконечников (рис. 3, 2). Стрелы, очевидно, находились в колчане, остатки которого зафиксированы поверх кисти правой руки, правого полукружья таза и между бедренных костей. Верхняя часть колчана была украшена бронзовыми бляшками (рис. 3, 3) (одна бляшка обнаружена под мечом), от тулова колчана сохранились фрагменты коричневого тлена, по виду — кожаного. Два наконечника найдены отдельно от колчанного набора: один у правой голени (рис. 3, 1б), второй у левого крыла таза (рис. 3, 1в). В районе таза обнаружен железный крюк (рис. 4, 1). У стоп находился фрагмент точильной плитки, еще один ее фрагмент встречен в заполнении могилы в 0,3 м выше стоп (рис. 4, 4). Помимо этого, из погребения происходит железная пряжка (рис. 4, 2).

Описание погребального инвентаря.

1. Наконечники стрел:

— наконечники из колчанного набора между бедренными костями (15 целых и не менее 6 во фрагментах) (рис. 3, 1а) — железные втульчатые трехлопастные, лопасти срезаны под прямым или тупым углом к втулке. Наконечники различны по размерам и пропорциям, длина наконечников — 2,2–4,6 см, длина втулок — 1,2–2,4 см;

— наконечники стрел, встреченные отдельно от колчанного набора, относятся к тому же типу. Они тоже втульчатые трехлопастные, но более крупные: наконечник стрелы, найденный у таза (рис. 3, 1в), длиной 5,6 см, длина втулки — 2,7 см; у наконечника, найденного у правой голени (рис. 3, 1б), втулка частично обломана, длина сохранившейся части наконечника — 4,9 см.

2. Длинный железный стержень, находившийся в колчане вместе со стрелами (рис. 3, 2), в сечении округлый, в нижней (?) части более массивный. Верхняя часть

стержня, видимо, утрачена, длина сохранившейся части 20,5 см, диаметр — 0,5–0,7 см.

3. Бронзовые бляшки (рис. 3, 3), украшавшие верхнюю часть колчана, в большинстве фрагментированы. Бляшки выпуклые, полусферические, с отогнутыми почти под прямым углом краями. Диаметр бляшек 0,8–1,2 см, толщин — 1–2 мм.

4. Железный колчаный крюк (рис. 4, 1) изготовлен из толстого, округлого в сечении железного стержня, один конец которого заострен и загнут в виде крючка, другой раскован в пластину удлинненно-овальной формы. В центральной части пластины имеется выступающий шпенек. Длина крюка 10,2 см.

5. Фрагмент железного меча (рис. 4, 5) — сохранилась только часть линзовидного в сечении клинка длиной 26,4 см.

6. Фрагмент железного стержня, найденный под мечом (рис. 4, 3), округлый в сечении, с остатками древесины. Длина сохранившейся части 5 см, диаметр — 0,4 см.

7. Фрагменты железной пряжки (рис. 4, 2). Пряжка рамчатая с подвижным язычком, рамка была изготовлена из округлого в сечении стержня диаметром около 0,7 см, язычок округлый в сечении (диаметр около 0,4 см), конец его раскован.

8. Железный нож, сопровождавший напутственную пищу (рис. 3, 4), однолезвийный черенковый. Спинка ножа прямая, переход к черенку без уступа, на черенке сохранились остатки древесины от рукояти. Острие ножа утрачено, общая длина сохранившейся части около 10,5 см, длина черенка 2,9 см.

9. Железный шлем (рис. 2, 2) сохранился не полностью. Тулья сфероконической формы, имеет составную конструкцию. Каркас шлема состоит из горизонтального обода, от которого отходят вверх четыре ребра (сохранились два), представляющие собой полоски металла шириной 3–3,5 см с выделенным резким перегибом в средней части. Ребра сходятся в верхней части тульи, к ободу и ребрам изнутри внахлест

Рис. 5. Курганный могильник Бейсужек 36, курган 2, погребение 3:
1 — кружальная сероглиняная миска; 2 — кружальный сероглиняный сосуд

прикреплены заклепками пластины, которые образуют сегменты купола шлема (из четырех сегментов один сохранился полностью, два — частично). Заклепки расположены с шагом около 2 см, диаметр заклепок 0,4–0,5 см. Тулья шлема увенчана усеченно-коническим стержнем (высота 3,7 см) со сферическим навершием (диаметр 1,2 см). Видимо, шлем не был снабжен нащечниками и назатыльником — во всяком случае, на сохранившейся части шлема следы их крепления отсутствуют. Высота шлема с навершием 20,4 см, толщина пластин каркаса 0,2 см.

10. Кружальная сероглиняная миска (рис. 5, 1). Бортик миски прямой, венчик расширенный с уплощенным верхом и выступающим краем, стенки без прогиба, дно плоское. В месте перехода бортика в тулово миска декорирована двумя кольцевыми врезными линиями. Поверхность серо-коричневого цвета с черными пятнами копоти (?), тщательно залощена. Обжиг равномерный, тесто плотное, тонко отмученное, черепок в изломе серо-коричневого цвета, примеси: известь, мелкий песок. Размеры: высота 8,2 см, диаметр венчика 24,4 см.

11. Кружальный сероглиняный сосуд (рис. 5, 2). Горло высокое цилиндрическое, венчик отогнут наружу под углом, близким к прямому, тулово округлой формы, дно на невысоком поддоне. Сосуд декорирован в верхней части горла и в месте перехода горла в тулово одиночными кольцевыми врезными линиями, в верхней части тулова — волной из трех прочерченных линий. Поверхность темно-серого, местами черного цвета, тщательно залощена. Обжиг равномерный, тесто плотное, тонко отмученное, черепок в изломе серого цвета, примеси: известь, мелкий песок. Размеры: высота сосуда 22,4 см, диаметр тулова 14,5 см.

12. Точильная плитка из песчаника (рис. 5, 4) подтрапециевидной формы, со следами сработанности. Размеры: 12 x 5 x 3,6 см.

Погребение 9 (рис. 6, 1) располагалось в 6 м к ССВ от центра насыпи, на глубине 1,86 м от R0. Погребение было совершено в узкой прямоугольной яме со скругленными углами (2,64 x 0,64 м), ориентированной длинной осью ЗСЗ–ВЮВ. Костяк мужчины 20–25 лет² располагался вытянуто на спине, черепом к ЗСЗ, руки были вытянуты вдоль туловища, левая чуть отведена, ноги вытянуты, правая полусогнута в колене. В заполнении могилы и поверх костей (на черепе и правом крыле таза) находились остатки рухнувшего перекрытия — фрагменты деревянных плах шириной 0,1 м, длиной до 0,3 м. На дне под костяком были зафиксированы пятна органического тлена (вероятно, остатки одежды): в области черепа и под скелетом в районе груди и живота — темно-коричневый тлен, под левой голенью и правой бедренной костью — светло-коричневый тлен. Возле левой ступни было прослежено пятно органического тлена желтого цвета (войлок?).

Расположение погребального инвентаря.

Вдоль левого бедра была прослежена нижняя часть колчана: пятно органического тлена и набор железных втульчатых наконечников стрел (рис. 6, 1). Между стоп, частично заходя на левую, располагался лепной сосуд (рис. 6, 2).

Описание погребального инвентаря.

1. Наконечники стрел (16 целых и не менее 8 во фрагментах) (рис. 6, 1) — железные втульчатые трехлопастные, все однотипные — длинные и узкие, лопасти срезаны под прямым или тупым углом к втулке. Длина наконечников 3,6–6 см, длина втулок 1,6–2,1 см.

2. Лепной сосуд во фрагментах (рис. 6, 2). Тулово подовальной формы,

² Определение Е. Ф. Батиевой (к. б. н., с. н. с. Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника).

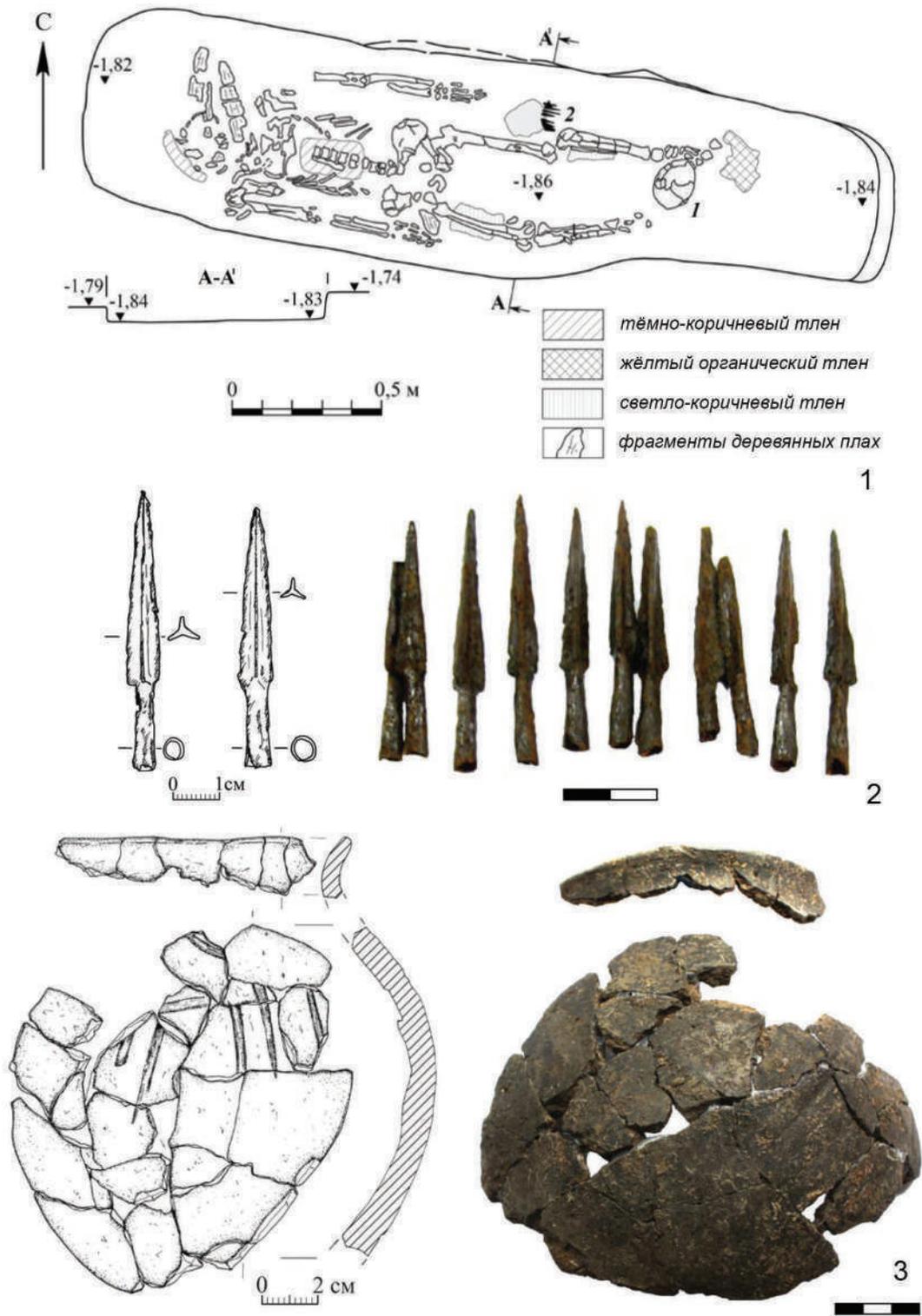

Рис. 6. Курганный могильник «Бейсужек 36», курган 2, погребение 9: 1 — план и разрез погребения (1 — лепной сосуд, 2 — остатки колчана с железными наконечниками стрел); 2 — железные наконечники стрел; 3 — лепной сосуд

дно не охранилось, горло низкое, венчик отогнут, край его скруглен. На фрагментах плечика и верхней части тулова частично сохранился пролощенный орнамент в виде горизонтальной линии и спускающихся от нее вниз косых или вертикальных линий. Поверхность серо-коричневого цвета, слегка залощена. Тесто плотное, черепок в изломе серо-коричневого цвета, примеси: известь, шамот, песок. Размеры: высота (реконструированная) около 16 см, диаметр венчика 13 см.

Расположение сарматских погребений 3 и 9 рядом друг с другом, сходство в погребальном обряде и инвентаре позволяют предположить, что это захоронения родственников, совершенные, очевидно, с небольшим хронологическим разрывом.

Рассмотренные комплексы, несомненно, принадлежат к сарматской («сиракской») культуре Предкавказья II – I вв. до н. э. (Берлизов, 1996, с. 29, 30; Шевченко, 2003, с. 48–50; 2020, с. 287, 288), имеющей существенные отличия от синхронных памятников классической раннесарматской культуры Южного Урала, Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья (Скрипкин, 1997, с. 186). Для кочевников степного Предкавказья II – I вв. до н. э. характерны впускные захоронения в прямоугольных ямах, подбоях, катакомбах, преимущественно с западной ориентировкой погребенных. Облик материальной культуры в целом «позднепрохоровский» с некоторыми особенностями, в том числе: обилие импортной кружальной посуды (боспорской, меотской, предкавказской), преобладание втульчатых железных наконечников стрел, тогда как в большинстве сарматских регионов втульчатые наконечники к этому времени уже сменились черешковыми.

Предметы погребального инвентаря из сарматских погребений, исследованных в кургане 2 могильника Бейсужек 36, в большинстве своем способны дать только широкую дату в пределах основного периода бытования всей группы «сиракских»

памятников степного правобережья Кубани — II – I вв. до н. э. Несколько уточнить время совершения сарматских захоронений из Бейсужка 36 способны лишь «шиловидные» наконечники стрел из погребения 9, имевшие распространение, главным образом, в конце II – I вв. до н. э. (Шевченко, 1993, с. 41, 42, рис. 1).

Рассмотрим подробнее инвентарь сарматских погребений. Кружальные сосуд и миска из погребения 3 меотские, судя по технологическим приемам и тесту, характерным для кубанской посуды: быстрый круг, тщательное сплошное лощение, тонко отмученное тесто с примесью извести и мелкого слюдяного песка. Узкогорлые сосудики без ручки с высоким горлом и округлым туловом встречаются на протяжении всего периода позднего эллинизма, хотя более характерны для IV – III вв. до н. э. Идентичный по форме и размерам сосудик происходит из погребения 86 в могильнике Старокорсунского городища № 2, датирующегося концом IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2005, с. 249, рис. 11, 2). Судя по находке такого же сосудика в погребении 3 могильника Бейсужек 36, они продолжают бытовать и во II – I вв. до н. э.

Определить тип короткого меча из погребения 3 не представляется возможным, так как перекрестье и навершие его не сохранились. Находки в комплекте с мечами железных стержней (обычно заостренных, но в нашем случае из-за фрагментарности стержня осталось неясным, был ли он заострен) известны в самом разном контексте. Есть версия, что это колющее оружие типа стилета (Маслов, 2019, с. 141, 142, 146, 148).

Железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел из обоих погребений принадлежат к типам, имеющим широкое распространение в последних веках до н. э. на Кубани и в Центральном Предкавказье (Шевченко, 1993, с. 39–44; Абрамова, 1993, с. 74–76; Марченко, 1996, с. 59–67; Прокопенко, 2013, с. 214–220 и др.).

Примечательно, что наконечники, найденные в погребении 3 вне колчана, отличаются от наконечников колчанного набора — они значительно крупнее. В противоположность колчанному набору из погребения 3, где встречены наконечники разных пропорций, в наборе из погребения 9 все стрелы однотипные — длинные узкие наконечники, получившие за характерную форму название «шиловидные» (вариант 3 отдела I по Н. Ф. Шевченко). Как уже отмечалось, такие наконечники имеют более узкую дату — время их наибольшего распространения выпадает на конец II – I вв. до н. э.

Назначение длинного железного стержня, найденного в погребении 3 в колчане вместе со стрелами, остается неясным. По версии автора раскопок С. А. Науменко, это предположительно «насад дротика». Действительно, в сарматских колчанах наряду с обычными наконечниками стрел иногда присутствуют единичные крупные наконечники необычных форм, трактуемые как дротики (Власкин, 2005, с. 154, рис. 2, 7; Глебов, 2007, с. 90, рис. 1, 14). Однако, насколько мне известно, эти наконечники никогда не снабжались длинными черенками-насадами.

Не исключено, что стержень был вставлен во втулку одного из наконечников (на первый взгляд стержень слишком массивен, но здесь можно сделать скидку на коррозию). Разумеется, это лишь предположение, поскольку верхняя часть прута не сохранилась, но такие составные наконечники стрел известны в сарматских погребениях разных регионов (Симоненко, 2012, с. 144). К. Ф. Смирнов связывает появление составных наконечников стрел у сарматов с восточными влияниями, аргументируя это бытованием подобных наконечников на территории Сибири, Монголии и Китая в V – III вв. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 64).

Украшение колчана бляшками — традиция, получившая распространение более всего на Кубани и в Центральном Предкавказье во II – I вв. до н. э., в других регионах

известны только единичные случаи находок таких бляшек (Зайцев, Мордвинцева, 2007, с. 341, 342).

Наиболее интересной находкой является, конечно, шлем из погребения 3. Шлем простой по форме и конструкции, имеет всего одну декоративную деталь — невысокое навершие со сферическим окончанием. Вместе с тем, он отличается от грубых и примитивных варварских каркасных шлемов и конструктивно, и по качеству исполнения (см., например: Сазонов, 1992, с. 248, 249, рис. 2, 11; 7, 3; 9, 5; 11, 4). Шлем из Бейсужка 36 явно изготовлен профессиональным мастером-оружейником — аккуратно, добротнo, и производит впечатление серийного изделия, а не случайной штучной поделки. Однако, хотя в Северном Причерноморье в погребениях и ритуальных комплексах известно более 90 импортных (римских, греческих, кельтских) и местных шлемов, шлемы типа Бейсужек 36 в этом регионе нигде более не встречены.

Зато изображения похожих шлемов (правда, из большого количества сегментов, иногда с нащечниками) зафиксированы на боспорских надгробиях позднего эллинизма — раннего римского времени: Менофила, сына Демострата, Родона, сына Гелия (Виноградов, Горончаровский, 2008, с. 194, 195, рис. 95; 96). Ю. А. Виноградов и В. А. Горончаровский обратили внимание на близкое сходство шлемов, изображенных на боспорских надгробиях, со шлемами лучников на колонне Траяна в эпизоде столкновения римских воинов с дакийцами на подступах к римскому лагерю. Вслед за К. Цихориусом и М. И. Ростовцевым петербургские исследователи видят в лучниках с колонны Траяна вспомогательное боспорское подразделение, принимавшее участие в Дакийских войнах (Виноградов, Горончаровский, 2008, с. 194). Однако, как показывают исследования, вспомогательные контингенты лучников для римской армии этого времени набирались в основном в Восточном Средиземноморье,

главным образом, в Сирии (см., например: Richmond, 1935, p. 16). Судя по длинным одеждам и некоторым деталям, на рельефах колонны Траяна изображены именно восточные лучники³.

Таким образом, шлемы, подобные экземпляру из Бейсужка 36, бытовали в течение продолжительного времени и достаточно широко. Более подробно вопросы происхождения таких шлемов планируется рассмотреть в отдельной работе.

Погребение 3 могильника Бейсужек 36 пополняет список варварских погребений

со шлемами в Северо-Восточном Причерноморье и подтверждает некоторые закономерности. Во-первых, захоронения со шлемами тяготеют к Кубани и Центральному Предкавказью, исключения единичны: Мариенталь в Поволжье, Неаполь скифский в Крыму. Во-вторых, шлемы в большинстве случаев найдены в рядовых погребениях, ничем более не выделяющихся из общей массы захоронений. Создается впечатление, что импортные шлемы не всегда считались у варваров большой ценностью и показателем высокого социального статуса.

Литература

- Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
- Берлизов Н. Е.* Сарматы в Предкавказье. Некоторые аспекты исследования // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения / Отв. ред. Г. Е. Афанасьев. М.: ИА РАН, 1996. С. 29–31.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского ГУ, 2008. 332 с.
- Власкин М. В.* Археологические исследования могильника Новопалестинский I // Археологические записки. Вып. 4 / Ред. В. Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2005. С. 153–164.
- Глебов В. П.* Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров. Челябинск: Южно-Уральский ГУ, 2007. С. 88–98.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т. Н. Высотской / Ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 319–358.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5 / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский ГУ, 2005. С. 219–324.
- Маслов В. Е.* Синдо-меотские мечи vs. акинаки (реалии сегодняшнего дня) // Stratum plus. 2019. № 3. С. 133–154.
- Марченко И. И.* Сираки Кубани. Краснодар: Кубанский ГУ, 1996. 340 с.
- Прокопенко Ю. А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Часть 1. Ставрополь: Северо-Кавказский ФУ, 2014. 446 с.

³ Выражаю благодарность А. В. Дедюлькину за консультацию по поводу шлема из Бейсужка 36 и изображений на колонне Траяна.

- Сазонов А. А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Д. Х. Мекулов. Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1992. С. 244–274.
- Симоненко А. В.* Импортное оружие у сарматов // Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко / Ред. авторская. Киев: КНТ, 2012. С. 139–154.
- Скрипкин А. С.* Памятники III – I вв. до н.э. // Раннесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2 / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. С. 131–212.
- Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М.: АН СССР, 1961. 163 с. (МИА. № 101).
- Шевченко Н. Ф.* Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья / Ред. А. В. Пьянков, Н. Ф. Шевченко. Краснодар: Скифская галерея, 1993. С. 38–55.
- Шевченко Н. Ф.* Сираки и аорсы в степном Прикубанье // РА. 2003. № 1. С. 44–59.
- Шевченко Н. Ф.* Сарматы Центрального и Западного Кавказа в раннесарматское время // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 287–289.
- Richmond I. A.* Trajan's Army on Trajan's Column // Papers of the British School at Rome. 1935. Vol. 13. P. 1–40.

Л. Грумеца

Бусы из кораллов и морских раковин в погребениях, приписываемых сарматам, на территории Румынии¹

Ключевые слова: коралл, раковины морских моллюсков, бусы, сарматы, Карпатский бассейн, Молдова

Резюме

Целью исследования является анализ бус из раковин, кораллов и моллюсков из могил, приписываемых сарматам, жившим на территории Румынии (Банат, Кришана и Молдова). Имеющийся материал позволяет заключить, что бусы, найденные к востоку и к западу от Карпат, отличаются как сырьем, из которого они сделаны, так и формой. Сырье поступало в основном из Красного моря, Персидского залива, Индийского и Тихого океанов, в меньшей степени из Средиземного моря. Мы знаем только об одной римской мастерской (Тибискум, в Верхней Дакии), куда привозили и обрабатывали раковины кораллов и моллюсков, чтобы позже продать их в Барбарикуме.

В римском мире перламутр, *Corallium rubrum* и редкие моллюски были признаками роскоши, но также и профилактики. В Барбарикуме эти категории артефактов обычно находят в богатых могилах женщин и детей, часто вместе с редкими артефактами, которые также указывают на возможные брачные союзы или торговлю на большие расстояния, вплоть до Красного моря и Индийского океана.

Для цитирования: Грумеца Л. Бусы из кораллов и морских раковин в погребениях, приписываемых сарматам, на территории Румынии // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С. 74–88.

Lavinia Grumeza

Coral and Mollusk Shell Beads in the Graves Attributed to Sarmatians in Romania

Keywords: coral, molluscs shells, beads, Sarmatians, Carpathian Basin, Moldova

Abstract

The aim of this study is to analyze the coral and molluscs shells beads from graves attributed to the Sarmatians from Romania (Banat, Crișana and Moldova regions). From the available material we notice that we are dealing with different beads east and west of the Carpathians, both in terms of raw material and shape. The raw material was coming mainly from the Red Sea, the Persian Gulf and the Indo-Pacific Ocean and less from the Mediterranean. We know of only one Roman workshop (*Tibiscum*, in *Dacia Superior*) where the coral and molluscs shells were brought and processed, to be later sold in *Barbaricum*.

In the Roman world, mother-of-pearls, *Corallium rubrum* and rare mollusks were signs of luxury, but also of prophylaxis. In *Barbaricum* these categories of artifacts usually appear in rich graves of women and children, often associated with rare artefacts, which also indicate possible matrimonial alliances or long-distance trade, as far as the Red Sea and the Indian Ocean.

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Румынского национального совета по научным исследованиям, CCCDI/CNCS – UEFISCDI: номер проекта PN-III-P1-1.1-TE-2019-0783, в рамках PNCDI III. Я очень благодарна доктору Виктору Кожокару (Яссы) за перевод текста с румынского на русский, а также доктору Игорю Николаевичу Храпунову (Симферополь) за редактирование русского текста и полезные замечания.

Краткое введение в *status quaestionis*

Известняковые материалы (раковины моллюсков, осадочные породы, мягкий или твердый известняк) использовались для изготовления бус с доисторических времен до наших дней. К сожалению, в археологических публикациях, анализирующих античный период, было приложено мало усилий, чтобы указать точный тип сырья, хотя эта информация помогла бы идентифицировать торговые контакты или миграции людей на больших территориях. Немногочисленные исключения — для сарматской археологии — это статья, опубликованная Л. Ковачем и А. Вадаи (Kovács, Vaday, 1999), в которой анализируются подвески из морских брюхоногих моллюсков, обнаруженных в Карпатском бассейне; обширная монография Л. Ковача (Kovács, 2008) об амулетах из морских раковин, и недавняя статья М. Трейстера (Трейстер, 2021), посвященная раковинам морских моллюсков в погребениях кочевников Азиатской Сарматии. Однако эти исследования сосредоточены только на анализе и картировании подвесок из морских раковин, в то время как коралловые или жемчужные бусы не обсуждались.

Цель этой статьи — составить карту и проанализировать находки бус из кораллов и морских раковин в погребениях, приписываемых сарматам, на востоке и западе Карпат, в сегодняшней Румынии (регионы Банат, Кришана и Молдова). Я использовала только тот материал, который могла лично проверить. Кроме того, это исследование проводилось без участия биолога, поэтому оно имеет ряд методологических ограничений.²

Если в случае коралловых бус определение может быть более надежным благодаря необработанному, естественному внешнему виду изделий (вырезанных из ветви

коралла), в случае бус из морских раковин, часто кальцинированных или пористых из-за разложения в земле, оно усложняется, а в некоторых ситуациях остается неопределенным. С помощью своего исследования я хочу привлечь внимание к этим артефактам (как примеру редкого типа товаров, привезенных издалека), которые заслуживают адекватного включения в литературу и междисциплинарного анализа.

Подвески из морских раковин

Л. Ковач и А. Вадаи установили, что подвески из морских раковин, найденные в сарматских погребениях в Карпатском бассейне, происходят в основном из Красного моря, Индийского и Тихого океанов (*Cypraea pantherina*, *Cypraea tigris*, *Cypraea annulus*, *Cypraea moneta*, *Conus spondylus*) и, реже, из Средиземного моря (*Cypraea spurca*, *Murex trunculus*) (Kovács, Vaday, 1999, p. 248). В западной Румынии нам известны только находки из Выршанд/Арад, Шиманд/Арад, Визеждия (?)/Тимиш (Kovács, Vaday, 1999, *passim*) и Ловрин/Тимиш (Kovács 2008, p. 250), где была найдена большая раковина каури (6,6 см) из семейства *Cypraeidae*. Что касается бус, обнаруженных в том же внутрикарпатском регионе, было установлено, что они, вместе с подвесками из морских раковин, были сделаны в основном из *Spondylus* и других видов брюхоногих моллюсков (включая двустворчатых моллюсков), которые считаются привезенными с востока (“finds transported from the east”), или были доставлены варварами (“barbarian transported goods” — Kovács, Vaday, 1999, p. 251). В некоторых случаях они сочетаются в погребальном инвентаре с другими объектами восточного происхождения, такими как небольшие прямоугольные сосуды, используемые в качестве курительниц (Vaday, Medgyesi, 1994).³

² Я благодарна доктору Монике Мэргэрит (Тырговиште) за помощь в точной идентификации некоторых изделий (*Antalis*, *Unio*, *Cervus elaphus*, *Spondylus spinosus*).

³ Авторы даже полагают, что эти сосуды служат индикаторами иранских этнических элементов: „We can say that the rectangular smoking-vessels appear only in a small part of the Barbaricum, consequently it indicates Iranian ethnic elements coming into and setting down in the Carpathian Basin” (Vaday, Medgyesi, 1994, p. 84).

Рис. 1. *Шофронь/Арад*: 1-2 — бусы из погребения № 1 (фото: Л. Грумеца), 3 — бусы из погребения № 2 (Grumeza, 2019, p. 84, Fig. 20); *Фоень/Тимиш*: 4 — погребение № 14 (фото: Ф. Драшовян), 5-7 — бусы из погребения № 14, коралл отмечен стрелкой (фото и рисунки: Л. Грумеца).
© Музейный комплекс Арад, Музей Баната. Тимишоара

К востоку от Карпат мы находим в основном ракушки-подвески типа *Cypraea moneta*. Это вид морской улитки (брюхоногого моллюска) из семейства *Cypraeidae*, обитающий в Индийском и Тихом океанах (Kovács, Vaday, 1999, p. 248). Такие раковины были зафиксированы в погребениях, приписываемых сарматам и датировемых II – III вв. н. э., например, в Штефэнешть/Ботошань, Ончешть/Бакэу, Рымничелу/Брэила (погребения 3 и 6), и в курганном некрополе Лишкотянка-Мовила Оларулуй/Брэила, где были найдены четыре экземпляра *Monetaria annulus* (Bichig, 1977, p. 170; ср. с более точными определениями: Kovács, 2008, p. 293).

Если в случае ракушек-подвесок типологическое определение ясно, в случае бус (обработанных артефактов) оно проблематично, тем более что в литературе все эти типы известняковых изделий описываются как «коралловые бусы». При повторном анализе этих артефактов я обнаружила, что только часть из них была сделана из кораллов, а остальные — из различных видов морских раковин.

Коралловые бусы и морские раковины, найденные к западу от Карпат

В западно-карпатском пространстве сарматские погребения известны только на территории Баната и Кришаны (сегодня это равнинная территория западной Румынии).⁴ Бусы из кораллов и ракушек очень редки в этой географической области, но в погребениях они ассоциируются с разнообразным и неоднородным археологическим материалом. Из некрополя III в. н. э. Шофронь-Кэрэмидэрие/Арад (некрополь с пятью погребениями) происходит красная коралловая бусина (*Corallium rubrum*) с веткой в центре (H — 2,4 см, D — 0,3 см, 0,5 см — ветка; рис. 1, 1). В том же некрополе (погребение № 1) были найдены две бусины из сердолика, пять стеклянных и два бронзовых пинцета (Grumeza, 2019, p. 84). Этот материал происходит из более старых

раскопок и был восстановлен археологами Музея Арад лишь частично (рис. 1, 1–3).

Сарматский некрополь из Фоень-Чимитирул Ортодох/Тимиш стал объектом систематических исследований в ходе нескольких археологических сезонов. В 18 погребений, датированных концом II – третьей четвертью III в. н. э., найдено около 1600 бус из разных материалов и разных цветов (Grumeza, 2013). Кроме того, почти в каждом женском погребении были обнаружены маленькие лепные курильницы прямоугольной формы (рис. 2, 1–3), а также римские импортные изделия (фибулы и бусы типа *Tibiscum*). Самый богатый погребальный комплекс (№ 14) принадлежал ребенку. В его инвентаре были две серьги, круглая серебряная брошь (*Dosenförmigerfibel*), два железных браслета, два железных колокольчика, пряслице, лепная курильница и 457 целых бус, а также другие фрагментированные вещи. Выделяется большое количество полихромных бус разной формы и разных цветов (рис. 1, 4–7), а также три коралловые бусины, найденные в верхней части скелета (H — 10,7–14,6 мм, D — 3,8 мм); еще одна, фрагментированная, была найдена на правой стороне скелета (Grumeza, 2014, p. 182, 183).

Грубые коралловые бусы известны в погребение № 40 из Кларафалва-Б/Чонград (венгерский Банат), в котором погребальный инвентарь аналогичен инвентарю погребения из Фоень: две серебряные серьги, фрагментированные украшения с зернью, круглая серебряная брошь (*Dosenförmigerfibel*) с инталией (теперь утрачена), еще одна фрагментированная железная фибула, бронзовый браслет, пряслице, 269 бусин, из них 22 коралловых (Párducz, 1950, p. 143, 144), различных форм и размеров (рис. 2, 5). В погребении № 54 того же некрополя найдены прямоугольная курильница и раковина типа *Cypraea pantherina* (рис. 2, 6, 7), происходящая из Красного

⁴ К 2014 году выявлено 147 некрополей или пунктов с погребальными находками с 540 погребениями (Grumeza, 2014). В настоящее время количество этих открытий увеличилось в результате спасательных раскопок.

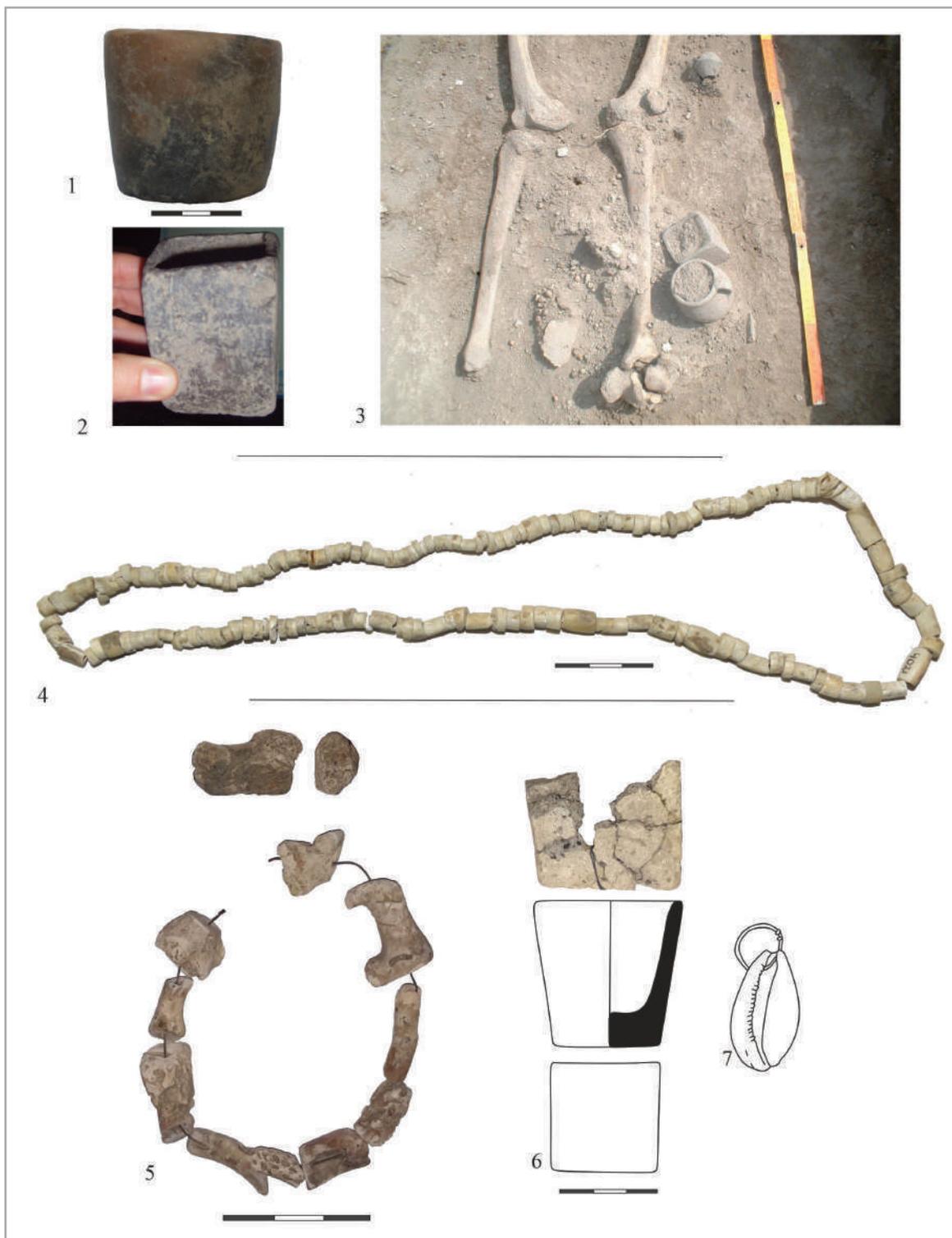

Рис. 2. **Фоень/Тимиш**: 1–3 — прямоугольные сосуды из погребений №№ 2 и 18 (фото: Л. Грумеца, Ф. Драшовян), 4 — бусы из ракушек, обнаруженные в сарматском погребении в Банате (фото: Л. Грумеца); **Kláralfalva/Csongrád**: 5 — коралловые бусы из погребения № 40 (фото: Л. Грумеца), 6–7 — прямоугольный сосуд и пантеровая каури из погребения № 54 (фото: Л. Грумеца, рисунки по Vaday, Medgyesi 1994, p. 82, Fig. 16, 24, 36).
 © Музей Баната. Тимишоара, Móra Ferenc Múzeum. Szeged

моря или Индийского океана (Kovács, 2008, p. 248). Кроме того, в Музее Баната в Тимишоаре я обнаружила ожерелье (?), сделанное из 179 бусин из известняка и раковин *Spondylus* (рис. 2, 4). К сожалению, место происхождения неизвестно, в документации музея указано только: «бусы из сарматской гробницы».

Коралловые бусы и морские раковины, найденные к востоку от Карпат

Памятники, приписываемые сарматам, чрезвычайно многочисленны к востоку от Карпат. Если И. Ионицэ каталогизировал в 2010 году около 60 некрополей (Ioniță, 2010), то сегодня их количество значительно увеличилось, возможно, вдвое.⁵ Для этого исследования была обработана только часть археологического материала (около 6000 бус), который в настоящее время находится в коллекциях музеев Румынской Молдовы (Ботошань, Бырлад и Яссы).

В могильнике из Миток-Малу Галбен/Ботошань, помимо упомянутых выше раковин *Cypraea moneta*, которые носили как подвески, обнаружены бусы из раковин. В некрополе с 10 могилами в 5 женских погребениях насчитывалось более 1730 бусин (Grumeza, 2021). Бусы из кораллов и моллюсков немногочисленны в этом некрополе, но они очень разнообразны морфологически и типологически. В погребении № 1 (принадлежало женщине с намеренно деформированным черепом) в погребальном инвентаре среди различных металлических украшений находилось металлическое зеркало с тамгой и 149 стеклянных, сердоликовых и янтарных бус, а также бусина *Spondylus* (12 x 5 мм) и четыре *Antalis* (9–11 x 2,6–3,6 мм) (рис. 3). В погребении № 8, помимо бронзовой подвязной фибулы, у погребенной находились 792 бусины (и другие фрагментированные) из стекла, сердолика и янтаря, а также бронзовая серьга со вставкой из моллю-

ска (рис. 4). В области головы погребенной обнаружено 10 крестовидных аппликаций (размеры: 11–13 x 9–13 мм) из перламутра (вероятно, *Spondylus* или *Unio*). Такие артефакты очень редки. Я нашла аналогии только в погребении № 1 из Тузара I (Республика Молдова), датированном II – III вв. н. э. (Corobceanu et al., 2019, p. 217), и в могильнике Нейзац в Крыму (Стоянова, 2004, с. 294, Таб. VIII, 20), откуда происходят 8 экземпляров из одного погребения (рис. 6, 9). В могильнике Нейзац зафиксированы коралловые бусы (рис. 6, 10), а также прекрасные аналогии женскому костюму, богато расшитому бисером на шее, манжетах и в нижней части одежды (Стоянова, 2004).

Известны крестообразные жемчужные аппликации и в некрополе конца I – II в. н. э. Старые Куконешты II (Республика Молдова).

1) Пятно 10, могила девочки-подростка (Дергачев, 1982, с. 106, рис. 36, 6), где возле черепа найдено три крестообразных, а также одна овальная перламутровая и много других бус (рис. 6, 1, 2).

2) Пятно 32, могила молодой женщины № 1 (Дергачев, 1982, с. 116, рис. 40, 11), с крестообразной аппликацией из перламутра (возле черепа), 6 коралловыми, 79 стеклянными и сердоликовыми бусинами, найденными на щиколотках и в области черепа (рис. 6, 3–5).

3) Пятно 38. В погребении № 1 (Дергачев, 1982, с. 118, 119, рис. 42, 2) найдено 11 перламутровых крестовидных аппликаций и 7 бусин из того же (?) материала, а также зеркало с тамгой (рис. 6, 6–8).

Таким образом, можно наблюдать много общего между погребальным обрядом и костюмами умерших, захороненных в Старых Куконештах и в Миток. Расстояние между двумя некрополями по прямой составляет всего 17 км (рис. 7).

Коралловые бусы находились в могиле

⁵ В настоящее время сарматские материалы из Молдовы обрабатываются автором в рамках плановой темы «Сарматы между Карпатами и Прутом: археологические свидетельства и историографические интерпретации» в Институте археологии в Яссах.

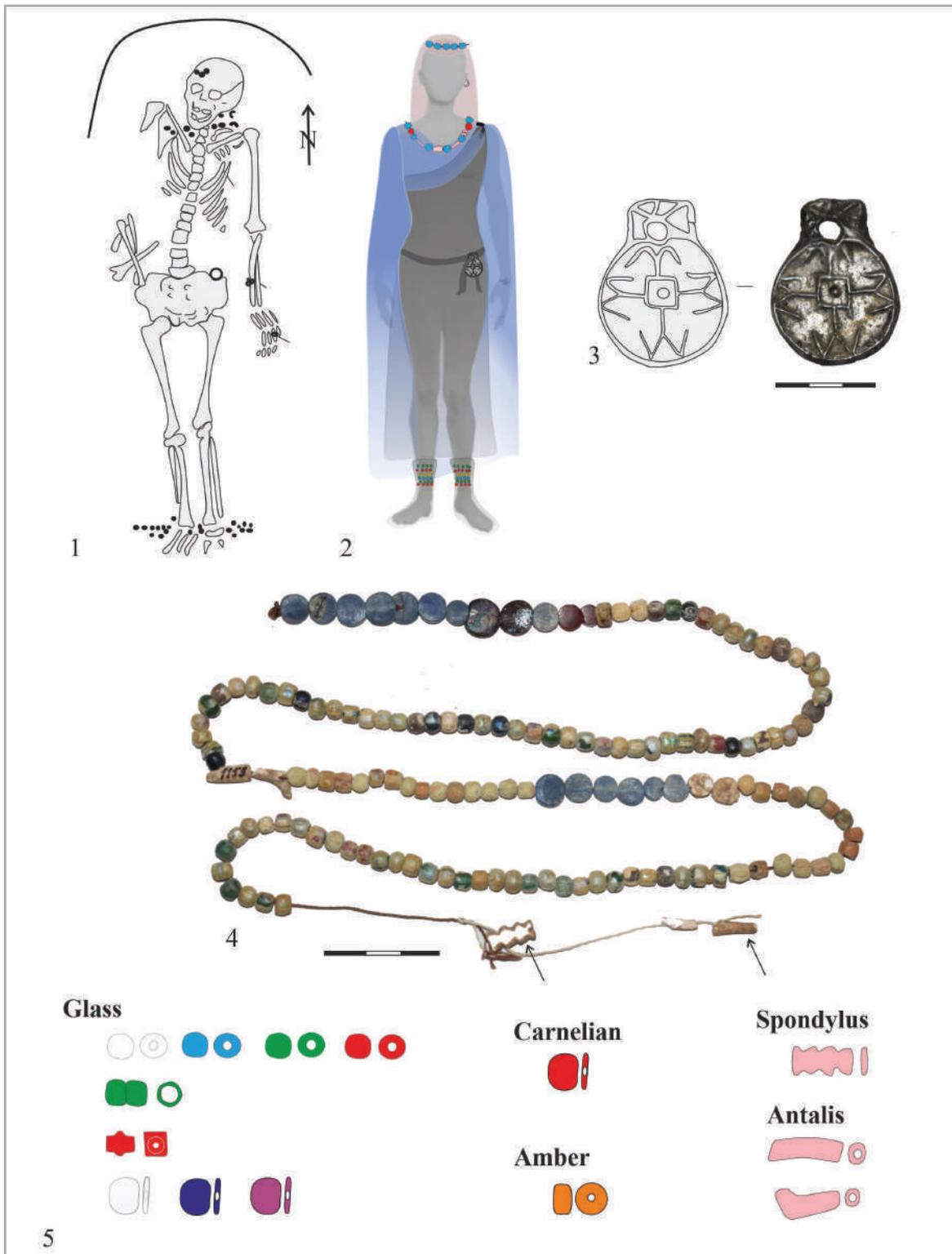

Рис. 3. **Миток/Ботошань**: 1 — погребение № 1, 2 — реконструкция женского костюма, 3 — зеркало с тамгой, 4-5 — типы бус, обнаруженные в погребении (по Grumeza, 2021, Fig. 4).
© Музейный комплекс Молдовы

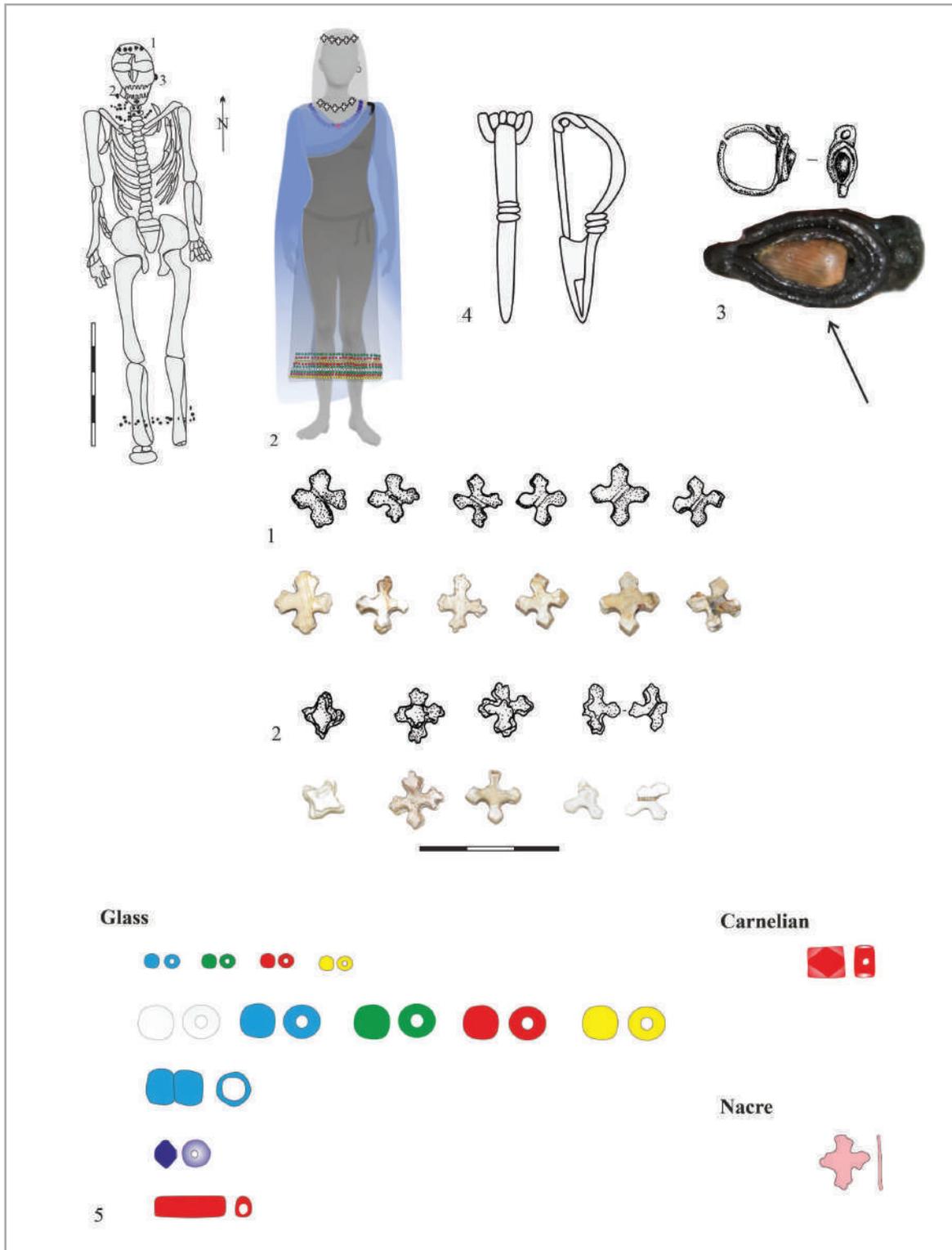

Рис. 4. **Миток/Ботошань, погребение № 8:** 1-2 — аппликация из перламутра, 3 — бронзовая серьга с резьбой в виде ракушек; 4-5 — типы бус, зафиксированные в погребении (по Grumeza, 2021, Fig. 10). © Музей Ботошань

девочки-подростка (?) из Бырлад-Фабрика де конфекций/Васлуй (Palade, 1978–1979, p. 249–252, Fig. 4, 8–10), где были найдены зеркало (разбитое еще в древности) с тамгой, кружка, две бронзовые фибулы, два браслета и 19 бус, из которых 3 — коралловые (рис. 5). Возможно также, что одна коралловая бусина находилась и в женском погребении № 1 из Гермэнешть-Капул Деалулуй/Васлуй, в инвентаре которого обнаружен лепной сосуд, пряслице, зеркало с тамгой и три бусины (Mitrea, 1987–1989, p. 60, fig. 1).

Таким образом, можно сказать, что к востоку и к западу от Карпат найдено немного бус, сделанных из коралла и из раковин. Вероятно, сарматы предпочитали бусы из стекла и полудрагоценных камней, гораздо более прочные и удобные для использования при украшениях костюма.

Заключительные замечания

Из анализируемого материала можно заметить, что к востоку и к западу от Карпат мы имеем дело с артефактами, различающимися материалом и формой. На западе имеются в основном разветвленные необработанные (только ограненные) кораллы, а на востоке обнаружены кораллы с отверстиями для подвешивания, а также разнообразные бусы из раковин моллюсков. Кроме того, на западе рассматриваемые предметы происходят из некрополей, где мы также находим подвески из ракушек, прямоугольные сосуды и разнообразные бусы, а к востоку от Карпат бусы из кораллов и раковин особенно часто сочетаются с зеркалами, украшенными тамгами, и плоскими круглыми стеклянными бусами.

В изготовлении стеклянных бус принимали участие два типа мастерских. В одних производились стеклоблоки, во вторых из стеклоблоков изготавливались собственно бусы. Кораллы и раковины собирали на берегах морей и океанов. Сырье отправляли в мастерские, где производились бусы. Из мастерских бусы уходили на рынки сбыта, или их могли распространять странствующие ремесленники.

Моллюски *Cypreae* или *Spondylus* происходят в основном из Красного моря, из Индийского и Тихого океанов, в меньшей степени — из Средиземного моря (Kovács, Vaday, 1999, p. 248). Аналогичным образом, в случае раковин каури, обнаруженных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, было установлено, что они привезены из тропических морей Южной и Юго-Восточной Азии, Красного моря и Персидского залива (Трейстер, 2021, с. 36).⁶ Кораллы происходили из тех же регионов, но и Средиземное море, вероятно, было также важным источником сырья (Furst et al., 2016, p. 4).

Нам известен только один римский центр (*Tibiscum*, в *Dacia Superior*) с мастерскими, куда кораллы доставлялись и обрабатывались для последующей продажи.⁷ Работа этих *officinae*,⁸ вероятно, была налажена ремесленниками из Сирии или Палестины в результате дислокации в Дакии воинских частей *cohors I sagittariorum* и *numerus Palmyrenorum Tibiscensium*, переведенных из этих областей (Benea, 2004, p. 267). Д. Беня считала, что в мастерской № 1 обрабатывались бусы из коралла, сердолика, камня и раковин улиток (Benea, 2004, p. 220). Повторно исследуя материал, я обнаружи-

⁶ Ср. Трейстер, 2021, с. 22: «В погребениях кочевников Азиатской Сарматии первых веков н. э. каури довольно редки и известны как на Нижнем Дону, так и в Нижнем Поволжье, при этом встречаются как одиночные раковины, в том числе в составе наборов амулетов, так и элементов ожерелья. Более широкое распространение каури получают в позднесарматский период, когда только в Волго-Донском междуречье их находки отмечаются в 15 погребениях. При этом в Южном Приуралье, где раковины каури встречались в погребениях кочевников V – II вв. до н. э. относительно часто, они в первые века н. э. не известны».

⁷ О существовании мастерских в *municipium Tibiscensium* свидетельствуют открытия стекловаренных печей, тиглей, инструментов для изготовления бус, бракованных изделий и отработанного сырья (Benea, 2004). В этих мастерских найдены 10581 бус, а также несколько тысяч фрагментов. В том числе 11 типов одноцветных бус, 7 типов полихромных (в нескольких вариантах), позолоченные, коралловые, ракушечные и сердоликовые бусы (Benea, 2004, p. 264).

⁸ Стекло в *Tibiscum* только обрабатывалось, но не производилось.

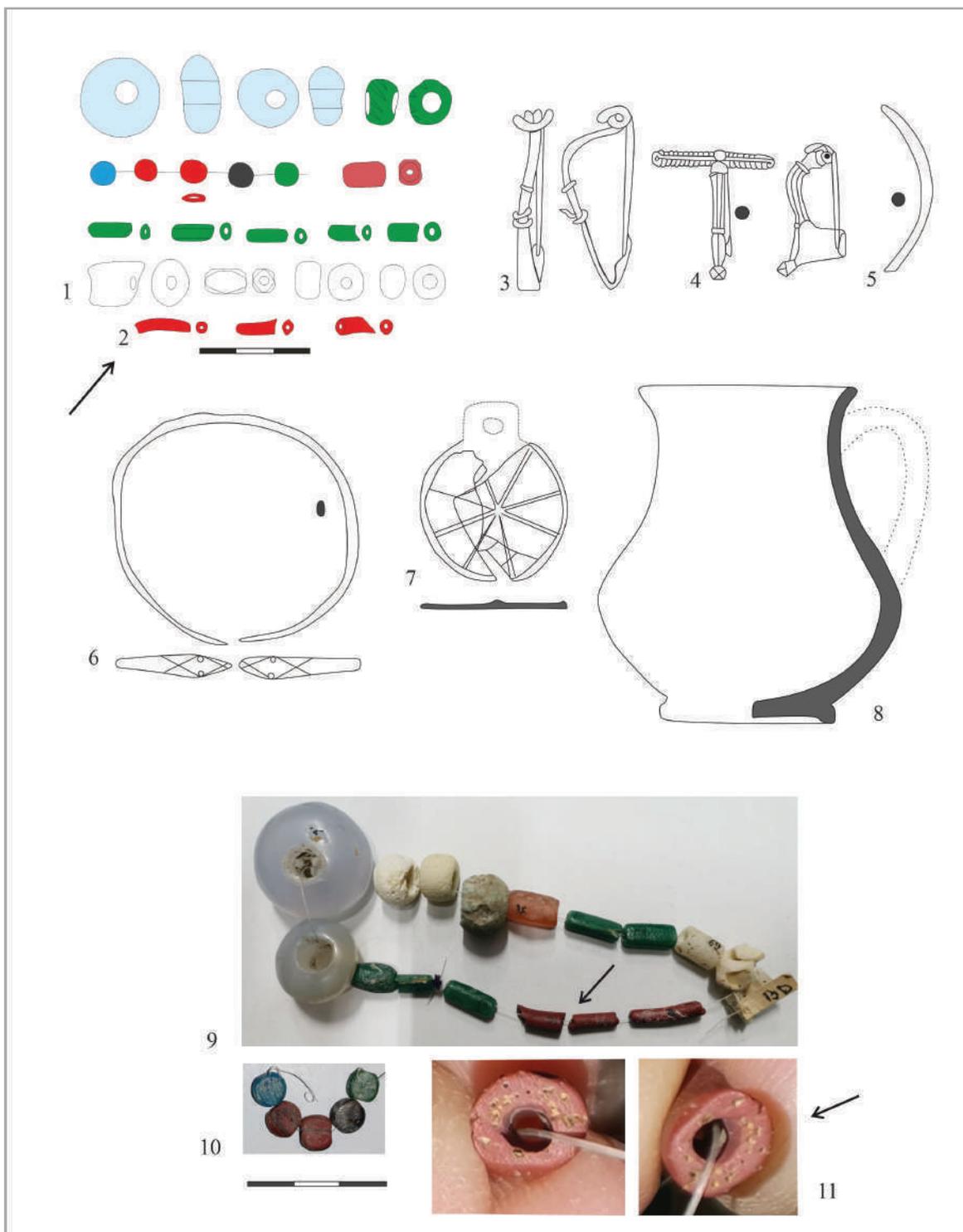

Рис. 5. **Бырлад-Фабрика де конфекций, погребение № 1:** 1-2 (рисунки), 9-11 (фото) — бусы, 3-7 — различные металлические предметы, 8 — керамический сосуд (перерисован по: Palade 1978-1979, Fig. 4, 8-10, фото: Л. Грумеца), коралл отмечен стрелкой. © Музей «В. Пырван». Бырлад

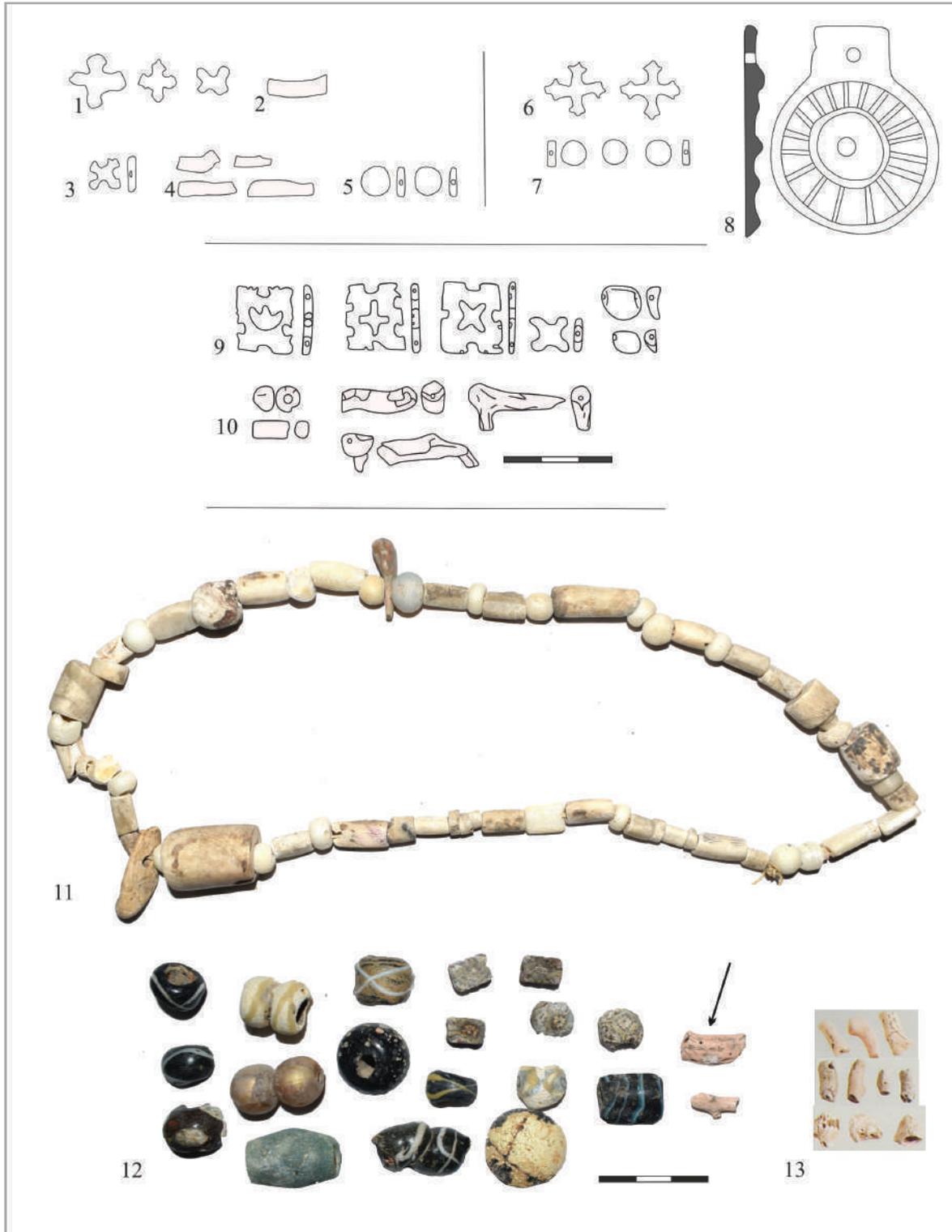

Рис. 6. *Старые Куконешты II*: 1-2 — пято № 10, перламутровые и коралловые бусы из могилы № 1, 3-5 — пято № 32, могила № 1, перламутр, коралл и стеклянные бусы, 6-8 — пято № 38, могила № 1, перламутровые аппликации, бусы и зеркало (перерисованные по: Дергачев, 1982, рис. 36, 6; 40, 11; 42, 2); *Нейзац*: 9-10 — перламутровые и коралловые бусы (перерисованные по: Стоянова, 2004, таб. VIII, 19, 20, 26); *Tibiscum*: 11 — бусы из ракушек, зубов, стекла, 12 — стеклянные и коралловые бусы из мастерской № 1 (фото: Л. Грумеца. © Музей Баната. Тимишоара); 13 — коралловые бусы (по: Венеа, 2004)

ла, что бусы были изготовлены из коралла, известняка, стекла (монокромного, полихромного и позолоченного), сердолика и стеклянных жетонов (рис. 6, 12, 13). Я также идентифицировала в фондах Музея Банат-Тимишоара другие типы бус, произведенные в *Tibiscum* (еще не опубликованные), например, из остатков клыков *Cervus elaphus* и из створок *Spondylus spinosus* (рис. 6, 11). Видимо такие виды бус производились в римском провинциальном мире (в данном случае в провинции Дакия). Подобные изделия засвидетельствованы в провинциальных римских некрополях, особенно в детских погребениях (см., например, римское погребение SP 1362 из Нима или погребение № 169 из Марселя, Сент-Барбе).⁹

Плиний Старший вспоминает о защитных силах кораллов (*corallium*): коралловые ветви, висящие на шее детей, защищают их от опасности, а распыленный коралл, запитый водой или вином, среди прочего, снимает боль при пищеварении и лихорадку. Из-за своей роли оберега коралл также использовался варварами, например, галлами, для украшения оружия (Plin. Nat. 32.11). Далее автор пишет, что разные виды кораллов были найдены в его время в Персидском заливе, Красном море и некоторых частях Средиземного моря. Самым ценным из них был красный коралл (Plin. Nat. 32.11). Он также упоминает, что раковинам поклонялись в храме богини Венеры Книдской (Plin. Nat. 9.41) и говорит об их впечатляющем разнообразии.¹⁰

Самая важная информация для этого исследования заключается в следующем отрывке «Естественной истории». В нем критикуется богатство и роскошь римлян, что, в частности, проявляется в ношении ракушек и жемчуга (как женщинами, так и мужчинами) на руках, в ушах, на голове и на всем теле (Plin. Nat. 9, 53): «Но что говорить о подобных мелочах, когда разложение нравов и тяга к роскоши ничем не возбуждается так сильно, как этими улитками? Море уже давно обходится человеческому желудку дороже, чем все другие стихии природы, ведь для приготовления рыбы существует столько кулинарных рецептов, столько придумано кушаний, столько лакомств из рыбы, которая так дорого стоит, что ловля ее сопряжена с опасностью. Но что ее стоимость в сравнении с пурпуром, багрянками, жемчугом?! Подумать только, недостаточно объедаться дарами моря, нужно еще, чтобы их носили женщины на руках, в ушах, на голове, на всем теле, а вслед за ними и мужчины. Какое отношение имеет море к одежде, что общего у бегущих волн и шерстяной пряжи? Разве, обнажаясь, мы поступаем неверно, когда эта природная стихия пускает нас к себе? Согласен, живот может быть тесно связан с морем! Но неужели и плечи? Мы успокоимся, только если наше облачение, как и наше питание, будет добыто с опасностью, ведь мы действительно получаем высшее удовольствие в том, чтобы улаживать свое тело ценой человеческой жизни».

⁹ „Loin d'être choisis au hasard, la forme et le matériau de ces petites breloques peuvent être associés aux problèmes de santé spécifiques à l'âge du défunt, notamment à ceux de la dentition. L'ensemble des objets évoque ainsi les ingrédients de la pharmacopée de Pline l'Ancien qui répertorie de nombreuses recettes basées sur le principe de la magie sympathique, où « le même soigne le même ». Les dents d'animaux, de dauphin, de loup, de cheval ou de chien doivent aider la pousse des dents. Pline l'explique”.

¹⁰ «Большой прочностью отличаются раковины багрянки и других улиток, в которых чрезвычайно многообразно проявилась игра природы — столько разных окрасок, столько разных по форме раковин: плоских, вогнутых, удлиненных, серповидных, шарообразных, в виде полушария, горбчатых, гладких, покрытых морщинами, зазубринами, бороздками, закрученных спиралью, как раковины багрянки, с заостренными краями, расправленными наружу или отогнутыми внутрь, и еще украшенных тонкими полосками, завитками, желобками, зубцами, как у гребенки, чем-то вроде черепицы, уложенной волнообразно, переплетенными прутиками наподобие решетки, отверстиями, идущими по наклонной или прямой линии, частыми пятнами, вытянутыми, извилистыми; иногда раковины соединяются короткой завязкой, иногда цепляются друг за друга всем боком; встречаются раковины раскрытые, как хлопающие ладони, или изогнутые, как горн. Некоторые из них, а именно улитки Венеры, плавают по морю, протягивая вперед выгнутую часть своих раковин и подставляя ее ветру, и под таким парусом скользят по поверхности воды. Морские гребешки выпрыгивают из воды и порхают над ней, но также и плавают в своих раковинах, как в лодках» (Plin. Nat. 9.52).

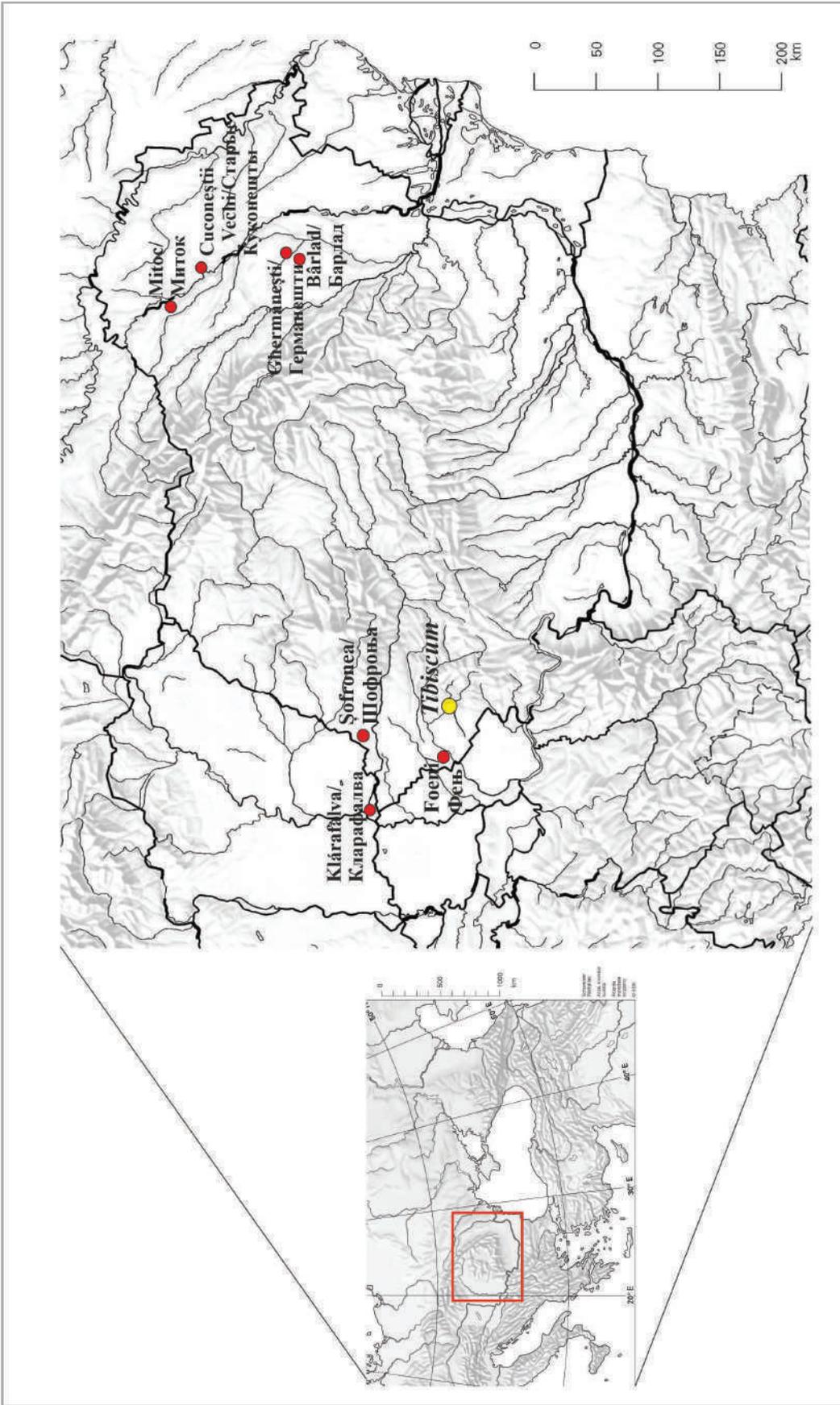

Рис. 7. Находки бус из кораллов и ракушек к востоку и к западу от Карпат

Греко-римская цивилизация оказала влияние на варварскую моду, верования и погребальные ритуалы. Римский импорт, клады монет (*obolus*) и различные амулеты (*lunula*, *bulla*) являются признаками процессов аккультурации. На кочевой мир также повлияли цивилизации Центральной и Восточной Азии.¹¹

С другой стороны, в Карпатском бассейне подвески из ракушек сохранились в варварских погребениях женщин и девушек, возможно, замужних. Вероятно, подвески были связаны с божеством плодородия, подобным Венере/Афродите Урании или Аргимпасе (Kovács, Vaday, 1999, p. 264). Информация из древних источников и аналогии из римского мира предполагают, что морские раковины, улитки и кораллы служили оберегами и улучшали плодородие.

Они относились к женскому миру, женской субкультуре.

В римском мире, как и в Барбарикуме, жемчуг, перламутр, *corallium rubrum* и редкие моллюски были знаками роскоши, но также обладали профилактическими свойствами. В Барбарикуме эти категории артефактов обычно находят в богатых погребениях женщин и детей, часто вместе с редкими вещами. Такие находки указывают на возможные супружеские союзы, экзогамию или дальнюю торговлю вплоть до Красного моря и Индийского океана. Только при адекватном определении (типологическом и морфологическом) и использовании междисциплинарного анализа материала мы сможем максимально использовать важную информацию, которую несут бусы из кораллов и морских раковин.

Литература

- Дергачев В. А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975 – 1976 гг.). Кишинев: Штиница, 1982. 136 с.
- Стоянова А. А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996 – 2001 г.) // Боспорские исследования. 2004. Вып. V. С. 263–319.
- Трейстер М. Ю. Раковины морских моллюсков в погребениях кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии // ПИФК. 2021. № 1. С. 22–58.
- Venea D. Die Römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscum // Atelierele romane de mărgele de la Tibiscum. Timișoara: Exelsior Art, 2004. 287 S.
- Bichir Gh. Les sarmates au Bas-Danube // Dacia. 1977. No. 21. P. 167–197.
- Corobcean A., Vornic V., Ciobanu I., Popovici S. Investigațiile arheologice la situl Tuzara I (raionul Călărași) din anul 2017 // Arheologia Preventivă în Republica Moldova (Chișinău). 2019, No. 4. P. 207–220.
- Dasen V. Iconographie et archéologie des rites de passage de la petite enfance dans le monde romain. Questions méthodologiques // Vivre, grandir et mourir dans l'Antiquité: rites de passage individuels au Proche-Orient ancien et ses environs / Life, Death, and Coming of Age in Antiquity: Individual Rites of Passage in the Ancient Near East and Adjacent Regions / Ed. A. Mouton, J. Patrier. Leiden: NINO, 2014. P. 231–252.
- Fürst S., Müller K., Gianni L., Paris C., Bellot-Gurlet L., Pare Ch. F. E., Reiche I. Raman Investigations to Identify *Corallium rubrum* in Iron Age Jewelry and Ornaments // Minerals. 2016. No. 6, 56. P. 1–23.

¹¹ Ср. Трейстер, 2021, с. 22, 36, 37: «Особенно следует отметить использование раковин каури в украшении поясов, примером чему является пояс, украшенный двумя рядами раковин и золотой зооморфной пряжкой, найденный в могильнике у хут. Новый. Этот обычай следует вероятнее всего связывать с практикой, получившей распространение у хунну и в Китае эпохи Западной Хань. Находка украшенного подобным образом пояса в погребении воина из могильника Культобе в Южном Казахстане маркирует трансфер этого обычая с востока на запад».

- Grumeza L.* Typology and Chronology of the Beads Found within the Foeni Sarmatian Necropolis // *Tibiscum*. 2013. No. 3. P. 245–260.
- Grumeza L.* Sarmatian Cemeteries from Banat (Late 1st – Early 5th Centuries AD). Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 2014. 413 p.
- Grumeza L.* Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Rumänien Band 1. Kreis Arad. Cluj-Napoca: Mega Verlag, 2019. 130 S.
- Grumeza L.* The Sarmatian Cemetery of Mitoc-Malu Galben (Botoșani County/RO): 60 Years Later // *Migration and Identity in Eurasia: From Ancient Times to the Middle Ages / Ed. V. Cojocaru, A.-I. Pázsint*. Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 2021. P. 167–200.
- Ioniță I.* Dacii liberi (Cadrul general. Dacii liberi din Muntenia. Dacii liberi din Moldova. Grupul Lipița) // *Istoria Românilor II (Daco-romani, romanici, alogeni) / Ed. D. Protase, A. Suceveanu*. București: Editura Enciclopedică, 2010. P. 431–469.
- Kovács L.* Vulvae, Eyes, Snake Heads. Archaeological Finds of Cowrie Amulets. Oxford: Archaeopress, 2008. 512 p. (BAR International Series 1846).
- Kovács L., Vaday A.* On the Problem of the Marine Gastropod Shell Pendants in the Sarmatian Barbaricum in the Carpathian Basin // *Pannonia and Beyond: Studies in Honour of László Barkóczy / Ed. A. Vaday*. Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1999. P. 247–277.
- Mitrea I.* Un mormânt sarmatic descoperit la Ghermănești, județul Vaslui // *Acta Moldaviae Meridionalis*. 1987–1989. № 9–11. P. 59–62.
- Palade V.* Descoperiri sarmatice din secolele II – III e. n. În sud-estul Colinelor Tutovei // *Cercetări Istorice*. 1978–1979. № 9–10. P. 247–260.
- Párducz M.* A Szarmatakor Emlékei Magyarországon III. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns III. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1950. 261 S.
- Plinius* — <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1327009000#0052> (перевод с латинского: Г. С. Литичевского, 1995).
- Rustoiu A.* Amphora-Shaped Glass and Coral Beads. Distant Cultural Connections in the Carpathian Basin at the Beginning of the Late Iron Age // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2015. № 45. S. 365–377.
- Vaday A., Medgyesi P.* Rectangular Vessels in the Sarmatian Barbaricum in the Carpathian Basin // *Communicationes Archaeologicae Hungariae*. 1993 / Ed. F. István. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1994. P. 63–90.

В. К. Гугуев, А. В. Евглевский

Сарматское погребение с набором уникальных амулетов из Северного Приазовья

Ключевые слова: *Северное Приазовье, сарматские племена, римская эпоха, амулеты из алебастра, апомропей, сакральные предметы*

Резюме

Предложенная статья представляет собой публикацию материалов раскопок погребения 1 кургана 5 у поселка Житенко в Донецкой области в 1989 г. Памятник расположен в Северном Приазовье, в 80 км к северо-западу от Танаиса. Погребальный обряд свидетельствует о принадлежности захоронения к сарматской культуре. В состав инвентаря этого женского погребения помимо рядовых находок входил комплект уникальных алебастровых фигурок. Инвентарь погребения позволяет датировать его первыми веками нашей эры, однако отсутствие надежных хронологических реперов не позволяет сузить эту дату. Вероятно, алебастровые фигурки использовались в качестве апомропеев, хранившихся в специальной сумочке или коробке. Персонажи из набора амулетов находят широкие параллели от культуры эпохи бронзы Кавказа до кочевников Причерноморских степей римской эпохи.

Для цитирования: Гугуев В. К., Евглевский А. В. Сарматское погребение с набором уникальных амулетов из Северного Приазовья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С. 89–113.

Vladimir Guguev, Aleksandr Evglevskii

A Sarmatian Grave with a Set of Unique Amulets from the Northern Azov Sea Area

Keywords: *Northern Azov Sea Area, Sarmatian tribes, Roman Period, alabaster amulets, apotropaic amulets, sacral artefacts*

Abstract

This paper presents the publication of the materials excavated in 1989 in grave 1 in barrow 5 located in the vicinity of the settlement of Zhitentko in the Donetsk Oblast'. This site is located in the Northern Azov Sea Area, 80 km to the north-west of Tanais. According to the funeral rite, this grave belonged to the Sarmatian culture. Apart from usual finds, the grave goods of this woman's burial contained a set of unique alabaster figurines. Although taking the grave goods into account there are reasons to date the burial to the first centuries AD, the lack of reliable chronological reference points does not allow the one to suggest a narrow chronology. The alabaster figurines probably were apotropaic amulets kept in a special fine bag or small box. The characters featured by the amulet set meet with a large circle of parallels from the Bronze Age cultures in the Caucasus to the nomads living in the Northern Black Sea steppes in the Roman Period.

Рис. 1. 1 — могильник у п. Житенко на карте, 2 — могильник у п. Житенко на спутниковом снимке

В 1989 году отряд археологической экспедиции Донецкого государственного университета проводил раскопки курганного могильника в зоне реконструкции оросительной системы на территории совхоза «Нижнекрынский» Амвросиевского района Донецкой области (рис. 1, 1, 2). В ходе этих работ (держатель Открытого листа — А. В. Евглевский) в курганной группе у пос. Житенко был исследован курган 5, содержащий разграбленное сарматское и частично его перекрывавшее половецкое погребения. Предложенная статья посвящена введению в научный оборот материалов сарматского захоронения, среди которых имеются уникальные образцы миниатюрной каменной скульптуры, а также анализу находок с точки зрения хронологии и культурных параллелей.

К началу работ курган 5 достигал в высоту 1 м, его диаметр составлял 18 м (рис. 2, 1, 2). На поверхности кургана и в насыпи встречались скопления камней разной величины, не образующие сплошного панциря. По стратиграфическим наблюдениям, каменная конструкция была связана со средневековым захоронением.

Погребение сарматского времени было прослежено с глубины 1,15 м от центрального репера. Его расчистка началась на отметке 1,46 м. В плане по верхнему краю могила имела овальную форму и была вытянута продольной осью по линии ЮЮВ–ССЗ. С уровня 0,5 м от горизонта расчистки яма уступами сужалась ко дну, приобретая вид вытянутого прямоугольника с закругленными углами. В придонной части стенки спускались под отрицательным углом. Особенно сильно была подбита северная стена. Размеры ямы у дна составляли 2,38 x 0,55 м. Дно находилось на глубине 3,01 м от нулевого репера. Могила была ограблена в древности. Судя по сохранившимся очертаниям, она принадлежала к типу «с заплечиками». На дне, преимущественно в южной половине ямы, были обнаружены остатки разрозненного

скелета женщины зрелого возраста. Среди костей скелета в заполнении найдены остатки немногочисленного, но выразительного инвентаря:

1. 8 бусин из египетского фаянса: 6 бочковидных округло-ребристых бирюзового цвета с белесой патиной. Размеры от 1,2 x 1,4 x 1,4 x 0,6 см до 3,4 x 4,2 x 4,2 x 0,8 см (рис. 4, 15); 2 продольно сжатые бочковидные ребристые бусины белого цвета. Размеры: 1,1 x 1,7 x 1,7 x 0,65 см и 1 x 1,6 x 1,6 x 0,65 см (рис. 4, 15).

2. 60 коротко-цилиндрических бисерин из египетского фаянса бирюзового цвета. Размеры: от 0,1 x 0,3 x 0,3 x 0,1 см до 0,25 x 0,25 x 0,18 см (рис. 4, 13).

3. 19 бусин цилиндрической формы из глухого оранжевого стекла с плотной патиной коричневого цвета, местами — салатного. Размеры: от 0,9 x 0,75 x 0,75 x 0,2 см до 1,6 x 1 x 1 x 0,15 см (рис. 4, 9).

4. Шаровидная полихромная бусина из многослойного стекла с перистым орнаментом в виде чередующихся слоев черного, желтого и коричневого стекла (рис. 4, 14). Размеры: 1,45 x 1,5 x 1,65 x 0,45 см.

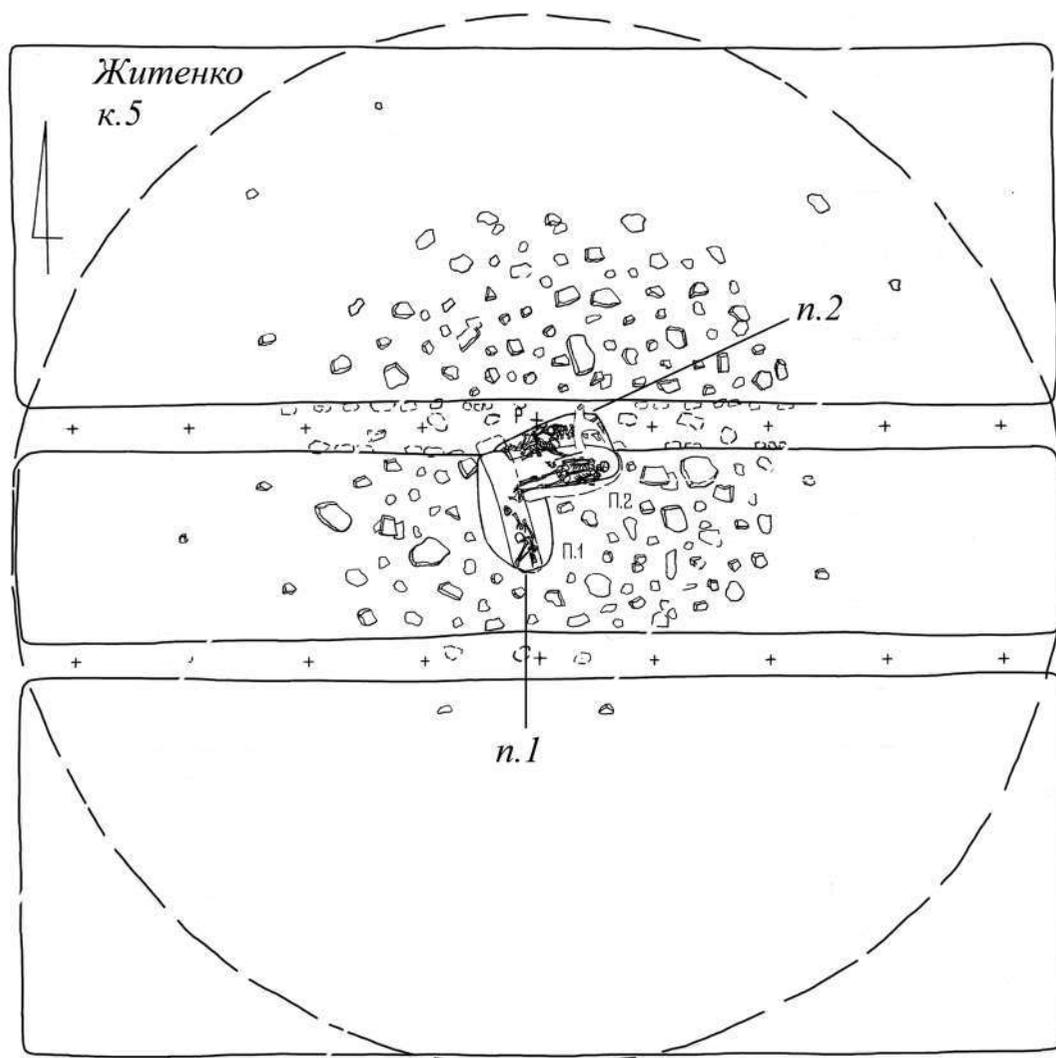
5. Бочковидная полихромная бусина черного цвета из глухого стекла плохой сохранности с прослойками бирюзового и коричневого цвета (рис. 3, 12). Размеры: 0,75 x 0,75 x 0,75 x 0,7 см.

6. 3 бусины цилиндрической формы из глухого коричневого стекла с белой патиной (рис. 4, 7, 8). Размеры: 0,5 x 0,4 x 0,4 x 0,04 см.

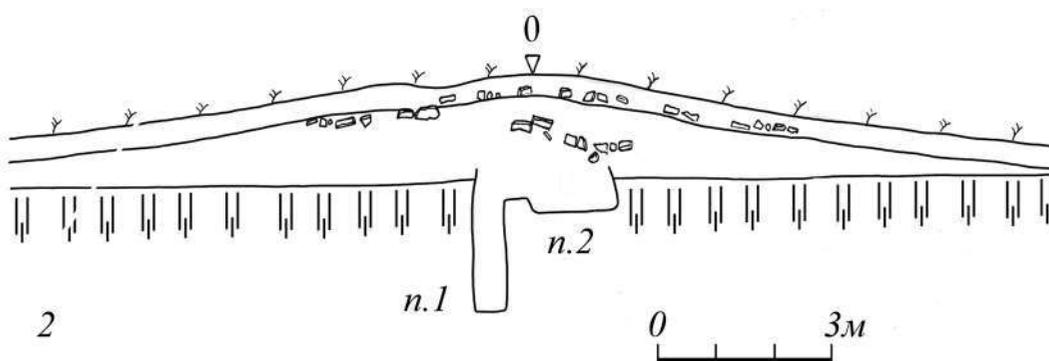
7. Шестигранная бусина из глухого стекла черного цвета. Размеры: 1 x 1 x 1 x 0,5 см. Фрагментирована.

8. Пронизь плохой сохранности в виде двух соединенных в столбик округлых бусин из глухого стекла коричневого цвета с желтыми прожилками (рис. 4, 6). Размеры: 0,9 x 0,45 x 0,45 x 0,04 см.

9. Сильно коррозированный фрагмент железного предмета непонятного назначения к окислам которого прикипели 3 бисерины из египетского фаянса (рис. 4, 11). Размеры: 5,2 x 1 см.

1

2

Рис. 2. 1 — план кургана 5 могильника у п. Житенко,
2 — профиль центральной бровки кургана 5 у п. Житенко

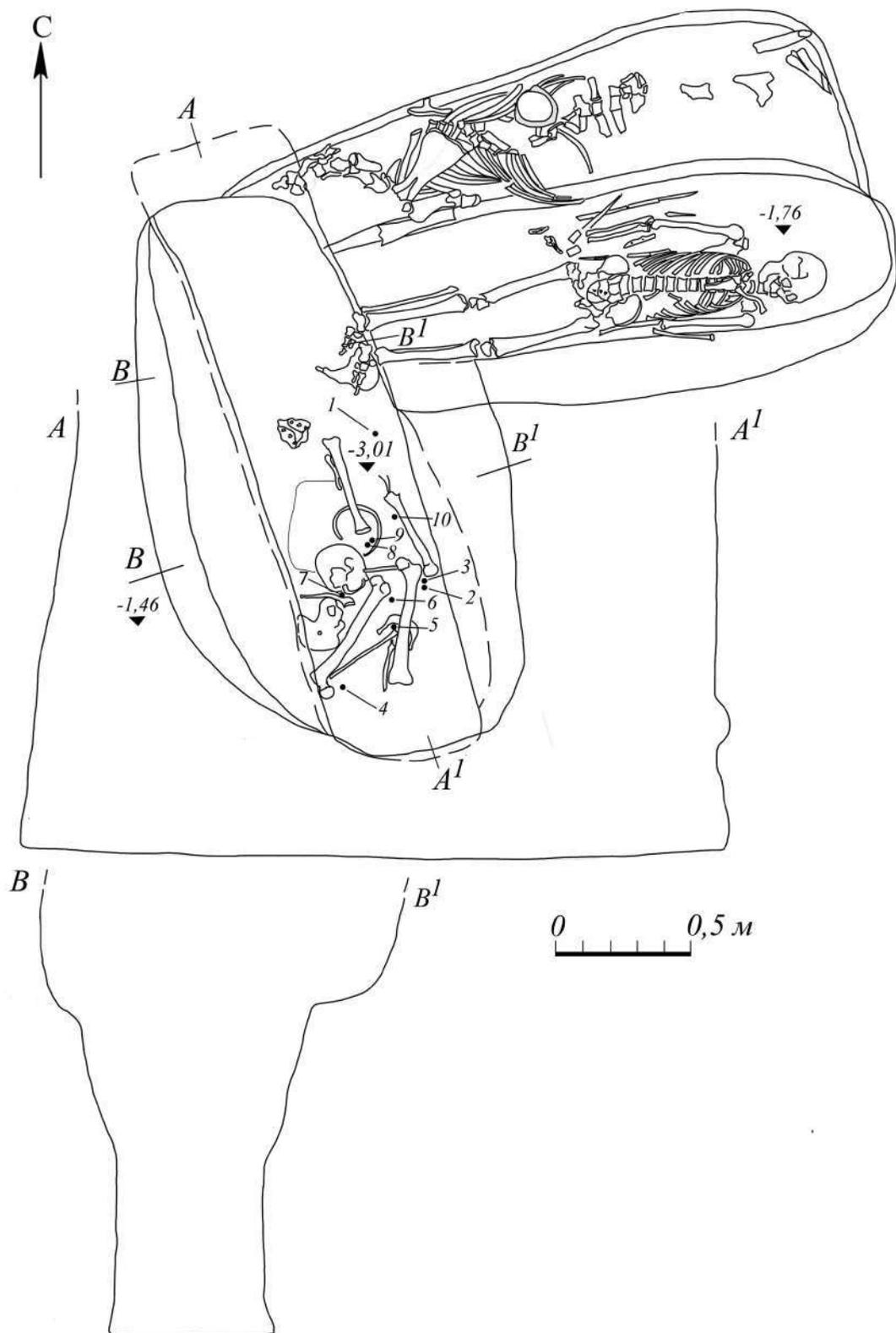

Рис. 3. План и разрез погребения 1 курган 5 у п. Житенко: 1, 7, 9 — бусы, 2 — подвеска из кости, 3 — колокольчик, 4, 8 — фаянсовые фигурки, 5 — бусина из камня, 6 — железный нож, 10 — бронзовый гвоздик

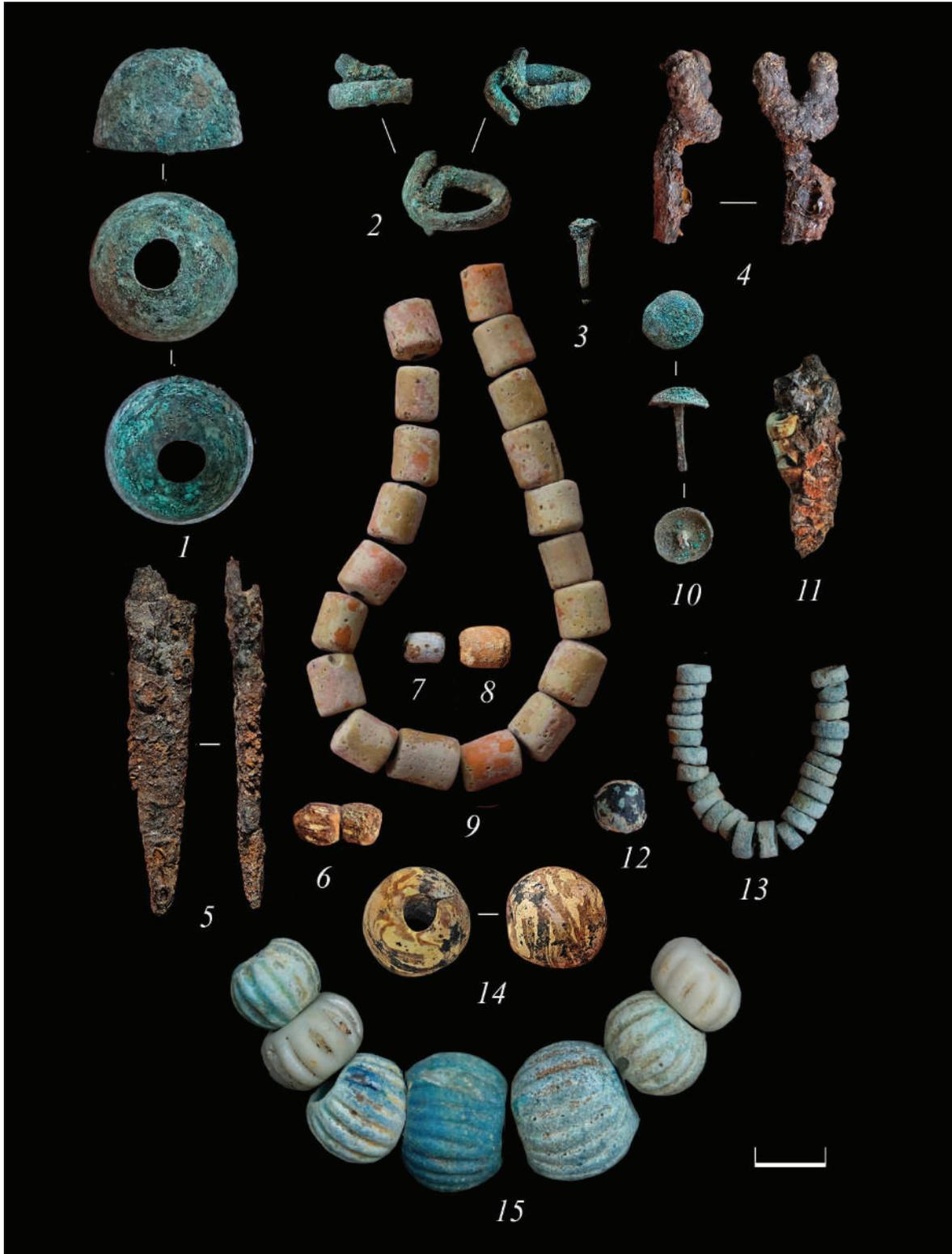

Рис. 4. Фотографии предметов из погребения 1 кургана 5 у п. Житенко: 1 — бронзовый колокольчик, 2 — бронзовое колечко, 3, 10 — бронзовые гвоздики, 4, 11 — железные предметы, 5 — лезвие ножа, 6-9, 12, 14 — стеклянные бусы, 13, 15 — бусы из египетского фаянса

10. Фрагмент железного однолезвийного ножа с остатками черенка для крепления рукояти (рис. 4, 5). Размеры: длина — 5,2 см; ширина лезвия у основания — 1 см.

11. 2 квадратных в сечении бронзовых гвоздика: один фрагментирован, другой с массивной полусферической шляпкой (рис. 4, 3, 10). Размеры: длина — 1,1 см, диаметр шляпки — 0,8 см.

12. Бронзовое колечко, скрученное в полтора оборота (петля колокольчика?), с несомкнутыми концами, свитое из овального в сечении дрота (рис. 4, 2). Размеры 1,5 x 1 см. Диаметр сечения — 0,25 см.

13. Фрагмент железного предмета неясного назначения в виде проволоки, конец которой скручен в петельку. Напоминает спинку фибулы с пружиной, но может также быть обломком язычка колокольчика (рис. 4, 11). Длина — 2,6 см, диаметр сечения — 0,35 см.

14. Два бронзовых колокольчика, один из которых деформирован, у другого отсутствует язычок. В куполе полусферической формы имеется отверстие большого диаметра для подвешивания язычка (рис. 4, 1). Размеры: 1,3 x 2 см. Диаметр отверстия — 0,6 см.

15. Фрагмент стенки тонкостенного серолощенного сосуда (рис. 5, 4).

16. Миниатюрный фрагмент стенки розовоглиняной амфоры или кувшина (рис. 4, 9).

17. Две косточки мелкого грызуна (?) с отверстиями (рис. 5, 3, 7) и следами спилов. Вероятно, они использовались в качестве подвесок. Размеры: 3,4 x 1,7 см.

18. Фрагмент створки речной раковины (рис. 5, 1). Размеры: 2,2 x 1 см.

19. Фрагмент дисковидного керамического предмета неясного назначения отверстием в центре (рис. 4, 5). Размеры: 2,1 x 1,35 см.

20. Язычок колокольчика (?), свернутый в виде цифры «6» из овальной в сечении бронзовой проволоки. Размеры: 3,2 x 2 см.

21. Миниатюрный фрагмент венчика серолощенного сосуда (миски?) с бортиком

и выступающим наружу краем и сквозным отверстием для подвешивания. Амулет (рис. 5, 2). Размеры: 1,9 x 1,3 см.

22. Пронизь из яшмы розового цвета уплощенно-овальной формы. Поверхность полирована, слоится (рис. 5, 10). Размеры: 2,3 x 1,8 x 1,4 x 0,35 см.

23. Пронизь из ожелезненного известняка в виде параллелепипеда со скругленными гранями (рис. 5, 6). Цвет — желтый; местами имеются черные подпалены. Размеры: 2,35 x 1 x 1 x 0,3 см.

24. Фрагментированная подвеска из ожелезненного известняка, в виде вытянутого овала с поперечным отверстием, со следами двустороннего сверления (рис. 5, 8). Цвет светло-коричневый, структура пористая, необработанная. Создается впечатление, что подвеска была сломана пополам в процессе изготовления. Размеры: 4 x 1,1 см, диаметр отверстия — 0,6 см.

25. Каплевидная подвеска из окатанной известняковой (?) гальки (рис. 5, 11). Поверхность желтоватого цвета, мелкозернистая. Отверстие имеет следы двустороннего сверления. Размеры: 2,6 x 1,8 см.

Миниатюрные скульптуры из алебаstra:

26. Фигурка стрелковидной формы (рис. 6, 1; 7, 5). Окончание имитирует флажковидный наконечник с одним шипом. Имеет лицевую (выпуклую) и обратную (плоскую) стороны. На лицевой стороне имеется бороздка, отделяющая морфологически древко от наконечника. Поверхность целой фигурки сохранила следы полировки. Размеры: 2,5 x 1,2 x 0,7 см.

27. Фигурка стрелковидной формы, аналогичная описанной выше (рис. 6, 2; 7, 4). Фрагментирована. Верхний слой либо утрачен, либо обработан не был. Поверхность неровная, с выбоинами. Размеры: 2 x 1,3 x 0,5 см.

28. Небрежно выполненная асимметричная фигурка в виде сдвоенных дисков, напоминающая цифру «восемь» (рис. 6, 6; 7, 1). Лицевая сторона более выпуклая. В месте соединения окружностей на ней

Рис. 5. Инвентарь погребения 1 кургана 5 у п. Житенко: 1 — фрагмент раковины, 2, 4, 5, 9 — фрагменты керамики, 3-7 — изделия из кости, 6, 8, 10, 11 — подвески из камня

Рис. 6. Фото алебастровых фигурок из погребения 1 курган 5 у п. Житенко

имеется разделительная бороздка. Местами сохранились следы полировки и патина. Размеры: 1,6 x 0,85 x 0,5 см.

29. Стилизованная фигурка, сглаженных очертаний, напоминающая силуэтом водоплавающую птицу (рис. 6, 3; 7, 3). Хвостовая часть отделена бороздкой. Поверхность неровная. Следы полировки и патина не прослеживаются. Размеры: 2,2 x 1,6 x 1,2 см.

30. Фигурка птицы, аналогичная описанной выше (рис. 6, 4; 7, 7). Отличается от предыдущей абрисом хвостовой части, плоско срезанной сверху. Создается впечатление, что эта часть отбита. Размеры: 1,75 x 1,7 x 1,1 см.

31. Фигурка, напоминающая пару водоплавающих птиц, соединенных в одной скульптуре боковыми частями (рис. 6, 5; 7, 2). При этом существа отделены друг от друга глубокой проточиной. В отличие от предыдущих фигурок птиц, переход от головы к хвосту не выделен, что придает скульптуре определенную тяжесть и массивность и, пожалуй, большую стилизацию. Бросается в глаза существенное отличие в пропорциях от описанных выше «птичек»: головы у сдвоенных персонажей заметно меньше. Вряд ли эти отличия случайны. Вероятно, мастер сознательно придал изделиям отличительные признаки. Либо скульптор тем самым подчеркнул различие пород, либо дал понять, что в сдвоенной фигурке изображены лишь *отчасти* птицы. Не исключено, что автор стремился передать облик синкретического фантастического существа, имеющего черты птицы, но не только ее. На поверхности парной скульптуры имеются следы полировки и патина. Размеры: 2,35 x 1,7 x 1,7 см.

32. Фигурка с изображением парной конской протомы (рис. 6, 7; 7, 8). В изделии в целом сохранена симметрия правой и левой частей, но полной идентичности нет. Скульптура выполнена грубовато, с большой долей условности. Заметно, что, как и при изготовлении фигурок птиц, мастер не

стремился к реалистичности в изображении персонажей. Поверхность изделия заполирована, покрыта патиной. Местами имеются раковины. Размеры: 2,4 x 1,8 x 0,9 см.

33. Фигурка с погрудным изображением антропоморфного персонажа (рис. 6, 9; 7, 8). Неясно, была ли скульптура задумана как бюст, или мы имеем дело с утратой нижней части фигуры. Основание имеет следы затертости, происхождение которой не очевидно. Голова персонажа имеет шлемовидные очертания, резко расширяясь к низу. Массивный нос отчетливо проработан и резко, наряду с подбородком выступает в профиль. Переход к шее оформлен глубокой косой проточкой. Переход к плечам плавный, все линии перегибов скруглены. Обратная сторона изделия уплощена, в ее нижней части намечается скошенная плоскость, наводящая на мысль, что изначально скульптура была задумана, как бюст. Поверхность полирована, патинизирована. Размеры: 1,8 x 1,25 x 0,8 см.

34. Фигурка антропоморфного персонажа в полный рост (рис. 6, 10; 7, 10). Голова имеет ту же шлемовидную форму, что и предыдущая скульптура, но абрис более скруглен. В аналогичной манере проработаны нос и подбородок. На лицевой части проточкой обозначены руки: они согнуты в локтях так, что кисти должны находиться на поясе. Переход к нижней части туловища передан условно: резким сужением корпуса к бедрам без выделения таза. При этом бросается в глаза нарушение пропорций: голова составляет чуть ли не треть фигуры, а корпус в районе таза оказывается тоньше «шеи». Ноги разделены бороздкой. Обратная сторона скульптуры, как и на других образцах, уплощена, слегка потерта. Лицевая поверхность полирована, покрыта патиной. Размеры: 3,2 x 1,45 x 0,85 см.

35. Фигурка антропоморфного персонажа в полный рост (рис. 6, 8; 7, 9). Голова имеет шлемовидную форму, но менее закруглена, чем у предыдущей фигуры, и в этом отношении ближе к образцу с бюстом. Руки

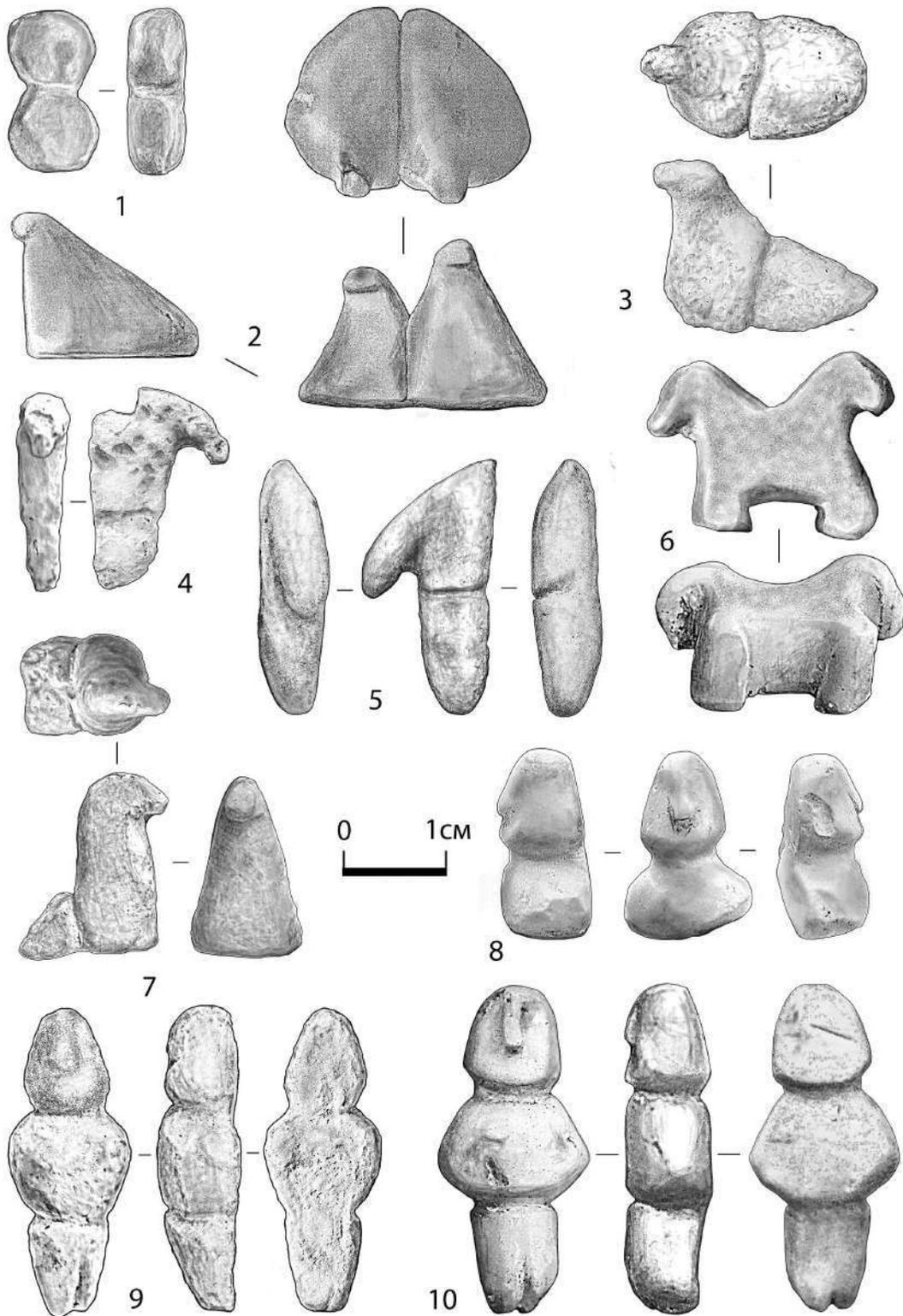

Рис. 7. Рисунки алебастровых фигурок из погребения 1 кургана 5 у п. Житенко

морфологически не отделены от корпуса. Их положение неясно: сгиб в локтях практически не обозначен. Очевидно положение рук отличается от предыдущей фигуры. Бороздка, разделяющая ноги, смещена как бы в три четверти от фронтальной позиции фигуры. На поверхности преимущественно слоистой структуры следы полировки с патиной сохранились лишь частично. Размеры: 3 x 1,1 x 0,7 см.

Рассмотрим скупые данные о хронологии публикуемого комплекса. К сожалению, по причине ограбления погребальный обряд дошел до нас фрагментарно и практически не может быть использован как подспорье в вопросе датировки погребения. Тот факт, что захоронение являлось в кургане основным, позволяет отнести его к римскому времени. Принадлежность могилы к типу «с заплечиками» дает основание предпочесть датировку захоронения I – II вв. н. э., так как позднесарматский пласт чаще представлен подбойными могилами. Но это косвенные соображения, не имеющие значения весомых аргументов. Кроме того, в могиле не сохранилось частей скелета *in situ*, и мы не можем воспользоваться ориентировкой погребенной как подспорьем для уточнения, к какому именно периоду сарматской культуры принадлежит рассматриваемый комплекс. Немногим более выразителен с точки зрения датировки и немногочисленный инвентарь погребения 1 в кургане 5 у поселка Житенко. Тем не менее, попробуем рассмотреть его в этом качестве.

Бусы из комплекса относятся к нескольким типам. Наиболее выразительны ребристые бусы из так называемого египетского фаянса. Они относятся к типу 16в по классификации Е. М. Алексеевой. Судя по уплощенным пропорциям, смягченным очертаниям долек, крупным отверстиям и наличием в нашем наборе бус с белой окраской, ожерелье относится к римскому времени (Алексеева, 1975, с. 28). По мнению Е. М. Алексеевой, мода на бусы из египетского фаянса в Северном Причерноморье в

основном охватывает I – II вв. н. э. и к III в. н. э. затухает. Эта картина, по нашим наблюдениям, находит подтверждение в сотнях наборов бус из погребений некрополей донских меотов и Танаиса. Короткоцилиндрический бисер из египетского фаянса (тип 9 по Е. М. Алексеевой) дает еще более размытую картину в плане хронологии, так как встречается в Северном Причерноморье на протяжении всей античной эпохи. Полихромная бусина с перистым орнаментом, найденная в комплексе, также не относится к типу, значимому в хронологическом отношении. Можно лишь отметить, что бусы этой разновидности встречаются на Боспоре, в степи и в предгорном Крыму как во второй половине I – первой половине II вв. н. э.: склеп 20 некрополя Левадки (Мульд, Мяскин, 2003, с. 29, рис. 9, 32), погребения 25 и 33 могильника Опушки (Стоянова, 2012, с. 20, рис. 15, 21; с. 30, рис. 25, 17), так и в позднесарматском погребении 1 кургана 33 могильника Валовый на Нижнем Дону (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 72, рис. 42, 1). Поиск аналогий цилиндрическим бусам из глухого оранжевого стекла с коричневой или салатной патиной осложняется простотой морфологии и разночтениями в описании: их иногда называют «керамическими». Иллюстрации в литературе дают слабое представление об этом типе, поэтому сошлемся лишь на те комплексы, качественными фотографиями которых мы располагаем. Бусы цилиндрической формы из глухого оранжевого стекла, весьма близкие нашим украшениям, отнесены А. А. Стояновой к типу 28 (Стоянова, 2012, с. 77, рис. 59, 4). Исследователь датировала детское погребение 17 могильника Опушки с этими бусами I – II вв. н. э. (Стоянова, 2012, табл. 6). Аналогичные бусы представлены в ожерельях из погребений 23 и 82 некрополя Темерницкого городища (рис. 8, 8, 6), захоронения 114 могильника Ростовского городища (раскопки А. А. Нечипорука 2017 г.) (рис. 8, 7), в могилах 9 и 37 Кобяковского некрополя (раскопки М. В. Власкина,

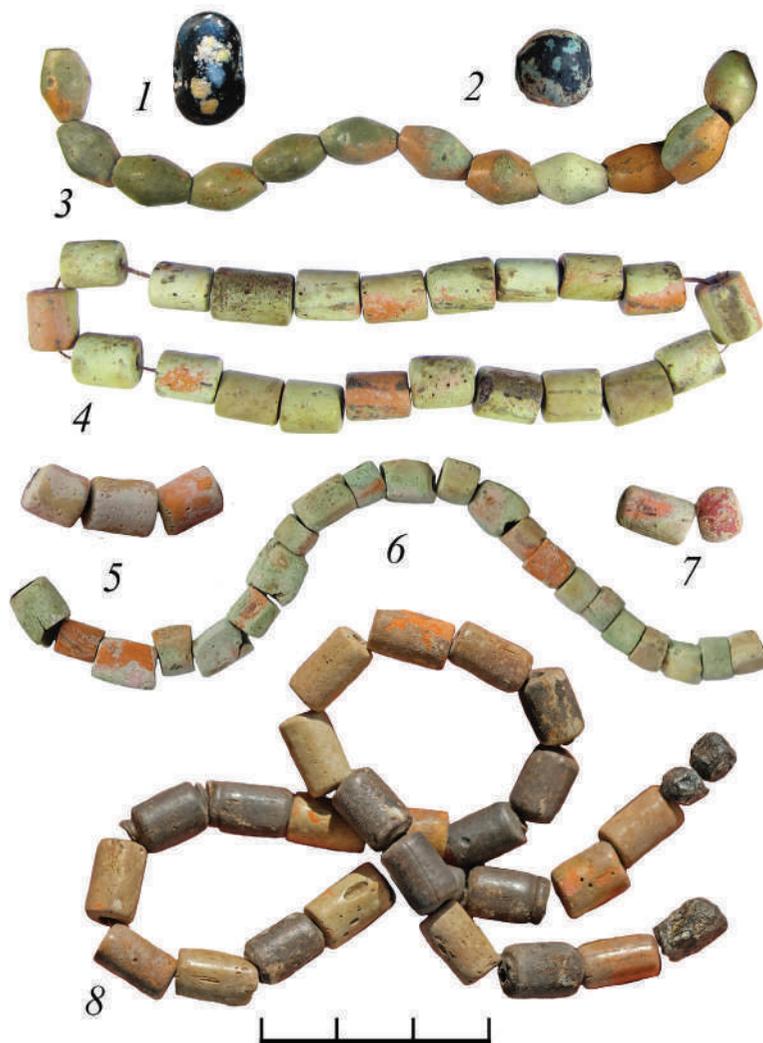

Рис. 8. Бусы из погребения 1 кургана 5 у п. Житенко и некрополей римского времени на Нижнем Дону: 1, 2, 5 — бусы из погребения 1 кургана 5 у п. Житенко (фото В. К. Гугуева), 3 — бусы из погребения 9 2011 г. Кобяковского некрополя (фото Г. Е. Беспалого), 4 — бусы из погребения 37 2011 г. Кобяковского некрополя (фото Г. Е. Беспалого), 6, 8 — бусы из погребения 82 и 23 2017 г. Темерницкого некрополя (фото В. К. Гугуева), 7 — бусы из погребения 114 2017 г. некрополя Ростовского городища (фото В. К. Гугуева)

Г. Е. Беспалого 2011 г.) (рис. 8, 3, 4). Из них лишь погребение 82 Темерницкого некрополя, благодаря находке лучковых одночленных фибул вариантов 4 и 5 по А. К. Амброзу, имеет узкую дату — конец II в. н. э. — первая половина III в. н. э. Остальные погребения суммарно датируются римским временем: но не ранее второй половины I в. н. э. и не позднее рубежа II – III вв. н. э. Часть бус из упомянутых наборов различается морфологически и доминантой оранжевого, салатного или коричневого цветов. Отнесе-

ние их к одному типу условно, но подобные бусы выглядят весьма однородно. Аналогии бочковидной бусине из глухого стекла черного цвета с прослойками коричневого и бирюзового цвета нам найти не удалось. Пожалуй, некоторое сходство с нашим украшением имеет бусина из погребения 119 некрополя Ростовского городища конца II – начала III в. н. э. (раскопки А. А. Нечипорука 2017 г.) (рис. 8, 1). Другие бусы из погребения 1 кургана 5 у п. Житенко из-за сохранности для целей датировки использоваться

не могут. Не может быть использован для уточнения хронологии набор бус и подвесок из кости, керамики и камня, обнаруженный в захоронении. Трудно предположить, какую иную роль, кроме ритуальной, могли играть такие изделия, как: пронизи из известняка и костей грызуна, миниатюрный кусочек керамики с отверстием и другие предметы подобного рода, нередко обнаруживаемые в сарматских могилах. Вероятно, мы имеем дело с набором амулетов, нанизанных на нить. В этот комплект апотропеев, скорее всего, входили и колокольчики, найденные в захоронении. Наборы амулетов были широко распространены в античную эпоху повсеместно. Не было исключением и Северное Причерноморье, где в римское время разнообразные апотропеи сопровождали в мир иной как рядовых кочевников, так и представителей высшей сарматской знати. В литературе неоднократно предпринимались попытки интерпретировать пестрый состав амулетов из погребений знатных сарматок в Северном Причерноморье, используя для реконструкции символики апотропеев культурные параллели (см., например: Ковпаненко, 1986, с. 86–16; Глебов, 1993, с. 43–45; Засецкая, 2011, с. 242–244; Шепко, 2018, с. 289–294).

Несколько особняком стоит группа фигурок из алебаstra, обнаруженных в захоронении. Их использование в качестве украшений почти невероятно. В них отсутствуют отверстия для подвешивания, однако имеются лицевая и оборотные стороны, что подразумевает их раскладку в виде некой композиции. Можно допустить хранение этих предметов в шкатулке или мешочке. Профанная функция этих весьма мелких скульптур, изготовление которых, очевидно, требовало значительных затрат времени и специальных навыков, сомнительна. В связи с необычностью находки возникает вопрос, не являются ли эти предметы инородными для культуры сарматов, привнесенными волею случая из иной социальной и духовной среды. Рассмотрим

этот тезис подробнее в контексте известных фактов. Первое, что бросается в глаза, так это примитивистская, подчеркнуто архаичная манера исполнения фигурок. Понятно, что детализации изделий не способствовал выбор такого материала, как алебастр. Но удивительно не только отсутствие реалистических подробностей и деталей, диктуемых спецификой материала, но и особая стилистика изделий. В сарматской культуре известны блестящие образцы деревянной (реже костяной) пластики в виде зооморфных деталей деревянных сосудов, жезлов и других изделий (см., например: Курчатов, Бубулич, 2003, с. 302, рис. 7, 1, 2; Пуздровский 2007, вклейка 9, рис. 2–4; Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 60, рис. 34, 3, 5; Беспальный, 2016, т. 6, рис. 383–385). Представленные персонажи — копытные, кошки хищники, птицы — всегда изображены в динамичных позах с чертами реализма, позволяющими безошибочно определить вид животного. Эта манера получила продолжение в тореvтике и ювелирном искусстве так называемого «сарматского звериного стиля». Донецкие находки никак не связаны с этой традицией. Фигуры предельно статичны и стилизованы, что противоречит и канонам античного искусства. Иной облик имеют и миниатюрные бронзовые зооморфные амулеты-подвески, широко распространенные на Боспоре в первые века нашей эры. Некоторое сходство по части стилизации фигурок можно увидеть в зооморфных ручках сарматских ритуальных сосудов из алебаstra, но в целом персонажи и пластические решения здесь иные. Статичность изображений скорее находит параллели в культовой скульптуре древневосточных храмов, но и там фигуры имеют гораздо большую детализацию. В то же время, подчеркнутый примитивизм известен в сарматском искусстве, связанном с изготовлением сакральных инсигний власти. Этот прием был применен, например, при изготовлении деталей аппликации головных уборов знатных сарматок: так

называемых Кобяковской и Усть-Лабинской диадемы, символизирующих модель мира ираноязычных номадов (Гугуев, 1992, с. 117; Засецкая, 2011, с. 73–75) (рис. 9, 2, 3). Видимо минимализм, отсутствие деталей, обобщенность образов соответствовали задаче усиления символической составляющей предметов. Смысл сакрального текста, переданного золотой аппликацией, был понятен зрителю.

Рассмотрим теперь по порядку, насколько набор алебастровых фигурок из донецкого захоронения вписывается в контекст сарматской культуры.

1. Фигурки, интерпретируемые нами, как «стрелы». Их реальные эквиваленты в виде наконечников, широко использовались в римскую эпоху в качестве амулетов в Северном Причерноморье: в некрополях античных городов, сарматов,

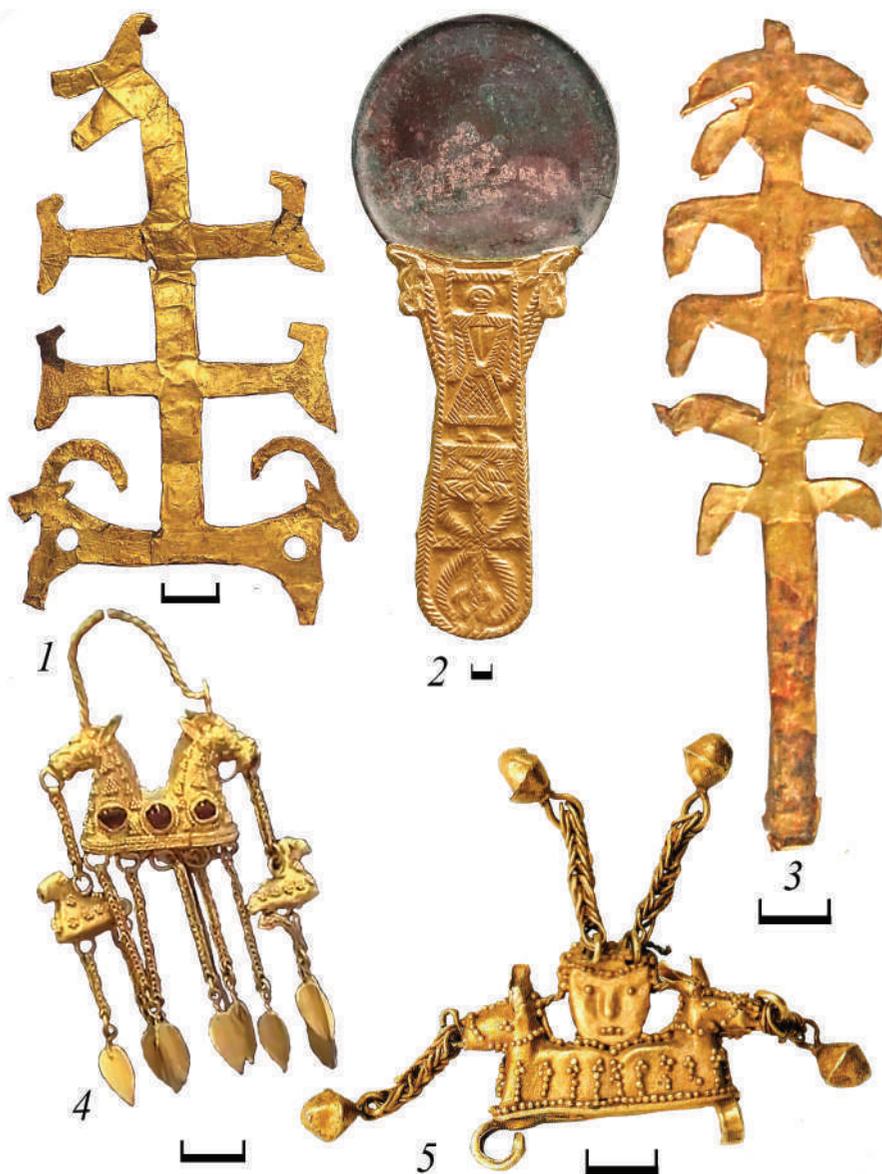

Рис. 9. Протомы животных в украшениях сарматов и их соседей: 1 — деталь аппликации «Усть-лабинской диадемы» (по И. П. Засецкой), 2 — зеркало из «Маеровского кургана» (по Н. Б. Скворцову, А. С. Скрипкину), 3 — деталь аппликации «Кобяковской диадемы» (фото В. К. Гугуева), 4 — серьга из Лоо (электронный каталог выставки «Древнее золото Кубани» <http://lazarevskoe.moykrai.ru/novosti/6742-pokazali-drevnee-zoloto-loo>), 5 — фибула из Курджипского кургана (по И. П. Засецкой)

меотов, «крымских скифов» (Ковпаненко, 1986, с. 98, 99; Стоянова, 2012, с. 74; Ларенок, 2013, табл. 144, 4). Причем в отличие от наконечников стрел, служивших оружием, эти находки обладают чертами, отличающими их от профанных предметов. Во-первых, они никогда не встречаются в виде колчаных наборов. Во-вторых, как правило, используются наконечники предшествующих эпох — так называемые «громовые стрелы». Наконец, эти находки сопровождают детские и женские погребения, как наиболее уязвимую часть социума. Ассортимент подобных амулетов весьма разнообразен. Например, в меото-сарматских погребениях Кобяковского некрополя первых веков нашей эры обнаружен кремневый наконечник эпохи энеолита (п. 36 1984 г. — раскопки В. К. Гугуева (рис. 10, 6) и бронзовые наконечники стрел скифского периода, обнаруженные в детском захоронении (рис. 10, 7). В том же могильнике в п. 49 1984 г. (раскопки В. К. Гугуева) найден архаический флажковидный костяной наконечник с одним шипом (рис. 10, 10). В погребении ребенка 174 2017 г. некрополя Ростовского городища (раскопки А. А. Нечипорука) был найден трехгранный втульчатый наконечник стрелы (рис. 10, 8). Подобные костяные наконечники получили широкое распространение на раннем этапе дьяковской культуры лесостепи (Смирнов, 1984, с. 225; Кренке, 2011, с. 381, рис. 83). Этот тип, судя по всему, и копируют донецкие алебастровые фигурки. То есть, обязательным условием превращения реального оружия — стрелы — в сакральный эквивалент здесь служит необычный облик знакомого предмета. И этот список можно продолжить. В сарматских и меотских могилах Северного Причерноморья первых веков нашей эры неоднократно встречались бронзовые изделия кобанской культуры: амулеты в виде фантастических зверей, колесики-«подшипники» и т. п. (Гущина, Засецкая, 1994, с. 153, табл. 54, 531, 2; Мамонтов, Шинкарь, 2014, с. 135, рис. 2, 6; Simonenko,

2008, Taf. 76, 24) (рис. 10, 1–5). В качестве реликвии в погребении 77 1985 г. Кобяковского некрополя, датируемого II в. н. э., была использована подвеска в виде скифского горита (раскопки В. К. Гугуева) (рис. 10, 9). Подобные амулеты, мода на которые пришла с Востока, встречаются в погребениях раннесарматской культуры (Скрипкин, 2010, с. 223, рис. 5). Таким образом, использование архаической тематики, предметов «седой старины» в сакральном пространстве кочевого и оседлого населения Причерноморья римского времени было обычным явлением. И наиболее ярко в этом контексте выступают в качестве амулетов наконечники предшествующих эпох — «громовые стрелы».

2. Фигурки птиц. Судя по пропорциям, передан абрис водоплавающих особей. Если не принимать во внимание фигурки птичек из египетского фаянса и редкие бронзовые подвески арысской культуры Южного Казахстана (Подушкин, 2000, с. 81, 135, табл. 1, 39, 100), среди амулетов римской эпохи эта тема не получила широкого распространения. Нам известна лишь одна находка «бронзовой уточки» из сарматской могилы Калиновского курганного могильника (Шилов, 1959, рис. 44, 15) (рис. 10, 4). И скорее всего, это изделие родом из древностей кобанского круга, и в могилу попало при вторичном использовании. Пластическое решение предмета абрисом и манерой стилизации имеет с нашими алебастровыми птичками ряд общих черт. Значительное сходство с донецкими фигурками птиц в пропорциях и общем облике имеется среди бронзовой пластики колхидской культуры (Unterwegs..., 1995, S. 249, Kat. No. 124). Но еще более поражает наличие в материалах Кобани прямых параллелей фигурке сдвоенных птицеобразных существ из донецкого набора (Техов, 1977, рис. 112, 12; Козенкова, 2017, рис. 12, 4, 12). Эти синкретические персонажи объединяют в себе черты птицы, лошади, змеи (рис. 12, 8, 11). Создается впечатление, что сдвоенные алебастровые

Рис. 10. Архаические предметы из погребений римского времени в Северном Причерноморье: 1 — подвеска из могильника Вербовский I (по В. И. Мамонтову), 2 — подвеска из Запрудье (по А. В. Симоненко), 3 — подвеска из могильника Барановка I (по А. С. Скрипкину), 4 — бронзовая фигурка птицы из Калиновского могильника (по В. П. Шилкову), 5 — бронзовая подвеска из некрополя погребения 253 1990 г. Нижне-Гниловского городища (фото В. К. Гугуева), 6 — кремневый наконечник из погребения 36 1984 г. Кобяковского некрополя (фото В. К. Гугуева), 7 — бронзовый наконечник стрелы из погребения 53 2011 г. Кобяковского некрополя (фото В. К. Гугуева), 8 — бронзовый наконечник стрелы из погребения из п. 174 2017 г. некрополя Ростовского городища (фото В. К. Гугуева), 9 — подвеска в виде горита из погребения 77 1985 г. Кобяковского некрополя (фото В. К. Гугуева), 10 — костяной наконечник стрелы из погребения 49 1984 г. Кобяковского некрополя (фото В. К. Гугуева)

птички могли быть репликой архаических образцов бронзовой пластики Кавказа или, по меньшей мере, воспроизводят те же мифологические персонажи.

3. Антропоморфные фигурки. Известно широкое использование в Северном Причерноморье фигурок с изображениями богов из египетского фаянса и мелкой бронзовой пластики Боспора в виде антропоморфных подвесок-амулетов. Трудно обнаружить какие-либо черты сходства между ними и донецкими фигурками. Что касается изделий местного, варварского происхождения, то в сарматских памятниках примитивные женские и мужские фигурки из мела и алебаstra были распространены с эпохи эллинизма. В первые века нашей эры миниатюрная антропоморфная пластика из этих материалов получила распространение на широкой территории от Казахстана до Северного Причерноморья (рис. 9). В работах, посвященных этой категории находок, упоминаются и воспроизводятся, правда не всегда в должном качестве, более двух десятков скульптур, датируемых от прохоровской до среднесарматской культур (Богданов, 1998, с. 44–52; Скрипкин, 2010, с. 73; Храпунов, 2011, с. 112, рис. 48, 11; Горбенко, Косяненко, 2019, с. 190, рис. 3, 2; Туаллагов, 2020, с. 96–109; Трейстер, 2020, с. 229–237). Мы можем добавить к этой серии не введенную в научный оборот меловую антропоморфную фаллическую фигурку из Танаиса, вероятно относящуюся к кругу сарматских древностей (рис. 11, 1). Не вдаваясь в детали исследований этой группы находок, одно лишь описание которых заняло бы несколько страниц, отметим следующее. Меловая и алебастровая антропоморфная пластика из сарматских могил весьма различается в размерах, уровне исполнения, стиле изображения: от миниатюрных, грубо проработанных фигурок до крупной вотивной статуэтки восточного происхождения, изготовленной искусным скульптором (Трейстер, 2020, с. 234). На ряде изделий четко выделены признаки пола, что несомненно

определяет различие в семантике находок, и функции их использования в погребальном ритуале. Для нас важным в данном случае является наличие практики использования антропоморфных фетишей в среде сарматских племен и их соседей в римское время. Параллели пластическому решению и стилю антропоморфных фигурок из кургана у п. Житенко при желании можно найти среди упомянутых артефактов из мела и алебаstra, но они не очевидны. Меловая скульптура из могил первых веков нашей эры сарматов и их соседей вряд ли могла служить образцом для создания донецких фигурок. Некоторое сходство алебастровые скульптурки обнаруживают с отдельными образцами многочисленной антропоморфной бронзовой пластикой Кавказа эпохи бронзы и античности (см. напр.: Брилева, 2012, с. 294, кат. №216). Но этот вопрос требует специального исследования.

4. Фигурка в виде протомы коней. Этот архаический прием изображения имеет глубокие корни в колыбели индоевропейской цивилизации и относится к разряду визуального выражения мифологических универсалий, которыми изобилуют культуры древности: от луристанских бронз, архитектуры Персеполя, золотых аппликаций из кургана «Иссык» до мелкой бронзовой пластики Кобани и диадем представительниц сарматской знати. Традиция изображать двуглавых животных продолжалась на Кавказе с IX в. до н. э. до эпохи средневековья. Важно, что алебастровая фигурка из нашего погребения содержит сдвоенную протому. Она как бы дублирует бинарный цифровой код, декларируемый парами стрел, птиц и антропоморфных персонажей. Подобные симметричные «геральдические» схемы с протомами коней и иных копытных были широко распространены в кобанской бронзовой пластике (Вольная, 2011, с. 69) (рис. 10, 8, 10). Известно их использование также в ювелирном искусстве сарматов и их соседей. Протома коней увенчивает золотое украшение рукояти зеркала из эллини-

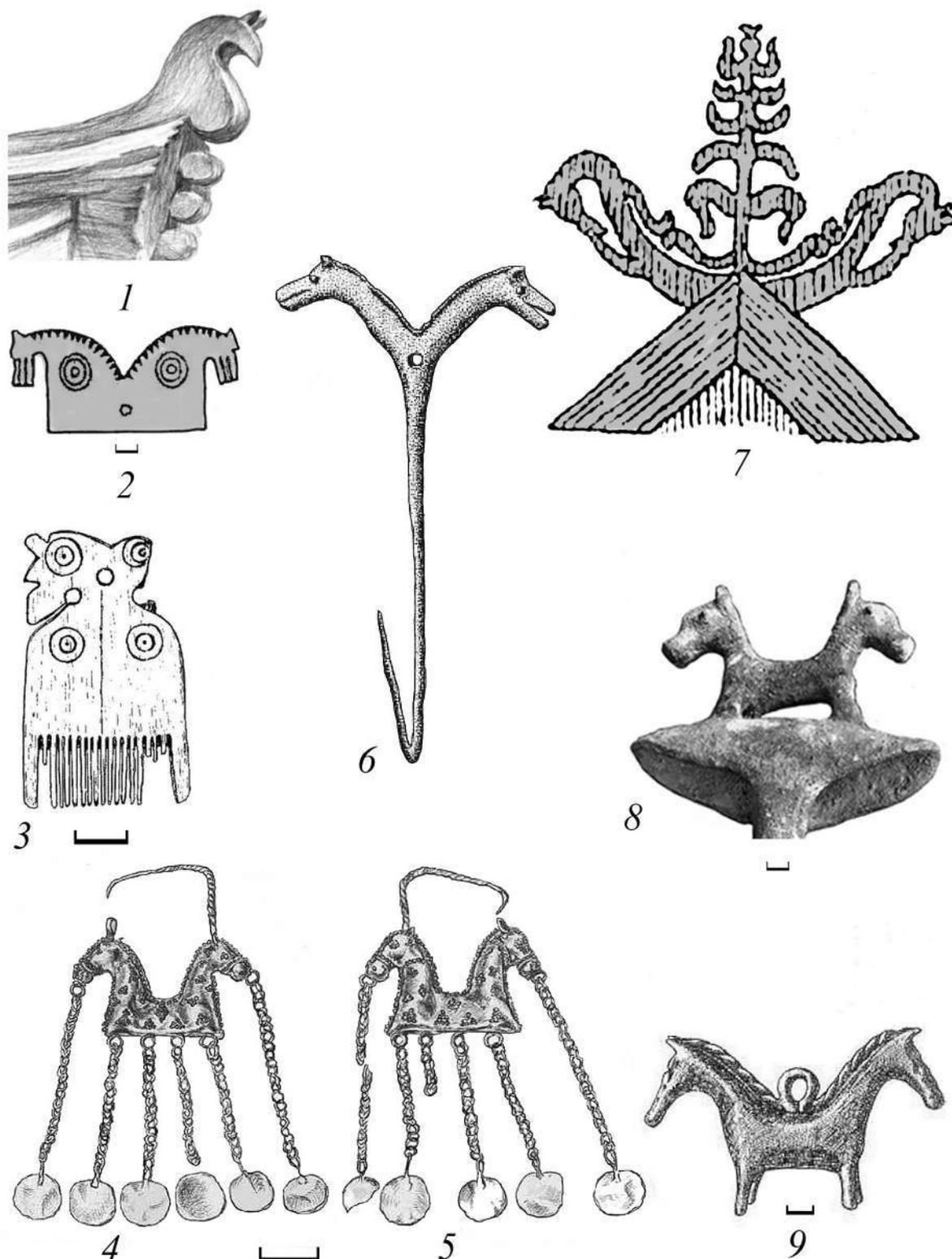

Рис. 11. Изображения коней, птиц и синкретических существ в пластике и архитектуре Евразии:
 1 — «Птица-конь». Архитектурная деталь северорусской избы (по С. Д. Синчук, без масштаба),
 2 — сарматский костяной гребень: Степная IV, кург.1 погр. 38 (по А. С. Скрипкину),
 3 — сарматский костяной гребень: Высочино V, кург. 18 погр.1 (по Е. И. Беспалому, С. И. Лукьяшко),
 4, 5 — серьги из погребения в могильнике Мезмай – I (по Н. Ф. Шевченко),
 6, 8, 9 — изделия из бронзы кобанской культуры с протомами коней (по В. И. Козенковой,
 6 — без масштаба), 7 — декоративная композиция на коньке крыши литовского жилища
 (по В. С. Бузину, без масштаба)

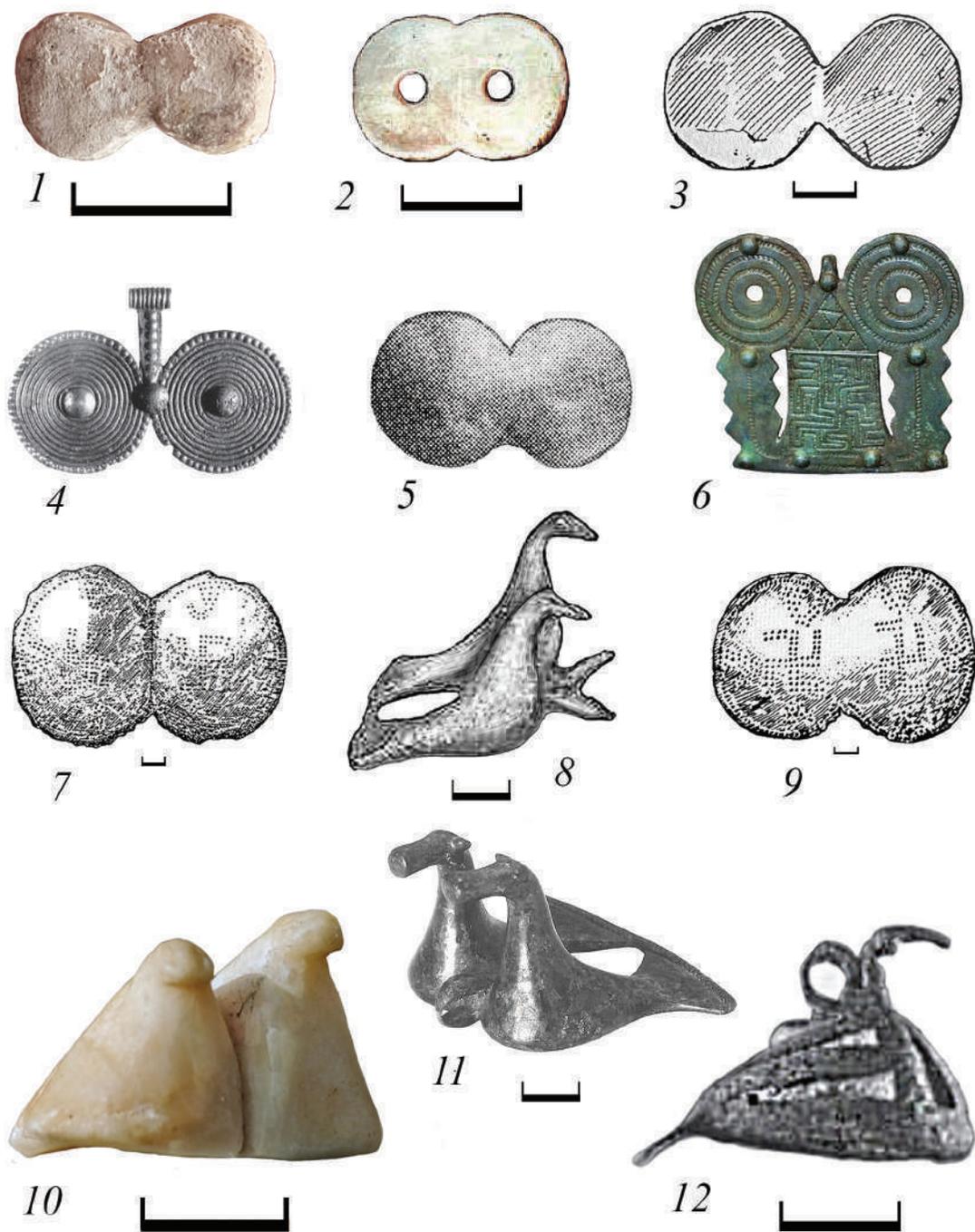

Рис. 12. Амулеты в виде сдвоенных дисков и птиц в археологических культурах Евразии:
 1 — алебастровая фигурка из погребения 1 кургана 5 у п. Житенко (фото В. К. Гугуева),
 2 — перламутровая «пряжка» из поселения Караултобе (по А. Н. Подушкину), 3 — бронзовое изделие из кургана 20 «Золотого кладбища» (по И. И. Гузиной, И. П. Засецкой), 4 — бронзовая подвеска XIV – XV вв. до н. э. из Грузии (по Unterwegs..., без масштаба), 5 — бронзовые украшения узды из кургана «Аржан» (по М. П. Грязнову, без масштаба), 6 — бронзовая пряжка из Казбекского клада (фото из электронного каталога ГИМ), 7 — бронзовая бляха из разрушенного захоронения могильника Луговой (по В. И. Козенковой), 8 — бронзовая подвеска из аула Терезе (по В. И. Козенковой), 9 — бронзовая бляха из погребения 3 могильника Луговой (по Е. И. Крупнову), 10 — алебастровая фигурка из погребения 1 кургана 5 у п. Житенко (фото В. К. Гугуева), 11 — бронзовая подвеска из погребения 4 могильника Терезе (по В. И. Козенковой), 12 — бронзовая подвеска из погребения 85 могильника Певреби (по Unterwegs...)

стического погребения «Маеровой могилы» (Скворцов, Скрипкин, 2008, рис. 16, 1) (рис. 9, 2). Кони здесь выступают в качестве спутницы женского божества. Серьга из Курджипского кургана, явно местного производства, несет на себе изображение женской головы, помещенное на парной конской протоме (Засецкая, 2011, ил. 30в) (рис. 9, 5). В основании золотой аппликации «древа жизни» так называемой Усть-Лабинской диадемы находится протома козлов (рис. 9, 1). Основу композиции на золотой серьге римского времени из Лоо составляет протома коней (рис. 9, 4). Пара аналогичных серег происходит из могильника Мезмай-1, входящего в круг меотских древностей Западного Кавказа (Шевченко, 2020, с. 73, рис. 6, 1) (рис. 10, 4, 5). И подобные примеры можно было бы продолжить. Для нас важно: образ пары коней, слитых в одной композиции посредством изображения протомы, не был чужим в среде ираноязычных кочевников Северного Причерноморья римской эпохи.

5. Фигурка в виде сдвоенной окружности или «восьмерки». Это, пожалуй, самый загадочный элемент среди набора алебастровых скульптур. Поиск параллелей здесь неотделим от реконструкции семантики, которую содержала данная фигурка. Предметы в виде сдвоенных дисков имеются в архаических культурах Евразии (Грязнов, 1980, рис. 28, 3, 7; *Unterwegs...*, 1995, S. 99, Abb. 80; Вальчак, 1996, с. 26, рис. 3, 12–16). Есть они и в пластике Кобани, откуда происходит большая часть параллелей нашим находкам. Некоторые из них дополнительно орнаментированы символами в виде свастики (Крупнов, 1957, с. 159, рис. 3, 3; Tallgren, 1930, P. 141, Fig. 61; Прокопенко, 2014, с. 837, рис. 205, 1–4) (рис. 12, 6, 7, 9). Это позволяет рассматривать подобные находки, как символизирующие парные солнечные диски. Известны предметы в виде «восьмерки» в памятниках сарматского круга от Прикубанья до Казахстана (Гуцина, Засецкая, 1994, с. 132, 325/1; Подушкин,

2000, с. 37, с. 133) (рис. 12, 3). Но было бы опрометчиво придавать всем предметам, воспроизводящим простую форму сдвоенных окружностей глубокий сакральный смысл.

Кроме факта соответствия донецкой находки в целом контексту сарматских древностей, необходимо отметить, что комплект алебастровых фигурок из п. 1 кургана 5 у поселка Житенко составлен не из случайно выбранных персонажей, а как бы предназначен для составления композиции.

Как могут быть композиционно связаны протомы коней, парные фигуры водоплавающих птиц, стрелы и символ солнца блестяще демонстрирует парадный головной убор вождя из кургана Иссык. С момента выхода статьи А. К. и К. А. Акишевых и в многочисленных работах, в той или иной степени касающихся индоиранской и индоевропейской мифологии, общепризнано, что подобные композиции отражают трехчленную модель мира саков, в которой центральное место занимает концепция «мирового древа» и связанные с ним представлениями солярно-вегетативной тематики (см., например: Акишев, Акишев, 1980, с.14–31; Кузьмина, Сарияниди, 1982, с. 19–25). Подобные композиции демонстрируют поразительную устойчивость основных элементов орнаментальной схемы на протяжении тысячелетий. В этой связи интересны наблюдения над архаическими элементами домостроительной архитектуры. Исследователи, предметно рассмотревшие декоративные элементы крыши у славянских народов, отмечают наличие здесь следующих элементов: *протомы лошадей* («конька»), или эквивалента в виде *пары птиц* (Бузин, 2011, с. 371–377, рис. 1–3). В этой роли также выступает синкретичное существо птицеконь (ср. птицебаран короны в кургане Иссык) (Савчук, 2018, 74–86, рис. 1–3) (рис. 10, 1). При этом двухчастная композиция часто превращается в трехчастную с помощью центрального разделительного знака — *стрелы*. Семантика отдельных элементов этой композиции

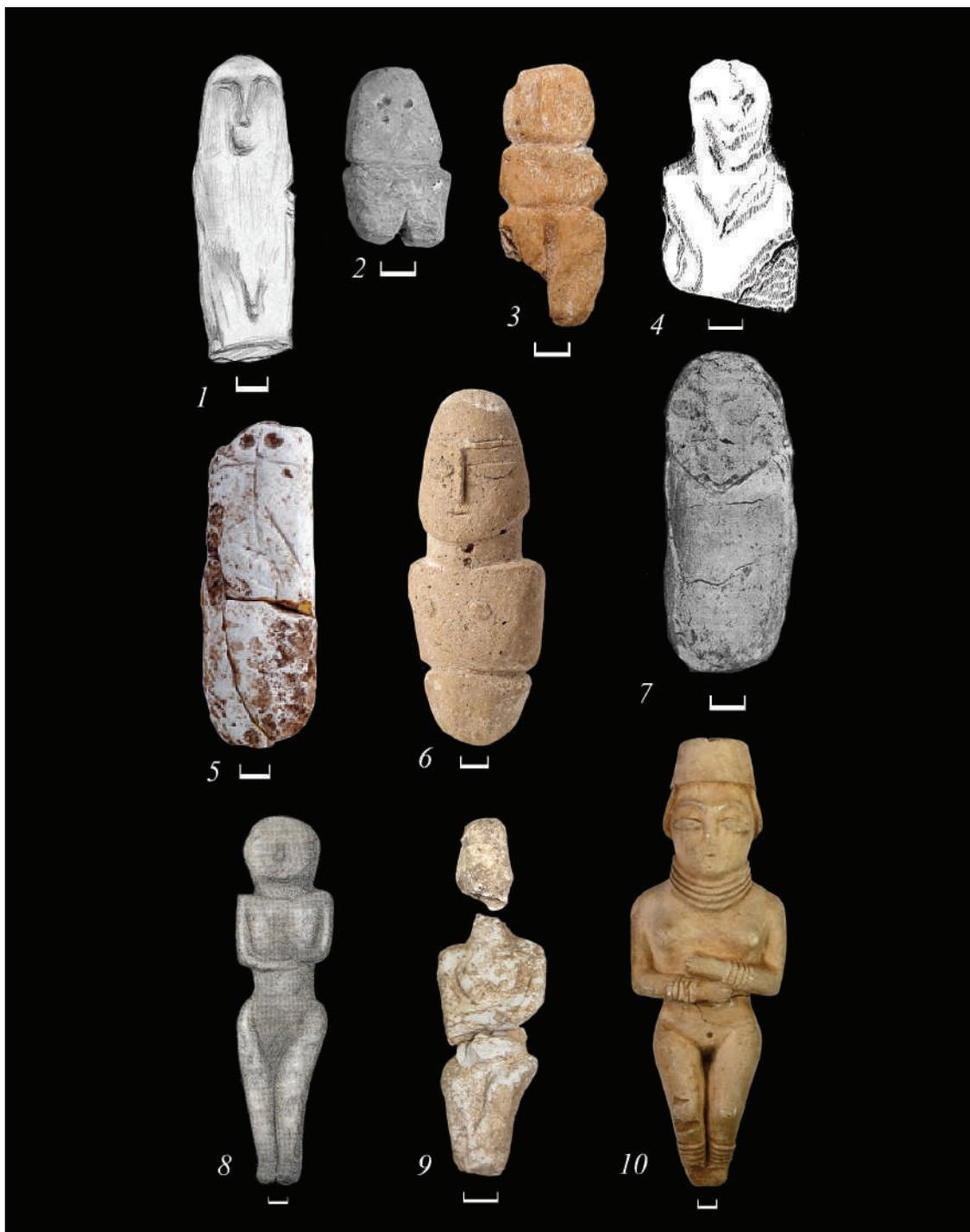

Рис. 13. Антропоморфные фигурки из камня у сарматов и их соседей: 1 — меловая фигурка из ямы в кургане 22 некрополя Танаиса (рис. В. К. Гугуева), 2 — фигурка из катакомбы 1 могильника Высокогорный 4 (по Д. С. Коробову), 3 — алебастровая антропоморфная фигурка с городища Чирик-рабат (по Ж. Курманкулову), 4 — меловая фигурка из погребения 1 кургана 5 могильника Высочино V (по Е. И. Беспалому, С. И. Лукьяшко), 5 — меловая фигурка из насыпи кургана 5 могильника Вертячий (по А. С. Скрипкину), 6 — алебастровая фигурка из Актобе Чаянского городища (по А. Н. Подушкину), 7 — алебастровая фигурка из кенотафа кургана 19 могильника Тураташ (по Г. А. Брыкиной), 8 — меловая фигурка из 1-го Балабинского могильника (по А. А. Узянову), 9 — меловая фигурка из доследованного погребения 2014 г. некрополя Крепостного городища (фото В. К. Гугуева), 10 — алебастровая статуэтка из погребения 1 кургана 3 1995 г. могильника Нижняя Павловка – 1 (фото М. Ю. Трейстера)

как бы дублирует друг друга. Также в качестве центра орнаментального фриза фигурирует стилизованное древо, иногда в контаминации с антропоморфным персонажем (рис. 10, 7). Таким образом, стрела — пара птиц — протомы коней — сдвоенный символ солнца, дублируя друг друга, символически создают единую картину мироздания. Похожую моделировку демонстрируют сарматские костяные гребни (Скрипкин, 2010, с. 227, рис. 7; Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 117, рис. 11, с. 120, рис. 4) (рис. 10, 2, 3). Их рукоять как бы имитирует фронтоны двускатной крыши, по краям которой смоделированы протомы коней, птиц или грифонов, развернутые головами в противоположные стороны на геральдический манер. Подобные изделия встречаются у сарматов на всех этапах их культуры, вплоть до позднесарматского времени (Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 192, табл. LXXXV, б; Беспалый, 2016). При этом, гребни часто покрыты циркульным орнаментом, подчеркивая тем самым связь сюжета с солярной

символикой. Аналогичные трехчастные композиции украшают фризы так называемых сарматских диадем из Усть-Лабинска и Кобякова, где контаминация образов древа, копытных и птиц не позволяет провести между ними четкую границу. Очевидно, мы имеем дело с разными, но по существу синонимичными элементами горизонтальной зеркально-симметричной композиции типа «птицы и копытные у древа». При этом «древо жизни» здесь играет роль разделительного знака и эквивалентно антропоморфному персонажу, стреле и т. п. Таким образом, набор миниатюрных алебастровых скульптур из погребения 1 кургана 5 у поселка Житенко является еще одним свидетельством общности представлений сарматов с миром индоевропейской культурной и духовной среды, сохранившей свои символы на протяжении тысячелетий. Уточнение места и времени изготовления алебастровых амулетов из донецкого захоронения представляется нам задачей дальнейших исследований.

Литература

- Акишев А. К., Акишев К. А. Происхождение и семантика Иссыкского головного убора // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 14–31.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982. 105 с. (САИ. Вып. Г I–12).
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино // Материалы и исследования по археологии Юга России. / Отв. ред. Б. А. Раев. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 222 с.
- Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. 127 с.
- Беспалый Г. Е. Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов структуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник Танаис» в 2012 г. Том VI. Ростов-на-Дону, 2016. Архив ГУК РО АМЗ «Танаис».
- Богданов С. В. Идолы и амулеты сарматских погребений Урало-Казахстанских степей // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 44–52.
- Брилева О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. – X в. н. э.). М.: «Таус», 2012. 424 с.
- Бузин В. С. Тамбовский «репейник» и полесская «стрела» — декор, миф, обряд // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 5А. С. 370–384.

- Вальчак С. В., Мамонтов В. И., Сазонов А. А.* Ранние памятники черноговоровского этапа в Восточной Европе: их происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып. 2 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир – Москва: б. и., 1996. С. 23–44.
- Вольная Г. Н. Подвески в виде сдвоенных протом лошадей из памятников Центрального Кавказа в раннем железном веке // Древность: историческое значение и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э. А. Грановского и Д. С. Раевского, 12 – 14 декабря 2011 г. (Вып. 5) / Отв. ред. Г. Ю. Калганова. М.: ИВ РАН, 2011. С. 66–70.
- Горбенко А. А., Косяненко В. М.* Редкие находки в некрополе Крепостного городища (г. Азов) в 2014 году // «Археологические открытия на Кавказе и сопредельных регионах: хронология и интерпретация памятников». Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю. Н. Воронова. Сухум, 2016 г. / Гл. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: Дом печати, 2018. С. 186–190.
- Грязнов М. П.* Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Гугуев В. К.* Кобьяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н. э. – начала II в. н. э.) // ВДИ. 1992. № 4 С. 116–129.
- Гущина И. И., Засецкая И. П.* Золотое кладбище римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
- Засецкая И. П.* Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 328 с.
- Кренке Н. А.* «Дьяково городище». Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.
- Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение на Южном Буге. Киев: Наукова Думка, 1986. 152 с.
- Козенкова В. И.* Специфика духовного мира кобанских племен. М.: ИА РАН, 2017. 112 с.
- Кузьмина Е. Е., Сарияниди В. И.* Два головных убора погребений Тилля-Тепе и их семантика // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 19–25.
- Курчатов С., Бубулич В.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // Взаимодействие культур и хронология Северо-понтийского региона / Отв. ред. Е. Сава. Кишинев: Ин-т археологии и этнографии АН РМ, 2003. С. 285–312.
- Ларенок В. А.* Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобьякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Ч. I. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. 448 с.
- Мульд С. А., Мясякин В. В.* Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. 2003. Вып. 10. С. 5–31.
- Подушкин А. Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. – VI в. н. э. Туркестан: Изд. Центр МКТУ им. Яссави, 2000. 200 с.
- Прокопенко Ю. А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Ч. 2. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. 725 с.
- Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008 – 2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. 306 с.

- Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С.* Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 9. С. 89–117.
- Скрипкин А. С.* Сарматы и Восток. Избранные труды. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2010. 368 с.
- Скрипкин А. С., Клепиков В. М.* Железный век // Археологическое наследие Волгоградской области / Гл. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издатель, 2013. 285 с.
- Смирнов К. А.* Костяные наконечники Мутенковского городища // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 224 – 227.
- Стоянова А. А.* Детские погребения могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.
- Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI – X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 239 с.
- Трейстер М. Ю.* Алебастровая статуэтка из сарматского погребения в Южном Приуралье // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья. Материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения». К юбилею докт. ист. наук М. Г. Мошковой / Отв. ред. С. В. Сиротин. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 228–237.
- Туаллагов А. А.* Женские антропоморные статуэтки из сармато-аланских погребений // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 12–13 / Отв. ред. Ю. А. Прокопенко. Ставрополь: ООО «Печатный двор», 2020. С. 96–109.
- Храпунов И. Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: издательство «ДОЛЯ», 2011. С. 13–60.
- Шевченко Н. Ф.* Элитное женское погребение в могильнике Мезмай-1 // Историко-археологический альманах. Вып. 15 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир – Краснодар – Москва: б. и, 2020. С. 66–84.
- Шепко Л. Г.* О некоторых атрибутах ритуальной практики сарматов // Всероссийские Миллеровские чтения. Вып. VI / Ред. З. В. Канукова. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2018. С. 289 – 294.
- Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. 1. / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 323–523. (МИА, № 60).
- Simonenko A. V.* Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nordlichen Schwarzmeergebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Archaeologie in Eurasian. Band 25. Mainz: Verlag Phillip von Zabern, 2008. 626 s.
- Unterwegs zum Goldenen Vlies. Archäologische Funde aus Georgien / Her. A. Miron, W. Orthman. Saarbrücken: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1995. 343 S.
- Tallgren A. M.* Caucasion monuments. The Kazbek Treasure // Journal for East European and North Asiatic Archaeology and Ethnography / Ed. U. T. Sirelius, A. M. Tallgren. Helsinki: Finnish Archaeological Society, 1930. P. 109–182.

Ареал и хронология бус типов «Т-М-362/Алексеева-480-482,490,496» на Кавказе

Ключевые слова: Кавказ, римское время, хронология, бусы

Резюме

Публикация продолжает цикл, посвященный рассмотрению бус с ресничковым орнаментом типов «Т-М-362/Алексеева-480-482,490,496». В представленной статье рассматриваются находки в кавказском регионе. Показательно, что бусы Т-М-362/Алексеева-480-482,490,496 широко представлены на западном Кавказе, и полностью отсутствуют в Закавказье и на центральном Кавказе. На восточном Кавказе удалость учесть всего два комплекса на одном могильнике. При этом основная масса погребений относится к 2–4 четверти IV в., продолжая бытовать до сер. V в. Причем, помимо местных типов, именно в Абхазии и в могильнике Паласа-Сырт представительны связи с миром германоязычных культур, в среде которых бусы этой группы распространены широко.

Для цитирования: Красноперов А. А. Ареал и хронология бус типов «Т-М-362/Алексеева-480-482, 490, 496» на Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Салта» «Салта ЛТД», 2021. С. 114–131

Aleksandr Krasnoperov

The Distribution Area and Chronology of the Beads of the Type T-M-362/Alekseeva-480-482,490,496 in the Caucasus

Keywords: Caucasus, Roman Period, chronology, beads

Abstract

This publication continues the cycle addressing the beads with eyelashes ornament of the type T-M-362/Alekseeva-480-482,490,496. The given paper analyses the finds made in the Caucasus area. It is demonstrative that the beads T-M-362/Alekseeva-480-482,490,496 are widely distributed in the West Caucasus, but are totally missing in the Transcaucasia and in the Central Caucasus. In the East Caucasus, there were only two assemblages at the same cemetery. Moreover, the main bulk of the graves in question dates from the second to fourth quarters of the fourth century AD, continuing to exist as long as the mid-fifth century AD. Apart from the local types, in Abkhazia, in the cemetery of Palasa-Syrt, there are impressive connections to the world of Germanic cultures, where the beads of the group in question were widely distributed.

Вводные замечания

Публикация продолжает цикл, посвященный рассмотрению бус с ресничковым орнаментом типов «Т-М-362/Алексеева-480-482,490,496». Основным вопросом является — насколько возможен перенос датировок бытования специфического (не массового и легко выявляемого в коллекциях)

типа бусин с мест основного распространения на очень отдаленные территории. Логично, что для этого необходимо рассмотреть хронологию в основных ареалах бытования. Для обсуждаемых типов выделяется 6 основных зон: у сарматского населения на лимесе (Красноперов, 2020), германоязычных групп востока Центральной Европы и в

Скандинавии, на Северном Кавказе, в Почье (Румянцева, 2008), в Прикамье. Карта пунктов находок на данном этапе решения задачи значения не имеет, поскольку никак не влияет на хронологические позиции комплексов. А максимально полная публикация «в одном месте» самих комплексов, напротив, обязательна, поскольку является главным предметом обсуждения.

В этой публикации рассматриваются находки в кавказском регионе.

Основная концентрация находок на западном Кавказе — могильники у двух крепостей в Абхазии: Цибилиум (467 погребений (Воронов, 2003)) и Шапка¹ (более 400 погребений) (Воронов, 1975, с. 42). По публикациям удалось выявить² интересный тип бусин в 24 могилах.

Основы хронологии рассматриваемых памятников

В настоящий момент существует несколько периодизаций древностей Абхазии. Датировки Ю. Н. Воронова целиком следуют за хронологической системой А. К. Амброза (Воронов, Шенкао, 1982, с. 122). Позднее некоторые из них, благодаря новым находкам, были скорректированы. Периодизация М. М. Трапша разбита по полувекам и учитывает большинство категорий находок, включая местные типы (Трапш, 1971, табл. LIV). По ней погребения должны распределяться следующим образом:

1 половина III в. — Ц³-458 (рис. 1⁴, Б).

2 половина III в. — Ц-14⁵ (рис. 2, А), 53 (рис. 3, А), 452 (рис. 1, А), Апушта, п. 33 (рис. 2, Г).

2 половина III — 1 пол. IV — Ц-89 (рис. 4).

1 половина IV в. — Ц-29 (рис. 1, В), 196 (рис. 5, А), 348 (рис. 1, Г), 438 (рис. 2, Б), Лар, п. 12 (рис. 2, В), Абгыздраху, п. 53

(рис. 6, В), Ауахуамаху, п. 1 (рис. 7, А), Апраху, п. 7 (рис. 8, А).

2 половина IV в. — Ц-265 (рис. 5, Б), 267 (рис. 9), Абгыздраху, п. 50 (рис. 6, А).

середина IV в. — Ц-329 (рис. 10, Б).

весь IV в. — Ц-248 (рис. 7, Б), 421 (рис. 3, Б).

рубеж IV/V вв. — Абгыздраху, п. 46 (рис. 10, А).

рубеж IV/V вв. — V в. — Юстинианов холм, п. 3 (рис. 8, Б).

Периодизация О. А. Гей и И. А. Бажана (1997, с. 9–30, табл. 1–32) была позднее откорректирована М. М. Казанским и А. В. Мастыковой (Kazanski, Mastykova, 2007; Казанский, Мастыкова, 2013 и мн. др.). Ведущими типами здесь стали интеррегиональные категории — фибулы, пряжки, стеклянные сосуды, умбоны, дополненные местными находками, показавшими выразительную эволюцию — серьги, керамика, наконечники копий. Но эта хронология слишком жестко привязана к центрально-европейской, что в условиях западного Кавказа дает сбои, и требует более гибкой схемы.

Хронологическую основу наглядно создают фибулы. Для 1-го периода характерны «классические» лучковые с верхней тетивой (Амброз-15/I), для 2-го — лучковые с нижней тетивой (Амброз-15/III, IV), для 3-го — крестовидные с небольшим расширением (Амброз-15/V), для 4-го — крестовидные с широким перекрестьем (Амброз, 1966, с. 47–57). 3-й период оказывается наиболее представительным по составу находок: наконечники копий с длинным пером и короткой нервюрой, пряжки с круглой рамкой и далеко выступающим язычком (Амброз, 1992, с. 12, 17, 18; Малашев и др., 2015, с. 100), со вставками и с выступами на рамке (Вона, 1991, Abb. 39, S. 252–254; Комар,

¹ В литературе встречаются разные варианты названий: Абгыздраху = Стекланный холм, Ауахуамаху = Церковный холм, Ахьацараху = Верин холм, Апраху = Монетный холм, Ахаччарху = Грушевый холм, Юстинианов, Абрамов холмы и др.

² Я многим обязан подборкам литературы и личному терпению Игоря Олеговича Гавритухина.

³ Далее везде сокращение «Ц» используется для могильников Цибилиум.

⁴ Все рисунки смонтированы в масштабе 1:2 для вещей, 1:4 для керамики и крупных предметов.

⁵ При первой публикации (Воронов, Юшин, 1979, рис. 5, 1–17) погребению присвоен номер 13. Здесь во всех случаях использована нумерация по монографическому изданию.

2000), многогранные и высокие конические умбоны (Цилинг–Е2/Либенау, Н1/Мизери, К2, Керчь) (Kazanski, 1994–1995), стеклянные сосуды с каплями (Сорокина–IEa, б, IIв, IIIб) и с сотовым декором (Сорокина, 1971; 1979; Засецкая, 2008, с. 8–32), амфоры с перехватом (Внуков, 2012), косметические наборы, серьги с одной петлей, серьги с крупной вставкой, крупные хрустальные многогранные бусы (Мастыкова, 2020), зеркала с ячеистым декором (Малашев и др., 2015, с. 97, 98), удила с Г-образными псалиями (Ахмедов, 2005, с. 244–247), кувшины с расширением на середине высоты тулова. Общая датировка — 4-я четверть IV – середина V вв. (Kazanski, Mastykova, 2007, pl. 23–25; Казанский, Мастыкова, 2013, рис. 3). 2-й период характеризуется наконечниками копий с длинной нервюрой, высокими умбонами (Цилинг–Н2/Ай-Тодор, К2, Р/Коржень, Т/Добродзень), стаканами с округлым туловом (Айсингс–108), пряжками с овальной рамкой и не длинным язычком Малашев–П10 (Малашев, 2000), в том числе с полихромными вставками на щитках (Красноперов, 2012), серьгами с небольшой вставкой, фибулами лебязьинской схемы (Амброз–15/IV–3, 4), янтарными грибовидными бусами-подвесками (Мастыкова, 1999), топорами с коротким обухом (встречаются и в следующих периодах), кувшинами с расширением в нижней трети высоты тулова. Общая дата — 2-я четверть IV – рубеж IV/V вв. (Kazanski, Mastykova, 2007, pl. 22; Казанский, Мастыкова, 2013, рис. 2). 1-й период, самый невыразительный, характеризуется топорами с длинным обухом, наконечниками копий с нервюрой вдоль всего пера, горизонтально вытянутыми прямоугольными пряжками (Мысхакский некрополь, 2020, с. 167), полусферическими умбонами (Цилинг–М–R1), мисками на ножке (встречаются и в следующих периодах), кувшинами с расширением в верх-

ней трети высоты тулова. Общая дата — 4-я четверть II – 1-я треть IV вв. (Kazanski, Mastykova, 2007, pl. 21; Казанский, Мастыкова, 2013, рис. 1) (рис. 11).⁶

Хронология Паласа-Сыртского могильника подробно рассмотрена В. Ю. Малашевым (рис. 12, В). Определяющей находкой в ПС⁷, к. 1246/1 (рис. 11, Б) является крупная круглая железная пряжка, «функционально близкая к сьюльгамам» (Малашев и др., 2015, с. 101), показательная для 1-й хронологической группы — середины – 2-я половины IV в. (Малашев и др., 2015, с. 118, рис. 226, 227, 13). Более разнообразен инвентарь в ПС, к. 20Г (рис. 12, А). Двупластинчатые фибулы Амброз–21/II бытуют не ранее 1-й половины V в., пряжки Малашев–П10 — в рамках 2-й четверти – конца IV в., наконечники-подвески с луновидным расширением Малашев–Н9 — от конца IV – до середины V в. (Малашев и др., 2015, с. 89, 99, 103). Комплекс относится ко 2-й хронологической группе — последние десятилетия IV – 1-я половина V в. (Малашев и др., 2015, с. 18, рис. 233, 20Гм).

Датировка комплексов с бусами

А. В. Мастыкова распределила погребения с бусами из могильников Цибилиума следующим образом: фаза 1 (170/220–330/340) — 53, 452; фаза 2 (320/330–400/410) — 29, 265, 329, 348, 439, 248; фаза 3 (380/400–440/450) — 89, 297, 421 (Kazanski, Mastykova, 2007, p. 25, 51, 52). Соглашаясь с перечнями характерных хроноиндикаторов для фаз, распределение могил по периодам можно уточнить:

Период 1 (4-я четверть II – 1-я треть IV вв.) — Ц–14, 452, 458 (итого: 3 комплекса).

Период 2 (2-я четверть IV – рубеж IV/V вв.) — Ц–29, 53, 248, 265, 329, 348, 438, Лар, п.12, Абгызраха, п. 53, Апушта, п. 19 (рис. 6, Г), 33, Ауахуамаха, п. 1, Апраха, п. 7 (итого: 13 комплексов).

⁶ В периодах 4 и 5 бусы с ресничковым декором не представлены.

⁷ Далее сокращение «ПС» используется для могильника Паласа-Сырт.

Период 3 (4-я четверть IV – середина V вв.) — Ц-89 (рис. 2, В), 196, 267, 297 (рис. 6, Б), 421, Абгызрахау, пп. 46, 50, Юстинианов холм, п.3 (итого: 8 комплексов).

Но нужно отметить, что в Ц-248 найдена более ранняя лучковая фибула с верхней тетивой (рис. 7, Б-3), в Юстинианов холм, п. 3 — более поздние крестовидные фибулы с широкой площадкой (рис. 8, Б-2, 3), в Ц-297 — более поздние серьга и керамическая кружка (Malashev, 2007, р. 66) (рис. 6, Б-12). При этом основная масса погребений относится к 2–4 четверти IV в., продолжая бытовать до сер. V в.

Особенности распространения

Показательно, что бусы Т-М-362/Алексеева-480-482,490,496 широко представлены на западном Кавказе и полностью отсутствуют в Закавказье и на центральном Кавказе. На восточном Кавказе удалость учесть всего два комплекса в одном могильнике. Причем именно в Абхазии (Мастыкова, 2008, с. 31) и в могильнике Паласа-Сырт (Казанский, Мастыкова, 1998, с. 102) представительны связи⁸ с миром, носителями которых считаются германцы, в среде которых бусы этой группы распространены широко.

Литература

- Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 142 с. (САИ. Вып. Д1-30).
- Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып. 1 / Ред. Я. М. Паромов. М.: Архэ, 1992. С. 6–108.
- Ахмедов И. Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтийского» стиля узды в эпоху Великого переселения народов) // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: б. и., 2005. С. 240–253. (Труды ГИМ. Вып. 145).
- Внуков С. Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 2012. № 4. С. 5–15.
- Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975. 160 с.
- Воронов Ю. Н. Древности Азантской долины. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 73 с.
- Воронов Ю. Н. Могилы апсиров. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977 – 1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. 348 с.
- Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник IV – VI вв. н. э. в Абхазии // СА. 1970. № 1. С. 175–190.
- Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV – VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V – VIII вв. / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 121–165.
- Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1973. № 1. С. 171–191.
- Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II – IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. 1979. № 1. С. 181–198.
- Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории восточной Европы и Кавказа). М.: ИА РАН, 1997. 144 с.

⁸ Вероятно, опосредованные (Казанский, 2015, с. 50, 52, 54).

- Гмыря Л. Б.* Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1993. 367 с.
- Засецкая И. П.* Стеклянная посуда некрополя Боспора 2 половины IV – рубежа VI – VII вв. н. э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // БИ. 2008. Вып. XX. 224 с.
- Казанский М. М.* Германские элементы в материальной культуре Абхазии в поздне римское время и в эпоху переселения народов // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 4 / Гл. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2015. С. 33–60.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. Вып. 4 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; М.: б. и., 1998. С. 102–135.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Хронология цебельдинской культуры (II – VII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Третья абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Г. К. Шамба / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: ИИМК РАН; Абиги, 2013. С. 55–62.
- Комар А. В.* Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 19–54 (Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т.1).
- Красноперов А. А.* Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 3 / Под. ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 218–254.
- Красноперов А. А.* Датировки комплексов с бусами Т-М-362 на римском пограничье в связи с находками в Прикамье // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2 (9). С. 58–74.
- Малашев В. Ю.* Периодизация ременных гарнитур поздне сарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–217. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).
- Малашев В. Ю.* Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.
- Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С.* Страна маскутов в Западном Прикаспии: Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III – V вв. н. э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 460 с.
- Мастыкова А. В.* О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок поздне римского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре / Гл. ред. М. И. Гладких. Киев: б. и., 1999. С. 171–202.
- Мастыкова А. В.* Федераты восточной римской империи на черноморском побережье Кавказа и эволюция некрополя Цибилиум (II – VII вв.) // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 10(50). С. 28–34.
- Мастыкова А. В.* Хрустальная многогранная бусина с поселения Картамышево-3 и контакты Среднего Поднепровья с Северным Причерноморьем в VI – VII вв. // Археологические вести. 2020. Вып. 28. С. 272–288.
- Мысхаковский некрополь.* Раскопки 1978 – 1979 гг. // Под ред. А. А. Малышева. М.: МАКС Пресс, 2020. 220 с. (Некрополи Черноморья. Т. V).

- Румянцева О. С.* Серия бус с полихромным декором с территории Поочья и Среднего Поволжья позднеримского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Предисл. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Г.М.-З. «Куликово Поле», 2008. С. 90–110
- Сорокина Н. П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. С. 85–101.
- Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды IV – V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 57–67.
- Трапш М. М.* Труды. В 4 тт. Т. 3. Культура цебельдинских некрополей. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 258 с.
- Трапш М. М.* Труды. В 4 тт. Т. 4. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Сухуми: Алашара, 1975. 258 с.
- Bóna I.* Hunnenreich. Budapest: Corvina; Stuttgart: Theiss, 1991. 294 p.
- Kazanski M.* Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Her. C. von Carnap-Bornheim. Lublin; Marburg, 1994. S. 429–485.
- Kazanski M., Mastykova A.* La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C. – VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). Vol. 2. L'étude du site / Oxford: John and Erica Hedges Ltd, 2007. 164 p. (BAR. ISS1721-2)
- Malashev V.* Annexe 3. La céramique alaine // Kazanski M., Mastykova A. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C. – VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). Vol. 2. L'étude du site. Oxford: John and Erica Hedges Ltd, 2007. P. 65, 66 (BAR ISS1721-2).

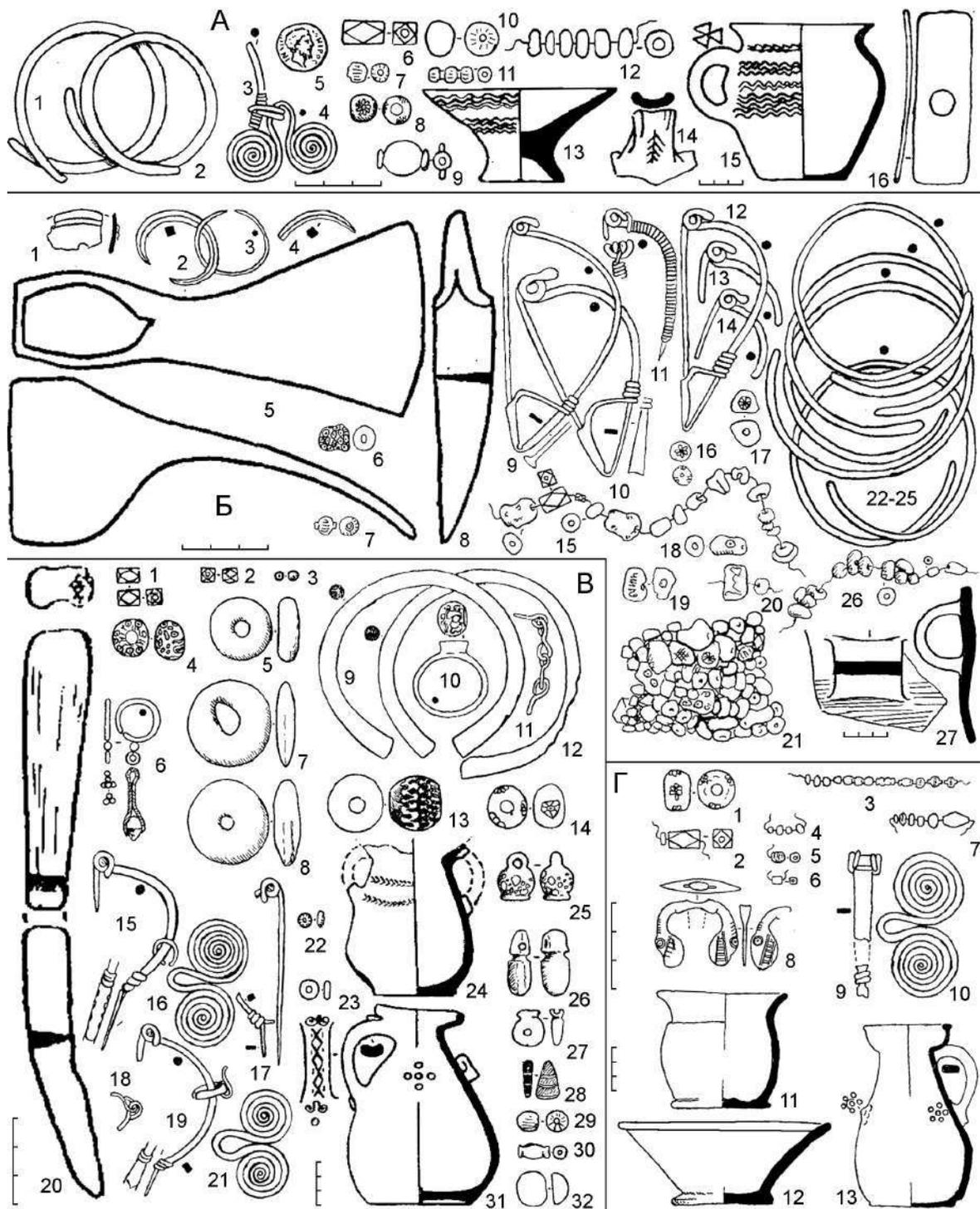

Рис. 1. А — Цибилиум, п. 452 (Воронов, 2003, рис. 215, 2-37), Б — Цибилиум, п. 458 (Воронов, 2003, рис. 219, 2-28), В — Цибилиум, п. 29 (Воронов, 2003, рис. 10, 2-22), Г — Цибилиум, п. 348 (Воронов, 2003, рис. 161, 28-40)

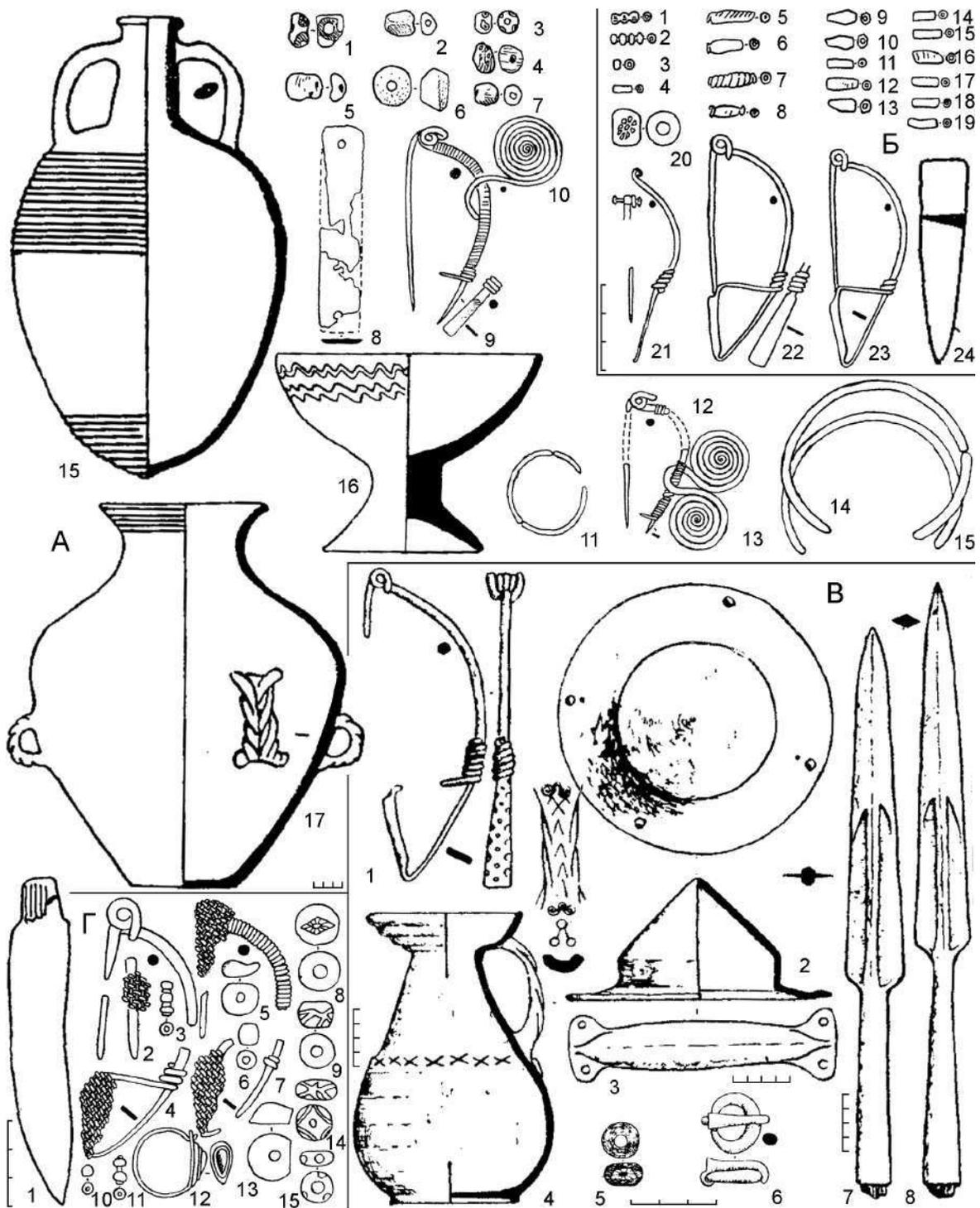

Рис. 2. А — Цибилиум, п. 14 (Воронов, Юшин, 1979, рис. 5, 1-17), Б — Цибилиум, п. 438 (Воронов, 2003, рис. 204, 6-29), В — Цибилиум, п. 89 (Воронов, 2003, рис. 43, 34-43), Г — Лар, п. 12 (Воронов, 1982, рис. 12, 3-9), Д — Алушта, п. 33 (Воронов, 1982, рис. 33, 1-16)

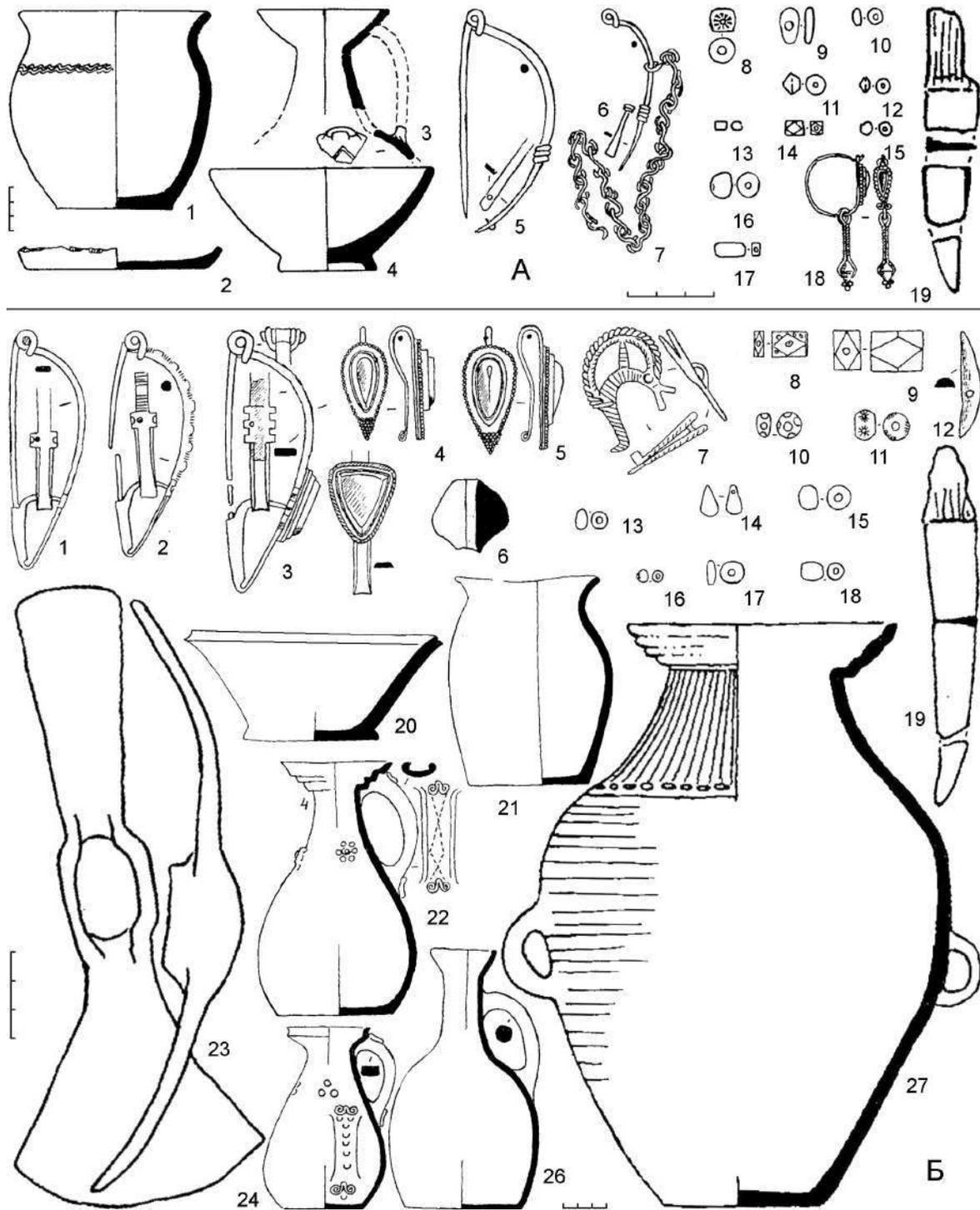

Рис. 3. А — Цибилиум, п. 53 (Воронов, 2003, рис.22, 2-20), Б — Цибилиум, п. 421 (Воронов, 2003, рис. 202)

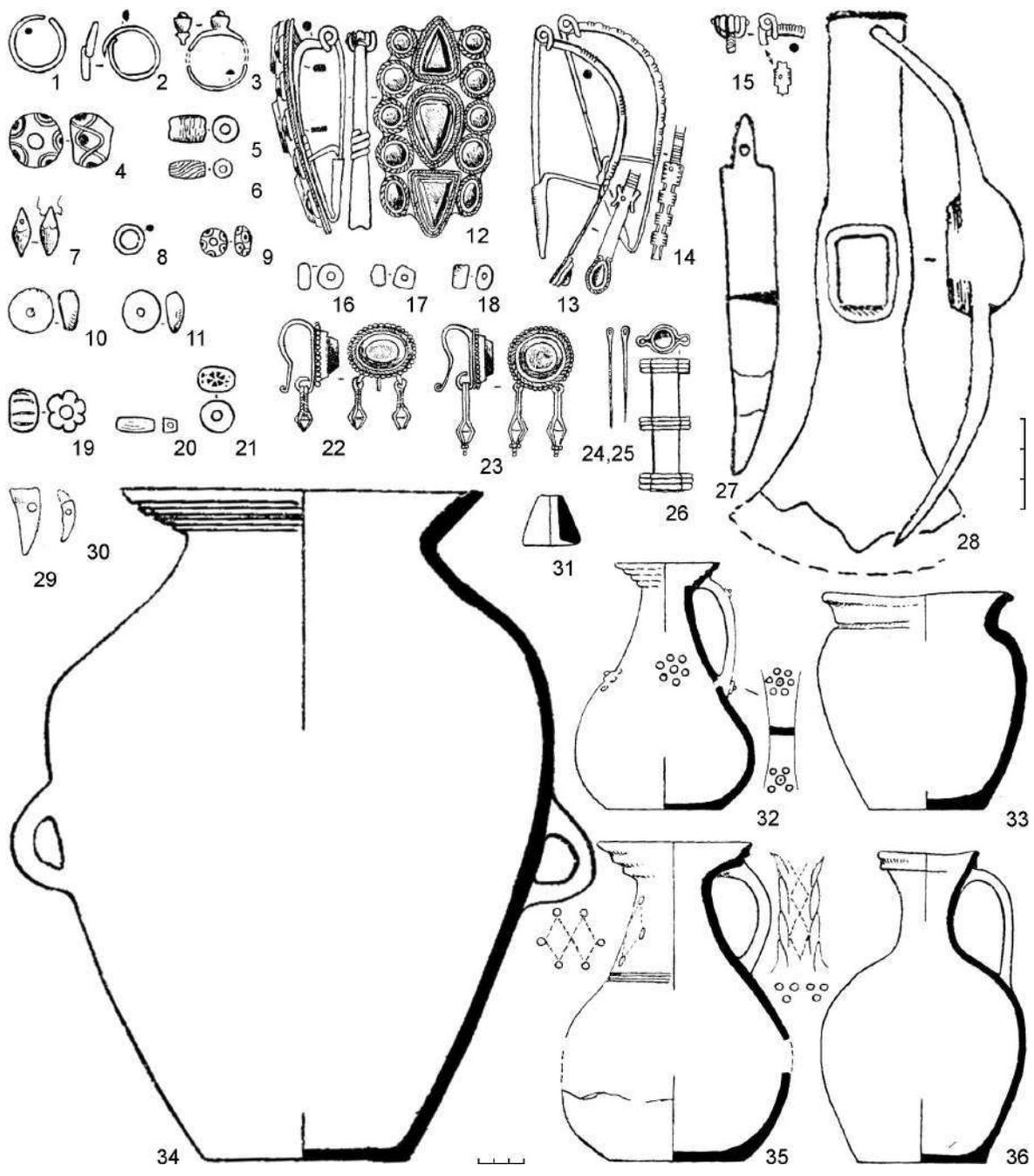

Рис. 4. Цибилиум, п.89 (Воронов, 2003, рис. 43, 34-43, 44)

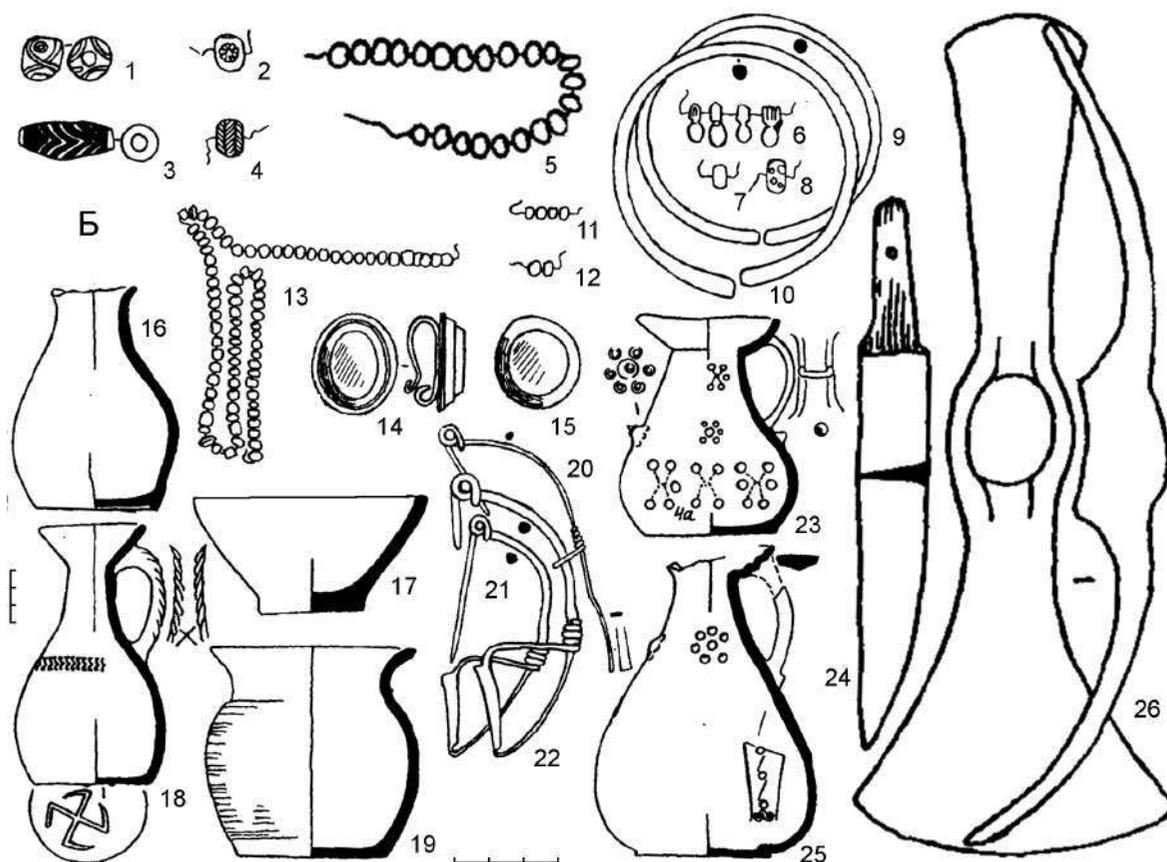
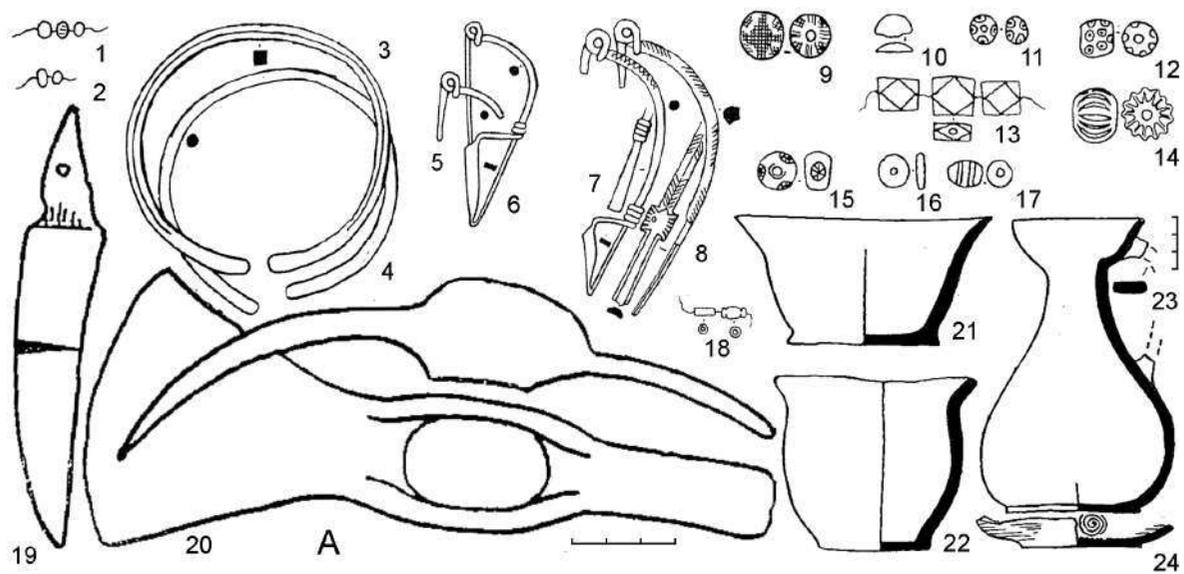

Рис. 5. А — Цибилуим, п. 196 (Воронов, 2003, рис. 95, 2–25), Б — Цибилуим, п. 265 (Воронов, 2003, рис. 124, 2–27)

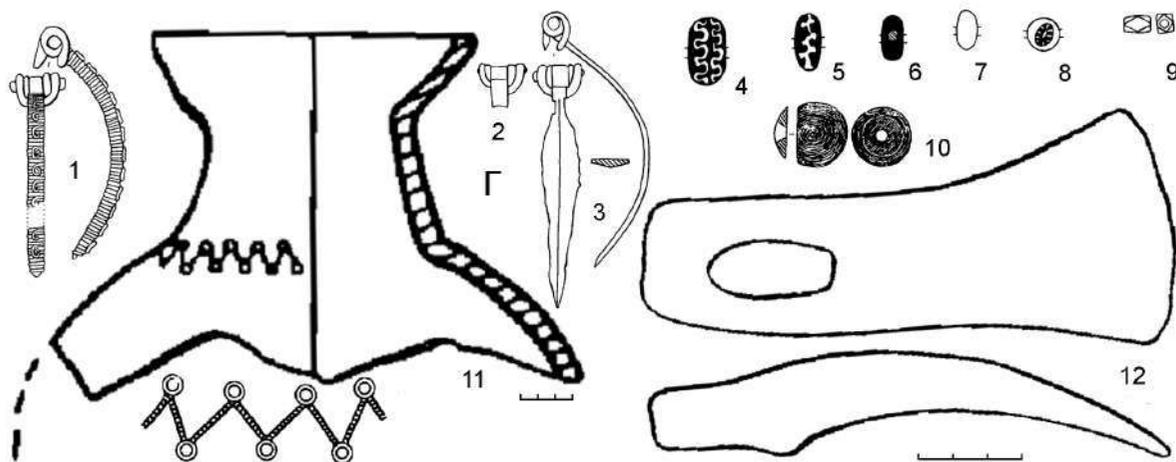
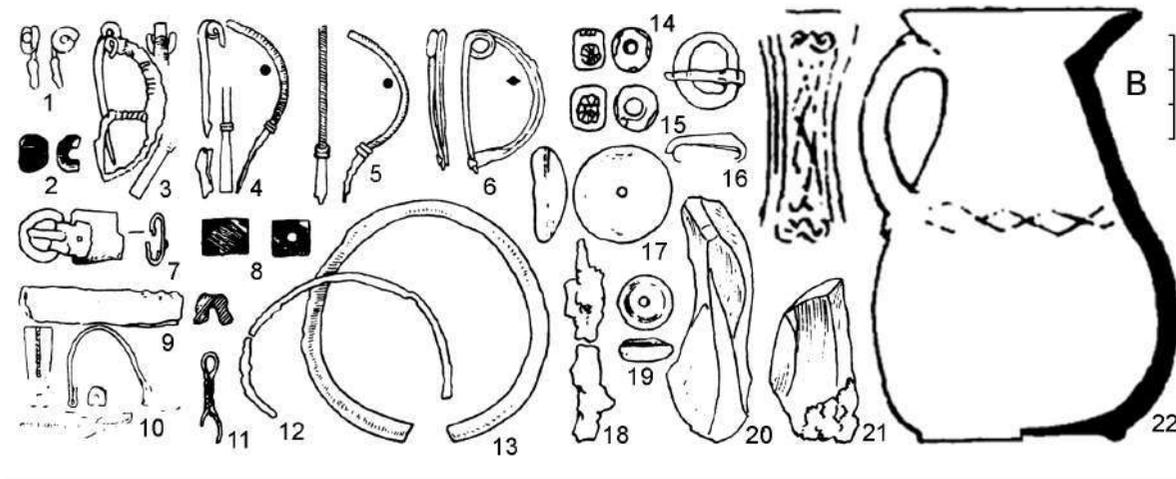
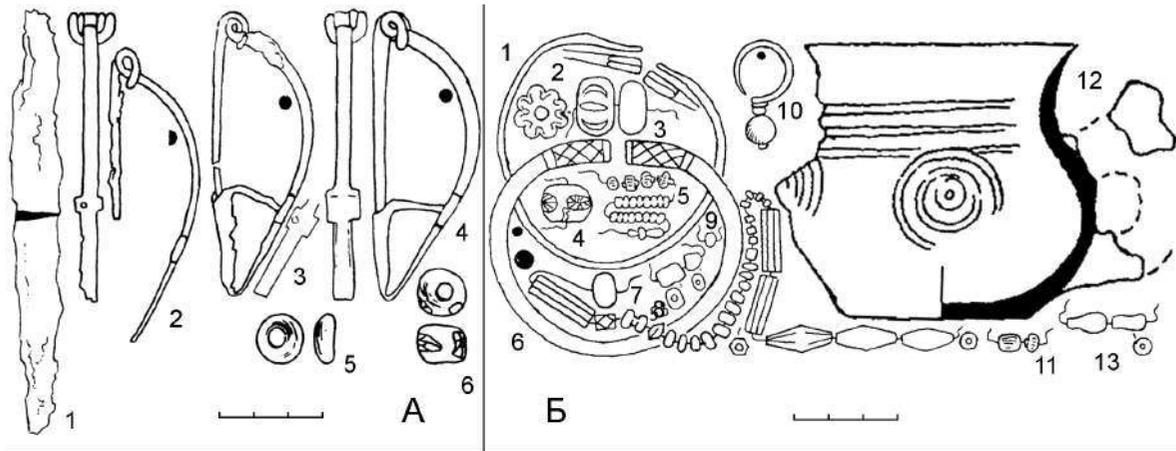

Рис. 6. А — Абгыздзраху, п. 50 (Трапш, 1975, табл. XXVIII), Б — Цибилуум, п. 297 (Воронов, 2003, рис. 139, 44–55), В — Абгыздзраху, п. 53 (Трапш, 1975, табл. XXX), Г — Алушта, п. 19 (Воронов и др., 1970, рис. 14)

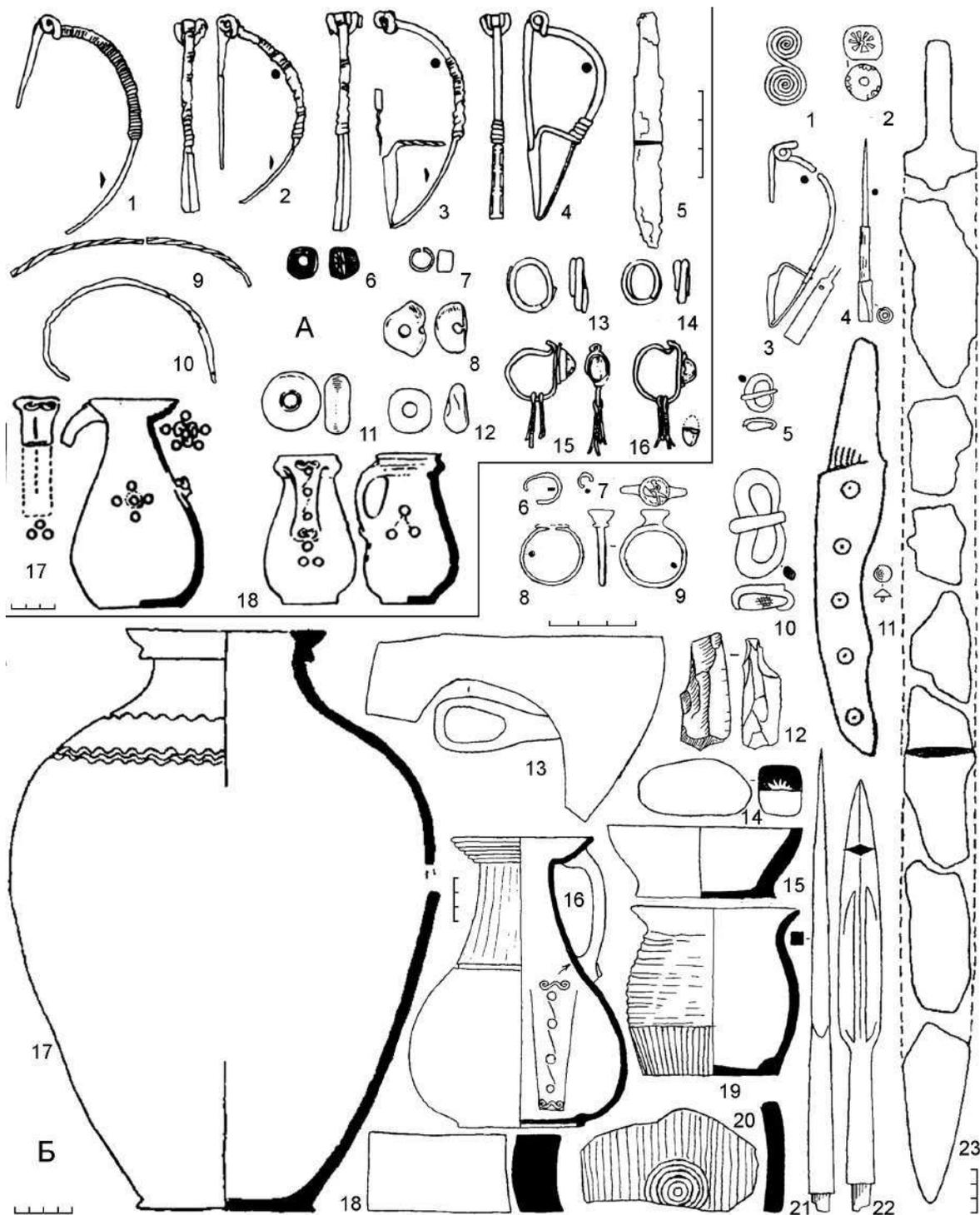

Рис. 7. А — Ауахуамаху, п. 1 (Трапш, 1971, табл. XXXVIII), Б — Цибилиум, п. 248 (Воронов, 2003, рис. 116)

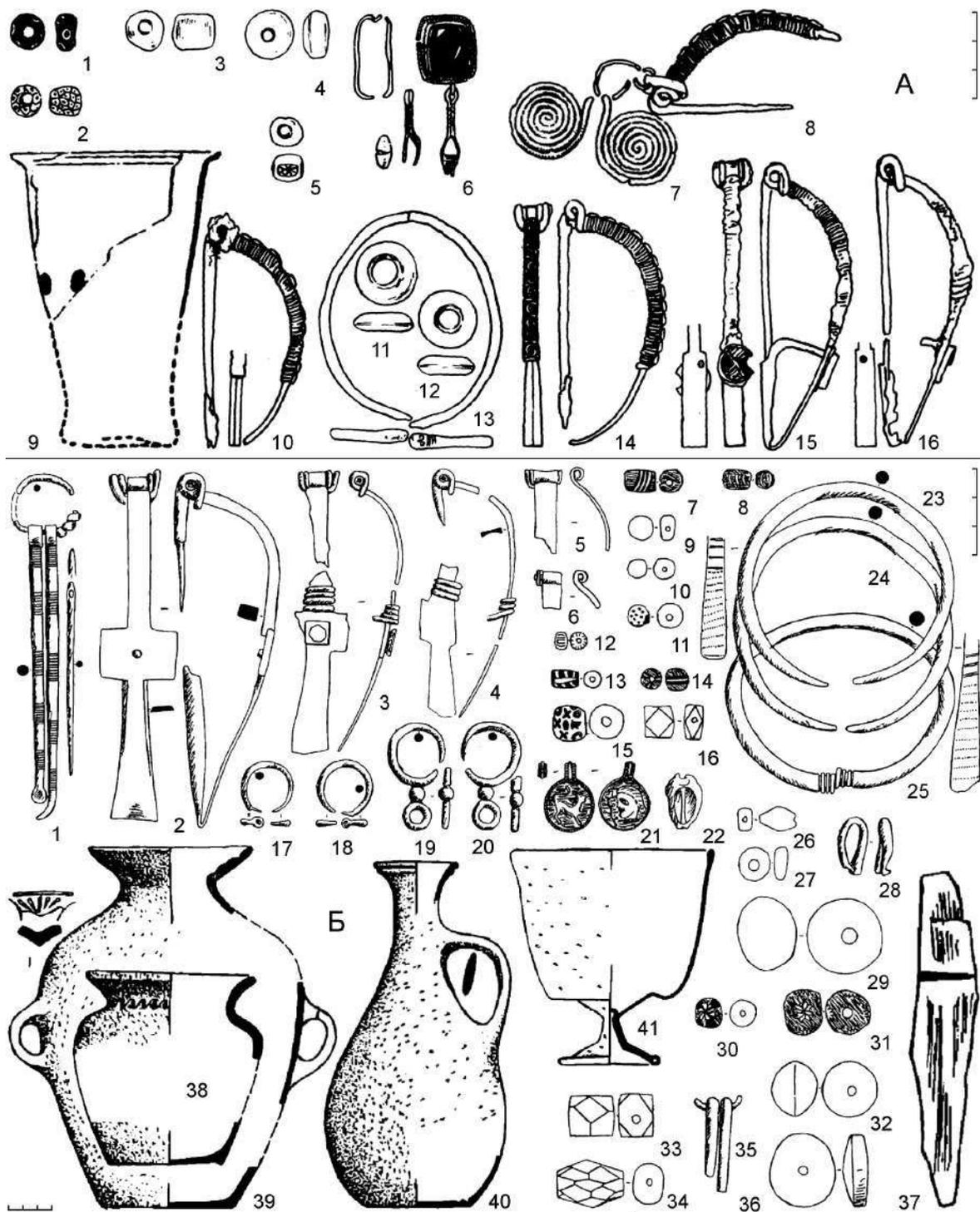

Рис. 8. А — Алраку, п. 7 (Трапш, 1975, табл. XLIV), Б — Юстинианов холм, п. 3 (Воронов, Юшин, 1973, рис. 12)

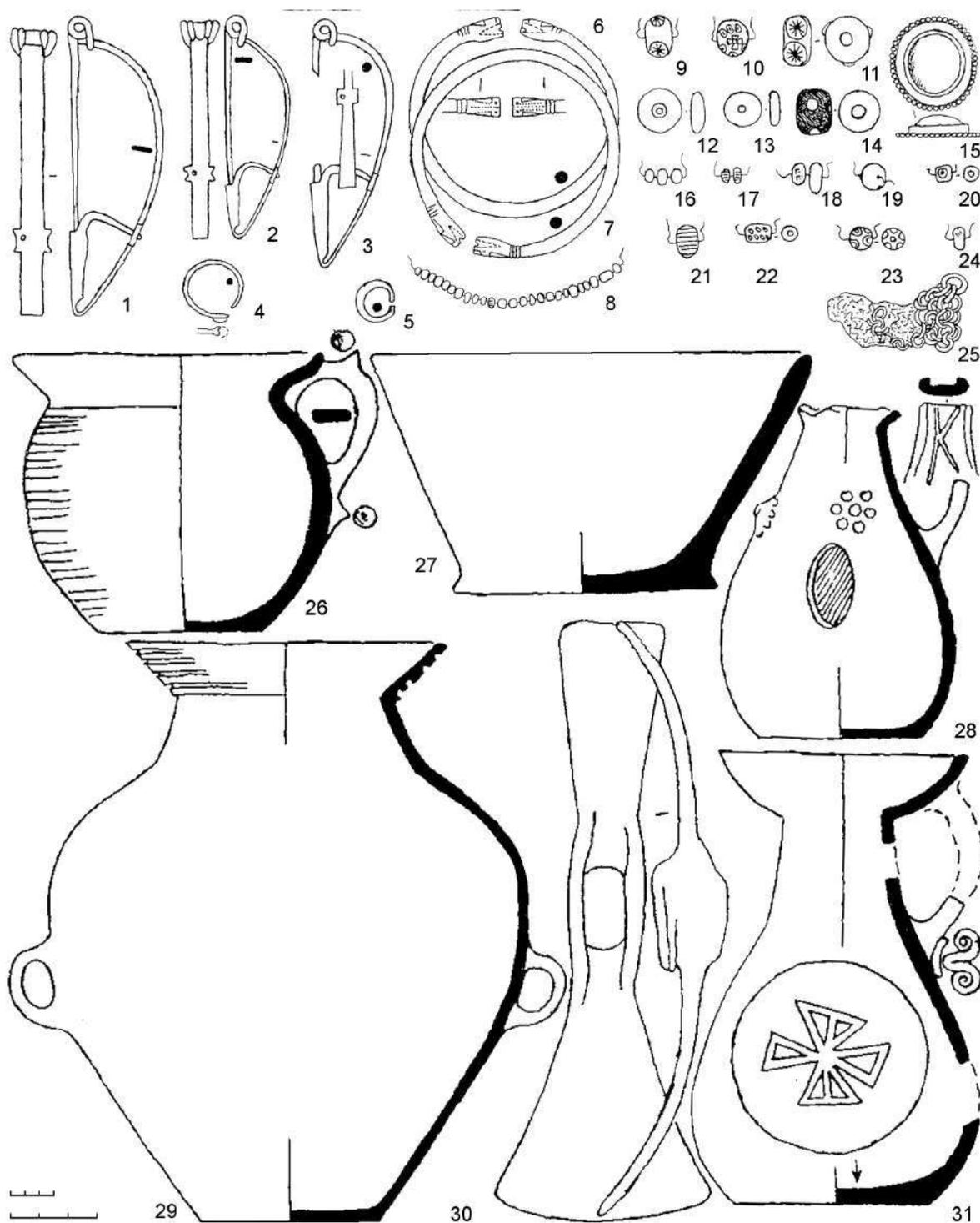

Рис. 9. Цибилиум, п. 267 (Воронов, 2003, рис. 125, 2–32)

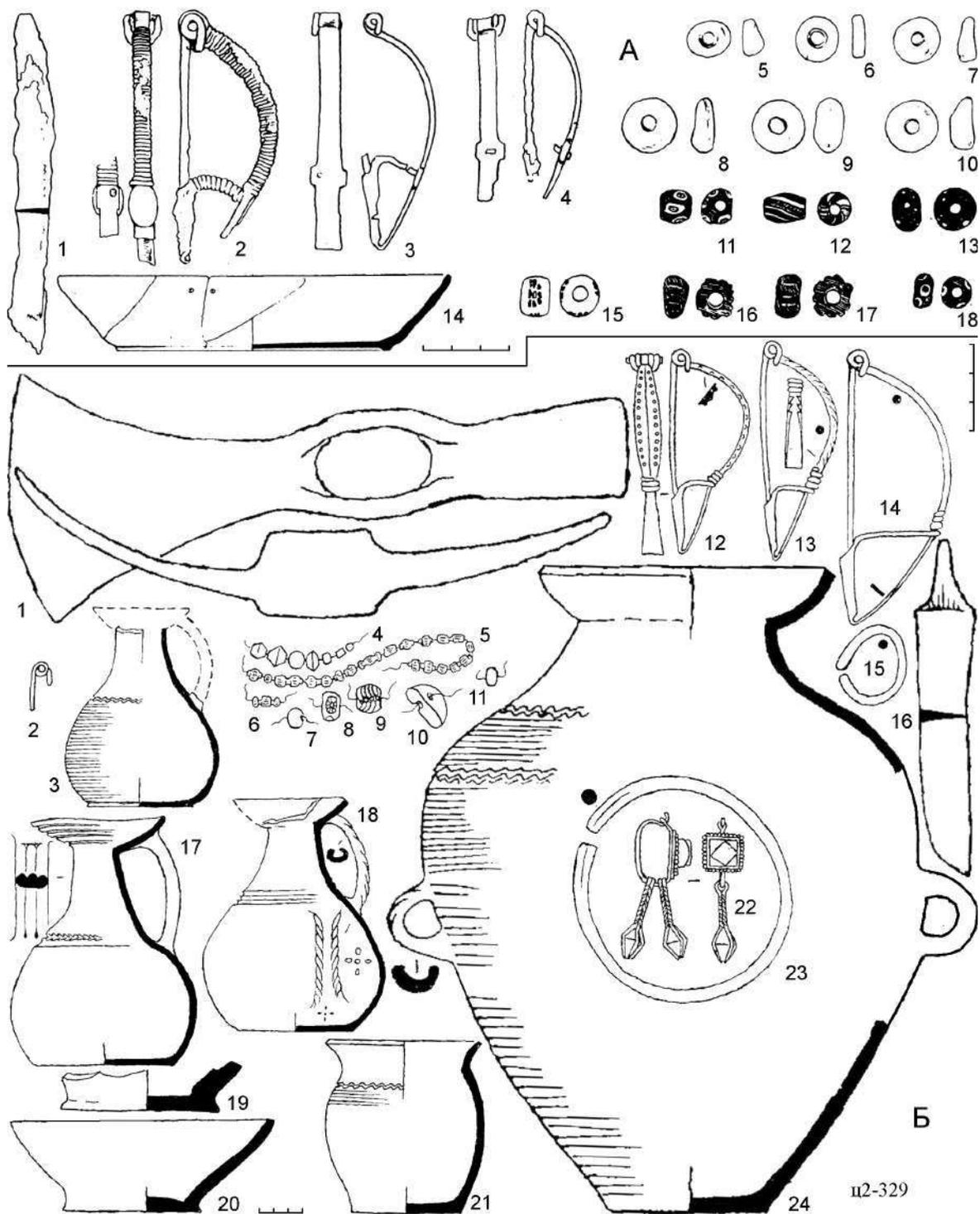

Рис. 10. А — Абгызраху, п. 46 (Трапш, 1975, табл. XXIV); Б — Цибилуим, п. 329 (Воронов, 2003, рис. 151)

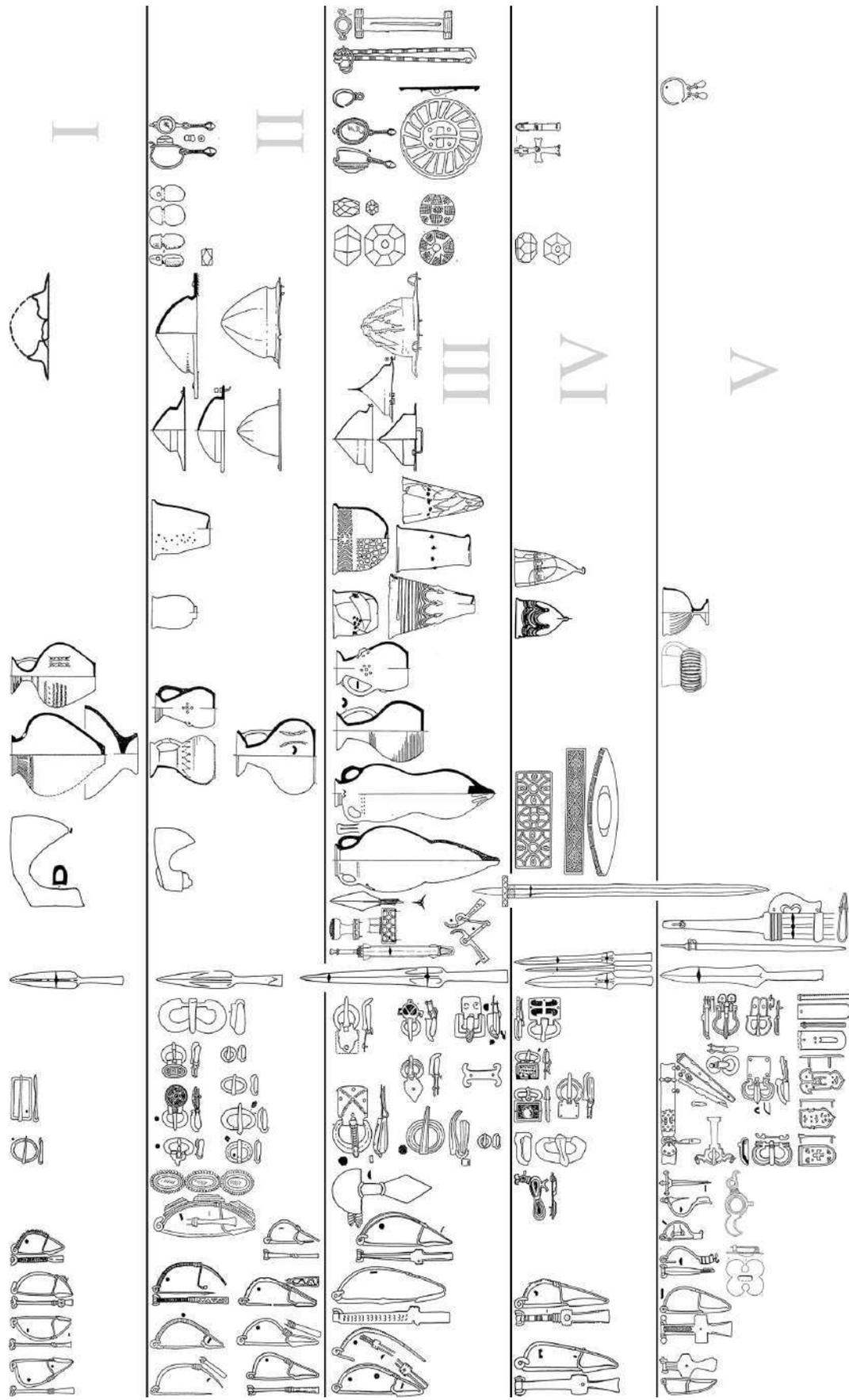

Рис. 11. Система хронологии памятников Абхазии М. М. Казанского — А. В. Мастыковой, с незначительной корректировкой (Kazanski, Mastukova, 2007, pl. 21, 3-5, 7, 9, 13-26; 22, 1-17, 20-22, 24, 26-28; 23, 1, 4, 6-8, 12, 15, 17, 18, 21, 23-28; 24, 1-4, 10-14, 16, 17; 25, 1-4, 6, 7, 10, 13; 26, 1-3, 5, 7-19; 27, 1-9, 12-17, 20-23, 26; 32, 1, 4; 33, 11, 14; Казанский, Мастыкова, 2013, рис. 1, 16; 4, 6, 25; Воронов, 2003, рис. 28, 3).
 Без масштаба. Римскими цифрами указаны периоды

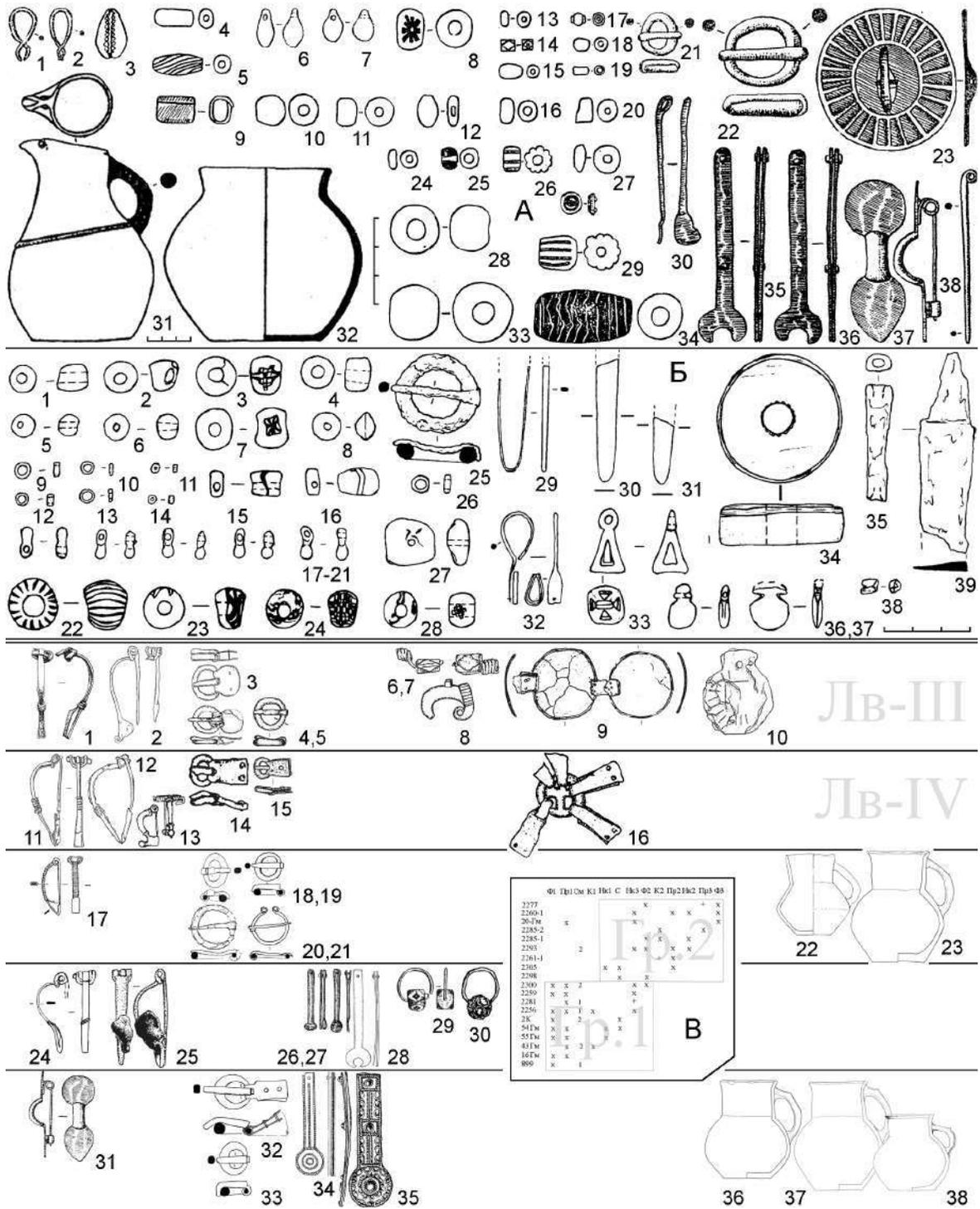

Рис. 12. А — Паласа-Сырт, к. 20Г (Гмыря, 1993, рис. 14, 4–9, 15), Б — Паласа-Сырт, к. 1246/п.1 (Малашев и др., 2015, рис. 110–112), В — система хронологии памятников Дагестана В. Ю. Малашева. Без масштаба. 1–10 — Лв-III «показательные для оценки хронологии вещи III в. из Львовских могильников» (Малашев, 2016, рис. 70, 5, 9; 75; 78, 1, 3, 7), 11–16 — Лв-IV «показательные для оценки хронологии вещи IV в. из Львовских могильников» (Малашев, 2016, рис. 76, 1, 2, 8; 79, 1, 2, 5), 17–23 — ХрГр-1 (середина – 2 половина IV в.), 24–30 — ХрГр-1/2, 31–38 — ХрГр-2 (последние десятилетия IV – 1 половина V в.) (Малашев, 2016, рис. 71, 4; 86, 16, 54; Малашев и др., 2015, табл. 226–228)

Пикообразные наконечники копий римского времени из Крыма¹

Ключевые слова: Крым, ранний железный век, вооружение, пиковидные наконечники

Резюме

Статья посвящена пикообразному наконечнику из могильника Опушки, найденному в ходе полевых работ 2020 года. Подобные наконечники известны в варварских могильниках Крыма: Дружное, Килен-балка, Чатыр-Даг. Особенность их заключается в том, что наконечники не имеют четко выраженного пера. В сечении они бывают округлыми или ромбическими. Перо либо плавно переходит во втулку, либо отделяется от него с помощью небольшого сужения. Все наконечники хронологически синхронны, их находки датируются IV в. н. э. За пределами Крыма подобные наконечники встречаются на обширных территориях: в Римской империи, в Восточной и Северной Европе и в Абхазии. В III – IV вв. пикообразные наконечники становятся популярны среди варваров. Исследователи связывают это с высокой пробивной способностью таких наконечников. Они становятся распространенным типом оружия у германских племен. Подобные копья используются и во вспомогательных войсках Римской империи. В Абхазии, на территории цебельдинской культуры, они имеют довольно древнюю историю. На данный момент невозможно точно сказать, каким путем пикообразные наконечники попадают в Таврику. Наиболее вероятным представляется их распространение на полуостров вместе с носителями германских культур. Пролить свет на этот вопрос может дальнейшее накопление и систематизация материалов.

Для цитирования: Максименков В. К. Пикообразные наконечники копий римского времени из Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С. 132–139.

Viktor Maksimenkov

The Roman-Period Conical Spear-Heads in the Crimea

Keywords: Crimea, Early Iron Age, weaponry, conical spear-heads

Abstract

This paper addresses a conical spear-head discovered by 2020 field works in the cemetery of Opushki. Similar spear-heads occurred in barbarian cemeteries of the Crimea such as Druzhnoe, Kilen-Balka, and Chatyr-Dag. Their feature is that the blade and socket are not separate. These spear heads feature a circular or a diamond-shaped cross-section. The blade gradually turns into the socket, or is separated from the latter with a small narrow spot. All the spear-heads in question are synchronous, dating from the fourth century AD. Outside the Crimea, these spear-heads appeared in a wide area, from the Roman Empire to the Eastern and Northern Europe and Abkhazia. In the third and fourth centuries AD, the conical spear-heads became popular among the barbarians. The researchers have related it to high piercing efficiency of the spear-heads in question. They became a popular type of weapons among the Germanic tribes. Similar spears were used by the auxiliary troops of the Roman Empire. In the Tsebelda culture area on the territory of modern Abkhazia, they have a relatively long history. At the moment, one cannot trace the route by which the conical spear-heads came to Taurica. It seems most likely that they penetrated to the peninsula along with the peoples of Germanic cultures. Further accumulation and systematization of archaeological materials will probably shed light on this problem.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Республики Крым в рамках научного проекта №20-49-910003.

The research was funded by Russian Foundation for Basic Research and Republic of Crimea, project number 20-49-910003.

Наконечник найден в юго-западной части склепа № 290 могильника Опушки, расположенного в центральной части крымских предгорий. Глубина залегания предмета позволяет предположить, что наконечник находился на уровне пола, однако он был смещен во время раскопок, а потому не зафиксирован на плане погребения.

Наконечник железный, втульчатый (рис. 2, 1). Перо не выраженное, ромбическое в сечении, ширина пера — 0,8 см, сужается в последней четверти длины. С противоположной стороны перо расширяется и плавно переходит во втулку. Сохранившаяся длина всего наконечника — 13,9 см. Нижняя часть втулки не сохранилась, а та, что есть — сплющена с боков. Судя по ближайшим аналогиям, ее внутренний диаметр вряд ли превышал 2 см. Отверстие под заклепку для дополнительного крепления

наконечника на древке не обнаружено.

Наконечник был найден в грунтовом склепе Т-образной формы. Такие склепы появляются в первой половине III в. н. э. В IV в. н. э. Т-образная конструкция склепов становится доминирующей среди погребальных сооружений крымских предгорий (Храпунов, Мульд, 2004; Храпунов, 2011; 2018, с. 135). Погребальный инвентарь склепа позволяет датировать его IV в. н. э. В нем обнаружено краснолаковое блюдо (рис. 1, 7) с широким дном на низком кольцевом поддоне, с прямым, сужающимся к краю венчиком, — тип PRS, форма 1А по К. Домжальскому (Arsen'eva, Domžalski, 2002, р. 425, 426; Крапивина, Домжальский, 2008, с. 79; Домжальский, Смокотина, 2020, с. 194, 195). Данный тип хорошо известен на памятниках черняховской культуры и в крымских памятниках римского времени (Айбабин, 1990, с. 16; Храпунов, 2004, с. 58;

Рис. 1. Погребальный инвентарь склепа № 290 могильника Опушки: 1 — бронзовая Т-образная шарнирная фибула; 2-6 — пряжки бронзовые; 7 — блюдо краснолаковое

Магомедов, Диденко, 2009, с. 327, 328).
 Бронзовая шарнирная Т-образная фибула с орнаментом на ножке в виде стилизованных валют (рис. 1, 1) относится к типу 4.2 по Д. А. Костромичеву (Костромичев, 2011, с. 96–97), что соответствует варианту 3с и 4b по Келлеру и 3/4С по Преттелю (Pröttel, 1988, S. 360, Abb. 4a, 7–9). Ножка фибулы сужается к концу, что говорит о ее близости к типу 3 по Д. А. Костромичеву. Фибулы этого типа датируются периодом 330–400 гг. н.э. (Pröttel, 1988, S. 363). Еще одной яркой категорией находок являются пряжки (рис. 1, 2–6). В склепе их пять, все они бронзовые, язычок сохранился у трех, у одной из них также сохранился щиток. Пряжки с язычками, немного загнутыми за утолщен-

ную в передней части овальную рамку, датируются IV в. н. э. (Айбабин, 1990, с. 27, 28; Храпунов, 2004, с. 48).

В Крыму пиковидные наконечники встречаются нечасто. В могильнике Дружное найдено два подобных предмета (Храпунов, 2004, с. 44, рис. 142, 3; рис. 148, 6). Оба происходят из Т-образных склепов, датированных IV в. н. э. Первый найден в склепе № 58 (рис. 2, 3). Его сохранившаяся длина — 11,4 см. Перо за счет более выраженного перехода во втулку пирамидальное, в сечении, скорее всего, было ромбическим. Внутренний диаметр втулки приблизительно составлял 2 см. Вторым пиковидный наконечник происходит из могилы № 59 (рис. 2, 2). Его длина — 22 см. Перо круглое

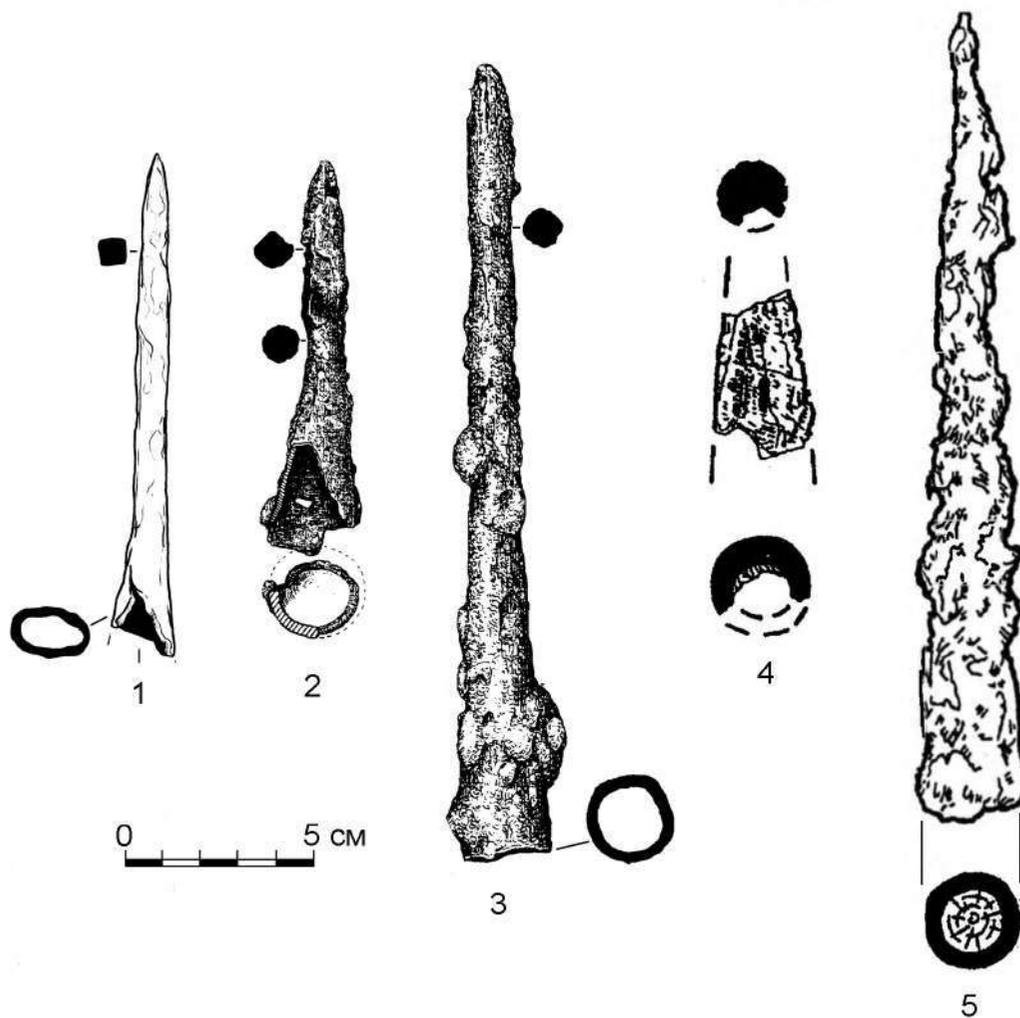

Рис. 2. Находки пикообразных наконечников в Крыму: 1 — Опушки, мог. № 290; 2 — Дружное, мог. № 58; 3 — Дружное, мог. № 59; 4 — Килен-балка, склеп 1968 г.; 5 — Килен-балка, склеп № 3

в сечении и так же, как и на образце из Опушкинского могильника, плавно переходит во втулку. Внутренний диаметр втулки — 1,9 см. На наконечниках из могильника Дружное не обнаружено следов крепления втулки к древку. В обоих случаях наконечники найдены среди скоплений посуды.

Серия из семи наконечников найдена в могильнике Килен-балка (Контны, Савеля, 2006, с. 129–135). Экземпляр из склепа 1968 г. сохранился фрагментарно, это часть втулки длиной 4,5 см и внешним диаметром 2,7 см (рис. 2, 4). Отличительной чертой наконечников из склепа № 2 (рис. 3, 1, 2) является небольшое сужение в месте перехода пера во втулку, подобное наконечнику из склепа № 58 могильника Дружное. Таким образом перо имеет пирамидальную форму, в сечении оно ромбическое, в нижней части переходит в круглую в сечении втулку. Сохранившаяся длина первого наконечника — 15,8 см, внутренний диаметр втулки — 2 см. Реконструируемая длина второго наконечника — 15,6 см, внутренний диаметр втулки — 1,7 см. В склепе № 3 также находились два наконечника с округлым в сечении пером, плавно расширяющимся ко втулке (рис. 2, 5). Первый длиной 24 см и внутренним диаметром втулки 1,9 см. Сохранившаяся длина второго — 11 см, внутренний диаметр втулки — 1,6 см. По причине плохой сохранности находка не была зарисована. В склепе № 4 обнаружено два наконечника (рис. 3, 3, 4). Первый, с округлым в сечении пером, сильно корродирован, сохранился в трех фрагментах. Его реконструируемая длина — 24,6 см. Внутренний диаметр втулки — 2 см. От второго наконечника найдена втулка длиной 7 см и фрагмент пера длиной 10,6 см. Во всех наконечниках из Килен-балки на внутренней поверхности втулок обнаружены остатки древесины. Это говорит о том, что они были помещены в могилы, будучи установленными на древке. Проследить длину древка не представляется возможным. Зафиксировать их место в погребении также затруднительно, поскольку склепы были

частично разграблены. Как и в могильниках Опушки и Дружное, на наконечниках из Килен-балки не замечено каких-либо гвоздей, заклепок и других элементов, служащих для дополнительной фиксации наконечника на древке. Все склепы могильника датируются IV в. н. э. (Контны, Савеля, 2006, с. 131–133).

Особняком стоит наконечник из могилы № 12 могильника Чатыр-Даг (Мыц и др., 2006, с. 13, 14, табл. 15А, 2; Шаров, 2010) (рис. 3, 5). Погребение было разрушено в ходе строительных работ, а находки из него переданы рабочими в Ялтинский краеведческий музей. Длина наконечника — 32,6 см. Перо в сечении ромбическое, плавно переходящее во втулку. В сечении втулка восьмигранная, на ее устье имеется насадка-кольцо, орнаментированное десятью фасетками. Внутреннее сечение втулки округлое, диаметром 1,7 см. Над кольцом — два отверстия со штифтом для укрепления наконечника на древке. Восьмигранные в сечении втулки — это особенность могильника Чатыр-Даг. Так оформлены втулки всех, найденных в некрополе, копий. Вместе с наконечником в могиле находился меч типа Хазанов V с вырезами у пяты клинка. Авторы датируют погребение IV в. н. э.

Существует несколько версий о регионах, где впервые появились копия с пиковидными наконечниками. Пиковидные наконечники копий известны как в варварском, так и в римском мире (Вознесенская, Левада, 1999, с. 255, 256). В публикации материалов могильника Чатыр-Даг было выдвинуто предположение о том, что пиковидный наконечник мог служить окончанием болта баллисты. Об отряде баллистариев в Крыму писал Константин Багрянородный (Мыц и др., 2006, с. 156, 157). Однако находки болтов баллист не подтверждают этого предположения. Наконечники болтов середины II – середины III в. н. э. во множестве найдены при раскопках крепости Дура-Эвропос на берегу р. Ефрат (James, 2004, P. 216–230). Они действительно типологи-

чески близки к описанным крымским образцам, имеют ромбическое в сечении перо, переходящее через небольшое сужение во втулку. Однако римские наконечники болтов унифицированы и однообразны. В длину они немногим превышают 10 см, многие имеют отверстия под гвозди для закрепления наконечника на древке.

О. В. Шаров предположил, что пиковидные наконечники являются варварскими подражаниями или же вариантами римских пилумов (Шаров, 2019, с. 217). Эта версия выглядит более правдоподобной. Форма и конструкция римских пилумов довольно разнообразна. Перо их может быть как круглое,

так и ромбическое в сечении, а длина сильно варьировать от длинных (60 см и более) до довольно коротких (30 см и менее); множество пилумов крепилось к древку с помощью втулки (Bishop, Coulston, 1993, P. 67; Unz, Deschler-Erb, 1997, Tafel 15). В целом форма римских дротиков III в. н. э. довольно близка (Radman, 2004, Tab. 4, 15. 5, 16, 17). На рейнско-дунайской границе известен ряд находок пикообразных наконечников в могилах вспомогательных войск (Waurick, 1994, Abb.11–13). На территории Болгарии широко известны находки пикообразных дротиков III – IV вв. (Бугарски, 2009, с. 423–454; Казанский, 2015, с. 50).

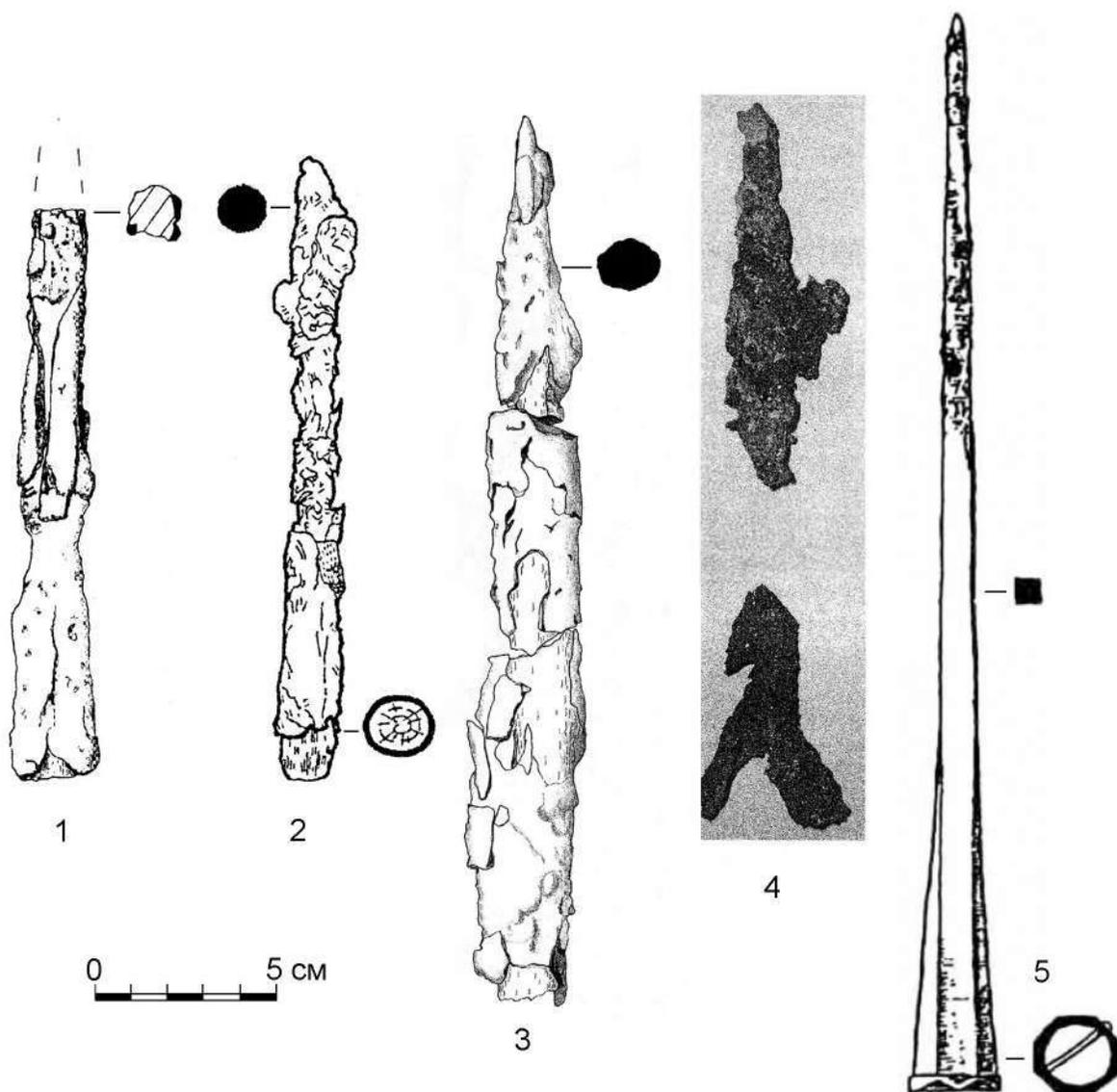

Рис. 3. Находки пикообразных наконечников в Крыму: 1, 2 — Килен-балка, склеп № 2; 3, 4 — Килен-балка, склеп № 4; 5 — Чатыр-Даг, мог. № 12

Другой точки зрения придерживается Бартош Контны. Он считает, что пикообразные наконечники впервые появляются в пшеворской культуре. Наибольшее распространение они получают в позднеримский период и в эпоху Великого переселения народов (Kontny, 1999, P. 128–134; Контны, Савеля, 2006, с. 134; Kontny, 2013, P. 206, 207). Конические наконечники известны в Северной Европе. Йорген Илькьер относит их к типам *Havor* и *Mollestad* и датирует фазами C3–D1 (Ilkjaer, 1990, S. 58, 59, 79–85, Abb. 197). Близкие по форме наконечники Петр Качановский отнес к типу XXV, который встречается в фазах C1–C2 и C3–D (Kaczanowski, 1995, tab. XV, 18, 19). Подобные наконечники известны и в могильниках черняховской культуры (Рикман, 1975, с. 309, рис. 6, 9, 12; 20, 3, 18, 19; 27).

Иные аналогии мы находим в погребениях цебельдинской культуры в Абхазии. Здесь пикообразные наконечники датируются IV – VI вв. (Воронов, Шенкао, 1985, с. 124–126, рис. 2; 10, 11, 25, 26). Часто они встречаются в паре с наконечниками копий с листовидным пером. Абхазские пиковидные наконечники могут иметь как местное, так и импортное происхождение. О местном производстве свидетельствует длительная традиция использования подобных наконечников, их находки известны в погребениях

V – II вв. до н. э. (Воронов, 1975, с. 218–234). Об импортном происхождении некоторых наконечников может говорить нахождение в паре с ними мечевидных копий, имеющих явно германское происхождение (Казанский, 2015, с. 46–48).

Необходимо отметить, что в IV в. н. э. пиковидные наконечники становятся довольно популярны. Исследователи связывают это с изменением условий боя с хорошо защищенным доспехом противником. Оружие такого типа характеризовалось большей пробивной способностью (Контны, Савеля, 2006, с. 135).

Очевидно, что пикообразные наконечники не были изобретением жителей крымских предгорий. Наиболее вероятной версией появления их в Крыму представляется северная, с территории черняховской культуры. Она базируется на значительном количестве различных германских вещей, найденных в крымских варварских могильниках. Причем к IV в. н. э., времени появления и распространения пикообразных наконечников копий, относится «черняховская» волна германских импортов, в отличие от более ранней «вельбарско-пшеворской» волны (Kazanski, 2002, p. 46–48; Казанский 2006, с. 28, 29). Впрочем, нельзя исключить, что этот вид оружия появился в Крыму вместе с римлянами.

Литература

- Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 5–86, 175–241.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Бугарски И. Ромејске сулице VI века и налази са градине у Вреницама и Лишке баве // Сборник Народног музеја. 2009 Т. XXI–I. С. 423–454.
- Вознесенская Г. А., Левада М. Е. Кузнечные изделия из могильника Чатыр-Даг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуре / Глав. ред. М. И. Гладких. Киев: б. и., 1990. С. 252–276.
- Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI – I вв. до н. э. // Скифский мир / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1975. С. 218–234.
- Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV – VI вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели М.: Наука, 1982. С. 121–165.

- Домжальский К., Смокотина А. В.* Позднеримская и ранневизантийская краснолаковая керамика Тиритаки // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 188–223.
- Казанский М. М.* Германцы в юго-западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим / Ред. Р. В. Терпиловский. Киев: б. и., 2006. С. 26–41.
- Казанский М. М.* Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2015. Т. 4. С. 33–60.
- Контны Б., Савеля Д. Ю.* Вооружение из могильника в Килен-балке // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 129–160.
- Костромичев Д. А.* Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии) // Stratum plus. 2011. № 4. С. 15–166.
- Крапивина В. В., Домжальский К.* Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху / Ред. М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев, С. В. Кашаев, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 73–81.
- Магомедов Б. В., Диденко С. В.* Краснолаковая керамика в черняховской культуре // БИ. 2009. Вып. XXI. С. 320–349.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В.* Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История, 2006. 208 с.
- Рикман Е. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975. 337 с.
- Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). Lublin.: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2002. 314 с.
- Храпунов И. Н.* Склеп с погребениями III – IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. 72 с.
- Храпунов И. Н.* Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). IV / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 133–145.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // БИ. 2004. Вып. VII. С. 299–326.
- Шаров О. В.* Могильник Чатыр-Даг: новый взгляд — старые идеи // БИ. 2019. Вып. XXXIX. С. 210–241.
- Arsen'eva T. M., Domzalski K.* Late Roman Red Slip Pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 2002. Band 8. P. 415–491.
- Bishop M. C., Coulston J. C.* Roman Military Equipment: From the Punic Wars to the Fall of Rome. London: T. D. Batsford, 1997. 256 p.
- Ilkjaer J.* Illerup Adal: Die Lanzen und Speere. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 1990. 404 p.
- James S.* The excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Lettres, 1928 to 1937: final report VI, the arms and armour and other military equipment. London: British Museum Press, 2004. 456 p.
- Kaczanowski P.* Klasyfikacja grotów broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Krakow: Uniwersytet Jagielloński, 1995. 77 s.

- Kazanski M.* Les antiquites germaniques de l'epoque romaine tardive en Crimée et dans la region de la mer d'Azov // *Ancient East and West*. 2002. 1, no. 2. P. 393–441.
- Kontny B.* New Traces to Solve the Riddle. Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research // *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea* / Ed. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Simferopol: Dolya Publishing House, 2013. P. 196–212.
- Kontny B.* Znaleziska tokow z obszaru kultury przeworskiej // *Światowit: rocznik poświęcony archeologii przeddziewowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej*. 1999. Tom 1 (42). Numer B. P. 128–137.
- Pröttel Ph. M.* Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. 1988. Teil 1. S. 347–372.
- Radman-Livaja I.* Militaria Sisciensia. Militaria Sisciensia — nalazi rimske vojne opreme iz Siska u fundusu Arheološkog muzeja u Zagrebu. Zagreb: Arheološki muzej u Zagrebu, 2004. 223 p.
- Unz C., Deschler-Erb E.* Katalog der Militaria aus Vindonissa: militärische Funde, Pferdegeschirr und Jochteile bis 1976. Brugg: Gesellschaft Pro Vindonissa, 1997. 96 p.
- Waurick G.* Zur Rüstung von frühkaiserzeitlichen Hilfstruppen und Verbündeten der Römer // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten* / Hrsg. von Carnap-Bornheim C. Marburg/Lublin: Philipps-Universität, 1994. S. 1–25.

С. А. Мульд, Д. С. Корнеев

Конструкция браслетов в позднеримском полихромном стиле

Ключевые слова: *могильник Опушки, сарматы, погребальный инвентарь, шарнирный браслет, полихромный стиль*

Резюме

Статья посвящена трем шарнирным браслетам, обнаруженным в богатом погребении, совершенном в склепе III в. н. э. могильника Опушки в предгорном Крыму. Украшения относятся к так называемому полихромному стилю догуннской эпохи. Реставрационные работы позволили детально изучить конструкцию браслетов, понять механизм застегивания и схему сборки.

Для цитирования: Мульд С. А., Корнеев Д. С. Конструкция браслетов в позднеримском полихромном стиле // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С. 140–147.

Sergei Mul'd, Denis Korneev

The Construction of the Bracelets Featuring the Late Roman Polychrome Style

Keywords: *cemetery of Opushki, Sarmatians, grave goods, hinged bracelet, polychrome style*

Abstract

This paper analyses three hinged bracelets discovered in a rich grave within a third-century AD burial vault in the cemetery of Opushki in the sub-mountainous Crimea. These ornaments belong to the so-called pre-Hunnic polychrome style. The works on restoration supplied detailed information on the construction of these bracelets and allowed the one to understand their fastening gear and assembly diagram.

Археологическая экспедиция, организованная Крымским федеральным университетом им. В. И. Вернадского и благотворительным фондом «Наследие тысячелетий», в 2021 году продолжила многолетние исследования могильника у с. Опушки в предгорном Крыму¹. Памятник датируется I в. до н. э. – IV в. н. э. Он оставлен разными этническими группами. Здесь фиксируются элементы погребальных обрядов, характерных для позднескифской, средне- и позднесарматской археологических культур. В позднеримское время в могильнике Опушки хоронили люди, которых принято

считать предками северокавказских алан. Памятник в течение длительного времени подвергался интенсивному ограблению. Большой удачей проведенных в 2021 году работ стало открытие непо потревоженного грабителями грунтового склепа № 346. Уникальный комплекс находок, обнаруженный в нем, требует отдельной публикации. В данной статье речь пойдет лишь об одной категории сопровождающего инвентаря — трех шарнирных браслетах.

На полу погребальной камеры склепа обнаружено четыре плохо сохранившихся костяка, принадлежавших мужчине, двум

¹ Авторы выражают благодарность руководителю экспедиции Игорю Николаевичу Храпунову за возможность опубликовать материал.

Рис. 1. Браслеты из склепа № 346 могильника Опушки: 1 — на стадии реставрации, 2 — в погребении; 3, 4 — после реставрации (фото: Д. С. Корнеев (1, 3, 4), А. А. Стоянова (2))

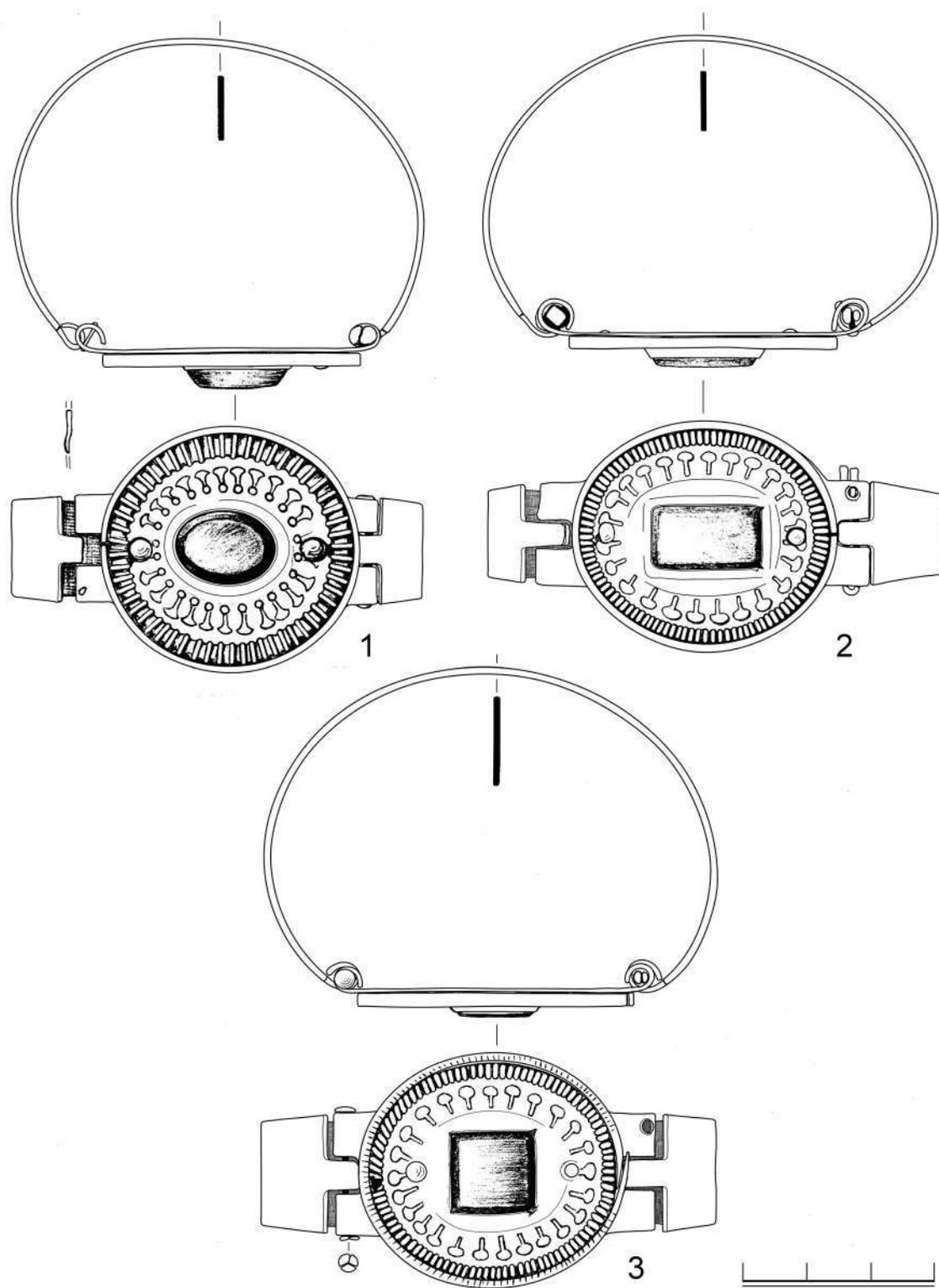

Рис. 2. Браслеты из склепа № 346 могильника Опушки: 1 — с овальной вставкой, 2 — с прямоугольной вставкой, 3 — с квадратной вставкой (рисунок: С. А. Мульд)

женщинам и ребенку. Захоронения совершались в вытянутом положении на спине, головами они ориентированы на запад. Погребенные, судя по составу инвентаря, относились к людям высокого социального статуса. Особым богатством отличалось женское погребение с золотыми серьгами, украшенными сердоликовыми вставками, нагрудной прямоугольной подвеской с пятью сердоликовыми вставками, большим количеством бус, шестью сосудами различного назначения. На обеих руках умершей были надеты по два перстня и по одному шарнирному браслету. Еще один шарнирный браслет лежал между второй женщиной и ребенком.

Браслеты сделаны в так называемом полихромном стиле. Исследователи часто в описании добавляют время их бытования — «до гуннского времени» или «позднеримского времени». Наиболее яркой чертой стиля является использование вставок из полудрагоценных камней, в сочетании с драгоценными металлами (Шаров, 2019, с. 198). Украшающие элементы выполнены в технике тиснения, филигрании и зерни. Хотя чаще всего для создания эффекта дорогостоящего предмета мастерами имитировались дорогие материалы и техники — это вставки из стекла вместо полудрагоценных камней, плакировка золотой фольгой основы из более дешевого металла вместо цельнолитых изделий, штамповка рельефных орнаментов вместо филигрании и зерни. Иногда такой стиль называют «сердоликовым» по наличию вставок из этого камня (Яценко, Малашев, 2000, с. 226, 227). Кроме браслетов к этому кругу изделий относятся серьги, наконечники поясов, прямоугольные бляхи-подвески, детали конской узды, пряжки и др. (Храпунов, Стоянова, 2018, с. 256–259). По мнению С. А. Яценко и В. Ю. Малашева, все предметы этого стиля изготовлены в античных центрах полуострова — Херсонесе и Пантикапее (Яценко, Малашев, 2000, с. 244).

Шарнирные браслеты представляют собой сложное ювелирное украшение, конструктивно состоящее из двух основных частей: обруча, охватывающего большую часть запястья руки, и щитка, собранно-

го из нескольких деталей, большая часть которых имеет декоративное назначение. Обе части соединены посредством подвижных шарниров, образованных петлями на щитке и на обруче со вставленными внутрь петель неподвижным штифтом и подвижной шпилькой. Последняя деталь позволяла браслету расстегиваться.

При внешнем сходстве каждый из обнаруженных в могильнике Опушки браслетов имеет особенности, из которых самое заметное — форма каменных вставок: овальная, прямоугольная и квадратная (рис. 1, 3, 4; 2). По этому признаку далее мы и будем именовать браслеты.

Украшения были извлечены из погребения в разной степени сохранности. Браслет с квадратной вставкой поступил в фрагментированном виде. Браслеты с овальной и прямоугольной вставками извлечены в относительно целом виде. У всех экземпляров поверхность была покрыта сплошным слоем коррозионных напластований от светло-зеленого до серого цвета (рис. 1, 2). Местами предметы поражены очагами распространения хлористой меди (порошок светло-серого цвета). Декоративные накладки из фольги желтого металла покрыты слоем отложений темного цвета. Обручи подверглись межкристаллической коррозии в местах прилегания петель, что привело к появлению большого количества микротрещин на поверхности.

В ходе реставрационных работ браслеты разбирались на составляющие их элементы, что позволило установить точное число деталей, а также понять принцип их производства и сборки (рис. 1, 1). На примере шарнирного браслета с квадратной вставкой рассмотрим все детали подробнее.

1. Обруч браслета сделан из серебряной пластины толщиной 1 мм (рис. 3, а). Пластина вытянутой формы с плавно расширяющимися концами, срезанными под прямым углом к центральной осевой линии. В центре каждого среза оставлен небольшой прямоугольный выступ, загнутый в петлю таким образом, что его концы плотно примыкают к тыльной стороне пластины. Длина пластины 165 мм, ширина

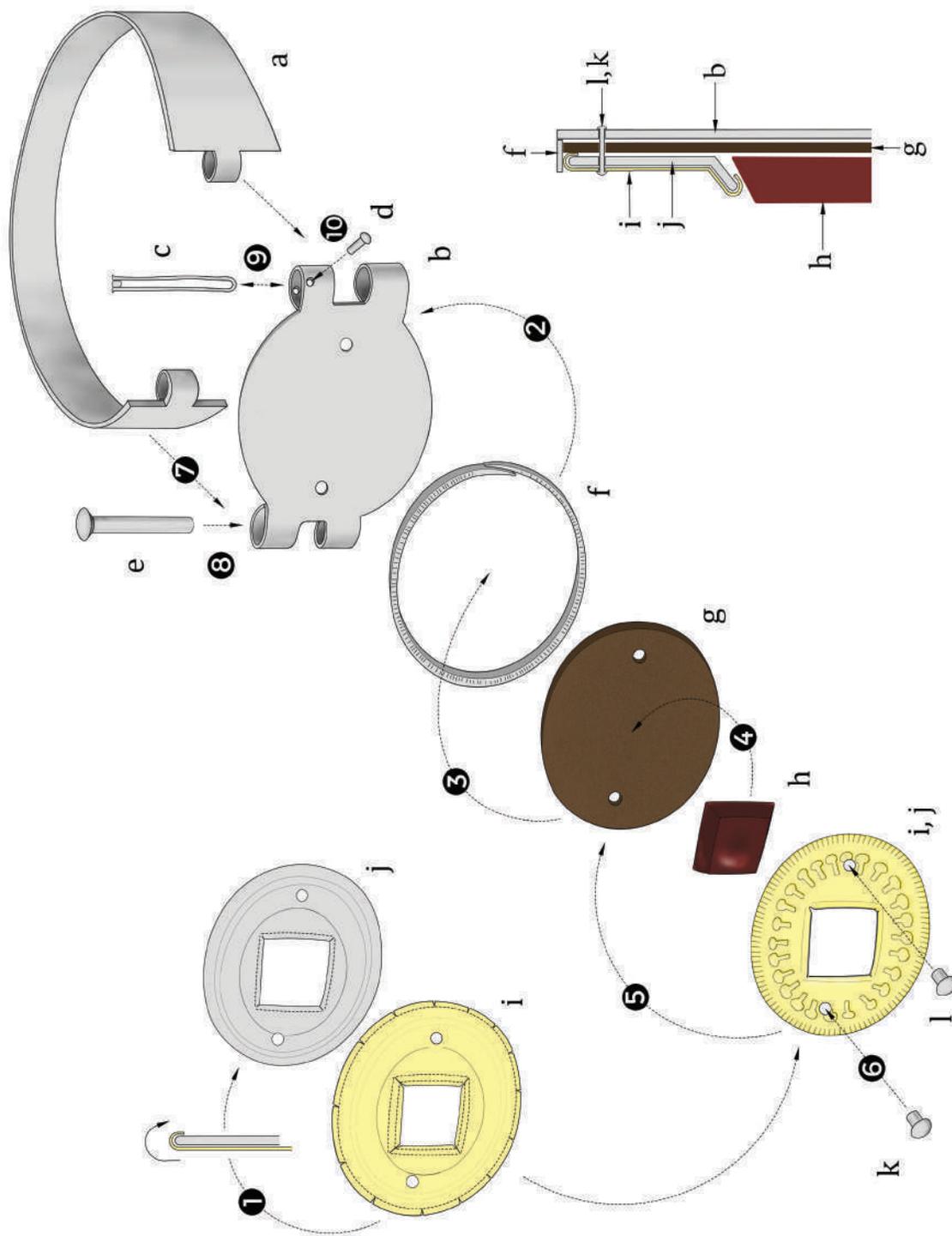

Рис. 3. Схема устройства шарнирного браслета: 1–10 — последовательность этапов сборки; а — основа щитка, б — обруч, в — основа щитка, с — штифт-шпилька, d — заклепка-стопор, е — штифт неразъёмного шарнира, f — обруч, г — сердоликовая вставка, h — золотая фольга, i — пластина декоративной накладки, j, k — заклепки (рисунок: С. А. Мульд)

в центре — 14 мм, на концах — 18 мм. Размер согнутого обруча — 51 x 70 мм.

2. Основа щитка состоит из тонкой серебряной пластины овальной формы в центральной части и симметрично расположенных прямоугольных выступов, отходящих от узких вершин овала (рис. 3, *b*). Выступы прорезаны по продольной оси прямоугольными отверстиями и согнуты в петли таким образом, что их концы плотно примыкают к тыльной стороне вершин овальной основы. В щитке имеются два сквозных круглых отверстия для крепления украшающих элементов с помощью заклепок. Отверстия расположены на продольной осевой основе, в 8 мм от вершин овала. На лицевой поверхности щитка, у краев, заметны пятна темно-серого цвета. Можно предположить, что это остатки оловянистого припоя для крепления обода. Размер овальной части 37 x 41 мм. Длина щитка с загнутыми петлями — 49 мм.

3. Обод сделан из тонкой прямоугольной в сечении серебряной проволоки, согнутой в овал (рис. 3, *f*). Концы проволоки сточены и соединены в накладку таким образом, что в месте их соединения общая толщина обода сохранялась. Лицевое ребро обода украшено частыми поперечными насечками. Размер обода 37 x 41 мм. Сечение проволоки 1 x 2 мм.

4. Прокладка между основой щитка и декорирующими его деталями из органического материала, предположительно кожи, в форме овала и соответствующая внутреннему размеру обода (рис. 3, *g*).

5. Декоративная накладка овальной формы, состоящая из серебряной пластины (рис. 3, *j*) и обтягивающей ее с лицевой стороны золотой фольги (рис. 3, *i*). В центре детали сквозной квадратный вырез с отогнутыми под углом краями, для удержания каменной вставки. Фольга вырезалась с небольшими закраинами, которые подгибались с тыльной стороны пластины, в том числе и по краям центрального выреза. Накладка украшена рельефным орнаментом, нанесенным на соединенные

основу и фольгу с помощью штампа и пуансона. Соответственно, с тыльной стороны накладки есть контррельеф. Орнамент состоит из узкого, прорезанного множеством поперечных рубчиков валика-бордюра, идущего по краю, и овального пояса из ряда символов грибовидной формы, «ножками» направленными в центр. В накладке имеются два сквозных круглых отверстия для крепления к основе, совпадающих по расположению с отверстиями основы щитка. Размер накладки 34 x 38 мм.

6. Вставка из сердолика темно-оранжевого цвета с небольшим количеством черных вкраплений и небольшого белого пятна (рис. 3, *h*). Камень обработан, отполирован со всех сторон. Форма квадратная, уплощенная, с фасетированными краями. В поперечном вертикальном разрезе трапециевидной формы. Размеры камня 14 x 14 x 3 мм.

7. Заклепки с полусферической шляпкой для крепления декоративной накладки к основе щитка (рис. 3, *k*, *l*). У браслета с квадратной вставкой заклепки были частично утрачены: фрагмент одной остался в гнезде щитка, вторая была заменена на аналогичное изделие из медесодержащего металла.

8. Штифт для неразъемного соединения петли обода и двух петель щитка (рис. 3, *e*). Длина штифта 20 мм.

9. Подвижный штифт-шпилька замкового механизма в виде согнутой пополам тонкой серебряной проволоки квадратного сечения, со спаянными концами (рис. 3, *c*). Проволока согнута таким образом, что между длинными частями оставлен очень узкий и равномерный по всей длине зазор. У браслета с квадратной вставкой штифт обломан. Его коррозированные остатки прикипели к внутренним стенкам петель. О форме штифта и его размерах можно судить по целой шпильке у браслета с прямоугольной вставкой. Длина детали 20 мм.

10. Заклепка-стопор замкового механизма из белого металла (рис. 3, *d*). У экземпляра с квадратной вставкой деталь обломана. О ее форме и размерах можно судить по целой детали у браслета с прямоугольной вставкой. Длина заклепки 6 мм.

Порядок сборки браслета представляется следующим образом. Работа началась с соединения деталей декоративной накладки (рис. 3, 1). К основе щитка с помощью пайки крепился обод (рис. 3, 2). В сформированное таким образом своеобразное гнездо укладывалась кожаная прокладка (рис. 3, 3). Она создавала амортизирующий эффект в месте соединения металлических частей и каменной вставки. Возможно, прокладка делала украшение визуально более массивным. На кожу укладывался камень (рис. 3, 4), он накрывался декоративной накладкой (рис. 3, 5). Получившийся «слоеный» массив просверливали в двух местах и скрепляли с помощью заклепок с полусферическими шляпками (рис. 3, 6).

Далее собранный щиток соединяли с обручем (рис. 3, 7). Одно шарнирное соединение делалось неразъемным. Петли щитка и обруча крепились с помощью штифта, концы которого расклепывались (рис. 3, 8). Браслет застегивался благодаря замковому механизму, устроенному на второй паре концов обруча и щитка (рис. 3, 9). Он состоял из подвижного штифта-шпильки и стопорной заклепки, не позволявшей полностью извлечь шпильку из шарнира. Заклепку пропускали через отверстия, проделанные в противоположных стенках верхней петли щитка, а также сквозь подвижный штифт, и расклепывали на концах (рис. 3, 10). Чтобы раскрыть браслет, достаточно было потянуть шпильку до упора (стопорной заклепки). Она выходила из противоположной петли щитка и петли обруча, освобождая последнюю от фиксации в шарнирном соединении. После этого браслет можно было раскрыть.

Интересно отметить любопытную деталь. У всех трех браслетов место стыка концов обода всегда обращено в сторону разъемного соединения щитка и обруча (рис. 2).

У всех экземпляров в орнаменте пластины, украшающей щиток, по краю идет бордюр, поделенный множеством параллельных рубчиков. Основной орнаментальный пояс, состоящий из ряда одинаковых символов, окружает каменную вставку. В двух случаях (браслеты с прямоугольной и ква-

дратной вставками) эти символы имеют грибовидную форму, направленную «ножками» к центру щитка (рис. 2, 2, 3). У обоих экземпляров по 25 таких элементов. У браслета с овальной вставкой 26 символов секировидной формы или в форме лотоса, расположенных сужающейся частью к центру щитка. На конце сужения у каждого элемента выпуклая точка (рис. 2, 1).

Далее различия относятся к состоянию подвижных частей браслетов. У экземпляра с прямоугольной вставкой замковый механизм оказался в идеальном состоянии, в отличие от шарнирного крепления с другой стороны. Вероятно, вследствие поломки штифта его заменили на другой большего размера и квадратного сечения, что в свою очередь вызвало частичную деформацию петель и, как следствие, поломку петли обруча. В браслете с овальной вставкой отсутствует замковый механизм. Вместо него в канале петель был обнаружен фрагмент кожаного шнура (рис. 2, 1). Надевая браслет на руку, хозяйка пропускала шнурок через петли и завязывала концы. Видимо, таким нехитрым способом был заменен сломавшийся механизм. В браслете с квадратной вставкой видимых ремонтов подвижных частей не видно. Но сохранность подвижного штифта, застрявшего из-за коррозии во втулке петель, не позволяет говорить об этом с полной уверенностью.

Круг аналогий опушкинским браслетам невелик. Три экземпляра найдены в могильнике Дружное (Храпунов, 2002, с. 40, рис. 89, 1; 109, 4, 5) еще один браслет — в Чернореченском могильнике (Бабенчиков, 1963, с. 99, табл. XIII, 1). Не вызывает сомнений, что все они изготовлены по одной схеме и состоят из одних и тех же деталей. Тем не менее, браслеты имеют отличия в декоративном оформлении и размерах. Это свидетельствует об индивидуальном изготовлении каждого предмета и не исключено, что делались они на заказ. Косвенно эту мысль может подтвердить социальный статус людей, которым они принадлежали. Проведенный анализ опушкинских браслетов впервые позволил детально установить конструкцию украшений и выяснить схему их сборки.

Литература

- Бабенчиков В. П.* Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 94–141.
- Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Украшения в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // Stratum plus. 2018. № 4. С. 255–262.
- Шаров О. В.* Боспор. Полихромные стили позднеримской эпохи // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 2. С. 197–220.
- Яценко С. А., Малашев В. Ю.* О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. 2000. № 4. С. 226–250.

Керамика группы Восточная сигиллата В2 из могильника Нейзац¹

Ключевые слова: могильник Нейзац, погребальный инвентарь, краснолаковая керамика, Восточная сигиллата В2, рубеж I – II вв. н. э.

Резюме

В статье рассматривается одна из групп краснолаковой посуды, входившей в состав погребального инвентаря могильника Нейзац. Эти сосуды относятся к группе керамики восточного (малоазийского) происхождения, период их бытования определяется 50/75 – 125 гг. н. э. В могильнике Нейзац данная посуда была обнаружена на участке с наиболее ранними захоронениями, относящимися к рубежу I – II вв. н. э. и начала II в. н. э. Всего найдено 8 сосудов группы Восточная сигиллата В2. Это тарелки, миски и чашки наиболее распространенных для данной группы форм 58, 60, 70, 71 по типологии Дж. Хейса. У некоторых сосудов имеются клейма, в основном в виде стилизованных растительных мотивов, а также надписи, частично уже введенные в научный оборот. Находки Восточной сигиллаты В2 не редки для варварских некрополей Юго-Западного Крыма, однако для могильника Нейзац они, прежде всего, показательны в отношении даты появления первых погребений. Следует отметить, что в некоторых случаях сосуды рассматриваемой группы находились в могилах совместно с керамикой понтийского происхождения, отчасти копирующей формы посуды группы ESB2. Это свидетельствует о популярности данных форм и, как следствие, их заимствовании другими производственными центрами причерноморского региона во второй половине I – начале II вв. н. э.

Для цитирования: Нессель В. А. Керамика группы Восточная сигиллата В2 из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С. 148–156

Viktoriiia Nessel'

The Eastern Sigillata B2 Pottery in the Cemetery of Neizats

Keywords: Cemetery of Neizats, grave goods, red-slip ware, Eastern Sigillata B2, turn of the first and second centuries AD

Abstract

This paper analyses a group of red-slip vessels which formed a part of the grave goods in the cemetery of Neizats. The vessels in question belong to the pottery groups of Eastern (Asia Minor) origin dating from 50/75–125 AD. In the cemetery of Neizats, the ware in question was discovered in the area containing the earliest graves which dated from the turn of the first and second and the early second centuries AD. In total, the finds comprised eight vessels of the Eastern Sigillata B2 (ESB2) group. Among them there are plates and bowls of John W. Hayes's Forms 58, 60, 70, and 71, which were most widespread in this group. Some of the vessels

¹ Автор благодарит руководителя экспедиции, д. и. н. И. Н. Храпунова за предложение обратиться к изучению краснолаковых сосудов из могильника Нейзац и за любезно предоставленные материалы полевых исследований.

in question have stamps, mostly featuring stylized floral patterns, and inscriptions, some of which were already introduced into the scholarship. Although the ESB2 finds often occurred at the barbarian cemeteries in the south-western Crimea, in the case of the cemetery of Neizats they are demonstrative for the chronology of the earliest graves of the site. It should be mentioned that there are cases when the vessels from the group in question in graves were accompanied with ceramic vessels of Pontic origin, which partially copied the forms of the ESB2 group. It testifies to the popularity of the said group and, therefore, the borrowing of its forms by other production centres in the Black Sea Area in the second half of the first and early second centuries AD.

Коллекция краснолаковой керамики из могильника Нейзац довольно представительна и разнообразна. По предварительным подсчетам, всего в погребениях и ямах с сосудами, открытых на территории памятника, присутствовало свыше 520 целых и фрагментированных экземпляров краснолаковой посуды. Некоторые из них уже опубликованы в контексте изучения ранних захоронений могильника, а также исследования надписей на керамике (Храпунов, 2015, с. 216–249, рис. 4; Храпунов, Стоянова, 2016, с. 203, рис. 11, б; 14, 11; Стоянова, 2013, с. 83, 84, рис. 4, 7; Намойлик, 2020, с. 116, рис. 1, 2, 3); помимо этого, предварительная характеристика данной категории находок имеется в публикациях, посвященных результатам полевых работ и вопросам, связанным с выделением нейзацкой археологической культуры (Храпунов, 2011, с. 24, 25, рис. 17; 18; 2019, с. 36, 37, рис. 3, 4–15). Однако в целом этот достаточно информативный исторический источник пока находился вне рамок специального изучения. Среди многообразия краснолаковой посуды, обнаруженной при раскопках могильника, особо выделяются сосуды наиболее ранней для этого памятника группы — Восточная сигиллата В2 по типологии Дж. Хейса (Hayes, 1985, р. 51–70). Всего было найдено 8 экземпляров, принадлежащих этой группе. Их публикации посвящена настоящая работа.

Могильник Нейзац расположен в центре предгорий Крыма, в 20 км к востоку

от Симферополя; время его существования определяется II – IV вв. н. э. (Храпунов, 2011, с. 16, 17; 2015, с. 216–240; 2019, с. 33; Храпунов, Стоянова, 2016, с. 200–234). Исследования планиграфической структуры памятника позволили выделить в северной и южной его частях участки с наиболее ранними погребениями, совершенными на рубеже I – II вв. или в самом начале II в. н. э. (Храпунов, 2011, с. 15, 16; 2015, с. 216, 217, 236, 237; Храпунов, Стоянова, 2016, с. 200, 207, 208). Некоторые из ранних захоронений содержали в составе погребального инвентаря посуду группы ESB2². Несмотря на малочисленность рассматриваемой группы по сравнению со всем массивом краснолаковой керамики (около 1,5% от всех найденных краснолаковых сосудов), само присутствие ее в могильнике Нейзац весьма показательно для установления времени начала функционирования комплекса. Являясь довольно надежным хронологическим индикатором (50/75 – 150 гг. н. э.) (Hayes 1985, р. 51, 52), Восточная сигиллата В2 позволяет уточнить датировки сопутствующих находок, в том числе и краснолаковых сосудов других групп.

Рассматриваемая группа керамики имеет ряд характерных особенностей, позволяющих без особых затруднений выделить ее среди прочих находок краснолаковой посуды. Подробному описанию цвета и качества лакового покрытия, состава глиняного теста, морфологии и вопросам появления данной

² ESB2 — сокращение, принятое в современных исследованиях, посвященных рассматриваемой группе керамики.

группы в Юго-Западном Крыму посвящен целый ряд статей Д. В. Журавлева (Журавлев, 1997, с. 227–260; 1998, с. 31–51; 2001, с. 99–118). В настоящее время производство сосудов группы ESB2 связывают с Малой Азией и островами Эгейского моря. Об историографии происхождения краснолаковой керамики восточного производства — см. в очерке К. Домжальского (Домжальский, 1998, с. 17–30), а также в уже упомянутых работах Д. В. Журавлева.

Среди краснолаковой посуды, распространенной в I – II вв. н. э. в средиземноморско-причерноморском регионе, Восточная сигиллата В2 является одной из самых многочисленных. В основе современных разработок по хронологии группы ESB2, происходящей из памятников Крыма, лежит базовая классификация Дж. Хейса 1985 г. (Hayes, 1985, p. 51–70), в которую в дальнейшем были включены ранее не выделенные формы (Ср.: Журавлев, 1997, с. 244; 2010, с. 24–32; Kuhnelt, 2008, p. 59, 60). Все обнаруженные в могильнике Нейзац сосуды группы ESB2 представлены самыми типичными для этой керамики формами; аналогии им широко представлены среди инвентаря в синхронных крымских могильниках, а также среди материалов первых веков н. э. античных городов региона. Наиболее полный на сегодняшний день обзор аналогий подобным находкам из Юго-Западного Крыма, Причерноморья и Средиземноморья содержится в разделе монографии Д. В. Журавлева (2010, с. 23–29).

Сосуды группы ESB2 из погребального инвентаря могильника Нейзац изготовлены из насыщенной слюдой слоистой глины светло-коричневого или розовато-коричневого цвета. Лак густой, яркий, оранжевого и красного тона, целиком покрывает всю поверхность изделий. Все эти находки

представляют собой сосуды для приема пищи и питья: тарелки, миски и чаши. Как правило, у сосудов имеется декор в виде косых насечек, нанесенных на край и ребро венчика (т. н. «roilleting» орнамент), а также клейма на внутренней стороне дна. У четырех экземпляров тулово и дно покрыты процарапанными надписями (ср.: Намойлик, 2020, с. 114–118). Вместе с ними в погребениях находились краснолаковые сосуды иных групп и форм, а также другие изделия из глины, металла, стекла и камня (подробнее об особенностях обряда ранних погребений могильника Нейзац см.: Храпунов, 2011, с. 13–113; 2015, с. 216–240; Храпунов, Стоянова, 2016, с. 200–234).

Форма 58 (Hayes 1985) — представлена 1 экземпляром. Неглубокая тарелка на низком кольцевом поддоне; стенки прямые, скошенные; бортик вертикальный, в месте перехода к стенке — выступающее ребро, украшенное рядом вертикальных насечек. Размеры³: D — 15,6; d — 10,2; H — 4. Глина светло-оранжевого цвета (10R 6/8) с большой примесью слюды. Лак ярко-оранжевого цвета (2.5YR 6/8), покрывает сосуд целиком. На внешней поверхности тулова нанесено граффити XPh λλh. Найдена в могиле № 538. Д—19466НВ⁴ (рис. 1, 1,1а–б).

Датировка сосудов этой формы суммарно определяется от 50–70 до 75–125 гг. (Hayes, 1985, p. 63, tav. XIV, 3); на памятниках Юго-Западного Крыма такие тарелки встречаются в комплексах второй половины / конца I в. н. э. – первой половины / середины II в. н. э. (Журавлев, 1997, с. 237, 238, форма 3, рис. 3, 1–9; 2001, с. 110; 2010, с. 24, 25, табл. 5, 4–13; Гущина, Журавлев, 2016, с. 22, табл. 22, 16; 29, 2; 56, 3; 66, 15; 90, 9; 126, 2; 141, 6; 161, 2а; 227, 3; Труфанов, 1997, с. 184, вариант I–Б–3; 1998, с. 141–145, рис. 2, 13; Стржелецкий

³ Для обозначения размеров сосудов здесь и далее приняты следующие условные обозначения: D — диаметр венчика, d — диаметр поддона/дна, H — высота сосуда; все размеры указаны в сантиметрах. При определении цвета глиняного теста и лакового покрытия (цифровой и литерный шифр в описании сосуда) использован цветовой определитель Munsell (2000).

⁴ Все находки хранятся в Центральном музее Тавриды (Симферополь). Выражаю признательность сотрудникам отдела фондов музея за возможность ознакомиться с публикуемыми предметами.

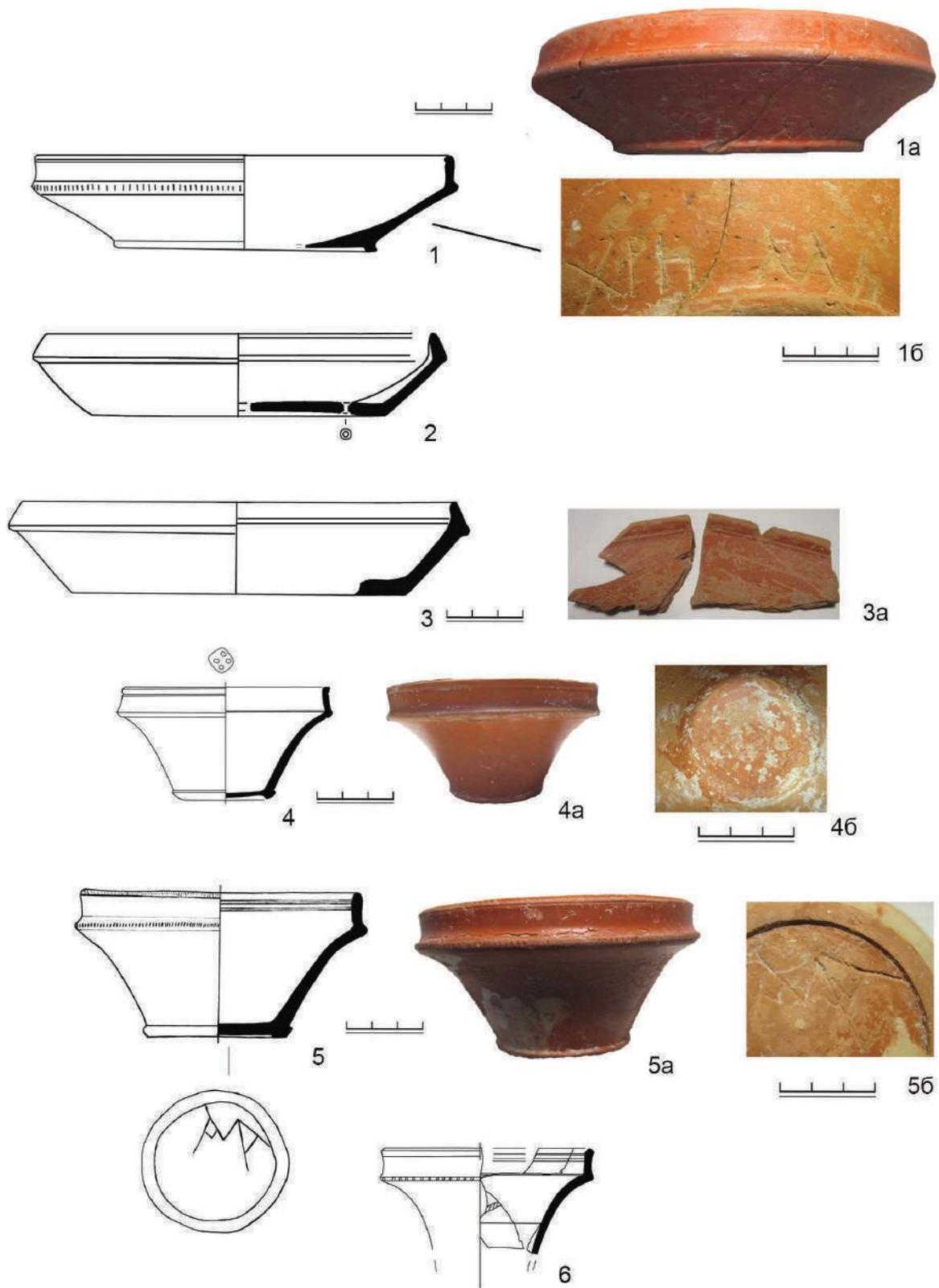

Рис. 1. Восточная сигиллата В2 из могильника Нейзац: 1, 1а-б — форма 58;
2, 3, 3а-б — форма 60; 4-6 — форма 70

и др., 2003–2004, с. 88, тарелки варианта Ia, табл. XVII, 1, 2; Kuhnelt, 2008, р. 60, 149, 150, form T-6, kat. 339–344).

Форма 60 (Hayes 1985) — представлена 2 экземплярами. Тарелки с прямыми, расходящимися в стороны стенками, слегка скошенным внутрь невысоким бортиком со скругленным краем; дно плоское, слегка вогнутое. На бортике с внутренней стороны имеются две неглубокие горизонтальные подрезки.

1) D — 19,5; d — 13,8; H — 3,1. Глина розовато-бежевая (2.5YR 6/6), насыщена слюдой. Лаковое покрытие двойное, розовато-оранжевого цвета (2.5YR 6/8). В дне просверлено сквозное отверстие диаметром 0,3–0,4 см. Сосуд фрагментирован; найден в могиле № 209. Д—12845НВ (рис. 1, 2).

2) D — 17; d — 13; H — 3,7. Глина слоистая, насыщена слюдой, розовато-оранжевого цвета (2.5YR 6/8). Лак густой, ярко-оранжевый (10R 6/8). Бортик слегка нависает над стенкой. На стенках с внутренней стороны — граффито (?) в виде ломаных и пересекающихся линий. Могила № 355 (Храпунов, 2015, с. 224, рис. 4, 6). Д—16268НВ (рис. 1, 3, 3а).

Дж. Хейс датирует форму 60, в основном, 50/60 – 80/90 гг., при этом допускает существование некоторых сосудов до 150 г. н. э. (Hayes, 1985, р. 64, tav. XIV, 5–8). В Крыму эта форма встречается с середины I в. и до второй половины II в. (Журавлев, 1997, с. 235–237, форма 1, рис. 1, 1–8; 2, 1–4; 2001, с. 109, 110; 2010, с. 26, 27; Гущина, Журавлев, 2016, с. 23, табл. 51, 2; 52, 7; 78, 5; 82, 19; 86, 2; 93, 4; 120, 3; 123, 2; 139, 2; 149, 3; 142, 14; Kuhnelt, 2008, р. 60, 148, form T-5, kat. 336–338).

Форма 70 (Hayes 1985) — представлена 3 экземплярами. Чашки конической формы, на низком кольцевом поддоне. Стенки прямые, слегка вогнуты внутрь. Бортик вертикальный, немного вогнут; при переходе к стенке — острое ребро, как правило, украшенное вертикальными насечками.

У одного сосуда на дне имеется клеймо, у другого — граффито.

1) D — 8,5; d — 4,1; H — 4,6. Глина розовато-бежевая (2.5YR 7/6), насыщена мелкой слюдой. Лак густой, ярко-красный (2.5YR 6/8). Внутри на дне — нечетко различимое клеймо в виде четырех попарно расположенных точек, заключенных в квадратную рамку. Могила № 232. КП–53853 (рис. 1, 4, 4а–б).

2) D — 11,2; d — 5,8; H — 6. Глина розовато-оранжевая (2.5YR 6/6), слоистая, насыщена мелкой слюдой. Сосуд полностью покрыт лаком, нанесенным в два слоя: слой молочно-желтого оттенка (7.5YR 8/4–8/6) перекрыт густым ярко-оранжевым (2.5YR 6/8). Ребро и венчик по всему диаметру украшены врезными насечками. На внешней поверхности дна имеется граффито, состоящее из трех врезных линий и знака "А". Могила № 577 (Храпунов, Стоянова, 2016, с. 203, рис. 11, б; Намойлик, 2020, с. 116, рис. 1, 2). КП–60100 (рис. 1, 5, 5а–б).

3) D — 8,3. Глина розовато-бежевая (2.5YR 6/6), насыщена мелкой слюдой. Лак густой, красно-оранжевый (2.5YR 5/8), покрывает сосуд целиком. Фрагментарно сохранилась верхняя часть сосуда. Бортик вертикальный, в верхней части имеются горизонтальные нарезки, нанесенные с обеих сторон; переход от бортика к стенке оформлен острым ребром, на внешней стороне которого — ряд вертикальных насечек. Погребение № 232. Д-12958НВ (рис. 1, 6).

По времени изготовления форма 70 синхронна с формой 58, а именно — 50/75 – 125 гг. (Hayes, 1985, р. 66, 67, tav. XIV, 19; XV, 1). Среди находок Восточной сикиллаты В2 в Крыму эти сосуды представлены наиболее массово; период их распространения приходится на вторую половину I – середину II вв. н. э., при этом более всего находок связано с концом I – началом II вв. н. э. (Журавлев, 1997, с. 240–242, форма 8, рис. 4, 7–15; 5, 1, 2; 2001, с. 105, 106, рис. 3, 1; 5, 5; 2010, с. 29, 30, табл. 7, 31–34;

8, 35–40; Гущина, Журавлев, 2016, с. 24, 25, табл. 46, 9; 64, 1; 89, 2; 98, 5; 106, 2; 110, 2; 111, 8; 120, 2; 138, 5; 155, 5; Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 79–81, чашки варианта I, табл. XII, 1, 2, 4, 5, 8, 9; Kuhnelt, 2008, p. 113, 114, form N-1b, kat. 199–202).

Форма 71 (Hayes 1985) — представлена 2 экземплярами. Миски усеченно-конической формы, с расходящимися в стороны стенками, с закругленным краем; дно плоское, слегка вогнуто внутрь. На дне — клейма, у одного сосуда имеется также граффито, нанесенное на внешнюю сторону дна.

1) D — 12,3; d — 7,5; H — 4,2. Глина светло-коричневая (2.5YR 6/8) с большим количеством слюды, слоистая. Плотный глянцевый лак красно-коричневого цвета (10R 5/8) покрывает сосуд полностью со всех сторон. Часть сосуда расслоилась. Верхний край асимметрично срезан. На дне с внутренней стороны клеймо в виде листа плюща или ветви, окруженное кольцевой бороздкой. На внешней стороне дна два граффити, начертанные одно под другим: "EΡΩΦΙΛ", знак в виде «восьмерки» из двух треугольников; Т-образный знак. Могила № 421 (Стойнова, 2013, с. 83, 84, рис. 4, 7; Намойлик, 2020, с. 116, рис. 1, 3). КП–58184 (рис. 2, 1, 1а–в).

2) D — 9,2; d — 5,6; H — 3,2. Глина плотная, светло-оранжевая (2.5YR 6/6). Лак ярко оранжевого цвета (2.5YR 6/8), равномерно покрывает всю поверхность сосуда. На внутренней поверхности дна — клеймо в виде шестилепестковой розетки, окруженное кольцевой бороздкой. Могила № 577 (Храпунов, Стойнова, 2016, с. 203, рис. 14, 11; Храпунов, 2019, с. 36, рис. 3, 7). КП-60093 (рис. 2, 2, 2а–б).

По мнению Дж. Хейса, изготовление сосудов этой формы шло параллельно с формами 58 и 70 (Hayes, 1985, p. 67, tav. XV, 2). Наблюдения, полученные при исследовании материалов крымских могильников, показывают, что миски формы 71 чаще всего встречаются в комплексах последней четверти I – первой поло-

вины (возможно, первой четверти) II в. (ср.: Журавлев 1997, с. 240, форма 7, рис. 4, 1–4; 2010, с. 31, табл. 8, 43–46; Гущина, Журавлев, 2016, с. 25, 26, табл. 23, 4; 57, 4; 107, 2; 109, 3; 162, 2; Kuhnelt, 2008, p. 60, 118, form N-5, kat. 211).

Как видно из приведенного выше обзора керамики группы Восточная сигиллата В2 из могильника Нейзац, ассортимент данной посуды здесь довольно скромный. Форма 58 представлена единственным экземпляром, формам 60 и 71 принадлежат по 2 сосуда, немногим больше (3 образца) чашек формы 71. Сосуды рассматриваемой группы присутствовали в захоронениях как в единственном экземпляре (могила №№ 421, 538), так по несколько предметов сразу (2 сосуда — чашка формы 70 и миска формы 71 были обнаружены в могиле № 577; из могилы № 232 происходят 4 краснолаковые чашки, 2 из которых — сосуды формы 70 ESB2, и 2 — такие же по форме изделия, но относящиеся к группе Понтийской сигиллаты). Подобное соотношение форм довольно типично для варварских могильников Юго-Западного Крыма (Журавлев, 2010, с. 113).

Клейма, присутствующие на находках из могильника Нейзац, вполне традиционны для Восточной сигиллаты В2. Как правило, именно такие клейма — в виде розетт, пальметт, точек, чаще всего встречаются у форм 58, 70, 71 (Журавлев, 1997, с. 248, 249, рис. 6; 2010, с. 103, 104, табл. 69), что подтверждает и наша выборка. У большинства найденных в погребениях сосудов этой группы имелись надписи, частично уже введенные в научный оборот А. С. Намойлик. По ее мнению, надписи, нанесенные на сосуды форм 70 и 71, имеют греческое происхождение и представляют собой имена владельцев, хотя не исключено, что в одном случае автор граффито мог происходить из варварской среды (Намойлик, 2020, с. 116, 123, 124, рис. 1, 2, 3). Тем самым, поднимается вопрос о том, кем и когда были нанесены эти надписи, и, более глобально, — каким образом данная керамика могла попасть

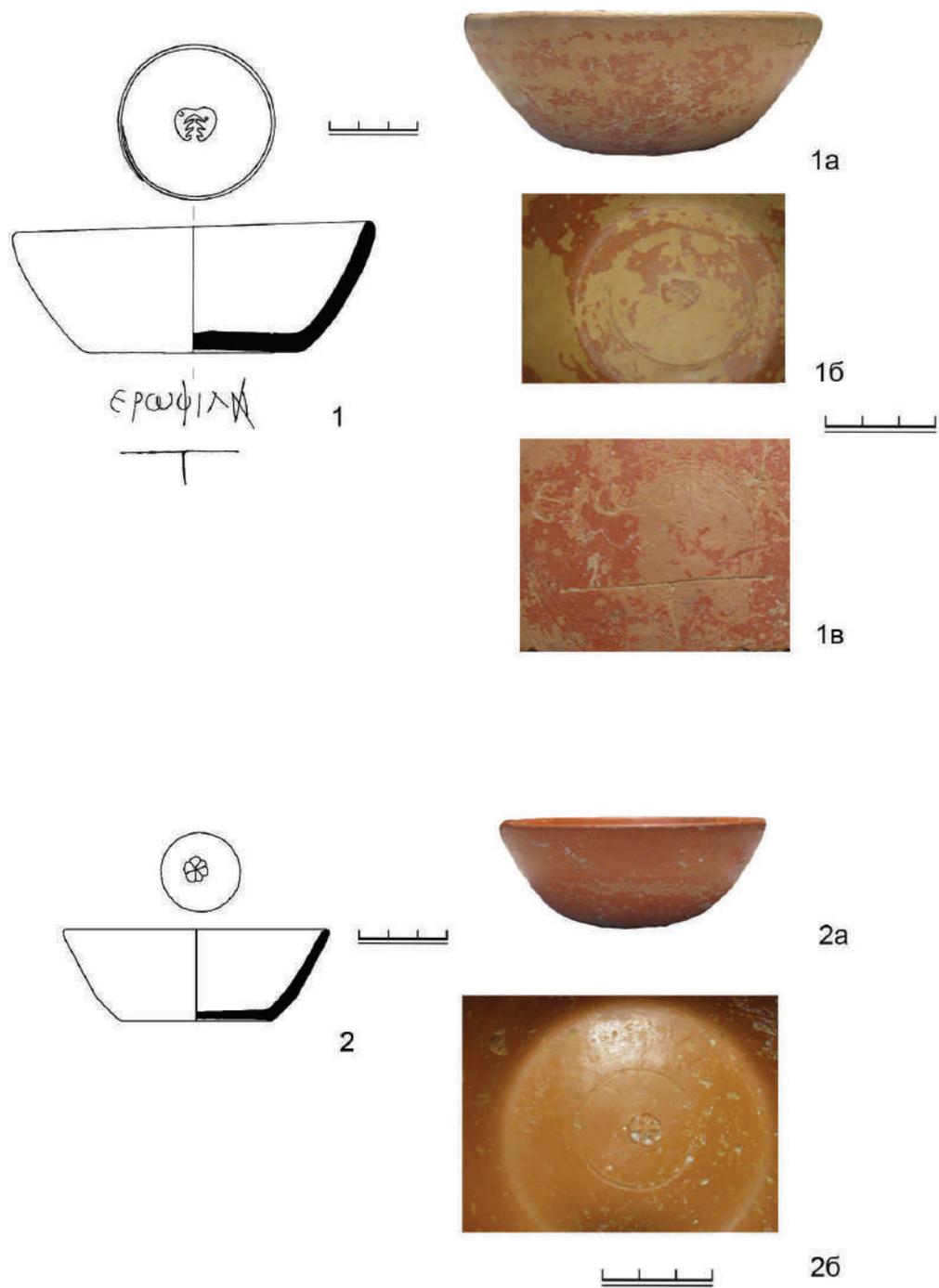

Рис. 2. Восточная сигиллата В2 из могильника Нейзац: 1-2 — форма 71

в район крымских предгорий на рубеже I – II вв. н. э. По поводу толкования надписей на краснолаковой керамике, происходящей из негреческих памятников Юго-Западного Крыма, в настоящее время у исследователей нет однозначного мнения (см. дискуссию на эту тему: Зубарь, 2002, с. 506, 507; Журавлев, 2010, с. 108). Что касается путей проникновения парадной посуды, какой является краснолаковая керамика вообще, к обитателям предгорий Крыма на рубеже I – II вв., вероятно, следует учитывать следующие наблюдения. Посуда группы ESB2 довольно хрупкая; сами формы изготавливаемых сосудов были обусловлены технологическими характеристиками глиняной массы (см. об этом: Журавлев 1997, с. 229; 2001, с. 99). Скорее всего, небольшие по размеру тарелки, миски и чаши (как правило, это сосуды форм 58, 60, 70, 71) были удобны в транспортировке, что демонстрирует доминирование именно этих форм среди общей массы находок группы ESB2 на памятниках Юго-Западного Крыма (там же).

Такая же ситуация отмечается и в комплексе краснолаковой керамики могильника Нейзац. Будучи сами по себе предметами импорта в регион Северного Причерноморья во второй половине I – первой четверти II вв. н. э., эти сосуды были обнаружены в могильнике Нейзац в синхронных погребениях, что может свидетельствовать об их поступлении в варварскую среду в течение довольно короткого временного промежутка и, вероятнее всего, одинаковым путем из крупных античных центров Крыма, какими были Херсонес и Боспор. На эту возможность косвенно указывают находки монет, обнаруженных в могильнике. Среди них в интересующий нас период явно преобладают боспорские (Храпунов Н. И., 2009, с. 78, 79). В дальнейшем, в направлении торгово-обменных контактов жителей, оставивших данный могильник, происходят изменения, о чем свидетельствуют и состав нумизматического материала, и другие категории находок (Стоянова, 2004, с. 294–300; Храпунов, 2019, с. 39; Шабанов, 2015, с. 226).

Литература

- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016. Ч. I. 272 с.; ч. 2. 320 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
- Домжальский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I / Отв. ред. Д. В. Журавлев. М.: б. и., 1998. С. 17–30 (Труды ГИМ. Вып. 102).
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика группы *Eastern sigillata B* могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии / Отв. ред. С. В. Демиденко, Д. В. Журавлев. М.: б. и., 1997. С. 229–260.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения (краткий обзор отечественной литературы) Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I / Отв. ред. Д. В. Журавлев. М.: б. и., 1998. С. 31–51 (Труды ГИМ. Вып. 102).
- Журавлев Д. В. О датировке *Eastern sigillata B* из Юго-Западного Крыма // Археология. 2001. № 3. С. 99–118.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: б. и., 2010. 320 с. (МАИЭТ. Supplementum 9).

- Зубарь В. М.* Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 500–518.
- Намойлик А. С.* Граффити и дипинти из могильника Нейзац, поселения на могильнике Нейзац и поселения в Барабановской балке // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VI / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма Салта ЛТД», 2020. С. 113–135.
- Стоянова А. А.* Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // БИ. 2004. Вып. V. С. 263–319.
- Стоянова А. А.* Плитовые могилы из некрополя Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Издательство «Доля», 2013. С. 77–92.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз-10» // Stratum plus. 2003 – 2004. № 4. С. 27–277.
- Труфанов А. А.* Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: «Таврия», 1997. С. 181–192.
- Труфанов А. А.* Вырубной склеп из позднескифского могильника у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. IX / Отв. ред. М. И. Золотарев. Севастополь: Дизайн-студия «КАЛАМО», 1998. С. 141–145.
- Храпунов И. Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. С. 13–113.
- Храпунов И. Н.* Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. 2015. № 1. С. 216–240.
- Храпунов И. Н.* Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // РА. 2019. № 1. С. 32–49.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Первые погребения в могильнике Нейзац // ИАК. Вып. 3 / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 200–234.
- Храпунов И. Н.* Монеты из могильника Нейзац (находки 1996 – 2008 гг.) // ПИФК. 2009. № 3. С. 55–82.
- Шабанов С. Б.* Сармато-германские контакты в предгорном Крыму в позднеримское время (по материалам стеклянной посуды) // ПИФК. 2015. № 3. С. 213–230.
- Hayes J. W.* Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio). Roma: Istituto poligrafico e Zecca Dello Stato, 1985. 96 p. (Atlante delle forme ceramiche II. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale).
- Kühnelt E.* Terra sigillata aus Alma-Kermen, Sudwest-Krim. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Dissertationarbeit, Freien Universität, Berlin. Berlin, 2008. 475 p.
- Munsell A. H.* Soil color charts. New York: Grand-Rapids, 2000. 10 p.

М. Ю. Трейстер

Веретенообразные унгентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии¹

Ключевые слова: кочевники Азиатской Сарматии, эллинистическая керамика, унгентарии, восточные (центрально-азиатские) инновации, Греко-Бактрия, Парфия, сарматские наемники в армии Митридата VI

Резюме

Значительная часть эллинистической керамики в погребениях кочевников Азиатской Сарматии II – I вв. до н. э. представлена веретенообразными флаконами. Они встречаются преимущественно в погребениях взрослых или пожилых мужчин-воинов на Нижнем Дону, в междуречье Дона и Волги и в Заволжье и могли рассматриваться владельцами как статусные предметы, даже после того, как их содержимое было использовано, что далеко не всегда имело место быть, учитывая находки содержимого во флаконах. Это вряд ли подразумевает длительное хранение или вторичное использование, учитывая крайне малый объем таких сосудов. В погребениях с унгентариями находят предметы восточного происхождения или элементы погребального обряда имеют восточное происхождение. Очевидно, что владельцы античной керамики, все или частично, представляют собой пришедших с Востока кочевников, по крайней мере, часть из которых имела какие-то контакты с Парфией. Это согласуется с тем, что погребения, в которых они найдены, могли принадлежать представителям той самой волны, которая участвовала около 145 г. до н. э. в разгроме Греко-Бактрийского царства и после этого — в конфликтах с Парфией. Часть флаконов обнаруживает близкое сходство с унгентариями из крепости Сингирт Каяси на южном берегу Черного моря, основанной при правлении Митридата VI Евпатора и заброшенной после поражения, нанесенного ему римлянами. Есть основания предполагать, что в крепости располагался воинский контингент, а найденные здесь железные наконечники стрел связывают с сарматскими наемниками в его составе. Если это так, а это наблюдение соответствует сведениям письменных источников, то мы имеем весьма вероятное происхождение, по крайней мере, части унгентариев, найденных в погребениях Азиатской Сарматии. Данное предположение прекрасно коррелирует и с фактом находки флаконов именно в погребениях мужчин-воинов зрелого возраста.

Для цитирования: Трейстер М. Ю. Веретенообразные унгентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С. 157–194.

¹ Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны — Б. А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов, некоторые из которых представлены здесь: О. В. Григоренко (Аксай, АВИМ), Д. В. Журавлеву и К. Б. Фирсову (Москва, ГИМ), В. В. Науменко, Р. Д. Чернобровцевой (Новочеркасск, МИДК), О. А. Халяпиной (Оренбург, ОГИКМ), А. Г. Язовских (РОМК, Ростов-на-Дону, Н. В. Хабаровой†, А. В. Жадаевой (Волгоград, ВОКМ), М. К. Мурзагалиевой (Уральск, ЗКОИКМ).

Fusiform Unguentaria from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia

Keywords: *Nomads of Asian Sarmatia, Hellenistic pottery, unguentaria, Eastern (Central Asian) innovations, Graeco-Bactria, Parthia, Sarmatian mercenaries in the army of Mithridates VI*

Abstract

A significant part of Hellenistic pottery in the burials of the nomads of Asian Sarmatia of the 2nd – 1st centuries BC is represented by fusiform unguentaria. They are found mainly in the burials of adult or elderly male warriors in the Lower Don, in the interfluvium of the Don and Volga and in the Trans-Volga regions and could be considered by their owners as status items, even after their contents were used, which was not always the case, given finds of the contents in the flasks. This is unlikely to suggest long-term storage or secondary use, given the extremely small volume of such vessels. In the burials with unguentaria objects of oriental origin are found, or elements of a funeral rite are of oriental origin. It is obvious that the owners of Hellenistic pottery, all or part of them, represent nomads who came from the East, at least some of whom had some kind of contacts with Parthia. This is consistent with the fact that the burials in which they were found could have belonged to representatives of the same wave that took part ca. 145 BC in the defeat of the Greco-Bactrian Kingdom and after that – in conflicts with Parthia. Some of the flasks bear a close resemblance to the unguentaria from the Cingirt Kayazi fortress on the southern coast of the Black Sea, founded during the reign of Mithridates VI Eupator and abandoned after the Roman defeated him. There is reason to believe that a military contingent was located in the fortress, and the iron arrowheads found here are associated with Sarmatian mercenaries as part of it. If this is so, and this observation corresponds to the information of written sources, then we have a very probable origin of at least part of the unguentaria found in the burials of Asian Sarmatia. This assumption perfectly correlates with the fact that the flasks were found in the burials of mature male warriors.

1. Введение. Античная керамика в погребениях кочевников Азиатской Сарматии III в. до н. э.

В кочевнических погребениях Нижнего Поволжья и Западного Казахстана III в. до н. э. античная керамика встречается, пусть и редко.

Исследователи уже обращали внимание на находки в Нижнем Поволжье амфориска и арибаллического лекифа — в Сусловском могильнике, а также фрагментированного арибаллического лекифа — в Калиновском могильнике (Шилов, 1959, с. 469, № 3; с. 479, рис. 53, 2; Зеест, 1960, с. 59, 60; Брашинский, 1980, с. 105)². И. Б. Зеест (1960, с. 59) отнесла лекиф и амфориск из Суловского могильника (Рыков, 1925, с. 18, 19, рис. 45; Скрипкин, 1990, с. 53, рис. 17, 11; с. 45, УЗ; *Сокровищница памяти...* 2016,

с. 52, илл. внизу) к концу IV и III вв. до н. э., соответственно.

Остродонный амфориск, или правильнее — миниатюрная амфора высотой 20 см из кургана № 44/1924 Суловского могильника³, был найден в мужском погребении вместе с железным мечом длиной 45 см (Рыков, 1925, с. 42, 43). П. С. Рыков (1925, с. 23) отнес эту могилу к группе захоронений II – III вв. н. э., а учитывая, что меч, скорее всего относится к типу с кольцевым навершием (Рыков, 1925, с. 9), вряд ли есть основания датировать погребение ранее I в. до н. э. Форма миниатюрной амфоры из Суловского могильника, на мой взгляд, сопоставима с находками с Афинской

² Сам В. П. Шилов относил лекиф к позднеэллинистическому времени.

³ Саратов, СОМК, инв. № 58408. Выс. 20 см, дм. венчика 4 см, дм. тулова макс. 10,5 см. Искренняя благодарность К. Ю. Моржерину за фотографию и информацию о сосуде. Местонахождение лекифа неизвестно. В Саратовском музее он не хранится..

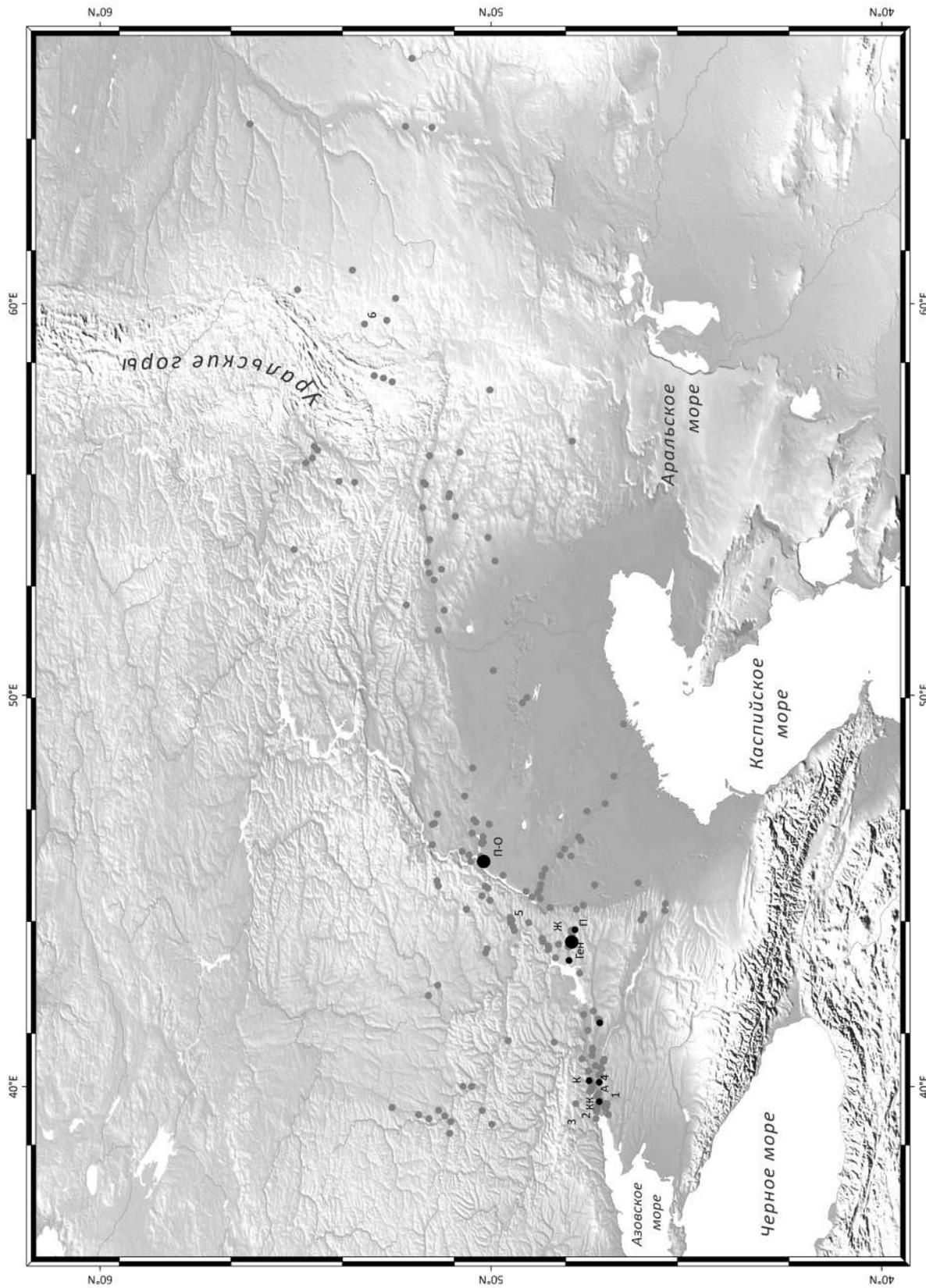

Рис. 1. Карта. Веретенообразные унгентарии в погребениях кочевников Азиатской Сарматии (подснова: Г. П. Гарбузов, карта: М. Ю. Трейстер, 2021)

агоры, из контекста, датируемого С. Ротрофф около 110 – 50 гг. до н. э. (Rotroff, 2006, P. 300, nos. 530, 531, pl. 68; особенно близок по. 530), а не с более ранними находками конца IV – III в. до н. э. с Родоса (Rotroff, 2006, P. 160, note 135 с лит.; см., например, Filimonos, Giannikouri, 1999, P. 208, 209, pl. 29; P. 209, pl. 32; P. 211, pl. 49).

Несмотря на то, что миниатюрная амфора из Сусловского могильника не может датироваться IV – III вв. до н. э., находки импортной керамики этого времени в Азиатской Сарматии известны и представлены чернолаковыми мисочками с тисненным

орнаментом в виде концентрических кругов косых насечек и с четырьмя тисненными пальметтами в центре конца IV в. до н. э. и гераклейскими амфорами рубежа IV/III – первой трети III в. до н. э. Весьма вероятное предположение о возможности поступления керамического импорта этого времени через факторию Елизаветовского городища в дельте Дона (Брашинский, 1980, с. 105–106), косвенно подтверждается анализом находок «пунийских» бус второй половины IV в. до н. э. в Елизаветовском могильнике и на городище, с одной стороны, и в Южном Приуралье — с другой (Treister, 2021).

2. Веретенообразные флаконы в погребениях кочевников Азиатской Сарматии II – I вв. до н. э.

2.1. Общие наблюдения

В погребениях кочевников Азиатской Сарматии II – I вв. до н. э. найдено не так много образцов эллинистической керамики, и значительная их часть представлена унгентариями (рис. 1). К ранней группе флаконов относятся два крупных сосуда с конусообразным округлым туловом, цилиндрическим, слегка расширяющимся кверху горлом, на кольцевом поддоне, обнаруженные в погребении № 1 кургана № 18/2005 могильника Аксай-I (рис. 2, 2) и в погребении № 6 кургана № 2 у с. Заречья на Среднем Дону (рис. 2, 1) (Березуцкий, Маслихова, 2004, с. 102, рис. 3, 6). Судя по аналогиям с Афинской агоры, они могут датироваться еще первой четвертью II в. до н. э. (Rotroff, 2006, P. 150, 151, category 3, nos. 424–437, fig. 63). Однако сосуды были использованы вторично — после утраты горла отверстие вокруг слома заглаживалось и сохранившееся тулово продолжало использоваться.

Значительно более широкое распространение получила другая разновидность унгентариев, так называемые веретенообразные флаконы (рис. 3). Всего известно 11 целых и фрагментированных определенных экземпляров таких сосудов, происходящих из кочевнических погребений на Нижнем

Дону, в междуречье Дона и Волги и в Заволжье (рис. 1). Возможно, к ним относится и представляющий горло с венчиком фрагмент сероглиняного флакона из разрушенного кургана у пос. Кадамовский в районе Новочеркасска (рис. 3, 10) (Кат. Новочеркасска, 1979, с. 49, № 131/2, табл. 22, 18; Глебов, 2005, с. 40; 2007, с. 68, рис. 5, 7). Еще один фрагмент веретенообразного флакона (верхняя часть тулова и часть горла без венчика) происходит из погребения № 8 кургана № 6/1987 могильника Подгорненский IV (Глебов, 2005, с. 40; 2007, с. 68, рис. 5, 8; Глебов, Дедюлькин, 2020, с. 98, рис. 1, 8).

Первую группу образуют четыре унгентария. Покрытый бурым лаком унгентарий (В. 20,7 см, дм. макс. 7,6 см, Ratio 2,72) (Смирнов, 1959, с. 270, рис. 25, 4; Клепиков, 2017, 26, рис. 4, 5; 2018, с. 161, рис. 2А, 5, 7), который был датирован К. Ф. Смирновым концом III – началом II в. до н. э., происходит из погребения № 19 кургана № 12/1953 у с. Политотдельское (рис. 3, 2; 4, 3; 6, 5). Очевидно, что к этому же типу относятся и унгентарии из погребения № 4 кургана № 27/1964 у с. Жутово (рис. 3, 3; 4, 4) (В. 22,6 см, дм. тулова 7,6 см, Ratio 2,97) (Шилов, 1975, с. 139, с датировкой III в. до н. э., рис. 53, 1; Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 139, 141, 148, рис. 6, 3:

1

2

Рис. 2. Унгвентарии с полрой ножкой: 1 — Заречье. Курган № 2/1997. Погребение 6. Репьевский народный краеведческий музей, инв. 600; 2 — Аксай-I. Курган № 18/2005. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв. № 32668/36 (фото: М. Ю. Трейстер, 2015)

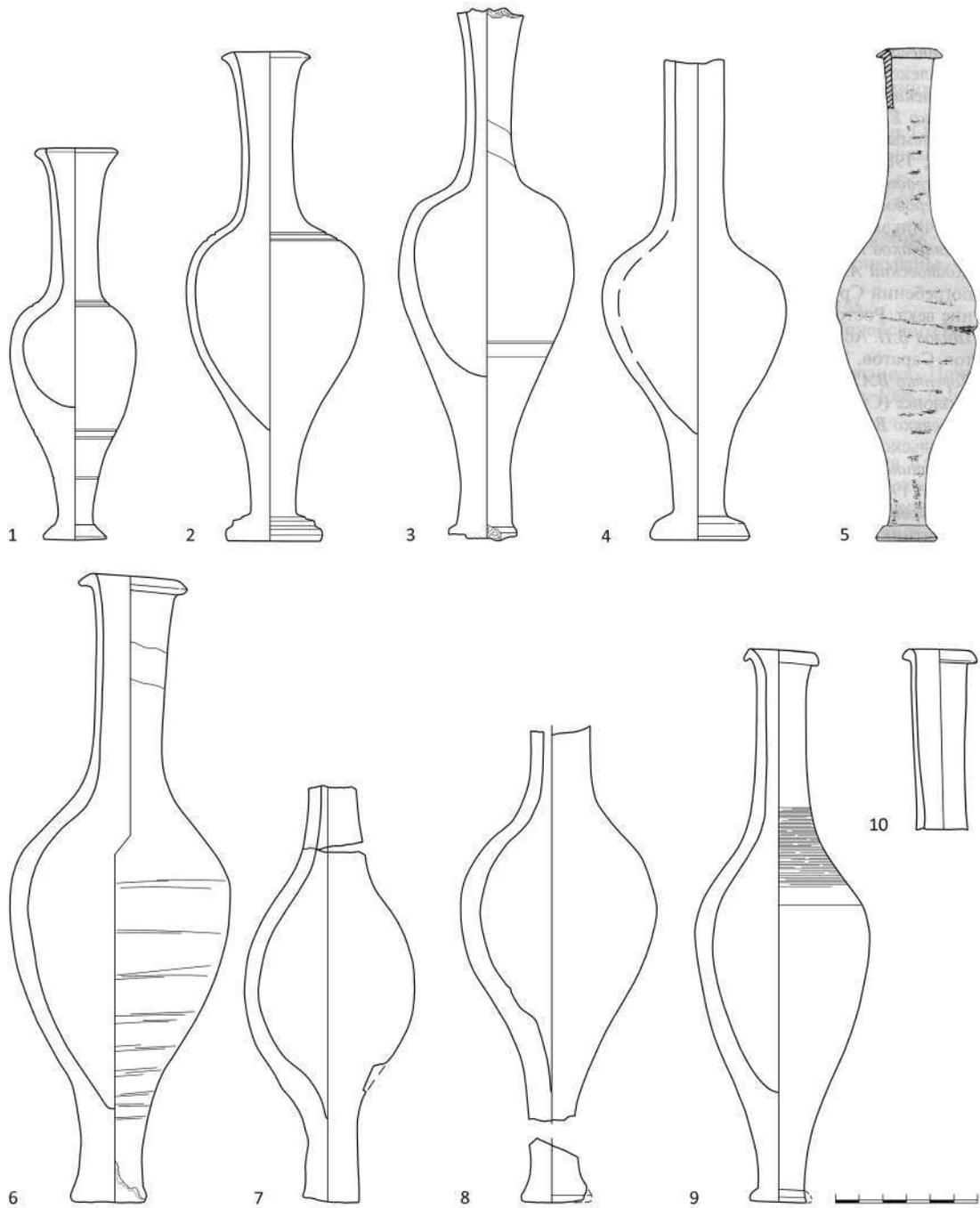

Рис. 3. Веретенообразные унгентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии:
 1 — Генераловский. Курган № 1/1965. Волгоград, ВОКМ, инв. № 12250; 2 — Политотдельское.
 Курган № 12/1953. Погребение № 19. Москва, ГИМ, инв. № 84776, Оп. Б 936/199; 3 — Жутово.
 Курган № 27/1964. Погребение № 4. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31993/44; 4 — Круглый курган, 1866 г.
 ГИМ, инв. № 54746 Оп. Б-136 № 27; 5 — Алитуб. Курган № 3/1962. Погребение № 20. Ростов-на-
 Дону, РОМК, инв. № 2571/65; 6 — Политотдельское. Курган № 2/1989. Погребение № 6. Волгоград,
 ВОКМ, инв. № 30000/6; 7 — Жутово. Курган № 30/1965. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв.
 № 12267/12; 8 — Новый. Курган № 46/1982. Погребение № 4. Аксай, АВИМ, инв. № 17910/966;
 9 — Перегрузное-I. Курган № 23/2011. Погребение № 6. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31993/44;
 10 — Кадамовский, разрушенный курган, 1953. Новочеркасск, НМИДК, инв. № 9864/2
 (1–4, 6–10 — рисунки Н. Е. Беспалой, 5 — по: Захаров 2000)

комплекс датирован концом II – I вв. до н. э.; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 73, рис. 4Б, 32; Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 98, рис. 5, 37; Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 97: комплекс датирован второй половиной II в. до н. э.; Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 131, рис. 4А, 4; с. 135, 136⁴; Шинкарь, 2012, с. 192, 193, рис. 1, 7; Brosseder, 2011, P. 362, fig. 11, 16; Скрипкин (ред.) 2013, с. 105, илл. вверху слева; с. 261, № 189; Mordvintseva, 2015, P. 176; Клепиков, 2018, с. 161, рис. 2, А, 2.)⁵, а также унгентарии из кургана № 1/1965 могильника Генераловский (В. 16,4 см, дм. тулова 5,2 см, Ratio 3,16) (рис. 3, 1; 4, 1) (Клепиков, 2018, с. 161, рис. 2А, 1) и из Круглого кургана (В. 20,9 см, дм. тулова 7,8 см, Ratio 2,68) (рис. 3, 4; 4, 2) (Демиденко и др. 1997, с. 194, рис. 4, 6; Demidenko et al., 1997, S. 419, Abb. 7, 6)⁶. Их объединяет близкая форма вместилища, скорее округлая, чем вытянутая, более покатые плечики, почти сразу же переходящие в горло.

Унгентарии из Политотдельского (погребение № 19 кургана № 12/1953) (рис. 3, 2; 4, 3; 6, 5) и Генераловского (рис. 3, 1; 4, 1), кроме того, объединяет близкое покрытие коричневым лаком и наличие концентрических прочерченных бороздок в верхней части тулова в основании горла. По этому признаку унгентарий из Круглого кургана выглядит менее тщательно исполненным (его отличает и отсутствие бороздок в верхней части тулова и валиков на ножке (рис. 3, 4; 4, 2). Унгентарий из кургана № 27 в Жутово не имеет покрытия, он красноглиняный, ножка практически полностью отломана, тем не менее видно, что она была профилирована (рис. 3, 3; 4, 4). По пропорциям и форме вместилища сосуд близок остальным. На общем фоне

указанных унгентариев выделяется качеством работы и сложной профилировкой основания ножки унгентарий из могильника Политотдельский.

Ко второй группе относятся сероглиняные унгентарии из погребения № 6 кургана № 23/2011 могильника Перегрузное-I (В. 23,4 см, дм. тулова 7,4 см, Ratio 3,16) (рис. 3, 9; 5, 5) (Клепиков, Шинкарь, 2004, с. 144, рис. 14, 13; Скрипкин (ред.), 2013, с. 105, илл. вверху справа; с. 261, № 188; Балабанова (ред.), 2014, с. 38, рис. 46, 2; Клепиков, 2018, с. 161, рис. 2, А, 4), из погребения № 20 кургана № 3/1962 у х. Алитуб (рис. 3, 5; 5, 4) (В. 22,8 см по рисунку с масштабом) (Шилов, 1975, с. 141, рис. 53, 3: с датировкой II в. до н. э.; Raev, 1986, P. 41, 42: с критикой датировки В. П. Шилова и отнесением к началу I в. н. э.; Захаров, 2000, с. 30, рис. 1, 0; Глебов, 2005, с. 40, рис. 3, 6; 2007, с. 68, рис. 5, 6; Шинкарь, 2012, с. 192; Глебов, Дедюлькин, 2020, с. 98, рис. 1, 7) и, вероятнее всего, из погребения № 6 кургана 22 у с. Старицы (Клепиков, 2018, с. 161, рис. 2, А, 6), у которых нижняя часть тулова более плавно переходит в ножку, а верхняя — в горло, при этом само вместилище имеет не округлую форму, а более вытянутую. Расширяющееся книзу основание ножки отделено от нее канавкой.

К третьей группе относятся красноглиняные унгентарии, близкие по форме и пропорциям флаконам группы II, без выделенного основания ножки. К ним относятся фрагментированный унгентарий из погребения № 1 кургана № 30/1965 у с. Жутово (В. сохр. 15,2 см, дм. тулова 7,1 см) (рис. 3, 7; 5, 1) (Шилов, 1975, с. 145, рис. 54, 11; Клепиков, 2018, с. 161, рис. 2А, 3), очень близкий к нему и по отсутствию оформления ножки, и по оформлению вместилища

⁴ Комплекс относят к группе погребений II – I вв. до н. э., отмечая, что «унгентарий» (именно так, четыре раза в тексте статьи! – МТ; таким же исковерканным термином называют сосуд и в статье Скрипкин, Клепиков, 2020, с. 217) не может быть ранее II в. до н. э..

⁵ О. А. Шинкарь (2012, с. 192) ошибочно относит его к типу 4 по классификации И. И. Марченко и, соответственно, датирует более поздним временем — серединой II – первой половиной I в. до н. э.

⁶ Унгентарий был отнесен (Демиденко и др., 1997, с. 194; Demidenko et al., 1997, S. 420, Nr. 10) к позднеэллинистическим II – I вв. до н. э. и датирован I в. до н. э. в соответствии с мнением Т. Н. Книпович (1949, с. 143).

Рис. 4. Веретенообразные унгентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии: 1 — Генераловский. Курган № 1/1965. Волгоград, ВОКМ, инв. № 12250; 2 — Круглый курган, 1866 г. ГИМ, инв. № 54746 Оп. Б-136 № 27; 3 — Политотдельское. Курган № 12/1953. Погребение № 19. Москва, ГИМ, инв. № 84776, Оп. Б 936/199; 4 — Жутово. Курган № 27/1964. Погребение № 4. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31993/44 (фото: М.Ю. Трейстер (1, 4); ГИМ (2–3), 2015)

унгвентарий — из погребения № 4 кургана № 46/1982 у хут. Новый (В. сохр. 17,9 см, дм. тулова макс. 7,7 см) (рис. 3, 8; 5, 2) (Ильюков, Власкин, 1982, с. 60, № 48.1, рис. 12, 25; с. 197), а также флакон из погребения № 6 кургана № 2/1989 у с. Политотдельское (В. 26,4 см, дм. тулова 9,3 см, Ratio 2,84) (рис. 3, 6; 5, 3) (Клепиков, 2018, с. 161, рис. 2А, 7: ошибочно как находка из погребения № 12 кургана № 19).

2.2. Критерии датировки веретенообразных унгвентариев

По своей форме, размерам и пропорциям, наши унгвентарии группы I ближе всего типу 4 (Ratio 2,3–4,7), по классификации С. Ротрофф, который датируется ок. 215 – 150 гг. до н. э. (Rotroff, 2006, P. 150, 153, 154, nos. 439–442, fig. 63; см. также Jovanović, 2014, P. 94, 98, 107, nos. 5, 6). Унгвентарии этого типа, как отмечает С. Ротрофф, имеют хорошо выделенную ножку (Rotroff, 2006, P. 150, 153, 154) и по этому признаку унгвентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии однозначно близки унгвентариям типа 4. Собственно оформление ножки — для С. Ротрофф основной критерий разделения унгвентариев типов 4 (well-formed foot), 5 (foot defined by groove, 180 – 100 гг. до н. э.) и 6 (no separate foot, 170/150 – 50 или позднее). Если исходить еще и из того, что, по наблюдениям С. Ротрофф, унгвентарии со сплошной нижней частью тулова, характерным признаком унгвентариев типов 4–6, появляются не ранее II в. до н. э. (Rotroff, 2006, P. 153), то, если принять типологию и хронологию Афинской агоры, ни один из рассматриваемых нами унгвентариев не может датироваться ранее начала этого столетия.

Также и наблюдения над хронологией комплексов некрополя Тарента с монетами, содержащими унгвентарии, показывают, что экземпляры со сплошной нижней частью тулова/ножкой становятся характерными

уже на рубеже III – II вв. до н. э. (Hempel, 1997, S. 180, 181, Taf. 121a, 3, 4; 121b, 3). Высказанные по материалам Афинской агоры соображения об эволюции оформления ножек унгвентариев подтверждаются и наблюдениями на материалах Коринфа (James, 2018, P. 147, 196, no. 351, fig. 47, pl. 42), Македонии (Drougou, Touratsoglou, 2012, p. 262, 263), которые позволяют говорить о кардинальном изменении их формы (в том числе об утрате формы основания) около середины II в. до н. э. Этот же переход подтверждается и многочисленными унгвентариями из некрополя Самофракии. Ни у одного из них, найденных в погребениях второй половины II – I вв. до н. э., нет проработанной валиками и канавками нижней части ножки — ножка либо просто расширяется в нижней части, либо отделена в нижней части канавкой (Dusenbery, 1998, P. 215–228, S 136–141), т. е. они соответствуют типам 5–6, по классификации С. Ротрофф.

Целая серия унгвентариев с расширяющейся ножкой (тип 6) и два унгвентария с основанием ножки, выделенным канавкой, были найдены на о. Родос в погребении на участке Папатеодору, которое датируется богатым инвентарем концом II – началом I в. до н. э. (Filimonos, Giannikouri, 1999, P. 214, 215, no. 22, pl. 75). Аналогичное сочетание типов унгвентариев — и из богатой гробницы некрополя Патр, датирующейся этим же временем (Papapostolou, 1978, σ. 378–382, αρ. 30–31, εικ. 15–16, πίν. 120, α–β). Унгвентарии типа 6 были найдены в трех погребениях этого же времени, в том числе датированных монетами и другими видами керамики, некрополя Родоса⁷, а также в погребениях некрополя Аргоса (Bruneau, 1970, P. 516–518, figs. 210, 211: погребения № 58, 188). Унгвентарии с расширяющейся ножкой с невыделенным канавкой основанием происходят и из комплекса цистерны к югу от Одеиона Герода Аттика

⁷ Гробница 2: Patsiada, 2013, σ. 285, αρ. 5–10; σ. 287, εικ. 155. — Гробница 22: Patsiada, 2013, σ. 313, εικ. 214; σ. 316, αρ. 149–151. — Гробница 3 на участке М. Теодосиоса: Yannikouri, Patsiada, 1994, σ. 117–119, εικ. 14–16.

в Афинах, надежно датирующегося временем разрушения города Суллой в 86 г. до н. э. (Vogeikoff-Brogan, 2000, P. 316, 317, nos. 60, 61, fig. 21). Серия аналогичных унгентариев происходит и из скального святилища в Капикая в районе Пергама (Nohlen, Radt, 1978, S. 35, Nr. K1–15, Taf. 17), три унгентария были найдены в 1991 г. при раскопках «маленькой таверны» (Hatzidakis, 1997, σ. 304, πίv. 225, α–β; 2017, P. 340, no. 232), погибшей при разрушении Делоса в 69 г. до н. э. (Trümper, 2016, P. 103, 104). В Тель-Анафе такие унгентарии появляются в последнее десятилетие II в. до н. э. (Berlin, 1997, P. 65, nos. PW 94–98, pl. 13).

Напротив, все унгентарии из Артюховского кургана, погребения в котором датируют ок. 140 – 125 гг. до н. э.⁸, имеют выделенное основание ножки или просто канавкой, или дополнительной профилировкой (Максимова, 1979, с. 108, 109, рис. 46; табл. III). Серединой – второй половиной II в. до н. э. датируются и унгентарии с основанием ножки, выделенной канавкой из погребений некрополя Родоса⁹.

Целая серия унгентариев вместе с родосскими амфорными клеймами была найдена в промазках полов Южного дворца Неаполя Скифского и в слое под мегароном. В целом эти слои (горизонты D–E датируются в рамках ок. 150 – 108 гг. до н. э.) (Зайцев, 2003, с. 12–15; Zaytsev, 2004, P. 8–12; Zajcev, 2005, P. 259–273). В наиболее ранних слоях, в частности, в датирующемся 140-ми – 130-ми гг. до н. э. горизонте E1, встречаются крупные унгентарии с росписью (Зайцев, 1998, с. 53, 54, № 1–7, рис. 1, 3–7; с. 58; 2003, с. 12, рис. 16, 21; 58, 1–5, 7, 8; Zaytsev, 2004, P. 10, fig. 82, 1–5, 7, 8; Zajcev 2005, fig. 4, 1–3. 6. 13)¹⁰, а также

унгентарии без росписи со сплошной ножкой (Зайцев, 1998, с. 58, № 32, рис. 3, 32; 2003, рис. 66, 1, 12; Zaytsev, 2004, fig. 90, 1, 12). В слоях мегарона, датирующихся ок. 135/131 – 112/108 гг. до н. э. (Zajcev, 2005, P. 271, fig. 6), были найдены унгентарии меньшего размера без росписи с основанием ножки, отделенным канавкой, т. е. типа 5, по классификации С. Ротрофф. Среди опубликованных находок нет ни одной с плавно расширяющейся книзу ножкой (Зайцев, 2003, с. 12, рис. 16, 21; 58, 6, 9–14; Zaytsev, 2004, P. 10, fig. 82, 6, 9–14; Zajcev, 2005, fig. 4, 1–3, 6, 13). Они появляются лишь в датирующихся ок. 114 – 108 гг. до н. э. погребениях мавзолея Скилура (Зайцев, 2003, с. 12, рис. 16, 21; 91, 6, 7; Zaytsev, 2004, P. 10, fig. 120, 6, 7; Zajcev 2005, fig. 7, 34, 35; Пуздровский, 2007, с. 295, 297, рис. 22, II.19; 24, I.2). В то же время в погребениях мавзолея встречаются унгентарии со сплошной ножкой и выделенной канавкой основанием, в некоторых случаях такое основание имеет простую профилировку в виде двух валиков (Погребова, 1961, с. 111, 112, рис. 13, 2; 21, 9, 11; 22, 2; 27, 7; 30, 2; Зайцев, 2003, с. 12, рис. 16, 21; 91, 1–4; Zaytsev, 2004, P. 10, fig. 120, 1–4; Zajcev, 2005, fig. 7, 29–32). Аналогичный унгентарий происходит и из погребения № 21 Восточного некрополя Неаполя Скифского (Сымонович, 1983, с. 62, 63, 81, табл. XIII, 3; ср. Зайцев, 2003, с. 20, рис. 95, 6; Zaytsev, 2004, fig. 124, 6; Пуздровский, 2007, с. 304, рис. 31, 6), которое синхронизируется Ю. П. Зайцевым с периодом существования Южного дворца.

При понятной общей динамике эволюции формы унгентариев существуют региональные отличия, нашедшие отражения

⁸ Гробница I: Максимова, 1979, с. 23: середина – третья четверть II в. до н. э.; ср. Pfrommer, 1990, S. 263: первая половина II в. до н. э. – Гробница II: Максимова, 1979, с. 23: середина – третья четверть II в. до н. э.; ср. Pfrommer, 1990, S. 266: мужское погребение: первая половина II в. до н. э.; женское погребение: середина – третья четверть II в. до н. э.

⁹ Гробница 5: Patsiada 2013, σ. 288, αρ. 20, εκ. 160. — Гробница 14: Patsiada 2013, σ. 300, εκ. 186; σ. 301, αρ. 86.

¹⁰ При этом крупные расписные унгентарии характерны для III в. до н. э. На некоторых из них имеется роспись в стиле Западного склона Агоры. Ср.: Hübner, 2006, P. 30, fig. 5; Bozkova, 2014, P. 210, figs. 27, 28; Papadopoulou, 2016, σ. 104, 105, αρ. 163, πίv. XI.

Рис. 5. Веретенообразные унгентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии:
 1 — Жутово. Курган № 30/1965. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв. № 12267/12;
 2 — Новый. Курган № 46/1982. Погребение № 4. Аксай, АВИМ, инв. № 17910/966;
 3 — Политотдельское. Курган № 2/1989. Погребение № 6. Волгоград, ВОКМ, инв. № 30000/6;
 4 — Алитуб. Курган № 3/1962. Погребение № 20. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 2571/65;
 5 — Перегрузное-I. Курган № 23/2011. Погребение № 6. Волгоград, ВОКМ, инв. № 31993/44
 (фото: М. Ю. Трейстер, 2015)

в различных региональных типологиях и хронологиях, что делает широко применяемые датировки «по аналогиям» зачастую контрпродуктивными и бессмысленными (Dotterweich, 1999, S. 3; Kalpaxis, Tsataki, 2000, S. 125; Strothenke, 2013, S. 279, 280)¹¹. Соответственно единственным надежным путем является анализ хорошо датированных комплексов.

2.3. Унгвентарии группы I

Аналогичные по форме тулова нашим флаконам группы I унгвентарии из некрополей Малой Азии датируются III (Dündar, 2006, s. 28, 29, 75, 76, nos. 43, 46–48) или началом II в. до н. э. (Saraçoğlu, 2011, P. 6, 17, 18, nos. 14, 15) или второй половиной II в. до н. э. (Tuluk, 1999, S. 133–136, 146, 147, Abb. 6; 7; Nr. 29–43, Taf. 3; 4)¹², происходят из погребений первой половины, возможно первой четверти II в. до н. э. некрополя Тарента (Nempel, 1997, S. 181, Taf. 121b, 3), середины II в. до н. э. некрополей Родоса (Yannikouri et al., 2000, σ. 70, 71, εικ. 4, α–β, πίν. 15; 16, α), Амбракии (Kyrkou, 2014, σ. 575, 579, αρ. 9225, pl. 188, α), Македонии (Lilimpaki-Akamati, 1994, σ. 129, 130, αρ. 40, εικ. 27, πίν. 2; 243: Пелла, скальная гробница B; Drougou, Touratsoglou, 1998, σ. 36, no. 1250; σ. 125, 126, πίν. 10; Akamatis, 2011, σ. 385, πίν. 159δ; Peristeri et al., 2018, σ. 296, πίν. 8, β: Амфиполис, гробница VIII), кораблекрушения у о. Антикитиры (Chidioglou, 2012, P. 205, 206, nos. 271–276), комплекс находок различных категорий, в том числе амфоры с клеймами (Родос, Эфес, Кос) (Kourkoumelis, 2012, P. 211) и монеты (Tselekas, 2012, P. 218) датируют кораблекрушение временем не позднее середины I в. до н. э., с большой долей вероятности (по монетам): 70 – 60-ми гг. до н. э.), погребения конца II – начала I в. до н. э. некропо-

ля Том (Bucovala, 1967, P. 126, 127, fig. 86a).

Находки подобных по форме унгвентариев в Ольвии, выделенные М. Парович-Пешикан в тип IV, датируются в рамках второй половины III – начала II в. до н. э. (Парович-Пешикан, 1974, с. 110, рис. 95, 1–4, особенно 95, 2), на Кубани И. И. Марченко выделяет их в тип 3, датируя его в пределах последней четверти III – середины II в. до н. э. (Марченко, 1996, с. 42, рис. 6). В Македонии близкие по форме унгвентарии типа D распространены в третьей четверти II в. до н. э. (Drougou, Touratsoglou, 1991, S. 14, 15, 24, Taf. III), в Фессалии — во второй половине II в. до н. э. (Nikolaou, 2016, σ. 101, 102, αρ. 1, εικ. 55, πίν. 69, α; σ. 134, αρ. 2, εικ. 78, πίν. 105, β).

Унгвентарии с покрытием коричневым лаком и прочерченными бороздками на тулове были найдены также в сарматском погребении первой половины II в. до н. э. № 1 кургана № 2/1985 могильника Карстовый (Марченко, 1996, с. 87, рис. 73, 3; Marčenko, Limberis, 2008, Taf. 44, 2; Беглова, Эрлих, 2018, с. 168) и в меотском погребении конца III – первой половины II в. до н. э. № 140 Тенгинского грунтового могильника в Закубанье (В. 17,8 см, дм. тулова 7 см, Ratio 2,54) (Беглова, Эрлих, 2018, с. 60, № 68; с. 168, рис. 75, 1; 194, 1), при этом по сравнению с унгвентариями из Нижнего Подонья и Поволжья, и данный унгвентарий из Тенгинского могильника, и близкие ему по форме, но красноглиняные без покрытия унгвентарии, найденные в том же погребении (Беглова, Эрлих, 2018, с. 58–60, № 32, 33, 59; с. 168, рис. 75, 2–4; 194, 2–4), а также в погребении № 9 кургана № 1/1981 у хут. Северный (Скрипкин, 1984, с. 221, 222, рис. 3, IX; Marčenko, Limberis, 2008, Taf. 41, 9), погребении № 10 кургана № 8 группы Медведская-1 (датируемого в рамках второй

¹¹ Примеры локальных типологий и хронологий: Tsakos, 1977, σ. 345–347, 409–415; Kaltsas, 1983, σ. 57–63, εικ. 21–25; Lilimpaki-Akamati, 1994, σ. 241–244; Charami, 2012, σ. 175–179, εικ. 162–167; Şimşek et al., 2011, s. 63–66, Lev. 62, 136; Theodoropoulou et al., 2014, 268–271, πίν. 95; Nikolaou, 2016, σ. 146–151; Papadopoulou, 2016, σ. 154–164, πίν. 9–13.

¹² Обращают на себя внимание подобные унгвентарии из погребений в глиняных саркофагах некрополя Амиса, которые датируют или в целом II в. до н. э. или концом столетия: Şirin, 2017, s. 91, 92, no. 5; s. 94, no. 4; s. 96, no. 3; s. 99, Res. 14, a; 25, a–b; 37, 52

половины III – начала II в. до н. э.) (Тищенко, 2010, с. 229, 230, рис. 2, 5) имеют более низкие ножки, основание которых не имеет профилировки, а лишь отделено канавкой подобно унгентариям из Перегрузного (рис. 3, 9; 5, 5) и Алитуба (рис. 3, 5; 5, 4). Что же касается унгентария из Карстового, известного по довольно схематичному рисунку без разреза, то судить об оформлении его ножки трудно.

Профилировка основания ножки унгентария из погребения № 19 кургана № 12/1953 у с. Политотдельское (рис. 3, 2; 4, 3; 6, 5) близка к оформлению расписных унгентариев из Западной Малой Азии (Yildiz, 2016, s. 15, nos. 3, 4, Res. 3, 4), а также буролакового и светлоглиняных с полосами — последней четверти III – начала II в. до н. э. — из гробницы № 159d некрополя Иераполиса (Okunak, 2005, s. 33, 34, 69–74, nos. 2001/12–14, 2001/23–24, Res. 7–11; Indgjerd, 2014, P. 44, 45, nos. 3–6; Cappelletto, Indgjerd, 2016, P. 684) и из погребения середины II в. до н. э. на Родосе (Yannikouri et al., 2000, σ. 70, αρ. 3947β, πίν. 16, α), покрытого красным лаком — из некрополя Лаодикеи, датирующегося концом III – первой половиной II в. до н. э. (Şimşek et al., 2011, s. 64, type UN.T1b; s. 779, no. 886, Lev. 62, 2; 136), из некрополя Амиса, с датировкой концом II – началом I в. до н. э. (Şirin, Kolağasioğlu, 2018, s. 172, 190, Res. 18), а также унгентариев типа 4 из раскопок на Афинской агоре, которые происходят из контекстов, датирующихся в рамках последней четверти III – первой половины II в. до н. э. (Rotroff, 2006, P. 292, nos. 439–442, fig. 63; pl. 53). Подобная профилировка сопоставима с оформлением кольцевых поддонов ваз типа Гадра III в. до н. э. (например, Yannikouri, Patsiada, 1994, σ. 104–106, εικ. 1).

Если обратиться к находкам из Северного Причерноморья, то близость обнаруживают: основание ножки расписного унгентария из горизонта E1 Неаполя Скифского (Зайцев, 1998, с. 53, 54, № 2, рис. 1, 2; с. 58; 2003, с. 12, рис. 16, 21; 58, 5; Zaytsev, 2004,

P. 10, fig. 82, 5; Zajcev, 2005, fig. 3, 21), флаконов из некоторых погребений Мавзолея Неаполя Скифского (Погребова, 1961, с. 111, рис. 21, 9; 22, 2; 27, 7; Зайцев, 2003, с. 15, рис. 91, 1. 3, 4; Zaytsev, 2004, fig. 120, 1. 3, 4; Пуздровский, 2007, с. 79, рис. 23, II.1; 24, II.1; III.2), красноглиняных унгентариев близкой формы с лаковым покрытием из склепа 2003/11 некрополя Ольвии, найденных в погребении середины II в. до н. э. вместе со стертыми монетами 180 – 170 гг. до н. э. (Ивченко, 2015, с. 258, 260, рис. 9, 3, 4) и погребения № 25/1896 того же некрополя (Lomtadze, Zhuravlev, 2014, P. 187, fig. 8, 9; P. 189, no. 25-11), датирующегося богатым материалом концом II – первой четвертью I в. до н. э. (Lomtadze, Zhuravlev, 2014, P. 182–189).

Обращает на себя внимание тот факт, что унгентарии близкой формы с округлыми очертаниями тулова редко имеют ножки, основание которых сложно профилировано. В качестве примера можно привести унгентарий без лакового покрытия с белыми полосами на тулове из погребения третьей четверти II в. до н. э. одной из скальных гробниц Пеллы в Македонии (Lilimpaki-Akamati, 1994, σ. 196, αρ. 352, εικ. 72; 213, σ. 243, πίν. 37). Близкую форму и профилировку ножки имеет также буролаковый унгентарий из погребения XI мавзолея Неаполя Скифского (Погребова, 1961, с. 111, 146, рис. 22, 9; Зайцев, 2003, с. 15, 27, рис. 91, 4; Zaytsev, 2004, P. 15, 20, 24, fig. 120, 4; Пуздровский, 2007, рис. 24, III.2), которое, согласно хронологической схеме Ю. П. Зайцева может датироваться в интервале 114 – 108 гг. до н. э.

В целом же, наиболее близкими аналогиями, сочетающими в себе все признаки, характерные для унгентария из Политотдельского (рис. 3, 2; 4, 3; 6, 5): общую форму, близкие размеры в диапазоне от 17,2 до 26,5 см, профилировку основания ножки, наличие прочерченных полос на тулове, близкое по цвету буролаковое покрытие является серия однотипных унгентариев

(Erol, 2015, P. 457, fig. 8, 4, 5; Şenyurt, Akçay, 2016, s. 233, Lev. 9, 1; Erol, Tamer, 2018, P. 552, fig. 7; Şenyurt et al., 2020, s. 508, 510, 514, Res. 15; Şenyurt, Yorulmaz, 2020a, s. 606–628, Lev. 2–5), найденных при раскопках крепости Сингирт Каяси в районе д. Ярпакли, Фатса в пределах провинции Орду на юго-восточном побережье Черного моря между древними Амисом и Котиорой (Şenyurt, Akçay, 2017, P. 179–198; Şenyurt et al., 2017, s. 2–10; Erol, Tamer, 2018, P. 541–558; Erol, Yildirim, 2019, P. 177–189). Крепость, как предполагают ее исследователи, была основана при правлении Митридата VI Евпатора и заброшена после поражения Митридата от римлян (Erol, 2015, P. 459, 460; Şenyurt, Akçay, 2017, P. 180–182, 193, 194; Erol, Tamer, 2018, P. 544, 546, 548).¹³ Анализ этих унгентариев, по мнению издателей, позволяет выделить две группы — с округлым туловом и с туловом более вытянутых пропорций, относить их в целом ко времени существования крепости, т. е. от конца II до первой половины I в. до н. э. При этом унгентарии с туловом округлых пропорций, т. е. наиболее близкие к унгентарию из Политотдельского (Şenyurt, Yorulmaz, 2020a, s. 606–613), датируются в пределах конца II в. до н. э. (Şenyurt, Yorulmaz, 2020a, s. 612, 613).

Обращает на себя внимание и находка аналогичного буролакового унгентария также с прочерченными полосами и в датирующемся концом II – началом I в. до н. э. погребении некрополя в Теккекей к востоку от Самсуна (с синопской бронзовой монетой 88 – 65 гг. до н. э.) (Şirin et al., 2018, s. 83, 84, no. Aa, Res. 10, a). Похожую профилировку основания демонстрирует и найденный в этом же погребении близкой формы, но с более крупным вместилищем, дополнительно украшенным рельефными вертикальными каннелюрами, подобно оформлению каннелюрами краснолаковых

пелик, найденных, как на Боспоре (Алексеева, 1982, с. 60, 61, рис. 34; 2010, с. 367–375 рис. 6–11; Lomtadze, Zhuravlev, 2004, P. 205, 206, fig. 3, 6; Tolstikov, Zhuravlev, 2004, P. 274, pl. 99, 10; Внуков, Штепа, 2010, с. 345, 349, рис. 4, 1; Журавлев, 2011, с. 228, рис. 13, 1) и в Северо-Западном Крыму (Внуков, Штепа, 2010, с. 345, 349, рис. 4, 3; с. 351, рис. 5, 4, 7; с. 357), так и в сарматских погребениях в Приднепровье — из погребения № 1 кургана № 4/1994 у с. Лиманское Херсонской области (Карнаух, Данилко, 2010, с. 68, 69, рис. 1, 2, 3) и в Нижнем Поволжье — из погребения № 2 кургана № 21/1978 у с. Ильевка (Мордвинцева, 1993, с. 126, 131, рис. 2, 1; Внуков, Штепа, 2010, с. 345, 349, рис. 4, 2; Скрипкин (ред.), 2013, с. 105, илл. внизу; с. 266, № 175 с датировкой I в. до н. э. (ошибочно, как происходящая из кургана № 1); Демиденко, Мамонтов, 2017, с. 24, 39, рис. 10, 4). Сероглиняная пелика аналогичной формы была найдена в погребении № 2 кургана № 13/1954 могильника Бережновский-II (Синицын, 1960, с. 21, рис. 5, 5; с. 22; Мошкова, 1963, с. 30, табл. 12, 21). Специальное исследование показало, что эти пелики, скорее всего, также являются малоазийскими изделиями, возможно одного из центров Западной Малой Азии и могут датироваться в рамках конца II – первой трети I в. до н. э., представляя собой дальнейшее развитие каннелированных пелик малоазийского происхождения с покрытием бурым лаком и накладной росписью (Внуков, Штепа, 2010, с. 357; ср. Журавлев, 2011, с. 228 с датировкой в пределах второй половины I в. до н. э. – начала I в. н. э.). В качестве аналогии унгентарию с Теккекей упомяну находки с Таманского полуострова: крупный фрагментированный чернолаковый флакон с подобными каннелюрами на тулове и профилированным основанием, происходящий из раскопок святилища Афродиты в Кепях, датирующегося

¹³ См. о монетах: Erol, 2015, 455, fig. 5; 460; Şenyurt, Akçay, 2016, 235–239, pl. 12; Şenyurt et al., 2017, s. 6, 7, Res. 9, 10; 2019, s. 701, 702, Res. 11, 12. Самая ранняя монета датируется ок. 130 – 100 гг. до н. э.: Şenyurt et al., 2020, s. 515, 516. Второй половиной II – первой половиной I в. до н. э. датируется и рельефная керамика (Erol, Tamer, 2017, s. 111–145; Şenyurt, Yorulmaz, 2020b, s. 297–327) и светильники (Yorulmaz, 2020, s. 97–125) из раскопок крепости.

II – I вв. до н. э. (Сокольский, 1964, с. 106, 107, рис. 4, 1), и меньшего размера унгентарий с подобным образом оформленным туловом, происходящий из раскопок датирующегося «дома Хрисалиска» на Таманском полуострове (Сокольский, 1976, с. 94, 99, рис. 54, 9; 101), который был разрушен в конце третьей или в начале последней четверти I в. до н. э. (Lomtadze, Zhuravlev, 2020, P. 549, 551).

Оформление ножки унгентария из Круглого кургана (рис. 3, 4; 4, 2) находит параллели на близких по форме унгентариев из погребений первой половины II в. до н. э. — с Родоса (Yannikouri et al., 2000, σ. 70, аналогии в прим. 45; σ. 71, αρ. 5979, εκ. 4, β), из Коринфа — конца III – начала II в. до н. э. (Pemberton, 1985, P. 274, 275, 284, no. 42, T2014, pl. 80). Интересно, что унгентарий из Круглого кургана приводится издателями унгентариев из крепости Сингирт Каяси в качестве аналогии одной из находок (Şenyurt, Yorulmaz, 2020a, s. 613, no. 1, Lev. 2, 1). Здесь уместно отметить, что каннелированная краснолаковая пелика была найдена и в Круглом кургане (Демиденко и др., 1997, с. 193, 194, рис. 4, 1; Внуков, Штепа, 2010, с. 345, рис. 5, 6; Журавлев, 2011, с. 228).

2.4. Унгентарии группы II

Унгентарии нашей группы II из Перегрузного (рис. 3, 9; 5, 5), Алитуба (рис. 3, 5; 5, 4) и, вероятнее всего, из Старицы сопоставимы с некоторыми находками из Хорватии и Италии, датирующимися II в. до н. э., в том числе второй половиной столетия (Anderson-Stojanović, 1987, P. 107, fig. 1, b (тип B); Jovanović, 2014, P. 94, 98, 107, nos. 7, 8). Подобные по форме унгентарии (тип E) из Македонии датируются временем от второй четверти (Drougou, Touratsoglou, 1991, S. 14, 15) или середины II в. до н. э. (Drougou, Touratsoglou, 1991, S. 25, Taf. III; Lilimpaki-Akamati, 1994, σ. 162, 163, αρ. 195, εκ. 47, πív. 24; 173, 174, αρ. 258, 261, εκ. 54), из Фессалии — от середины II в. до н. э.

(Nikolaou, 2016, σ. 94, αρ. 2; σ. 149, тип ΣΤ, πív. 50, α–γ; 53, β–γ; 60, β), из некрополя Тралл в Малой Азии — около середины II в. до н. э. (Saraçoğlu, 2011, P. 6, 18–21, nos. 16–22), Стратоникеи — второй половины II в. до н. э. (Şimşek et al., 2011, s. 64, 65, type UN.T1c; s. 803, no. 965; s. 805, no. 972; Lev. 62, 3; 136), погребений в глиняных саркофагах II в. до н. э. и урновых погребений и конца II – начала I в. до н. э. некрополя Амиса (Şirin, 2017, s. 90–92, no. 5, b–d; 97, Res. 9, b; 14, b–d; 43, b; Şirin, Kolağasioğlu 2018, s. 173, 192, 193, Res. 23a–b), из гробницы I в Арсиноне в Этолии-Акарнании — после середины II в. до н. э. (Tsantela, 2011, σ. 172, 173, αρ. 1688, πív. 69, α; 74, α), из Музея Измира — первой половиной II в. до н. э. (Tuluk, 1999, S. 132, Abb. 5 (справа); 141; Nr. 25), из некрополя на афинском Керамике — II в. до н. э. (Knigge, 1976, S. 187, Nr. E101, Taf. 96, 8.1; погребение a20), из Херсонеса — концом III – II вв. до н. э. (Stoyanov, 2018, P. 73, fig. 1, 8–10). Подобный унгентарий из раскопок базилики на рынке в Эфесе датируют II или рубежом II – I вв. до н. э. (Mitsopoulos-Leon, 1991, S. 149, Nr. O18, Taf. 212).

Аналогичной формы и пропорций унгентарий был найден в Сузах в слое селевкидского времени 5е (Boucharlat, 1987, P. 195, fig. 60, 9; pl. XII, 13), датируемом концом III – первой половиной II в. до н. э. (Boucharlat, 1987, P. 230). Сопоставимы по форме и пропорциям и унгентарии из гробниц I и II Артюховского кургана (Максимова, 1979, с. 108, 109, рис. 46; табл. III, 3, 6, 7), которые датируются с наибольшей вероятностью не позднее третьей четверти II в. до н. э. (см. выше прим. 8), а также флаконы из датирующихся в рамках второй четверти II – первой половины I в. до н. э. могил некрополя Беляус в Северо-Западном Крыму (Дашевская, 2014, с. 24, 25, 29–31, 86, табл. 37, 3: могила 13; 42, 2: могила 17; 59, 6: могила 38), склепа конца II – I в. до н. э. некрополя Керкинитиды (Михлин, Бирюков, 1983, с. 28–45; Пуздровский,

2007, с. 79, рис. 11, 6). Близок и по форме и пропорциям тулова, и оформлению ножки и унгентарий из датированного первой половиной II в. до н. э. погребения № 9 кургана без номера у ст. Динской, раскопанного в 1973 г. (Марченко, 1996, с. 87, рис. 96, 6), а также сероглиняные унгентарии из погребения № 8 некрополя городища № 3 у хут. Ленина (Магченко, Limberis, 2008, Taf. 141, 4), погребения № 3 кургана № 1/1981 у хут. Северный (Скрипкин, 1984, с. 218, 219, рис. 1, III; Магченко, Limberis, 2008, Taf. 40, 4) и каменного ящика второй половины II в. до н. э. № 275/2016 Восточного некрополя Фанагории (Ворошилова, 2020, с. 100, № 4; с. 102, рис. 7, 2). Аналогичным образом не выделены ножки унгентариев различных пропорций из склепа № 14 курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани, датированного в целом II в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2010, с. 154, рис. 2, 12–14; с. 157). Особое внимание привлекают три флакона из склепа некрополя Амиаса, найденные вместе с монетой Митридата VI Евпатора — два из них позолочены, еще один обтянут сеткой из льняных нитей, образующих ячейки ромбовидной формы (Ünan, 2010, s. 661–663, Res. 4–8).

Если исходить из того, что ножка просто отделена от нижней части тулова канавкой, то унгентарий из Перегрузного (рис. 3, 9; 5, 5) следует относить к типу 5 по классификации С. Ротрофф. Подобным же образом отделена и ножка унгентария из погребения № 20 кургана № 3/1962 у х. Алитуб (Ratio 3,62) (рис. 3, 5; 5, 4).

2.5. Унгентарии группы III

Если исходить из принципа отсутствия оформления ножки, то в таком случае фрагментированный унгентарий из погребения № 1 кургана № 30/1965 у с. Жутово (рис. 3, 7; 5, 1) (Шилов, 1975, с. 145, рис. 54, 11; Клепиков, 2018, с. 161, рис. 2А, 3), очень близкий к нему и по отсутствию оформления ножки, и по оформлению вместилища, также красноглиняный унгентарий из

погребения № 4 кургана № 46/1982 у хут. Новый (рис. 3, 8; 5, 2), а также из погребения № 6 кургана № 2/1989 у с. Политотдельское (рис. 3, 6; 5, 3) (Клепиков, 2018, с. 161, рис. 2А, 7, ошибочно как находка из погребения № 12 кургана № 19) следует относить к типу 6 по С. Ротрофф. Аналогичным образом оформлено внутри и вместилище унгентария с утраченными ножкой и горлом из датированного второй половиной II в. до н. э. погребения № 1 кургана № 16/1978 могильника Верхний (Марченко, 1996, с. 87, рис. 63, 5). К этому же типу с расширяющейся, но не выделенной ножкой, относится и унгентарий из погребения № 14 кургана № 1/1985 могильника Карстовый, датированного первой половиной II в. до н. э. (Марченко, 1996, с. 87, рис. 77, 6).

2.6. Кому принадлежали унгентарии из погребений Азиатской Сарматии

Проведенное исследование в целом подтверждает датировку унгентариев, найденных в сарматских погребениях Нижнего Поволжья и Подонья, в рамках II (Глебов, Дедюлькин, 2020, с. 98) (середины II) (Глебов, 2005, с. 40; 2007, с. 68; Шинкарь, 2012, с. 192; Клепиков, 2018, с. 162) — первой половины I в. до н. э., которая предлагалась в последнее время. При этом очевидно, что особенности формы, оформления основания ножки, покрытия и декора, позволяет отнести флаконы к трем различным группам.

Вопрос о том, насколько долго могли в среде кочевников бытовать такие предметы, поднимался неоднократно и, как правило, решался в пользу длительного их бытования, впрочем, без приведения каких-либо аргументов (Скрипкин, 1984, с. 223; Захаров, 2000, с. 30; Глебов, 2005, с. 40; Пуздровский, 2007, с. 79), хотя высказывалась и точка зрения о том, что унгентарии не бытовали в среде кочевников долго (Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 145). Так, А. С. Скрипкин (1984, с. 223), датируя погребение № 9 кургана № 1 у хут. Северный, относил красноглиняный унгентарий к III —

II вв. до н. э., а само погребение датировал в широких рамках I в. до н. э. – I в. н. э. При этом каких-то весомых аргументов, почему именно датировка погребения может заходить в I в. н. э., автор не приводит, более того анализ находок, таких как сероглиняные чашечка и миска или бронзовое зеркало, свидетельствует о том, что они вряд ли могут датироваться позднее начала I в. до н. э. Датировать же погребение по находке в нем ведерка типа Баргфельд позднее первой половины I в. до н. э. также оснований нет, на что уже обращалось внимание (Марченко, 1996, с. 38). Вряд ли вопрос о том, что такие предметы могли бытовать в среде кочевников, можно рассматривать по такой упрощенной схеме: если предмет импортный — то он автоматически долго бытовал, вне зависимости от функционального назначения предмета и его материала.

Унгвентарии являются одной из наиболее представительных в количественном отношении категорий эллинистической керамики (Rotroff, 2006, P. 137–160). Помимо находок в слоях поселений, а также святилищ (Thompson, 1934, P. 472, 473; Nohlen, Radt, 1978, S. 33; Rotroff, 1997, P. 176; Dotterweich, 1999, S. 4, 5; Ürkmez, Dündar, 2014, P. 57, 58; Şenyurt, Yorulmaz, 2020a, s. 611), огромное количество таких сосудов происходит из греческих некрополей, при этом часто в одном погребении обнаруживается несколько унгвентариев, а иногда их количество превышает несколько десятков и даже больше сотни (Anderson-Stojanović, 1987, P. 120, note 92 с примерами; 122; Tsantela 2011, σ. 179, πίv. 71, γ; Фивы: Charami 2012, εικ. 13–14: гробница B48); 31: гробница N490; 47: Цалла, гробница 33; 48: Цалла, гробница 40; 62: Айкатерини, гробница 3; 92–99: сводные таблицы; Ürkmez, Dündar, 2014, P. 62, fig. 9; P. 65–67, figs. 14; 15; Peristeri et al. 2018, σ. 295, πίv. 2; 7, ε: Амфиполис, T9, T 32)¹⁴. Высказывалось предположение, что унгвентарии могли служить «слезницами»

(Thompson, 1934, P. 473; Knigge, 1976, S. 59, 60; Hellstrom, 1965, P. 23, все с критикой), что, казалось бы, объясняет такое количество находок в одном погребении. Предполагалось и что массовые низкого качества изделия могли изготавливаться специально для погребальных церемоний (Anderson-Stojanović, 1987, P. 120, 121; Ürkmez, Dündar, 2014, P. 67, 68). И действительно, исследование некоторых веретенообразных унгвентариев, в частности из некрополя на севере Сицилии, не обнаружило каких-либо следов содержимого (Agozzino et al., 2007, P. 859, 861, fig. 2, слева; P. 864). Вместе с тем, это не исключает основное функциональное назначение таких сосудов в качестве вместилищ парфюмированных масел (Hellström, 1965, P. 24; Anderson-Stojanović, 1987, P. 116; Berlin, 1997, P. 58; Rotroff, 1997, P. 175, 176; 2006, P. 137, 138; Brun, 2000, P. 278, 292, 293; Ürkmez, Dündar, 2014, P. 56, 57; James, 2018, P. 144), благовоний, косметических масел (Hübner, 2006, P. 33, 34), возможно, меда, уксуса или гарума (Hellström, 1965, P. 24), что подтверждается и анализами различными методами сохранившихся внутри их остатков (см., например: Ribechini et al., 2008, P. 158–169; Colombini et al., 2009, P. 1488–1495; Mortensen 2014; Lettieri, Giannotta, 2017, P. 1–10), а также, в редких случаях, и надписями на сосудах (Peloschek et al., 2018, P. 64). На мой взгляд и тот факт, что в богатых погребениях, в частности гробнице III Артюховского кургана (Максимова, 1979, с. 84, 85, № 7, рис. 29; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. 2, № А8.2, табл. 22; Трейстер, 2007, 51, с лит.), наряду с керамическими были найдены и серебряные веретенообразные унгвентарии с чеканным декором и позолотой, позволяет предполагать такое функциональное назначение этих сосудов.

Об этом свидетельствует и содержимое унгвентария из погребения № 19 кургана № 12/1953 у с. Политотдельское (рис. 3, 2;

¹⁴ Многочисленные находки унгвентариев в одном погребении встречаются и на Боспоре. Помимо гробницы Артюховского кургана, это четыре сероглиняных унгвентария из каменного ящика второй половины II в. до н. э. № 275/2016 Восточного некрополя Фанагории (Ворошилова, 2020, с. 100, № 4; с. 101, № 9–11; с. 102, рис. 7, 2–5).

Рис. 6. Политотдельское. Курган № 12/1953. Погребение № 19. Москва, ГИМ, инв. № 84766.
 1 — меч железный, оп. Б 936/206; 2 — кинжал железный, оп. Б 936/203;
 3 — план погребения (по: Смирнов, 1959, с. 269, рис. 24, 1);
 4 — зеркало бронзовое в деревянном футляре, оп. Б 936/201;
 5 — унгентарий буролокаковый, оп. Б 936/199;
 6 — кувшин серолощенный, оп. Б 936/200
 (по: Смирнов, 1959, с. 269, рис. 24, 5)
 (1–3, 5 — рисунки Н. Е. Беспалой, фото ГИМ, 2015)

4, 3; 6, 5), включавшее «золу и кусочки легкой темно-коричневой массы» (Смирнов, 1959, с. 270). Остатки «желтого органического вещества» фиксировались внутри флакона из погребения № 20 кургана № 3/1962 кургана у х. Алитуб (рис. 3, 5; 5, 4) (Захаров, 2000, с. 27).

По сравнению с некрополями греческих городов, унгентарии (не только веретенообразные) в погребениях сарматских могильников редки и найдены не более чем в одном экземпляре в комплексе. В тех случаях, когда известно половое или половозрастное определение погребенных, это преимущественно погребения взрослых или пожилых мужчин-воинов:

1) погребение мужчины 35–45 лет — Перегрузное, курган № 23/2001, погребение № 6 (Балабанова (ред.), 2014, с. 38);

2) Погребение мужчины 45–55 лет — Аксай-I, курган № 18/2005, погребение № 1;

3) Погребение мужчины 45–50 лет — Новый, курган 46/1982, погребение № 4 (Ильюков, Власкин, 1992, с. 60, № 48);

4) Погребение мужчины 50–60 лет — Политотдельское, курган № 12/1953, погребение № 19 (рис. 6) (Смирнов, 1959, с. 270).

5) Погребение мужчины — Жутово, курган № 27/1964, погребение № 4 (Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 128);

6) Погребение женщины — Алитуб, курган № 3/1962, погребение № 20 (Захаров, 2000, с. 27, прим. 2).

В других случаях инвентарь указывает на то, что это было скорее женское погребение:

7) Политотдельское, курган № 2/1989, погребение № 6 — погребение взрослого человека (бусы, зеркало, игла).

2.7. Контекст находок. Сочетание с другими античными керамическими сосудами

В погребении № 19 кургана № 12/1953 у с. Политотдельское в саркофаге из кусков деревянной коры (рис. 6, 3) был похоронен воин с кинжалом с серповидными навершием и прямым перекрестьем у правого бедра

(рис. 6, 2) и длинным мечом с прямым перекрестьем без навершия на рукояти (рис. 6, 1). Были найдены остатки деревянного колчана и древков стрел. Помимо унгентария (рис. 6, 5) в погребении находился лепной серолощенный кувшин (рис. 6, 6) и зеркало в кожаном футляре (рис. 6, 4). Особенностью погребения являются остатки легкой деревянной повозки, от которой сохранились одно из колес и остатки кузова, в том числе ярма (Смирнов, 1959, с. 268–272, рис. 24; 25; Клепиков, 2017, с. 21, 26, рис. 4).

Обычай использования деталей повозок в закладах и на перекрытиях могил раннесарматского времени в Нижнем Поволжье и Заволжье рассматривается исследователями как восточная инновация (Раев, Дворниченко, 2014, с. 172; Клепиков, 2017, с. 22). Сочетание в погребении длинного меча с прямым перекрестьем без навершия и кинжала с серповидным навершием также рассматривается для погребальных памятников Нижнего Поволжья как центральноазиатская инновация (Трейстер, 2011, с. 134–136; Treister, 2012, P. 87, 88; Скрипкин, Клепиков, 2020, с. 218). Отметим, что такая же комбинация меча (рис. 7, 1) и кинжала (рис. 7, 5) встречена в погребении воина с парфянскими (?) серебряными фаларами (рис. 7, 6–7) из кургана № 4/1981 могильника Володарка-I в Южном Приуралье (рис. 7, 9) (Гуцалов, 2011, с. 24, 26, рис. 8, 5, 8; Трейстер, 2011, с. 90, 91, 94, рис. 3, 5, 8; Gutsalov, 2012, P. 41, 42, fig. 7, 5, 8), с китайскими или центральноазиатскими бронзовыми поясными накладками — в погребении № 4 кургана № 8/1978 могильника Донгулюк-II (Gutsalov, 2012, P. 30–37, figs. 1–4) и из мужского погребения № 3А кургана № 4/2002 могильника Майеровский-III (Skvorcov, Skripkin, 2006, S. 254, 255, Nr. 4, 10; Abb. 7, 3; 8, 6; S. 260; Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 99, № 4, 10; рис. 7, 3; 8, 6; Скрипкин, Клепиков, 2020, с. 217, рис. 3, 7), в соседнем одновременном женском погребении которого найдена серебряная парфянская чаша. Обращает внимание и находка кинжала с серповидным навершием (рис. 8, 1) (Яблонский

Рис. 7. Володарка-I. Погребение № 4/1981. Уральск, ЗКОИКМ.

- 1 — меч железный, по: Gutsalov, 2012, p. 42, fig. 7, 8;
 2 — точильный камень, инв. № 4831/5 по: Gutsalov, 2012, p. 42, fig. 7, 4;
 3 — зеркало бронзовое, инв. № 4831/4, по: Памятники XII, 2008, илл. 4;
 4 — браслет золотой, инв. № 4831/3; 5 — кинжал железный,
 6 — фалар серебряный, инв. № 7949, 7 — фалар серебряный, инв. № 4831/1,
 8 — кувшин сероглиняный, инв. № 4831/6;
 9 — план погребения, по: Gutsalov, 2012, p. 40, fig. 6.
 (4, 6–7 — фото М. Ю. Трейстера, 2009, 2015;
 8 — фото Л. А. Краевой, 2016)

Рис. 8. Покровка 2. Курган № 17/1993. Погребение № 2. Оренбург, ОГИКМ.
 1 — рукоять кинжала железного с золотой обкладкой и обмоткой, инв. № 17718/385;
 2 — обкладка ножен кинжала золотая, инв. № 17718/418;
 3 — наконечники стрел железные, инв. № 17718/50;
 4 — браслет золотой, инв. № 17718/417;
 5 — бляха поясная бронзовая с позолотой, инв. № 17718/384
 (рисунки Н. Е. Беспалой, фото М. Ю. Трейстера, 2015)

и др., 1994, с. 41, 162, рис. 84, 2, 3; Трейстер, 2011, с. 158, 159, с лит. прим. 193; Brosseder, 2011, P. 356, 358, fig. 5, 24; Treister, 2012, P. 92, note 187) в воинском погребении № 2 кургана № 17/1993 могильника Покровка 2 на левом берегу р. Илек в Южном Приуралье, вместе с китайской бронзовой с позолотой поясной накладкой во вторичном использовании (рис. 8, 5) (Трейстер, 2018а, с. 156–158 с лит., рис. 2), а также изображения таких кинжалов у воинов на каменных стелах из святилищ Байте III и Карамунке на плато Устюрт (Ольховский, 2005, с. 141–143, рис. 142–152; Самашев и др., 2007, с. 232–234, 238, 239, 241, 243, 244, 247–250). Важен для датировки таких мечей фрагмент фляги из Калалы-Гыр 2 в Хорезме с рельефным изображением всадника, скачущего влево (Вайнберг (ред.), 2004, с. 227–229, рис. 7, 14, 15). Фляга из Калалы-Гыр 2 не может быть датирована позднее середины II в. до н.э., когда городище прекращает существование (Вайнберг (ред.), 2004, с. 240).

Поскольку о контексте находок унгентариев первой группы из Генераловского (рис. 3, 1; 4, 1) и Круглого кургана (рис. 3, 4; 4, 2) информации нет, обратимся к погребению № 4 кургана № 27/1964 в Жутово.

И здесь в погребении мужчины в деревянном гробу оружие было представлено деревянным колчаном с железными наконечниками стрел, длинным мечом с прямым перекрестьем без навершия (Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 139, рис. 6, 12; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 72, рис. 3Б, 18; Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 98, рис. 3, 18; Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 130, рис. 4Б, 1; Brosseder, 2011, P. 362, fig. 11, 2; Mordvintseva, 2015, P. 183) и кинжалом с серповидным навершием и прямым перекрестьем в деревянных ножнах, украшенных золотой пластиной с сюжетным рельефным декором (Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 140, рис. 2; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 72, рис. 3Б, 17; Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 98, рис. 3, 16; Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 98, № 77; Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 131, 132,

рис. 4Б, 2–3; Brosseder, 2011, P. 362, fig. 11, 3, 4; Скрипкин (ред.), 2013, с. 97 (илл. справа), № 166; Mordvintseva, 2015, P. 188, no. 3, fig. 4, 1). Две прямоугольные гагатовые пластины относились к поясу (Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 139, рис. 6, 7; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 74, рис. 5А, 2, 3; Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 98, рис. 4, 9, 10; Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 130, рис. 4А, 6; Brosseder, 2011, P. 362, fig. 11, 5, 6; P. 387, note 56; P. 421, List 4, no. 13; Трейстер, 2019б, с. 194–199 с лит., рис. 6). Здесь также было найдено небольшое бронзовое дисковидное зеркало в деревянном футляре с кожаной прокладкой (Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 139, рис. 6, 8; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 73, рис. 4Б, 29; Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 98, рис. 4, 35; Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 130, рис. 4А, 7; Brosseder, 2011, P. 362, fig. 11, 7), нижняя часть более раннего, выполненного в технике сердечника, стеклянного сосуда (Шилов, 1975, с. 139, рис. 53, 2; Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 139, рис. 6, 10; Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 130, рис. 4А, 1; Brosseder, 2011, P. 362, fig. 11, 15; Трейстер, 2020, с. 134, рис. 2, 2). Обращает на себя внимание бронзовый круглодонный котел с оторванными ручками и следами древнего ремонта (Шилов, 1975, с. 138, рис. 52, 2; Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 139, рис. 6, 11; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 75, рис. 6Б, 9; Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 98, рис. 5, 31; Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 130, рис. 4А, 9; Brosseder, 2011, P. 363, fig. 12, 19; Скрипкин (ред.), 2013, с. 93 (илл. в центре справа), № 159; Клепиков, 2016, с. 107; Трейстер, 2019а, с. 149–166, рис. 7).

Античная керамика представлена не только унгентарием с древними утратами, но и двумя другими сосудами: красноглиняным кувшином (Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 139, рис. 6, 1; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 73, рис. 4Б, 35; Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 98, рис. 5, 17; Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 130, рис. 4А, 2; Brosseder, 2011, P. 363, fig. 12, 17) и сероглиняной столовой амфорой на кольцевом поддоне с отбитым верхним краем и пробитым в центральной

части тулова округлым отверстием с зашлифованными краями (Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 139, 140, рис. 6, 2; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 73, рис. 4Б, 36; Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 98, рис. 5, 23; Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 130, 131, рис. 4А, 3; Brosseder, 2011, P. 363, fig. 12, 18). В этом погребении, однозначно восточными, вероятно центрально-азиатского происхождения, являются гагатовые поясные пластины (Трейстер, 2019б, с. 194–199 с литературой). Антикварный стеклянный сосудик относится к типу, получившему распространение исключительно в погребениях кочевников Южного Приуралья V – начала IV в. до н. э. (Трейстер, 2012, с. 109; 2020, с. 134, рис. 2, 2). Необычен и котел, для которого я уже предполагал вероятное происхождение из Малой Азии (Трейстер, 2019а, с. 149–166, рис. 7).

Красноглиняный гончарный кувшин относится к типу IV варианту 1, по классификации И. И. Марченко 1996 г., — такие кувшины с ленточной (вариант 1) или витой (вариант 3) ручкой известны в прикубанских погребениях второй половины II в. до н. э. (Марченко, 1996, с. 156, рис. 23, 4). В 2005 г., однако, исследователь отмечает, что они неизвестны позднее второй четверти II в. до н. э. Близкие по форме кувшины из погребений № 244з и 258з Старокорсунского городища № 2 происходят из датирующихся этим временем комплексов (Лимберис, Марченко, 2005, с. 226, 229, 230, 232, 258–260, рис. 25, 1; 28, 16). Подобные кувшины находят и в погребениях Азиатского Боспора, датируемых по сопровождающему инвентарю второй половиной II – началом I в. до н. э. (Дмитриев и др., 2007, с. 18, рис. 8, 4: погребение 13; с. 102, рис. 69, 2: погребение 13; с. 125, рис. 87, 3: погребение 88; Ворошилов, Гараев, 2020, с. 76, рис. 5).

К тому же типу принадлежит и ближайшая аналогия — кувшин из погребения № 6 кургана № 2/1937 близ х. Веселого на р. Маныч, также с двумя горизонтальными канавками на горле под местом верхнего крепления ручки (Артамонов, 1949,

с. 315, 321, рис. 18, *справа внизу*; Глебов, 2005, с. 40, рис. 3, 9). Это погребение взрослого мужчины (Артамонов, 1949, с. 313–315; Brosseder, 2011, P. 387), в котором был найден кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестьем (Артамонов, 1949, с. 315, 321, рис. 18, *слева*) и бронзовая ажурная пряжка с профильным изображением лежащего верблюда (Артамонов, 1949, с. 315, 321, рис. 18, *справа сверху*; Brosseder, 2011, P. 419, list 3b, 4; Глебов, 2016, с. 71–73, рис. 1, 1; Трейстер, 2019б, с. 185–187).

Кувшин был обнаружен вместе с чернолаковым канфаром S-видной формы (Артамонов, 1949, с. 315, 322, рис. 19; Глебов, 2005, с. 39, 40, рис. 3, 1; 2007, с. 68, рис. 5, 1; Глебов, Дедюлькин, 2020, с. 97, рис. 1, 5). Подобные сосуды были популярны в малоазийских городах, где, вероятно, и изготавливалась их часть. В значительном количестве их находят в эллинистических некрополях античных центров Северного Причерноморья, в частности, Ольвии и Пантикапея; также известны их находки на поселениях Северо-Западного и Центрального Крыма (Парович-Пешикан, 1974, с. 80, 81, рис. 77; с. 84, рис. 79; Зайцев, 1998, с. 57, 58, № 25, рис. 3, 25; Zaytsev, 2004, fig. 83, 2; Дашевская, 2014, с. 36, табл. 85, 1; Сапрыкин, Внуков, 2015, с. 112, 113, рис. 5; 6) и в погребении меотского могильника в Прикубанье (Лимберис, Марченко, 2005, с. 227, рис. 49, 8; 2019, с. 324, 325, рис. 14, 8: с датировкой погребения Л-7 могильника городища № 3 хут. Ленина началом второй четверти II в. до н. э.). В Азиатской Сарматии известна еще одна находка такого канфара, более крупного размера, — в погребении женщины 40–45 лет № 29А кургана № 1/1982 у с. Кулешовка на Нижнем Дону (Глебов, 2005, с. 39, 40, рис. 3, 2; 2007, с. 68, рис. 5, 2; 2017, с. 147, № 5; с. 149, 150, рис. 6, 1; Глебов, Дедюлькин, 2020, 97, рис. 1, 4), которое датируют второй – третьей четвертью II в. до н. э. (Глебов, 2017, с. 151). Еще один канфар близкой формы и декора происходит из погребения № 17

Чегемского кургана в Кабардино-Балкарии (Керефов, 1985, с. 187, рис. 9, 1; 17а, 9; Абрамова, 1993, с. 17, рис. 2, 15; с. 51, рис. 15, 44; с. 61)¹⁵.

Примечательно, что археологические комплексы Северного Причерноморья, содержащие подобные канфары и представляющие возможность узкой датировки, относятся, как правило, к последней трети – концу II в. до н. э., при этом в Малой Азии их производство существовало до середины II в. до н. э., а западнопричерноморские и островные варианты использовали с рубежа III – II вв. до н. э. до середины – третьей четверти II в. до н. э. В Северном Причерноморье такие канфары известны и в комплексах последней трети II в. до н. э. (Дашевская, 2014, с. 36, 37 с датировкой погребения второй половиной II в. до н. э.; Егорова, 2017, с. 75; 2018, с. 516).

Находки из погребений Азиатской Сарматии и Центрального Предкавказья характеризуют более приземистые пропорции и толстые стенки, что отличает их как от малоазийских находок, так и канфаров из Греции. По мнению Т. В. Егоровой, если рассматривать наши канфары как подражания пергамским изделиям, то вероятна их датировка первой половиной, возможно, серединой II в. до н. э.¹⁶ Если принять эту точку зрения, то учитывая сохранность канфара из хут. Веселый, погребение вряд ли можно датировать ранее третьей четверти II в. до н. э. Весьма вероятно, что не ранее этого времени датируется и погребение № 4 кургана № 27/1964 в Жутово. Что же касается возможного центра производства этих канфаров, то мне кажется, что нельзя исключать Малую Азию. Канфары близких пропорций, в том числе и с подобным декором, известны и среди находок из Даскилейона (Bulut, 2013, P. 90, 91, 92, nos. 29–31, figs. 4; 15) и из некрополя Родоса (Patsiada,

1983, с. 157–159, ар. 47, εκ. 11, с датировкой второй половиной II в. до н. э.). В то же время серия таких приземистых канфаров происходит из некрополя Том (Bucovaľa 1967, P. 94, 95, no. 59i; P. 108, no. 67b; P. 116, no. 73b; P. 120, fig. 76d).

Выводы

Из всех видов античной керамики в погребениях кочевников Азиатской Сарматии II – I вв. до н. э. количественно преобладали именно унгвентарии. Интересно, что нам практически неизвестны (за исключением одной родосской амфоры 160 г. до н. э. (см. ниже с. 181) и одной — синопской — конца II – первой половины I в. до н. э. (Могильник Ливенцовский VII у западной окраины г. Ростов-на-Дону: Глебов, 2007, с. 68; Глебов, Ильюков, 2010, с. 72, 73, рис. 1, 7; Глебов, Дедюлькин, 2020, с. 98), найденных в курганах Нижнего Подонья), находки остродонных амфор в погребениях этого времени в Нижнем Поволжье и в Южном Приуралье, в отличие от погребений первой трети III в. до н. э. (Treister, 2021) и первых веков н. э. (Трейстер, 2018а, с. 184, 185, рис. 17), когда амфоры попадали и в Нижнее Поволжье, и даже в Южное Приуралье и степи Западного Казахстана.

Есть основания предполагать, что оказавшиеся в погребениях преимущественно взрослых и особенно пожилых мужчин-воинов-кочевников, вооруженных, как правило, длинными мечами без наверший и кинжалами с серповидными навершиями (ср. Скрипкин, Клепиков, 2020, с. 214–220), унгвентарии служили не для сбора слез или поливания тело умершего благовониями, а являлись флаконами для хранения масел и благовоний, которые использовались не в погребальных церемониях, а в реальной жизни. Учитывая то, что внутренний объем флаконов был очень мал¹⁷ (особенно это

¹⁵ Еще более ранний канфар III в. до н. э. с зашлифованным основанием отбитой ножки был найден в погребении разрушенного кургана у Хасавюрта (Бакушев, Абдулаев, 2012, с. 163, 165, рис. 1, 9; Маслов и др., 2013, с. 34).

¹⁶ Мейл от 22.12.2020. Наша искренняя благодарность Т. В. Егоровой за консультацию.

¹⁷ Объем 149 целых унгвентариев с Афинской агоры варьирует от 3 до 176 см³, при этом объем около 70% унгвентариев находится в интервале от 3 до 22 см³ (Rotroff, 2006, P. 156, 157). Об объемах веретенообразных унгвентариев из Стоби (31–58 см³) и Асине (6–43 см³) см.: Anderson-Stojanović, 1987, P. 117, 118, table I.

касается именно веретенообразных флаконов, которые вмещали редко больше чем 20 с небольшим кубических см), вторично использовать их в кочевом быту вряд ли было возможно, а уж тем более имело какой-то практический смысл, за исключением тех редких случаев, как с флаконами из могильников Аксай-I и у с. Заречья (следы нагара внутри), относящихся как раз к раннему типу без сплошной ножки, у которых была спилена верхняя часть или все горло и которые явно использовались вторично.

Поэтому единственной причиной, по которой сарматы могли оставить их, было то, что их рассматривали как редкие, в каком-то смысле статусные предметы, даже после того, как их содержимое было использовано, что далеко не всегда имело место быть, учитывая находки содержимого во флаконах из сарматских погребений. Этот факт вряд ли подразумевает длительное, а тем более очень длительное хранение. То обстоятельство, что некое содержимое было найдено в буролаковом флаконе конца II в. до н. э. из погребения № 19 кургана № 12/1953 у с. Политотдельское (рис. 3, 2; 4, 3; 6, 5), дает основание предполагать, что флакон и попал к своему владельцу-кочевнику вскоре после того как был изготовлен и наполнен, и в погребение попал через относительно небольшой отрезок времени, в любом случае вряд ли выходящем за пределы конца II – первой трети I в. до н. э.

Обращает на себя внимание также тот факт, что в погребениях с унгентариями находят предметы восточного (в том, числе центрально-азиатского) происхождения (такие предметы имеются и в других погребениях этого времени с античной керамикой, в частности, в погребении № 6 кургана № 2/1937 близ х. Веселого на р. Маныч), или элементы погребального обряда имеют восточное происхождение (помещение повозки, погребение № 19 кургана № 12/1953 у с. Политотдельское).

Недавно была опубликована работа, в которой на основании анализа импортов из раннесарматских погребений на

Нижнем Дону, хронологии фортификации Танаиса и наблюдений над манумиссиями рабов сарматского происхождения из Дельф время проникновения сарматов на Нижний Дон определяется в рамках конца первой четверти II в. до н. э., что согласуется с упоминанием Полибием сарматского царя Гатала в договоре 179 г. до н. э. (Глебов, Дедюлькин, 2020, с. 92–119). При этом авторы справедливо указывают на то, что единственный узко датированный предмет, да и то найденный не в комплексе, а в тризне кургана № 4/1971 группы Веселовская-I в бассейне р. Маныч (Мошкова, Максименко, 1974, с. 42, табл. XXV, 1–3; ср. Глебов, 2005, с. 39, рис. 2, 12; 2007, с. 68, рис. 5, 9; Глебов, Дедюлькин, 2020, с. 97, рис. 1, 1) — родосская амфора с клеймами эпонима Аристонa II и фабриканта Аминты, которая может датироваться в диапазоне 169/167 – 164/162 гг. до н. э. По мнению В. П. Глебова и А. В. Дедюлькина, «наиболее вероятная дата для ранних комплексов нижнедонской раннесарматской культуры с импортированными хроноиндикаторами может быть установлена в пределах второй, или, возможно, второй – третьей четвертей II в. до н. э.» (Глебов, Дедюлькин, 2020, с. 99), что, на мой взгляд, нуждается в смещении целиком во вторую половину столетия.

Вероятно в это время — во второй половине II в. до н. э. — появляются и наиболее ранние комплексы с античной керамикой и восточнее, в Волго-Донском междуречье и в Заволжье. Если для некоторых керамических сосудов, в первую очередь унгентариев, можно предполагать, происхождение из Малой Азии, то другие — весьма вероятно были изготовлены на Боспоре. Многие комплексы с античной керамикой, как показано выше, демонстрируют находки центрально-азиатского происхождения или восточные элементы в погребальном обряде.

Не меньшего внимания заслуживает еще один комплекс рассматриваемого времени из Заволжья: женское погребение № 3Б кургана № 4/2002 могильника Майеровский-III, в котором античный красногли-

няный узкогорлый кувшин с широким венчиком (Skvorcov, Skripkin, 2006, S. 256, Nr. 1; S. 257, Abb. 9, 1; S. 263; Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 100, № 1, рис. 6.II, 1; 9, 1; 15, 3; с. 105; Скрипкин (ред.), 2013, с. 99, *второй снизу*), скорее всего, свидетельствующий о его назначении — хранении масла, сочетается с серебряной чашей парфянского происхождения (Skvorcov, Skripkin, 2006, S. 258, Nr. 14; S. 259, Abb. 14: 2; S. 261, Abb. 18; Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 101, № 14, рис. 11: 2; 15: 5; Скрипкин (ред.), 2013, с. 98, *внизу*; Трейстер, 2018б, с. 121–123, рис. 4, 1–3; Treister, 2020, P. 380–382, fig. 1, 1–4), янтарными (Skvorcov, Skripkin, 2006, S. 259, Nr. 24; S. 261, Abb. 17, 1; Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 102, 103, № 24, рис. 14, 1) и коралловыми (Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 102, № 24) бусами и пронизьями, а также предметами, имеющими ближайшие параллели по форме и декору в Южном Приуралье: костяным навершием гребня (Skvorcov, Skripkin 2006, 258, Nr. 15; 259, Abb. 14, 3; 12, 2; Скворцов, Скрипкин 2008, 101, № 15, рис. 6.II, 15; 11, 3; 15, 4; 104), серьгами с подвесками на цепочках (Skvorcov, Skripkin 2006, 259, Nr. 22, 260, Abb. 16, 4; 263, Abb. 20, 2; Скворцов, Скрипкин 2008, 103, № 22, рис. 6.II, 22; 13, 4; 17, 4; Скрипкин (ред.) 2013, 98, *вверху справа*).

Итак очевидно, что владельцы античной керамики, все или частично, представляют собой пришедших с Востока кочевников, по крайней мере, часть из которых имела какие-то контакты с Парфией. На мой взгляд, это вполне согласуется с тем, что погребения, в которых они найдены, могли принадлежать представителями той самой волны, которая участвовала в разгроме Греко-Бактрийского царства ок. 145 г. до н. э. (Трейстер, 2011, с. 136, 137 с лит.; Treister, 2012, P. 203, 204 с лит.; см. также современные публикации по теме: Francfort, 2013, P. 1543, 1549;

Martinez-Sève, 2018, P. 405–414; Stark, 2021, P. 85, 86) и после этого принимала участие в конфликтах с Парфией (Трейстер 2018б, 148; Treister, 2020, P. 385), и нет необходимости относить их к более ранней миграционной волне кочевников первой четверти II в. до н. э., как это делают В. П. Глебов и А. В. Дедюлькин (Глебов, 2007, с. 69, 70; Глебов, Дедюлькин, 2020, с. 104–106).

Из всех публикуемых в статье флаконов, именно флаконы первой группы, особенно покрытые бурым лаком и украшенные прочерченными парными концентрическими канавками при переходе от тулова к горлу флаконы из Политотдельского (рис. 3, 2; 4, 3; 6, 5) и Генераловского (рис. 3, 1; 4, 1), обнаруживают удивительное сходство с унгвентариями, найденными в крепости Сингирт Каяси на южном берегу Черного моря между древними Амисом и Котиорой, основанной при правлении Митридата VI Евпатора и заброшенной после поражения, нанесенного ему римлянами. Есть основания предполагать, что в крепости располагался воинский контингент, а найденные здесь трехлопастные железные наконечники стрел связывают с предполагаемыми сарматскими наемниками в его составе¹⁸. Если это так, а в таком случае это наблюдение совпадает с известными нами сведениями из литературных источников, называвших сарматов среди союзников Митридата VI еще накануне Первой Митридатовой войны, т. е. в 89 г. до н. э.¹⁹, а 100 сарматских всадников отличились на раннем этапе этой войны в сражении на границе Вифинии и Понта (App. *Mith.* 19)²⁰, то мы имеем весьма вероятное происхождение, по крайней мере, части унгвентариев, найденных в погребениях Азиатской Сарматии. Данное предположение прекрасно коррелируется и с фактом находки флаконов именно в погребениях мужчин-воинов зрелого возраста.

¹⁸ Şenyurt, Zoroğlu, 2018, s. 187, 188, Res. 7; s. 193; Erol, Yildirim, 2019, P. 179–181, fig. 3, 1–5.

¹⁹ И Мемнон (Мемнон, *FGrH* 434 F 1, 22.3–4), и Аппиан (Mithr. 13, 15) упоминают среди союзников Митридата накануне Первой Митридатовой войны, т. е. в 89 г. до н. э., скифов (первый), и скифов, тавров, бастарнов, фракийцев и сарматов — второй, при этом в речи Пелопида, указано, что имеются ввиду и все те, кто проживали в районе Истра, Дуная и Азовского моря (Mithr. 15) (McGing, 1986, P. 61; 2009, P. 203; Olbrycht, 2004, S. 337–341; 2009, P. 171).

²⁰ См. об этом также Марченко, 1996, с. 127.

Литература

- Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М.: Институт археологии РАН, 1993. 240 с.
- Алексеева Е. М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. II / Отв. ред. И. Т. Кругликова. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1982. С. 22–84.
- Артамонов М. И.* Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. // СА. 1949. Т. XI. С. 305–336.
- Бакушев М. А., Абдуллаев А. М.* Хасавюртовский курган-II // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 162–164.
- Беглова Е. А., Эрлих В. А.* Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника. М., СПб.: Нестор-История, 2018. 384 с.
- Березуцкий В. Д., Маслихова Л. И.* Зареченские курганы // Археологические памятники бассейна Дона / Отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2004. С. 97–130.
- Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V – III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980. 269 с.
- Вайнберг Б. И.* (ред.). Калалы-гыр 2: культовый центр в Древнем Хорезме IV – II вв. до н. э. / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Вост. лит-ра, 2004. 286 с.
- Внуков С. Ю., Штепа О. И.* Краснолаковая пелика с городища Кара-Тобе (опыт комплексного исследования) // ПИФК. 2010. № 1. С. 324–360.
- Ворошилов А. Н., Гараев И. А.* Эллинистическое погребение воина на Азиатском Боспоре // Нуранис. 2020. Т. 2. С. 71–92.
- Ворошилова О. М.* Погребение в «каменном ящике» (Фанагория, 2016 г.) // Нуранис. 2020. Т. 2. С. 93–108.
- Глебов В. П.* О некоторых проблемах хронологии раннесарматской культуры Нижнего Подонья // НАВ. 2005. Т. 7. С. 34–50.
- Глебов В. П.* Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II / Отв. ред. И. В. Сергацков. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2007. С. 59–82.
- Глебов В. П.* Сарматские погребения из кургана 1 могильника у с. Кулешовка (раскопки 1982 г.) // НАВ. 2017. Т. 16. № 1. С. 143–161. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.1.9>.
- Глебов В. П., Дедюлькин А. В.* О времени появления ранних сарматов на Нижнем Дону // НАВ. 2020. Т. 19. № 2. С. 92–119. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.5>
- Глебов В. П., Ильюков Л. С.* Раннесарматские погребения из могильника Ливенцовский VII (раскопки 1995 г.) // Археология, древний мир и средние века. Вып. IV / Отв. ред. Н. А. Трапш, Л. А. Бойко. Ростов-на-Дону: Южный федеральный ун-т, 2010. С. 70–79.
- Гуцалов С. Ю.* Некоторые материалы из раскопок Г. А. Кушаева на территории Уральского левобережья // УАВ. 2011. Вып. 11. С. 16–27.
- Дашевская О. Д.* Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 284 с.

- Демиденко С. В., Журавлев Д. В., Трейстер М. Ю. «Круглый курган» из раскопок В. Г. Тизенгаузена // Древности Евразии / Отв. ред. С. В. Демиденко, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 1997. С. 186–215.
- Демиденко Ю. В., Мамонтов В. И. Курганы на правом берегу Карповского водохранилища (по материалам Ильёвского курганного могильника // Древности волго-донских степей. Вып. 7 / Отв. ред. В. И. Мамонтов. Волгоград, Ростов-на-Дону: Аркол, 2017. С. 9–42.
- Дмитриев А. В., Довгалюк Н. П., Малышев А. А. Описание погребальных комплексов. Каталог // Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К, 2007. С. 8–136. (Некрополи Черноморья, 1).
- Егорова Т. В. К вопросу о датировке S-видных эллинистических канфаров // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы международной научной конференции. Севастополь, 10–12 октября 2017 года / Отв. ред. Д. А. Костромичев. Саки: ИП Боровко А. А., 2017. С. 73–78.
- Егорова Т. В. Еще раз об S-видных эллинистических канфарах // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. К 70-летию профессора Виктора Павловича Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов-на-Дону: Южный федеральный ун-т, 2018. С. 510–519.
- Журавлев Д. В. Новые находки позднеэллинистической керамики и светильников из Пантикапея // ПИФК. 2011. № 4. С. 221–263.
- Зайцев Ю. П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I / Отв. ред. Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 1998. С. 52–60. (Труды ГИМ. Вып. 102)
- Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. 2003. № 2. С. 135–154.
- Захаров А. В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 27–45. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1)
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во: АН СССР, 1960. 180 с. (МИА. № 83).
- Ивченко А. В. Склеп с паросской амфорой на некрополе Ольвии // АМА. 2015. Вып. 17. С. 253–271.
- Ильюков Л. С., Власкин М. В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. 288 с.
- Карнаух Е. Г., Данилко Н. М. Краснолаковая пелика из раннесарматского погребения у с. Лиманское // АДУ. 2010. № 3. С. 68–69.
- Кат. Новочеркасск. Каталог археологических коллекций. Музей истории донского казачества / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1979. 162 с.
- Керефов Б. М. Чегемский курган — кладбище сарматского времени // Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Керефов Б. М. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX – VII вв. до н. э. – II в. н. э.). Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 135–259. (Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. 2).

- Клепиков В. М.* Погребения раннесарматской культуры Нижнего Поволжья с деталями повозки в закладе могильной камеры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 3. С. 20–35.
- Клепиков В. М.* Восточные и западные керамические импорты в погребениях раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 159–168.
- Клепиков В. М., Скрипкин А. С.* Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. 2002. Т. 5. С. 47–81.
- Клепиков В. М., Шинкарь О. А.* Раннесарматские погребения у с. Перегрузное // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2 / Ред. И. В. Сергацков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 134–168.
- Книпович Т. Н. Танаис.* М., Л.: Изд-во: АН СССР, 1949. 180 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. 2005. Вып. 5. С. 219–324.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия 1 / Отв. ред. А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин. М., Киев: Триумф Принт, 2010. С. 152–163.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения с родосскими амфорами из могильников меотских городищ Старокорсунского № 2 и хут. Ленина № 3 // АМА. 2019. Вып. 19. С. 318–341.
- Максимова М. И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с.
- Марченко И. И.* Сираки Кубани. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1996. 336 с.
- Маслов В. Е., Красильников К. И., Пятых Г. Г.* Катакомбные погребения последних веков до нашей эры на территории Дагестана // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 2 / Ред. Б. Х. Бажноков, В. А. Фоменко. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2013. С. 33–39.
- Михлин Б. Ю., Бирюков А. С.* Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н. э. / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1983. С. 28–45.
- Мордвинцева В. И.* Среднесарматские погребения с краснолаковой керамикой // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3 / Отв. ред. В. И. Мамонтов. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 1993. С. 123–132.
- Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Тома 1–3. Симферополь, Бонн: Тарпан, 2007. Т. I — 308 с.; Т. II — 256 с.; Т. III — 206 с.
- Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В.* Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь: Тарпан, 2006. 140 с.
- Мордвинцева В. И., Шинкарь О. А.* Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // НАВ. 1999. Т. 2. С. 138–149.
- Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 56 с. (САИ. Вып. Д1–10).

- Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. II / Отв. ред. М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов. М.: Ин-т археологии; Ростовский обл. музей краеведения, 1974. С. 7–79.
- Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 298 с.
- Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974. 217 с.
- Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье / Отв. ред. К. Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 103–213. (МИА. № 96).
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия. II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Раев Б. А., Дворниченко В. В. Азиатские элементы обряда захоронения у с. Косика (Косика-2) // Материалы IV Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2014» / Отв. ред. А. А. Бисембаев. Актобе, Астана: Мегапринт, 2014. С. 170–174.
- Рыков П. С. Суловский курганный могильник // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1925. Т. 4. № 3. С. 28–102.
- Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы: Археология, 2007. 400 с.
- Сапрыкин С. Ю., Внуков С. Ю. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // ВДИ. 2015. № 2. С. 98–119.
- Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана // Древности Нижнего Поволжья / Отв. ред. Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 10–168. (МИА. № 78).
- Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // НАВ. 2008. Т. 9. С. 98–116.
- Скрипкин А. С. Два комплекса раннего железного века из Прикубанья // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 218–224.
- Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 299 с.
- Скрипкин А. С. (ред.). Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издатель, 2013. 288 с.
- Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: б. и., 2004. С. 95–106.
- Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические памятники II – I вв. до н. э. Нижнего Поволжья и некоторые этнические проблемы сарматов // АДУ. 2020. № 3 (36). С. 214–222.
- Скрипкин А. С., Шинкарь О. А. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье // РА. 2010. № 1. С. 125–138.

- Смирнов К. Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Памятники Нижнего Поволжья. Т. 1 / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во: АН СССР, 1959. С. 206–322. (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции I. МИА. № 60).
- Сокольский Н. И. Святилище Афродиты в Кепях // СА. 1964. № 4. С. 101–118.
- Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976. 126 с.
- Сокровищница памяти. Иллюстрированный альбом. Саратов: М-во культуры Саратовской обл., Саратовский обл. музей краеведения; Изд-во «Новый ветер», 2016. 365 с.
- Тищенко И. Б. Погребение № 10 из раскопок кургана № 8 курганной группы «Медведовская 1» в Тимашевском районе Краснодарского края // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и Открытия. 1 / Отв. ред. А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин. Москва, Киев: Триумф Принт, 2010. С. 228–230.
- Трейстер М. Ю. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. (эллинистическая традиция) // Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Том 1. Симферополь, Бонн: Тарпан, 2007. С. 15–194.
- Трейстер М. Ю. Серебряные фалары с изображением Беллерофонта и Химеры из сарматского погребения в Володарке (Западный Казахстан). Еще раз к вопросу о так называемом греко-бактрийском стиле в эллинистической торевтике // Scripta antiqua. Т. 1 / Отв. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2011. С. 90–146.
- Трейстер М. Ю. Стекланные сосуды ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.). Т. 1 / Отв. ред. М. Ю. Трейстер, Л. Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 106–113.
- Трейстер М. Ю. Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. – первых веках нашей эры // Stratum plus. 2018a. № 4. С. 153–200.
- Трейстер М. Ю. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Материалы по истории и археологии античного и средневекового Крыма. 2018б. Вып. 10. С. 118–210.
- Трейстер М. Ю. Импортные бронзовые кованые котлы Азиатской Сарматии // Scripta antiqua. 2019a. Вып. VIII. С. 147–208.
- Трейстер М. Ю. «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II – I вв. до н. э. // ПИФК. 2019б. № 4. С. 180–238.
- Трейстер М. Ю. Еще раз об ахеменидских стекланных сосудах «в технике сердечника» из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // «Волго-уральский регион от древности до средневековья». Материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. С. 133–139.
- Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. 1 / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 323–523. (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции I. МИА. № 60).
- Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 208 с.
- Шинкарь О. А. Северопричерноморские импортные изделия в погребениях III – II вв. до н. э. Волго-Донского междуречья // Древности Северного Причерноморья III – II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестр. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 2012. С. 192–196.

- Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Девис-Кимболл Дж., Егоров В. Л.* Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2 / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. М.: Институт археологии РАН, 1994. С. 4–57.
- Agozzino P., Avellone G., Donato I. D., Filizzola F.* Identification of Organic Compounds in Fictile Unguentaria from two Sicilian Necropolis of Greek Age (5th Century, b. C.) by GC-MS Analysis // *Annali di Chimica*. 2007. Vol. 97. P. 859–865.
- Akamatis I.* Εκ του κεραμικού της Πέλλας. Το κλειστό σύνολο του στρώματος καταστροφής και η χρονολόγησή του. Οι χώροι Α και 1 // Ζ' Επιστημονική συνάντηση για την ελληνοιστική κεραμική. Αίγιο 4-9 Απριλίου 2005: Πρακτικά: Κείμενα / Ed. S. Drougou. Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 2011. Σ. 381–392.
- Anderson-Stojanović V.* The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // *AJA*. 1987. Vol. 91. No. 1. P. 105–122.
- Berlin A.* The Plain Wares // *Tel Anafa II, i. The Hellenistic and Roman Pottery* / Ed. S. C. Herbert. Ann Arbor: Kelsey Museum of the Univ. of Michigan, 1997. P. 1–247.
- Bozkova A.* Westslope Pottery from Mesambria Pontike // *Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery* / Eds. P. G. Bilde, M. Lawall. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 2014. P. 199–214. (BSS. 16).
- Brosseder U.* Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / Eds. U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. P. 349–424. (Bonn Contributions to Asian Archaeology. 5).
- Brun J.-P.* The Production of Perfumes in Antiquity: The Cases of Delos and Paestum // *AJA*. 2000. Vol. 104. No. 2. P. 277–308.
- Bruneau P.* Tombes d'Argos // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1970. T. 94. Fasc. 2. P. 437–531.
- Boucharlat R.* Les niveaux post-achéménides à Suse, secteur Nord. Fouilles de l'Apadana-Est et de la Ville Royale-Ouest (1973–1978) // *Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran*. 1987. No. 15. P. 145–312.
- Bucovaľá M.* Nekropole elenistice la Tomis. Constanța: Muzeul Regional de Arheologie Dobrogea, 1967. 133 p.
- Bulut H.* West Slope Ware from Daskyleion // *Istanbul Mitteilungen*. 2013. Bd. 63. P. 75–127.
- Cappelletto E., Indgjerd H.* New acquisitions from the Hellenistic-Roman-Byzantine east necropolis of Hierapolis in Phrygia: the unguentaria // *Rei Cretariae Romanae Favtorvm Acta*. 2016. Vol. 44. P. 681–689.
- Charami A. P.* Από τα ελληνοιστικά νεκροταφεία των Θηβών: συμβολή στην τοπογραφία και την ιστορία της μετα-Αλεξάνδρειας πόλεως. Ιωάννινα, 2012. 335 σ.
- Chidiroglou M.* Jugs, one-handed cups, filter jugs, olpai and unguentaria // *The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue* / Eds. N. Kaltsas, E. Vlachogianni, P. Bouyia. Athens: Hellenic Ministry Of Culture, National Archaeological Museum, 2012. 304 p.
- Colombini M.P., Giachi G., Iozzo M., Ribechini E.* An Etruscan ointment from Chiusi (Tuscany, Italy): its chemical characterization // *Journal of Archaeological Science*. 2009. Vol. 36. P. 1488–1495.
- Demidenko S. V., Zhuravlev D. V., Treister M. Yu.* «Kruglyj Kurgan». Eine Gesamtvorlage des Materials aus den Grabungen des Barons V. G. Tiesenhausen // *EurA*. 1997. Bd. 3. S. 409–435.

- Dotterweich U.* Unguentarien mit kuppelförmiger Mündung aus Knidos. Möhnesee: Bibliopolis, 1999. 65 S. (Knidos-Studien. I).
- Drougou St., Touratsoglou I.* Hellenistische Keramik aus Makedonien: Chronologische Indizien // *Antike Kunst*. 1991. Jg. 34. S. 13–21.
- Drougou St., Touratsoglou I.* Ελληνιστικοί λαξευτοί τάφοι Βέροιας. Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 1998. 284 σ. (Δημοσιεύματα του Αρχαιολογικού Δελτίου. 28).
- Drougou St., Touratsoglou I.* Η Ελληνιστική κεραμική στον Μακεδονικό χώρο εικοσι ετη μετα = Hellenistic Pottery in Macedonia Twenty Years After // *Θρηππηρια: μελετες για την αρχαια Μακεδονια / Threperia: studies on ancient Macedonia / Eds. M. Tiverios, P. Nigdelis, P. Adam-Veleni*. Thessaloniki: Aristotle Univ. of Thessaloniki, 2012. P. 240–273.
- Dündar E.* Hellenistik ve Roma Dönemleri Patara Unguentariumları. Adnan Menderes Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. Unpublished Master's Thesis. Aydin, 2006. 127 s.
- Dusenbery E. B.* The Necropoleis. Princeton: Princeton Univ. Press, 1998. 1252 p. (Samothrace XI).
- Erol A. F.* New findings on the history and archaeology of the eastern Black Sea Region of Turkey: The excavation of Cingirt Kayası // *The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th century BC – 10th century AD) / Eds. G. R. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave*. Oxford: Archaeopress, 2015. P. 453–461.
- Erol A. F., Tamer D.* Ordu-Fatsa Cingirt Kayası Kazısı Hellenistik Donem Kalıp Yapımı Kabartmalı Kaseleri // *Anadolu / Anatolia*. 2017. Vol. 43. s. 111–145.
- Erol A. F., Tamer D.* The Place of Cingirt Kayasi in the Pontic Region during the Reign of Mithridates VI // *EYΔAIMΩΝ. Studies in Honor of Jan Bouzek / Eds. P. Pavuk, V. Klontza-Jaklova, A. Harding*. Praha: Czech Institute of Egyptology, 2018. P. 541–558. (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Carolinae Pragensis XVIII).
- Erol A. F., Yildirim E.* Evaluations of Iron Finds from the Fatsa Cingirt Kayası Excavations // *Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity (Select papers from the third international conference 'The Black Sea in Antiquity and Tekkeköy: An Ancient Settlement on the Southern Black Sea Coast', 27-29 October 2017, Tekkeköy, Samsun) / Eds. G. R. Tsetskhladze, S. Atasoy*. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 177–189.
- Filimonos M., Giannikouri A.* Grave offerings from Rhodes: Pottery and Jewellery // *Hellenistic Rhodes: Politics, Culture, and Society / Eds. P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, V. Gabrielsen, L. Hannestad, J. Zahle*. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 1999. P. 205–226. (Studies in Hellenistic Civilizations. 9).
- Francfort H. P.* Les nomades installés dans la Bactriane (IIe s. av. J.-C.–Ier s. ap. J.-C.). Nouvelles découvertes // *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2013. No. 4. P. 1543–1576.
- Gutsalov S.* On Links between the Ancient Nomads in the Southern Foothills of the Urals and Central Asia // *ACSS*. 2012. Vol. 18. P. 29–50.
- Hatzidakis P.* Κτίριο νότια του 'Ιερού του Προμαχώνος': Μία taberna vinaria στη Δήλο // *Δ' Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική: Χρονολογικά προβλήματα, κλειστά σύνολα – εργαστήρια, Πρακτικά. [Μυτιλήνη, Μάρτιος 1994] / Eds. A. Archontidou-Argyre, S. Drougou, E. Zervoudake, L. Marangou, G. Touratsoglou*. Αθήνα: Υπουργείο Πολιτισμού, 1997. Σ. 291–307.
- Hadjidakis, P. J.* A Small Tavern on Delos // *Money. Tangible Symbols in Ancient Greece / Eds. N. Chr. Stampolidis, D. Tsangari, Y. Tassoulas*. Athens: Alpha Bank, 2017. P. 323–349.

- Hellström P.* Pottery of Classical and Later Date Terracotta Lamps and Glass Lund: C. W. K. Gleerup, 1965. 90 p. (Labraunda. II, 1; Skrifter utgivna av Svenska Institutet i Athen, 4°, 2: 1.)
- Hempel K. G.* Hellenistische Keramik aus der Nekropole von Tarent: Anhaltspunkte für die absolute Chronologie im 2. Jh. v. Chr. // Δ' Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική: Χρονολογικά προβλήματα, κλειστά σύνολα – εργαστήρια, Πρακτικά. [Μυτιλήνη, Μάρτιος 1994] / Eds. A. Archontidou-Argyre, S. Drougou, E. Zervoudake, L. Marangou, G. Touratsoglou. Athens: Υπουργείο Πολιτισμού, 1997. Σ. 179–184.
- Hübner G.* Hellenistic and Roman unguentaria: Function-related aspects of the Shapes // Old pottery in a new century: innovating perspectives on Roman pottery studies: atti del convegno internazionale di studi, Catania, 22-24 aprile 2004 / Ed. D. Malfitana. Roma: L'Erma" di Bretschneider, 2006. P. 27–40. (Monografie dell'Istituto per i Beni Archeologici e Monumentali - C.N.R. 1).
- Indgjerd H.* The Grave Goods of Roman Hierapolis: An Analysis of the Finds from Four Multiple Burial Tombs. Master Thesis. University of Oslo, 2014. 99 p.
- James S. A.* Hellenistic Pottery: The Fine Wares. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 2018. 360 p. (Corinth. VII.7).
- Jovanović J.* Hellenistic Ware from Salona — Unguentaria // Miscellanea Historiae Antiquitatis. Proceedings of the First Croatian-Hungarian PhD Conference on Ancient History / Ed. A. Szabó. Budapest; Debrecen: Eötvös Lorand University; Univ. of Debrecen, 2014. P. 89–110.
- Kalpaxis T., Tsataki N.* Eleutherma. Zufallsfunde aus einer der hellenistischen Nekropolen der Stadt // Archäologischer Anzeiger. 2000. S. 117–128.
- Kaltsas N.* Από τα ελληνιστικά νεκροταφεία της Πύλου // ΑΔelt. 1983. Τ. 38. Σ. 1-77.
- Knigge U.* Der Südhügel. Berlin: De Gruyter, 1976. 211 S. (Kerameikos. IX).
- Kourkoumelis D.* Transport Amphorae // The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue / Eds. N. Kaltsas, E. Vlachogianni, P. Bouyia. Athens: Hellenic Ministry Of Culture, National Archaeological Museum, 2012. P. 208–215.
- Kyrkou F.* Ελληνιστική κεραμική από το ανατολικό νεκροταφείο της αρχαίας Αμβρακίας (οικόπεδα Μερκοβίτη και Κοκκινέλλη) // Η' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική: Ιωάννινα 5-9 Μαΐου 2009 / Ed. E. Kotsou. Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 2014. Σ. 573–580.
- Lettieri M., Giannotta M. T.* Investigations by Ft-Ir Spectroscopy on Residues in Pottery Cosmetic Vases from Archaeological Sites in the Mediterranean Basin // International Journal of Experimental Spectroscopic Techniques. 2017. Vol. 2:009, 1–10.
- Lilimpaki-Akamati M.* Λαξευτοί θαλαμωτοί τάφοι της Πέλλας. Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων, 1994. 267 σ. (Δημοσιεύματα του Αρχαιολογικού Δελτίου. 53).
- Lomtadze G., Zhuravlev D.* Amphorae from the late Hellenistic cistern from Pantikapaion // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002 / Eds. J. Eiring, J. Lund. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 2004. P. 203–209. (Monographs of the Danish Institute at Athens 5)
- Lomtadze G., Zhuravlev D.* Hellenistic Pottery from the Necropolis of Olbia Pontike // Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery / Eds. P. G. Bilde, M. Lawall. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 2014. P. 175–197. (BSS. 16)

- Lomtadze G., Zhuravlev D.* Fine Ware from the House of Chrysaliskos (Taman Peninsula, Black Sea Region) // Exploring the Neighborhood. The Role of Ceramics in Understanding Place in the Hellenistic World. Proceedings of the 3rd Conference of IARPotHP, Kaštela, June 2017, 1st – 4th / Eds. I. Kamenjarin, M. Ugarković. Wien: Phoibos-Verlag, 2020. P. 533–553. (The International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period. 3).
- Marčenko I. I., Limberis N. J.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // A.V. Simonenko, I. I. Marčenko, N. J. Limberis. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz: von Zabern, 2008. S. 267–400. (Archäologie in Eurasien. 25).
- Martinez-Sève L.* Ai Khanoum After 145 BC. The Post-Palatial Occupation // ACSS. 2018. Vol. 24. P. 354–419.
- McGing B. C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden: E. J. Brill, 1986. 204 p.
- McGing B. C.* Mithridates VI Eupator: Victim or Aggressor? // Mithridates VI and the Pontic Kingdom / Ed. J. M. Højte. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 2009. P. 203–216. (BSS. 9).
- Mitsopoulos-Leon V.* Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos, Kleinfunde, 1. Teil: Keramik hellenistischer und römischer Zeit. Wien: Schindler, 1991. 160 S. (Forschungen in Ephesos IX.2/2).
- Mordvintseva V. I.* Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd c. BC – mid-3rd c. AD) // Anabasis. 2015. Vol. 6. P. 174–215.
- Mortensen J. L.* The Implications of Content Analysis for the Interpretation of Unguentaria in Museum Collections. Thesis. The University of Wisconsin- Milwaukee, 2014. 180 p.
- Nikolaou E.* Βόρειο νεκροταφείο αρχαίας Δημητριάδας. Η ανασκαφή 1995 – 1996. Οι γυναικείες ταφές του 3ου και 2ου αιώνα π.Χ. Volos: Πανεπιστήμιο Θεσσαλίας, 2016. 182 σ.
- Nohlen K., Radt W.* Kapikaya, Ein Felsheiligtum bei Pergamon. Berlin: de Gruyter, 1978. 105 S. (Altertümer von Pergamon. XII)
- Okunak M.* Hierapolis Kuzey Nekropolü (159D Nolu Tümülüs) Anıt Mezar ve Buluntuları. Denizli: Pamukkale Üniversitesi, 2005. 204 s.
- Olbrycht M. J.* Mithridates VI. Eupator, der Bosporos und die sarmatischen Völker // Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego / Ed. J. Chochorowski. Krakow: Księgarnia Akademicka, 2004. S. 331–347.
- Olbrycht, M. J.* Mithridates VI Eupator and Iran // Mithridates VI and the Pontic Kingdom / Ed. J. M. Højte. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 2009. P. 163–190. (BSS. 9).
- Papadopoulou E.* Νεκρόπολη Αμφιπόλεως επί του Οδικού Άξονα Αμφιπόλεως-Σερρών. Περίοδος 2011–2012. Thessaloniki: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2016. 275 σ.
- Papapostolou I.* Ελληνιστικοί τάφοι τής Πάτρας. II // ADelt. 1978. T. 33. Σ. 354–385.
- Patsiada V.* Κεραμική του τύπου της Δυτικής κλιτύος από τη Ρόδο // ADelt. 1983. T. 38,1. Σ. 105–210.
- Patsiada V.* Μνημειώδες ταφικό συγκρότημα στη νεκρόπολη της Ρόδου: συμβολή στη μελέτη της ελληνιστικής ταφικής αρχιτεκτονικής. Ρόδος ; Αθήνα : Υπουργείο Παιδείας και Θρησκευμάτων, Πολιτισμού και Αθλητισμού, 2013. 418 σ. (Ρόδος. 3).

- Peloschek L., Litinas N., Dreliossi-Herakleidou A.* Hellenistic unguentaria from The necropolis of Rhodos: Context and meaning // *Unguentarium. A terracotta vessel form and other related vessels in the Hellenistic, Roman and early Byzantine Mediterranean. An international symposium May 17–18, 2018 / Izmir, Turkey. Abstracts / Eds. E. Lafli, G. K. Şahin.* Izmir: Dokuz Eylül Univ., 2018. P. 64.
- Pemberton E. G.* Ten Hellenistic Graves in Ancient Corinth // *Hesperia.* 1985. Vol. 54. P. 271–307.
- Peristeri K., Papadopoulou E., Garoufa S.* Οδικός Άξονας Σερρών-Αμφίπολης 2011. Ελληνιστική κεραμική-προκαταρκτική μελέτη. In: E. Kotsou (ed.), Θ' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική / 9th Scientific Meeting on Hellenistic Pottery. Proceedings. Vol. II. Athens: Έκδοση του Ταμείου Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 2018. Σ. 291–314.
- Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen: E. Wasmuth, 1990. 470 S. (Istanbuler Forschungen. 37).
- Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. 135 p. (BAR Intern. ser. 278).
- Ribechini E., Modugno F., Columbini M. P., Evershed R. P.* Gas chromatographic and mass spectrometric investigations of organic residues from Roman glass unguentaria. *Journal of Chromatography.* 2008. No. A 1183. P. 158–169.
- Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1997, 612 p. (The Athenian Agora. XXIX).
- Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery: The Plain Ware. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 2006. 444 p. (The Athenian Agora. XXXIII).
- Saraçoğlu A.* Hellenistic and Roman Unguentaria from the Necropoleis of Tralleis // *Anadolu.* 2011. Vol. 37. P. 1–42.
- Şenyurt S. Y., Akçay A.* Kurul Kalesi (Ordu) VI. Mithradates Dönemi Yerleşimi Üzerine Ön Değerlendirmeler // *Seleucia.* 2016. Vol. VI. s. 221–248.
- Şenyurt S. Y., Akçay A.* The Kurul Fortress and the Cult of Kybele as a City Protector // *Colloquium Anatolicum.* 2017. Vol. 16. P. 179–198.
- Şenyurt S. Y., Akçay A., Zoroğlu U., Bulut A. E., Yorulmaz L., Akgönül S. O.* Kurul Ordu Kalesi // *Türk Eskiçağ Bilimleri Enstitüsü Haberler.* 2017. Vol. 43. s. 2–10.
- Şenyurt S. Y., Akçay A., Zoroğlu U., Bulut A. E., Yorulmaz L., Akgönül S. O.* Kurul Kalesi 2017 Yılı Kazı Çalışmaları // 40. Kazı Sonuçları Toplantısı, Cilt 3 / Ed. A. Özme. Ankara: T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2019. s. 691–712.
- Şenyurt S. Y., Akçay A., Zoroğlu U., Bulut A. E., Yorulmaz L., Akgönül S. O.* Kurul Kalesi 2018 Yılı Kazı Çalışmaları // 41. Kazı Sonuçları Toplantısı, Cilt 4 / Ed. A. Özme. Ankara: T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2020. s. 505–524.
- Şenyurt S. Y., Yorulmaz L.* Kurul Kalesi Pişmiş Toprak Unguentariumları // *Gaziantep University Journal of Social Sciences.* 2020a. Vol. 19(3). s. 606–628.
- Şenyurt S. Y., Yorulmaz L.* Kurul Kalesi Kazılarında Ele Gecen Kalıp Yapımı Kabartmalı Kaseler // *Seleucia.* 2020b. Vol. X. s. 297–327.
- Şenyurt S. Y., Zoroğlu U.* Kurul Kalesi Hellenistik Dönem Metal Silahları Üzerine Bir Ön Değerlendirme // *Cedrus.* 2018. Vol. VI. s. 181–196.
- Şimşek C., Okunak M., Bilgin M.* Laodikeia Nekropolü 1 (2004-2010 Yılları), İstanbul: Ege Yayınları, 2011. 1076 s.

- Şirin O. Amisos'ta Lahit Mezar Geleneği // Amisos. 2017. Vol. 2. No. 3. s. 86–126.
- Şirin O., Kolağasioğlu M. Amisos'ta Urne Mezar Geleneği // Amisos. 2018. Vol. 3. No. 4. s. 167–200.
- Şirin O., Kolağasioğlu M., Yiğitpaşa D. Tekkeköy İlçesi Kaya Mezarları // Tekkeköy Tarihi, Düünden Bugüne: Antik Dönem, C.1 / Eds. M. Y. Erler, A. Temür, D. Yiğitpaşa. Samsun: Gece Kitaplığı, 2018. s. 78–115.
- Skvorcov N., Skripkin A. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet // EurA. 2006. Bd. 12. S. 251–267.
- Stark S. Central Asia and the Steppe // The Greco-Bactrian and Indo-Greek World / Ed. R. Mairs. London; New York: Routledge, 2021. P. 78–105.
- Stoyanov R. Pale swan in the darkness: Unguentaria from the necropolis of Tauric Chersonesos in the Crimea. // Unguentarium. A terracotta vessel form and other related vessels in the Hellenistic, Roman and early Byzantine Mediterranean. An international symposium May 17–18, 2018 / Izmir, Turkey. Abstracts / Eds. E. Lafli, G. K. Şahin. Izmir: Dokuz Eylül Univ., 2018. P.73–74.
- Strothenke E. Hellenistische Keramik im nordsyrischen Hinterland – Funde vom Dülük Baba Petesi // Networks in the Hellenistic world according to the Pottery in the Eastern Mediterranean and Beyond / Eds. N. Fenn, C. Römer-Strehl. Oxford: Archaeopress, 2013. S. 273–282. (BAR Intern. Ser. 2539).
- Theodoropoulou Chr., Kavvadias G., Ntaiaki V. Ύστερο ελληνιστικό-πρώιμο ρωμαϊκό νεκροταφείο στην οδό Αγ. Κωνσταντίνου και Γερανίου (Αθήνα) // Η' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική : Ιωάννινα 5–9 Μαΐου 2009 / Ed. E. Kotsou. Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 2014. Σ. 263–274.
- Thompson H. A. Two Centuries of Hellenistic Pottery // Hesperia. 1934. Vol. 3. No. 4. P. 311–476.
- Tolstikov V., Zhuravlev D. Hellenistic Pottery from two Cisterns on the Acropolis of Panticapaeum // ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική: προβλήματα χρονολόγησης κλειστά σύνολα - εργαστήρια, Βόλος 17-23 Απριλίου 2000; πρακτικά / Ed. St. Drogou. Αθήνα: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 2004. P. 269–276.
- Treister M. Yu. Silver Phalerae with a Depiction of Bellerophon and the Chimaira from a Sarmatian burial in Volodarka (Western Kazakhstan). A Reappraisal of the Question of the so-called Graeco-Bactrian style in Hellenistic Toreutics // ACSS. 2012. Vol. 18.1. P. 51–109.
- Treister M. Yu. Parthian Imports in the Asian Sarmatia (2nd–1st Centuries BC) // ACSS. 2020. Vol. 26. No. 2. P. 379–390.
- Treister M. Yu. Mediterranean and North Pontic Greek imports in the Nomadic Burials of the Lower Volga Region and Foothills of South Urals of the 4th – first third of the 3rd Century BC // АДУ. 2021. № 4 (в печати).
- Trümper M. Brothels and Taverns in Late Hellenistic Delos // Houses of Ill Repute: The Archaeology of Brothels, Houses, and Taverns in the Greek World / Eds. B. Tsakirgis, A. Glazebrook. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2016. P. 103–128.
- Tsakos K. Έλληνιστικοί λαξευτοί τάφοι στη Σάμο // ADelt. 1977. T. 32. Σ. 344–419.
- Tsantela B. Ταφικά σύνολα από τα ελληνιστικά νεκροταφεία της Αρσινόης (σημερινό Αγγελόκαστρο) Αιτωλοακαρνανίας // Ζ' Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Αίγιο 4-9 Απριλίου 2005: Πρακτικά: Κείμενα / Ed. S. Drogou. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, 2011. Σ. 169–186.

- Tselekas P.* The coins // The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue / Eds. N. Kaltsas, E. Vlachogianni, P. Bouyia. Athens: Hellenic Ministry of Culture, National Archaeological Museum, 2012. P. 216–226.
- Tuluk G. G.* Die Unguentarien im Museum von Izmir // *Anatolia Antiqua*. 1999. Vol. 7. S. 127–166. doi : <https://doi.org/10.3406/anata.1999.924>
- Ünan S.* Mezar buluntuları ışığında Samsun Amisos'da Hellenistik Dönem pişmiş toprak kaplarından örnekler // 4. Uluslararası Eskişehir Pişmiş Toprak Sempozyumu Bildirileri. Eskişehir: Eskişehir Tepebaşı Belediyesi, 2010. s. 657–668.
- Ürkmek Ö., Dündar E.* Remarks on the Possible Uses of the Perfumed Oils, Ointments, and its Containers in the Cult of Dead from the Fourth Century BC to the Second Century AD // *Journal of Intercultural and Interdisciplinary Archaeology*. 2014. No. 1. P. 51–71.
- Vogeikoff-Brogan N.* Late Hellenistic Pottery in Athens: A New Deposit and Further Thoughts on the Association of Pottery and Societal Change // *Hesperia*. 2000. Vol. 69. No. 3. P. 293–333.
- Yannikouri A., Patsiada V.* Σύνολα κεραμικής από τη νεκρόπολη της Ρόδου. Συμβολή στην ελληνιστική κεραμική. Ελληνιστική Κεραμική από το Αιγαίο / Ed. L. Kypraiou. Μυτιλήνη: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων, 1994. Σ. 102–125.
- Yannikouri A., Patsiada V., Filemonos M.* Ταφικά σύνολα απο τις νεκροπόλεις της αρχαίας Ρόδου // Α' Συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική, Πρακτικά, Ιωάννινα, 6 Δεκεμβρίου 1986, Πανεπιστήμιο Ιωαννίνων – Τομέας Αρχαιολογίας / Ed. L. Marankou. Ρόδος: Αρχαιολογικό Ινστιτούτο Δωδεκανησου, 2000. Σ. 63–117.
- Yildiz V.* Akhisar Arkeoloji Müzesi'nde Bulunan Unguentariumlar // T. C. Celal Bayar Üniversitesi sosyal bilimler dergisi / *Journal of Social Sciences*. 2016. Vol. 14. No. 1. s. 1–24.
- Yorulmaz L.* Kurul Kalesi Pişmiş Toprak Kandilleri // *Seleucia*. 2020. Vol. X. s. 97–125. Zajcev Ju. P. Absolute and Relative Chronology of Scythian Neapolis in the 2nd Century BC // *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400 – 100 BC* / Eds. V. Stolba, L. Hannestad. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 2005. P. 259–273. (BSS. 3).
- Zaytsev Yu. P.* The Scythian Neapolis (2nd Century BC to 3rd Century AD). Oxford: BAR Publishing, 2004. 238 p. (BAR Intern. Ser. 1219).

А. А. Труфанов

О плитовых могилах Усть-Альминского некрополя

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Усть-Альминский некрополь, погребальные сооружения, плитовые могилы

Резюме

В статье рассматриваются погребальные сооружения в виде грунтовых ям с каменной обкладкой стенок и каменным перекрытием из Усть-Альминского некрополя, которые принято называть плитовыми могилами. Датирующие находки позволяют относить наиболее ранние из этих могил к концу I – II вв. н. э., а самые поздние — к концу II – первой половине III в. н. э. Приводится информация о похожих погребальных сооружениях из некрополей Юго-Западного, Центрального предгорного и Восточного Крыма. Анализируются различные гипотезы, касающиеся генезиса этого типа погребальных сооружений, и причин появления плитовых могил в Юго-Западном Крыму.

Для цитирования: Труфанов А. А. О плитовых могилах Усть-Альминского некрополя // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД, 2021. С. 195–234.

Aleksandr Trufanov

On the Slabbed Graves in the Cemetery of Ust'-Al'ma

Keywords: south-western Crimea, Ust'-Al'ma cemetery, burial structures, slabbed graves

Abstract

This paper addresses the burial structures in the form of a pit in ground with stone-faced walls and stone covering, or the so-called slabbed graves, in the cemetery of Ust'-Al'ma. According to the finds with reliable chronology, there are reasons to date the earliest graves of the kind from the late first and second centuries AD and the latest from the late second and the first half of the third centuries AD. The account of similar burial structures in the cemeteries located in the south-western, central sub-mountainous, and eastern Crimea is supplied. Various interpretations of the genesis of this type of burial structures and the reasons behind the appearance of slabbed graves in the south-western Crimea have been analysed.

Погребальные сооружения варварских могильников первых веков н. э. предгорного Крыма отличаются разнообразием форм. Среди них выделяются могилы, которые принято называть плитовыми. В идеале такая конструкция представляет собой сооруженный в яме каменный ящик,

перекрытый плитами и засыпанный грунтом, но реальные сооружения зачастую лишь более или менее приближены к этому образу, различаясь в деталях.

Среди раскопанных в 1903 – 1904 гг. Н. М. Печенкиным погребальных сооружений некрополя Бельбек I в Юго-Западном

Крымю несколько объектов¹ представляло собой грунтовые ямы с перекрытием и вертикальными плитами вдоль длинных стенок при отсутствии камней в торцах (Печенкин, 1905, с. 32). Хотя информация об этих могилах проникла в печать, особого внимания к ним, как к отдельному типу погребальных сооружений, никто не проявил. Синхронных варварских могильников в то время известно было немного, а в тех из них, что исследовались, подобных могил не встречалось.

Во второй половине века раскопки могильников, расположенных на территории предгорного Крыма, приобрели систематический характер. Одним из первых начал исследоваться могильник у с. Заветное. В статье 1963 г. Н. А. Богданова сообщила о том, что в этом некрополе, помимо прочих погребальных сооружений, найдено 18 могил, которые были «обкладені з боків і перекриті зверху кам'яними плитами». Она назвала их «могили, викладені плитами» и указала, что в них, за исключением одной, не имелось торцовых плит (Богданова, 1963, с. 96, 98). В последующей статье 1964 г., написанной ею в соавторстве с И. И. Гущиной, эта информация была повторена: сообщалось о могилах, представляющих собой «грунтовые ямы, облицованные с длинных сторон и перекрытые сверху отесанными плитами». Эти могилы именовались плитовыми (Богданова, Гущина, 1964, с. 325). Позже, в статье 1976 г. о некрополе Скалистое III, написанной этими же исследовательницами вместе с И. И. Лободой, плитовыми были названы могилы, у которых вдоль длинных стенок стояло три или четыре вертикальных плиты (Богданова и др., 1976, с. 123).

В 1982 г. Н. А. Богданова опубликовала разработанную ею типологию погребальных сооружений «сельского населения позднескифского государства» (фактически Юго-Западного Крыма), в которой «могили,

укрепленные с боков и перекрытые каменными плитами», составили тип 4 группы I, а их датировка была определена в рамках II – III вв. н. э. (Богданова, 1982, с. 32). Эти же сведения были продублированы затем в статье, содержащей типологию погребальных сооружений некрополя Заветное (Богданова, 1989, с. 21, 22).

Формулировка, согласно которой плитовой следует считать могилу, у которой вертикальными плитами выложены две длинные стенки, вошла в употребление, дополненная уточнениями, касающимися наличия плит у торцовых стенок. В частности, О. Д. Дашевская указала, что это сооружения, у которых «длинные стороны ям (реже и короткие) обложены плитами; такими же плитами перекрывали могилу сверху» (Дашевская, 1991, с. 26). Аналогичные по смыслу определения даны Т. Н. Высотской (1994, с. 57) и А. Е. Пуздровским (1994, с. 116). Однотипные могилы из некрополя Совхоз 10 авторы публикации предпочли называть каменными ящиками, пояснив, что в этих сооружениях каменная конструкция, как правило, меньше грунтовой ямы, тогда как в плитовых могилах яма обкладывалась плитками «строго по периметру» (Стржеleckий и др., 2005, с. 35), но, кажется, это уточнение не снискало последователей.

На основании сказанного можно заключить, что различаются могилы, у которых плитами обложены только две длинные стенки, две длинные и одна торцовая, или все четыре стенки (Стоянова, 2013, с. 87). Такие могилы принято относить к числу плитовых, т. е. считать разными вариантами одного типа погребальных сооружений.

Сложнее определиться в отношении тех могил, у которых вертикальные плиты установлены только вдоль одной длинной стенки. Авторы статьи о могильнике Балта-Чокрак такую могилу обозначили как плитовую (Зайцев и др., 2005, с. 175, рис. 18),

¹ В статье Н. М. Печенкина говорится о 16 могилах с плитами под стенками и еще одном сооружении такого же типа, но со смещенными при ограблении камнями (Печенкин, 1905, с. 32). Это сообщение о 17 плитовых могилах было повторено И. И. Гущиной в тексте статьи и отражено в таблице-приложении I, но в другой, более подробной таблице (приложение IV) плитовыми названы только 14 могил (Гущина, 1974, с. 32, 46–48).

А. А. Стоянова написала о ней как о могиле, которая «отличается от вышеописанных деталями конструкции» (Стоянова, 2013, с. 86). О похожем сооружении, сверх того еще и засыпанном камнями, авторы монографии о могильнике Бельбек IV высказались в том смысле, что это «какой-то промежуточный тип», сочетающий признаки забитых камнями ям и плитовых могил (Гущина, Журавлев, 2016, с. 9).

Принимая все это к сведению, можно было бы говорить о четырех вариантах конструкции, различающихся количеством обложенных камнями стенок. Но даже при такой формулировке в некоторых случаях возникают сомнения в правомерности отнесения той или иной могилы к типу плитовых. В частности, известны могилы, в которых плиты, расположенные вдоль стенок, не примыкают одна к другой, а находятся со значительными промежутками.

В совместной статье 1967 г. Н. А. Богданова и И. И. Гущина сообщили о том, что среди погребальных сооружений некрополя Скалистое III, помимо плитовых, найдены могилы, которые можно считать «разновидностью» грунтовых: «имеющие по длинным сторонам два-три каменных столба, которые служили упором для горизонтальных каменных плит» (Богданова, Гущина, 1967, с. 133). В статье 1976 г. к «разновидностям» могил с заплечиками были причислены сооружения с тремя плитами (или «столбами») вдоль одной стенки, с двумя или тремя плитами у двух длинных стенок, «по две вдоль длинных сторон и по одному по короткой стороне» (Богданова и др., 1976, с. 123). Иными словами, могилы с частичной обкладкой стенок предлагалось относить к отдельному типу, отличному от плитовых сооружений. В типологии, разработанной Н. А. Богдановой, такие могилы обозначены как вариант могил с заплечиками (группа 1, тип 3, вариант 3) (Богданова, 1982, с. 32). А. Е. Пуздровский называл их могилами с «плитами-подпорками» (Пуздровский, 2007, с. 108, 109).

Помимо того, известны могилы, у которых камни установлены вертикально у двух или даже трех стенок, но функционально никак не связаны с перекрытием, так как находятся значительно ниже, или же само «перекрытие» состоит из мелких камней, которые из-за своих размеров не могли опираться на вертикальные плиты и, скорее всего, представляли собой наброску. В отдельных случаях установку вертикальных плит под стенками ямы можно объяснить попыткой устроителей могилы выйти из внезапной проблемной ситуации: если надо было укрепить осыпавшиеся заплечики или закрыть проем в более раннюю, случайно задетую могилу, но порой такие плиты кажутся абсолютно нефункциональными.

Вопрос об уместности отнесения могил таких «разновидностей» к типу плитовых представляется дискуссионным. Осложняет его то, что проводимая грань между этими могилами и плитовыми сооружениями оказывается несколько «размытой». Зачастую на практике решение о том, считать ли подобную могилу плитовой или нет, за исключением очевидных случаев, приходится принимать скорее интуитивно, чем опираясь на четкие критерии.

Предгорный Юго-Западный и Центральный Крым. Как уже отмечалось, первые сведения о наличии плитовых могил первых веков н. э. в варварских некрополях предгорного Крыма были получены в результате раскопок могильника Бельбек I. Памятник был датирован его исследователем второй половиной III в. н. э., причем допускалось, что эта дата может быть «исправлена» на более позднюю (Печенкин, 1905, с. 32). Позже высказывались мнения о том, что могильник следует датировать в рамках II – III вв. н. э. (Висотська, 1970, с. 97) или III в. н. э. (Богданова, 1982, с. 32).

Информация о плитовых могилах из других некрополей была получена уже после середины XX в. Опубликованы данные об одной плитовой могиле некрополя Бельбек II

(Гущина, 1974, с. 51, рис. III, 9–12), находки из которой, в том числе узкогорлая светлоглиняная амфора типа D по Д. Б. Шелову (1978, с. 18, 19), позволяют относить погребение к первой половине III в. н. э.

О могильнике Скалистое III, где тоже обнаружены плитовые могилы, в публикации сказано, что его «погребальный инвентарь... укладывается в рамках II – начала III в. н. э.» (Богданова и др., 1976, с. 147). Отдельную датировку для плитовых могил этого некрополя авторы не предложили, поэтому можно считать, что указанные ими хронологические рамки относятся и к данным сооружениям.

В могильнике Заветное, согласно Н. А. Богдановой, плитовые могилы к 1981 г. составляли почти четверть (24 %) из 297 исследованных погребальных сооружений (Богданова, 1989, с. 17, 21). И хотя замечено, что опубликованная информация о количестве выявленных там плитовых могил и их процентном соотношении с погребальными сооружениями иных типов противоречива (см: Стоянова, 2013, с. 85, прим. 4), большинство исследователей, ссылаясь на подсчеты Н. А. Богдановой, сходятся во мнении, что могил этой конструкции в Заветном найдено много. Последующие же раскопки памятника в 2004 г., приведшие к обнаружению 24 могил, не выявили среди них ни одной плитовой (Зайцев и др., 2007, с. 249–290).

В статье 1987 г. Т. Н. Высотская привела статистические данные, согласно которым плитовые могилы открыты на территории пяти некрополей Юго-Западного Крыма (Усть-Альма, Заветное, Бельбек I, Бельбек II,

Скалистое III), и высказала предположение о том, что «они появляются в позднескифских некрополях не ранее I в. н. э.» (Высотская, 1987, с. 41, 53).

В тезисах к конференции 1994 г. А. Е. Пуздровский сообщил, что одна плитовая могила была обнаружена в могильнике Перевальное (Пуздровский, 1994а, с. 55), но в статье о типах погребальных сооружений Юго-Западного и Центрального Крыма указал, что ему известны «две такие могилы с детскими захоронениями в Перевальненском могильнике, датирующиеся III в. н. э.» (Пуздровский, 1994б, с. 116). В опубликованной позже монографии 2007 г. при описании могильников указано, что в Перевальном раскопана одна плитовая могила, а в разделе, посвященном типологии погребальных сооружений, говорится о плитовых могилах во множественном числе (Пуздровский, 2007, с. 95, 109). На эту путаницу в цифрах уже обращалось внимание (Стоянова, 2013, с. 85). Я сверился с отчетной документацией, и мне удалось обнаружить упоминание только об одной плитовой могиле, выявленной на этом памятнике².

Описывая распространение плитовых могил в Юго-Западном и Центральном Крыму, А. Е. Пуздровский отметил, что наибольшее их число выявлено в Заветном, меньше — в Усть-Альминском могильнике, еще меньше — в могильниках Бельбек II, Скалистое III и Перевальное, известны они в некрополе Бельбек IV, и «практически только из этих могил состоял могильник Бельбек I»³. По мнению исследователя, плитовые могилы «появляются в Юго-Западном Крыму во II – III вв. н. э.», тогда как

² В этой могиле (могила 7-а) находилось детское захоронение (длина костяка около 1 м), сопровождавшееся крайне бедным вещевым набором: бусами (в форме параллелепипеда из красного глухого стекла и округлой формы из белого стекла) в области шеи и поддоном от краснолаковой тарелки или чашки, вероятно, положенным в могилу уже в виде фрагмента, а не целого сосуда. Возможно, путаница возникла из-за того, что рядом (в 0,50 м) с этим объектом находилась другая детская могила, и на общем плане они воспринимаются как похожие. Но никаких указаний на наличие плит в конструкции этой второй могилы в документах не содержится.

³ Не совсем так, поскольку в Бельбеке I, согласно Н. М. Печенкину, кроме 17 плитовых сооружений обнаружены 2 могилы с костяками «в сидячем положении с вытянутыми на юг ногами в грунтовых ямах, заваленных камнями» и 3 «трупосожения вне могильной ямы» (Печенкин, 1905, с. 31, 32). А если доверять таблице, приложенной И. И. Гущиной к тексту статьи 1974 г., памятник состоит из 14 плитовых могил, 2 могил с костяками «в сидячем положении», 3 грунтовых, 2 в виде зольных пятен с «обгорелыми костями», 1 могилы неопределенной конструкции, и 1 конского захоронения (Гущина, 1974, с. 46, 48).

в Центральном Крыму «известны всего две такие могилы с детскими захоронениями в Перевальненском могильнике⁴, датирующиеся III в. н. э.» (Пуздровский, 1994б, с. 116).

Впоследствии, в монографии 2007 г. исследователь почти дословно повторил этот же текст, но появились и некоторые отличия. О времени появления плитовых могил в Юго-Западном Крыму здесь уже ничего не говорится, плитовые могилы (опять во множественном числе) Перевального отнесены к середине III в. н. э., и появляется фраза о том, что «этот тип погребальных сооружений получил развитие в могильниках, возникших после середины III в. н. э. (Бельбек I, Вишневое, Суворово)» (Пуздровский, 2007, с. 109). Все это в совокупности может подвести читателя к мысли о появлении плитовых могил именно в середине III в. н. э., но никаких оснований для этой идеи, насколько я знаю, у А. Е. Пуздровского быть не могло. Полагая, весь текст надо понимать исключительно в том смысле, что плитовые могилы, хоть и появились в более раннее время, но продолжали сооружаться и после середины III в. н. э., в том числе на появившихся в это время могильниках⁵.

В статье 2002 г. список некрополей Юго-Западного Крыма, на территории которых выявлены плитовые могилы, представил И. С. Пиоро. В нем значились могильники «Севастопольский» (он же Совхоз 10), Бельбек I, Бельбек II, Терновка II и Инкерманский⁶, а также курган у Братского кладбища. Здесь важно отметить упоминание могильника Терновка II, отнесенного к III–IV вв. н. э., информация о плитовых могилах которого была опубликована впервые⁷ (Пиоро, 2002, с. 65, 66). Примечательно

и то, что в этот список не были включены ни Заветное, ни Усть-Альма, хотя информация о плитовых могилах этих памятников уже была опубликована. Учитывая мнение И. С. Пиоро о датировке могильника Совхоз 10 второй половиной III – началом V в. н. э.⁸, можно подумать, что автор составил список именно таким для обоснования своего тезиса о появлении плитовых могил в Крыму в середине III в. н. э. И хотя здесь же присутствует упоминание о трех плитовых могилах из кургана у Братского кладбища (I в. до н. э. – I в. н. э.), о которых сказано, что они «найбільш ранні» (Пиоро, 2002, с. 65), в дальнейших рассуждениях автора эти данные игнорируются.

О возможном наличии плитовых могил среди раскопанных впускных погребальных сооружений кургана у Братского кладбища однозначное мнение высказать трудно. Датировка этого памятника настолько выбивается из складывающихся представлений о хронологии плитовых могил Юго-Западного Крыма, что признание их наличия в данном кургане равнозначно признанию факта их появления в регионе в столь раннее время, а это должно существенно влиять и на последующие выводы. В первичной опубликованной информации, представленной Н. М. Печенкиным, содержится упоминание о том, что в кургане было 6 впускных захоронений, причем «в трех случаях стенки могил были обложены с одной стороны плитками», о наличии перекрытий никакой информации нет. Опираясь на мнение Б. В. Фармаковского, исследователь отнес могилы ко II в. н. э. (Печенкин, 1905, с. 35, 37). Позже Т. Н. Высотская датировала их рубежом эр – I в. н. э. и предположила, что на самом деле это были подбойные

⁴ В действительности, как я уже указал, в Перевальном раскопана всего одна плитовая могила.

⁵ У меня есть основания думать, что, по крайней мере, один из трех перечисленных А. Е. Пуздровским могильников (Суворово) возник раньше середины III в. н. э.

⁶ В действительности плитовых могил в Инкерманском некрополе обнаружено не было, и далее по тексту автор уточняет, что могилы Инкермана на самом деле не плитовые в полном смысле этого слова, а грунтовые с заплечиками и каменным перекрытием (Пиоро, 2002, с. 68)

⁷ По И. С. Пиоро: «досліджено 16 плитових, ґрунтових могил» (Пиоро, 2002, с. 66).

⁸ После публикации материалов исследования этого памятника стало ясно, что его наиболее ранние погребения были совершены не позже конца I в. н. э. (Стржелецкий и др., 2005, с. 188).

могилы⁹, «форму яких не зміг визначити М. М. Печонкін» (Висотська, 1970, с. 92, 93). Иное мнение выразила И. И. Гущина, датировавшая эти могилы I в. до н. э. – I в. н. э.: две из них она назвала плитовыми¹⁰, о третьем сооружении сообщила, что это «грунтовая могила» со стенкой из вертикально стоящих плит» (Гущина, 1974, с. 48, 49).

На основании имеющейся информации прийти к окончательному решению относительно типа рассматриваемых могил нелегко, и ответ на вопрос об их конструкции кажется зависящим от степени доверия к мнению того или иного исследователя. Лично мне подбойные могилы, впущенные в насыпь кургана, представляются более реалистичными ввиду многочисленности прецедентов. А. Е. Пуздровский все впускные могилы кургана, датированные им концом I в. до н.э. – I в. н. э., тоже посчитал подбойными (Пуздровский, 2007, с. 39). Не упоминает этот памятник при перечислении некрополей с плитовыми могилами и А. А. Стоянова (2013, с. 85–87).

По поводу прочих могильников определенности больше. Три плитовые могилы, выявленные в могильнике Суворово, отнесены авторами публикаций ко времени «около середины III в. н. э.», к IV в. н. э. (Зайцев, 1997, с. 102, 108, рис. 58, 6; 60, 19) и к концу IV – началу V в. н. э. (Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 62, рис. 13). Четыре плитовые могилы (все ограбленные, с плитами у двух длинных стенок, без торцовых камней) обнаружены в могильнике у с. Брянское, причем одна из них содержала фибулу первой половины III в. н. э., а остальные могут быть датированы лишь в широком диапазоне от II до середины III в. н. э. (Труфанов, 2005, рис. 2; 3; 5).

В могильнике Бельбек IV раскопаны только две плитовые могилы (с плитами вдоль двух длинных стенок), одна из которых датирована концом II – первой половиной III в. н. э., а во второй датирующей вещей не обнаружено. Еще два сооружения имели частичную обкладку из вертикальных плит (Гущина, 1989, с. 31, 33, 34, рис. 10; Гущина, Журавлев, 2016, с. 9, 158, 168, 169).

Плитовые могилы некрополя Совхоз 10¹¹ авторы публикации датировали «концом III – IV в. н. э. или IV–V вв. н. э.» (Стржелецкий и др., 2005, с. 36). Следует отметить, что такая датировка, даже с поправкой на возможное отнесение самых ранних из этих могил ко второй половине III в. н. э., свидетельствует об их полной асинхронности плитовым могилам Усть-Альмы и прочих могильников, переставших функционировать около середины III в. н. э.

В список могильников Юго-Западного Крыма, на территории которых обнаружены плитовые могилы, представленный в работе А. А. Стояновой, опубликованной в 2013 г., вошли Совхоз 10, Бельбек I, Бельбек II, Бельбек IV, Терновка II, Суворово, Усть-Альма, Брянское, Заветное и Скалистое III. Упоминается Балта-Чокрак, где найдена могила с плитами у одной стенки (Стоянова, 2013, с. 85–87). В некоторых некрополях (Заветное, Совхоз 10, Бельбек I) плитовые могилы представлены заметным числом, в других могильниках их меньше. Отчасти это может быть связано с малой степенью изученности памятника (Брянское, Бельбек II и т. д.), но некоторые некрополи исследованы в большем объеме (например, Бельбек IV), так что малое количество обнаруженных на их территории плитовых могил, вероятно, отражает действительную ситуацию.

⁹ На опубликованном чертеже (Висотська, 1970, рис. 2) три из числа найденных могил имеют вид прямоугольных ям с камнями вдоль одной из длинных стенок. В соответствии с предположением Т. Н. Высотской, эти камни являются остатками закладов, а входные ямы не были замечены Н. М. Печенкиным и потому не отражены на плане.

¹⁰ К этому добавлено, что в одной могиле «плиты сохранились у узкой стены», а в другой — «плиты сохранились у восточной стены» и она была «сверху перекрыта плитами» (Гущина, 1974, с. 48, 49).

¹¹ В тексте публикации сообщается о 14 «грунтовых могилах с каменными плитами» и еще о 6 подбойных могилах с каменными ящиками во входных ямах (Стржелецкий и др., 2005, с. 36, 37).

Высказанное ранее утверждение о том, что плитовые могилы «встречаются в большинстве могильников Юго-Западного Крыма» и отсутствуют «в других регионах» (Дашевская, 1991, с. 26), несколько пошатнулось. Уже упоминалось об одной плитовой могиле некрополя Перевальное (Пуздровский, 1994а, с. 55). Имеются сведения о такой же могиле из Опушек (Стоянова, 2012, с. 10, 11, рис 10, 11). Опубликована информация о двух могилах из некрополя Нейзац, одна из которых датирована первой половиной II в. н. э. («хотя нельзя исключать возможность совершения захоронения и в последней четверти I в. н. э.»), а вторая отнесена к IV в. н. э. (Стоянова, 2013, с. 77–85). Все эти могилы (1 — из Перевального, 2 — из Нейзаца и 1 — из Опушек) предназначались для детских захоронений (Стоянова, 2013, с. 77–85), но о значимости этого факта пока судить сложно из-за малой величины статистической выборки. В целом же можно сказать, что хотя плитовые могилы и открыты в некоторых пунктах центральной предгорной зоны, в сравнении с юго-западной частью полуострова их ничтожно мало, так что наблюдение о диспропорции между регионами сохраняет свою актуальность.

Восточный Крым. Известно, что в первые века н. э. плитовые могилы сооружались и в Восточном Крыму, но вопросы, связанные с выяснением их происхождения, осложняются некоторыми факторами. Во-первых, конструктивно близкие погребальные сооружения существовали на этой территории с древних времен. Во-вторых, некрополи боспорских городов и т. н. «хоры» исследователи с самого начала их изучения предпочитали рассматривать отдельно, полагая, что в городах мы вправе ожидать значительную роль греческих поселенцев, а на остальной территории, соответственно, больший процент местных варваров.

В результате этих установок отдельно изучались две линии развития конструкции: «городская» и «сельская»¹².

По Е. Г. Кастанаян, выложенные камнем могилы, которые она называет то плитовыми гробницами, то гробницами «в виде каменных прямоугольных ящиков», известны «в некрополе Пантикапея архаического времени», но они там «занимают незначительное по количеству место», а их инвентарь ничем не выделяется. По мнению исследовательницы, хотя конструкция «представляет традицию очень древнюю, восходящую еще к эпохе бронзы», но «генетически пантикапейские гробницы все же с ними, по-видимому, не связаны». Похожие ящики существовали и в Греции, так что «появление таких гробниц в пантикапейском некрополе во второй половине VI в. до н. э. надо, по-видимому, связывать с традициями греческих колонистов». Такие же могилы продолжают сооружаться и «в классическое время (V – IV вв. до н. э.)», но они единичны (Кастанаян, 1959, с. 260, 263–265, 275, 276).

Т. М. Арсеньева писала о том, что «могилы, сложенные из камня и перекрытые каменными плитами, встречаются в Пантикапее с VI – V вв. до н. э. и на протяжении всей его истории», аналогичные сооружения известны и в Нимфее. Не решив, связывать ли их появление на Боспоре с «греческим влиянием» или с «традициями местного населения», она пришла к заключению, что «каменная облицовка могильных ям и наличие каменных плит над ними не может быть решающим фактором при решении этнических связей», поскольку этот конструктивный прием «соответствовал обычаям, распространенным как в греческом, так и в варварском мире» (Арсеньева, 1970, с. 148).

В. Н. Корпусова указала, что «могилы с каменной обкладкой стен были... широко

¹² Впоследствии была предложена обобщенная классификация погребальных сооружений первых веков н. э. Европейской части Боспора (как из городских, так и сельских некрополей), согласно которой «плитовые (каменные) гробницы» разделены на два варианта: а) с каменным полом и б) без каменного пола, в которых «яма обкладывалась со всех сторон вертикальными плитами» (Земскова, 2008, с. 465).

распространены в городских некрополях Боспора с VI – V вв. до н. э.), а «в некрополях сельского населения Керченского п-ова они известны с конца VI в. до н. э.» (Корпусова, 1983, с. 21). В связи с этим авторы коллективной монографии об Акташском могильнике заметили, что «В. Н. Корпусова типологически не различает грунтовые могилы, обложенные камнем, от наземных каменных ящиков», распространенных на «сельской» территории. По их мнению, эти ящики связаны с доскифским местным населением¹³ и «фактически исчезают» после появления скифов с их курганными могильниками (Бессонова и др., 1988, с. 101, 104, прим.). Однако, имеются сведения и о более поздних сооружениях такой же конструкции: могилы, раскопанные в урочище Стоячий камень у с. Золотое, представляли собой «частично углубленные в материк каменные ящики», датированные от конца VI – V вв. до н. э. до эллинистического времени (Корпусова, Орлов, 1978, с. 67, 74) и от IV – III вв. до н. э. до начала I в. до н. э. (Масленников, 1978, с. 85, 88)¹⁴.

Таким образом, в эллинистическое время на территории некрополей боспорских городов, наряду с иными погребальными сооружениями, продолжают, пусть и не часто, сооружаться плитовые гробницы (каменные ящики в ямах), а на боспорской «хоре» порой используются каменные ящики, частично углубленные в грунт. Но линия развития каменных ящиков сельской территории прерывается, тогда как «городские» плитовые могилы (которые «ни в коей мере не связаны происхождением с грубыми каменными ящиками VI – I вв. до н. э. местного варварского населения Восточного

Крыма»¹⁵), продолжают сооружаться и в первые века н. э., являясь «как бы развитием» грунтовых могил с каменным перекрытием, хотя «среди прочих типов гробниц рассматриваемого времени» они и «не занимают видного места». На «хоре Европейского Боспора» такие же могилы «появляются позже других — лишь с I в. н. э.», причем «самый высокий процент они составляют в I – II вв. н. э.» (Масленников, 1990, с. 25, 88, 193).

Несколько «плитовых, ящикообразных могил» (9 из 12 сооружений) отнесенных к I – II вв. н. э., раскопано в некрополе Кызул. Стенки 8 из них выложены тщательно обработанными плитами, у одной могилы стенки были «из грубо обработанных плит», в донной части двух могил устроены дополнительные ямы. Все могилы многократного использования, содержали от 2 до 8 костяков (Гайдукевич, 1959, с. 187–207).

Еще несколько плитовых могил (7 из 45 сооружений) выявлено в некрополе Новоотрадное. Их стенки состояли из массивных, тщательно обработанных плит, плотно пригнанных друг к другу, причем почти у всех сооружений (6 могил) ими были обложены все четыре стенки. «Внутри могил следов дерева не прослежено». Плиты перекрытия тоже массивные, «имеют ровную, подтеканную наружную поверхность». Эти могилы являлись гробницами многократного использования, в них находились останки от 2 до 5 человек, а датировка определена в рамках I – II вв. н. э.¹⁶ Конструкция с двумя каменными стенками представлена только одной могилой, в которой было совершено погребение, датированное первой половиной I в. н. э. (Арсеньева, 1970, с. 85, 86, 92, 96,

¹³ Под которым понимается население, «родственное в какой-то степени таврам Горного Крыма и северо-кавказским синдам» (Бессонова и др., 1988, с. 10).

¹⁴ По мнению авторов монографии об Акташском могильнике, «материалы грунтового некрополя Золотое фиксируют в IV в. до н. э. смену погребальных сооружений: вместо каменных ящиков сооружают ямы, стенки которых обставлены крупными камнями» (Бессонова и др., 1988, с. 104). Откуда возникла эта мысль о смене обряда в IV в. до н. э., я не понял. В соответствующих публикациях (Корпусова, Орлов, 1978, с. 65–76; Масленников, 1978, с. 84–89) указаний на это нет. Там сказано, что могилы IV – I вв. до н. э. — тоже ящики, лишь частично углубленные в грунт

¹⁵ Далее поясняется, что под «местным населением» понимаются скифы (Масленников, 1990, с. 193).

¹⁶ Датируя каждую из этих могил по отдельности, Т. М. Арсеньева использовала интервалы: I в. н. э., вторая половина I в. н. э., вторая половина I – начало II в. н. э. и I – II вв. н. э., но, говоря об этих же могилах в целом, почему-то указала не только «I – II вв. н. э.», но и «I в. до н. э.», что, возможно, является опiskeй или опечаткой.

97, 99, 106, 131, рис. 4, 1–3; табл. 2, 1–5; 3, 9).

Пять могил «с каменной обкладкой стен и перекрытием» обнаружены на территории могильника Золотое, что в сравнении с общим количеством погребальных сооружений этого памятника (237) совсем не много. Камни у боковых стенок этих могил «были только грубо обработаны» и фактически представляли собой обломки камня. У двух могил камнями обложены четыре стенки, у одной — три, у еще одной — две. Одна могила, отнесенная к началу I в. н. э., представляла собой яму с двумя частично обложенными камнями стенками. Из перечисленных могил две содержали останки 2 и 3 человек, три оказались ограбленными, и количество погребенных в них людей осталось невыясненным (Корпусова, 1983, с. 19, 21, табл. XII, 1; XVI, 5; XXI, 1; XXXI 1; XLII, 13).

Исходя из этих данных, можно прийти к выводу, что плитовые могилы хоры Боспора имеют как общие, так и отличительные черты. На одних памятниках преобладают сооружения из тщательно обработанных и плотно пригнанных плит (Кыз-Аул, Ново-Отрадное), на других встречены могилы, сложенные из грубо обработанных каменных обломков (Золотое). Преобладает конструкция, в которой камнями выложены все четыре стенки. Почти все могилы являлись сооружениями многократного использования. Было высказано предположение о том, что распространение таких могил на «хоре Европейского Боспора», возможно, «было одним из следствий стабилизации и благополучия населения хоры»¹⁷ (Масленников, 1990, с. 25, 88).

Гипотезы о причинах появления плитовых могил в Юго-Западном и Центральном Крыму. Формирование этих гипотез

происходило в процессе расширяющихся полевых исследований, ведущих к пополнению материалов, и порой сопровождалось переменной мнений их авторов.

В статье 1963 г., посвященной могильнику Заветное, Н. А. Богданова отнесла плитовые могилы этого памятника к числу проявлений «таврского этнического элемента» («таврський етнічний елемент») (Богданова, 1963, с. 108). Сейчас «тавская» версия происхождения плитовых могил уже всерьез никем не рассматривается, но тогда она могла казаться вполне актуальной.

Тем не менее, уже в следующем 1964 г. Н. А. Богданова в соавторстве с И. И. Гущиной опубликовала статью, в которой наличие плитовых могил в могильнике Заветное связывалось уже не с таврами, а с тем, что «население, оставившее могильник, находилось в тесном взаимодействии с населением греческих городов Северного Причерноморья, главным образом Херсонеса» (Богданова, Гущина, 1964, с. 328).

Подключаясь к обсуждению вопроса, Т. Н. Высотская в статье 1970 г. категорически отвергла мысль о том, что могилы как Заветного, так и Бельбека I имеют хоть какое-то отношение к таврам, и предложила связывать их происхождение с сарматами, а их каменную обкладку считать проявлением античных традиций («походження таких могил слід пов'язувати з сарматами, а облямування могильних ям плитами всередині пояснюється, в даному випадку, античними традиціями»)¹⁸. Далее говорилось, что похожие могилы есть на Северном Кавказе, вследствие чего можно представить, что в Крыму они появились вместе с какой-то из пришедшей из тех мест групп сарматов (Высотська, 1970, с. 98, 106).

¹⁷ Признаться, я не вполне понимаю, какова может быть связь между «благополучием населения» и распространением плитовых могил. Имеется в виду, что улучшение качества жизни позволяло сооружать более трудоемкие и дорогостоящие (Масленников, 1990, с. 25, 193) плитовые могилы?

¹⁸ Запутанная фраза, смысл которой в том виде, в каком она опубликована, понять мне тяжело. Мысленно разделяю ее на две части: «сарматскую» и «античную». С «сарматской» можно разобраться, лишь проявив догадливость: под «такими могилами», вопреки контексту, подразумеваются не плитовые могилы, а могилы в виде ям с заплечиками и перекрытием. Но что означает словосочетание «античные традиции», можно только гадать. О том, что имелись в виду традиции населения городов Боспора, становится понятно только с выходом последующей монографии в 1972 г. (Высотская, 1972, с. 90).

Спустя два года в монографии 1972 г. исследовательница вновь изложила свои взгляды. По-прежнему твердо отрицалась связь плитовых могил с таврами, и указывалось на то, что «обкладка ям внутри плитами не характерна для сарматов, но широко распространена в античных погребениях»¹⁹, из чего следует вывод о том, что «такой обычай, по-видимому, заимствован у греков». Плитовые могилы Северного Кавказа тоже упоминались, но лишь как формальная аналогия, не имеющая прямого отношения к Крыму (Высотская, 1972, с. 90). Иными словами «сармато-боспорскую» гипотезу в том виде, в каком она представлена в монографии Т. Н. Высотской 1972 г., можно изложить так: сарматы, которые прежде хоронили умерших в могилах с заплечиками, увидев плитовые могилы некрополей боспорских городов, решили тоже освоить эту практику, и сами стали иногда обкладывать плитами стенки своих могил. Затем эти же сарматы появились в Юго-Западном Крыму, смешались с местным населением и начали хоронить своих умерших в плитовых могилах теперь уже в этом регионе.

В опубликованной спустя десятилетие статье 1982 г., посвященной типологии погребальных сооружений, Н. А. Богданова, предложила новую версию появления плитовых могил в Юго-Западном Крыму, отличающуюся как от всего того, что ранее высказывалось ею самой, так и от «сармато-боспорской» гипотезы, вступая, таким образом, в полемику с Т. Н. Высотской. Исследовательница отметила, что, по ее наблюдениям, могилы некрополей греческих городов имеют «как правило, торцовые плиты», тогда как могилы из варварских некрополей Крыма, «торцовых плит, как правило, не имеют», из чего явствовало, что «связывать появление плитовых могил в могильниках Юго-Западного Крыма

с греческими традициями»²⁰ не следует (Богданова, 1982, с. 33).

Согласно новой версии, плитовые могилы появились все с теми же сарматами, но не в результате их ознакомления с греческими некрополями в период временного пребывания на Боспоре, а уже по прибытии этих сарматов в Юго-Западный Крым, вследствие постепенного расширения применения ими камня в конструкции грунтовых могил с заплечиками. Причины, вызвавшие этот процесс «усложнения и монументализации», по Н. А. Богдановой, были чисто технические: плиты стали применять для укрепления заплечиков. В дополнение было сказано, что «для конца II – III вв. н. э. характерно сочетание плитовой могилы и колоды», и «этот факт может являться дополнительным аргументом в пользу предположения о развитии этого типа могил от сарматских могил с заплечиками» (Богданова, 1982, с. 33, 38).

В ответ на это Т. Н. Высотская указала, что «в Усть-Альминском некрополе... открыты плитовые могилы, имеющие плиты с четырех сторон (37, 63, 118), в Заветном есть могилы, обложенные плитами с трех сторон», так что сравнение плитовых могил некрополей Юго-Западного Крыма с погребальными сооружениями Боспора вполне корректно. Могилы же без торцовых плит можно считать «варварским вариантом греческих плитовых могил». На «европейской стороне Боспора» плитовые могилы получают широкое распространение «в конце эллинизма и первые века нашей эры», а в «позднескифских некрополях» появляются «не ранее I в. н. э.». Различие в датах позволяет предполагать, что «видимо, от греков»²¹ восприняли скифы такие погребальные сооружения» (Высотская, 1987, с. 53). Замечу, что ни о каких сарматах речь здесь уже не идет, а говорится о «скифах», которые воспри-

¹⁹ Далее в тексте присутствует ссылка на работу Е. Г. Кастанаяна (1959, с. 260), из чего следует, что подразумеваются античные погребения некрополей боспорских городов.

²⁰ Здесь в тексте содержится ссылка на работу Т. Н. Высотской 1972 г.

²¹ Из контекста ясно, что имеются в виду греки Боспора.

няли идею плитовой конструкции напрямую от греков. Не служит ли это указанием на формирование отдельной «боспорской версии» без участия в ней сарматов?

В последующей статье 1989 г. Н. А. Богданова повторила свои прежние аргументы. Признавая, что похожие сооружения известны «в некрополях боспорских городов с середины I тысячелетия до н. э.», она отметила, что «это дало повод некоторым исследователям²² объяснять появление плитовых могил в Юго-Западном Крыму греческим влиянием», и снова указала, игнорируя замечания Т. Н. Высотской, что на Боспоре сооружались могилы, «имеющие, как правило, торцовые плиты, тогда как в могилах из Заветного торцовых плит нет», и это может «являться важным фактором в определении их происхождения... от могил с «заплечиками» (Богданова, 1989, с. 22).

Разногласия по поводу генезиса плитовых могил происходили на фоне более широких научных процессов: набирала обороты концепция сарматского присутствия и «сарматизации» позднескифской культуры Крыма. В одной из ранних статей (1963 г.) Н. А. Богданова сообщила, что в 6 из 18 обнаруженных к тому времени в некрополе Заветное плитовых могил были выявлены деревянные колоды. Указав на широкое применение колод в погребениях сарматских памятников Нижнего Поволжья и Среднего Поднепровья, она пришла к выводу о том, что «наявність їх в могильнику біля с. Завітне свідчить про сарматський елемент серед населення цього району» (Богданова, 1963, с. 96, 98). Позже она написала уже о том, что плитовые могилы Заветного характеризуются наличием колоды «в каждом непотревоженном погребении» (Богданова, 1989, с. 22). У меня есть сомнения по поводу тотального применения колод в плитовых могилах Заветненского некрополя, но, как бы то ни было, это сооб-

щение в дальнейшем стало играть роль документально зафиксированного факта, который можно использовать в этнокультурных реконструкциях.

В статье 1994 г. А. Е. Пуздровский, рассуждая о возможных путях появления плитовых могил, указал²³, что для этих сооружений «характерны захоронения в колодах и другие признаки сарматского обряда²⁴», но при этом «нельзя исключать и влияние черняховской культуры, учитывая найденные в Бельбеке I трупосожжения» (Пуздровский, 1994б, с. 117). В монографии 2007 г. он снова отметил «колоды и другие признаки сарматского обряда» с оговоркой о том, что «нельзя исключать и влияние германских культур» (поводом к этому явились трупосожжения уже не только Бельбека I, но и Опушек), а кроме того, сославшись на работу И. С. Пиоро (1990, с. 141–143), добавил, что существует еще и «северокавказская версия» (Пуздровский, 2007, с. 109).

О «северокавказской версии» следует сказать отдельно. Ее первоначальный вариант, как уже отмечалось, можно усмотреть еще в одной из ранних работ Т. Н. Высотской, где говорилось о миграции в Юго-Западный Крым сарматов с Северного Кавказа через Боспор (Высотська, 1970, с. 106). Спустя два десятилетия усилиями И. С. Пиоро эта версия была переработана и встроена в концепцию о проникновении в Крым «племен готского союза». Излагающий ее текст из монографии И. С. Пиоро привожу дословно с небольшой лакуной: «Плитовые могилы из могильников позднеримского времени в Юго-Западном Крыму... свидетельствуют о проникновении в Юго-Западный Крым осармаченных горцев Северного Кавказа» (Пиоро, 1990, с. 143).

Позже, в журнале «Археологія», вышла статья, в которой исследователь повторил этот же тезис, сопроводив его расширенной аргументацией. По его мнению, крымские

²² Под «некоторыми исследователями», надо полагать, подразумевалась Т. Н. Высотская, так как далее следует ссылка только на ее работу 1972 г.

²³ Со ссылкой на работу Н. А. Богдановой (1989, с. 22).

²⁴ О каких «других признаках» идет речь, А. Е. Пуздровский не уточнил.

плитовые могилы близки по конструкции северокавказским сооружениям, из чего следует вывод: «плитові могили в некрополях римського часу в Південному Причорномор'ї залишені... горцями Північного Кавказу». Всевозможные признаки погребального обряда, прослеженные в крымских плитовых могилах, и которых в совокупности набирается множество, кажутся автору сарматскими²⁵. Наряду с этим не осталось без внимания и то, что в некоторых плитовых могилах III – IV вв. н. э. встречены вещи, характерные для черняховской культуры²⁶. В результате сложилась историческая реконструкция со следующей последовательностью событий: горцы Кавказа, ассимилированные сарматами или аланами («кавказькі горці, що увійшли до аланського союзу племен»), сначала проникли в Северное Причерноморье с сармато-аланскими племенами («з різними сармато-аланськими племенами»), там смешались с носителями черняховской культуры («нащадки кавказьких горців разом з сармато-аланами входили до готського союзу племен»), а оттуда в составе «поліетнічного готського союзу» попали в Крым, в результате чего на полуострове и появились плитовые могилы (Пиоро, 2002, с. 68–70). Таким образом «северокавказская версия» в том виде, в каком ее изложил И. С. Пиоро, может быть применима к объяснению появления плитовых могил во второй половине III – IV в. н. э. на территории Совхоза 10, Терновки II и, возможно, Бельбека I, но не имеет никакого отношения к некрополям, прекратившим функционировать около середины III в. н. э. (Усть-Альма, Бельбек IV, Заветное, Брянское).

Т. Н. Высотская в монографии 1994 г., описывая типы погребальных сооружений Усть-Альминского некрополя и приводя им аналогии в попытке объяснить их проис-

хождение, относительно плитовых могил высказалась в том смысле, что, хотя близкие конструкции известны на Северном Кавказе, «в скифскую среду такая форма попала, по-видимому, от северо-причерноморских греков, в некрополях которых они известны с VI в. до н. э.» (Высотская, 1994, с. 57, 58). Эта позиция очень близка той, что была обозначена ею ранее (Высотская, 1987, с. 53) с той разницей, что теперь упоминались не боспорские греки, а вообще северо-причерноморские.

Однако через несколько лет в работе о могильнике Совхоз 10, в числе соавторов которой была и Т. Н. Высотская, появилась иная версия. Отмечая распространенность плитовых могил на Боспоре, авторы публикации, тем не менее, более склонны «связывать их появление на некрополе Совхоз 10 с притоком алан, чем с влиянием боспорских греков» (Стржелецкий и др., 2005, с. 35–37). Тут возможны варианты. Либо Т. Н. Высотская с годами изменила свое мнение, либо пришла к выводу, что плитовые могилы Усть-Альмы и Совхоза 10, относятся к разным хронологическим горизонтам, имеют разное происхождение: усть-альминские возникли под влиянием «северо-причерноморских греков», а могилы Совхоза 10 появились «с притоком алан». Но это уже домыслы, находящиеся за гранью моей компетенции.

Наконец, следует отметить еще одну оригинальную версию появления плитовых могил в Крыму, почти между строк промелькнувшую в статье И. И. Гущиной 1987 г. о погребальном обряде населения, оставившего могильник Бельбек IV. Исследовательница предложила «искать черты сходства» между крымскими погребениями в «каменных ящиках» и сооружениями, встречающимися в «римских могильниках западных

²⁵ К таким признакам И. С. Пиоро относит ориентацию некоторых могил, деформацию некоторых черепов, лепные сосуды отдельных форм, золистую подсыпку, скорлупу от яиц, двучленные лучковые фибулы и много иного (Пиоро, 2002, с. 65, 70).

²⁶ Сероглиняные биконические миски, костяной гребень, прогнутые подвязные фибулы, умбоны и грибовидные янтарные подвески из Совхоза 10, Бельбека I и Терновки II (Пиоро, 2002, с. 65, 70, рис. 3).

провинций» (например, в Мезии) II – середины III в. н. э. И хотя далее сказано, что идея о причастности осевших в этих местах римских солдат-ветеранов и их семей к появлению плитовых могил в некрополях Бельбекской долины «требуется дальнейшей разработки» (Гущина, 1987, с. 37), (иначе говоря — дополнительных доказательств), но при отсутствии в этой статье упоминания альтернативных версий она выступает в роли доминирующей.

Обобщая всю известную информацию, А. А. Стоянова отметила, что «в Крыму концентрация плитовых могил... наблюдается в двух регионах — в юго-западной части полуострова и на востоке, на территории Боспорского государства». «В юго-западном Крыму плитовые могилы сооружались непрерывно со II до IV или даже до начала V в. н. э.». В центральной предгорной зоне таких могил крайне мало, причем наиболее ранняя из обнаруженных относится к первой половине II в. н. э., а самая поздняя — к IV в. н. э. Исследовательница пришла к выводу о том, что «люди, хоронившие умерших в могилах рассматриваемой конструкции, этнически ничем не отлича-

лись от остального населения, оставившего могильники в долинах рек Альмы, Бельбека и Качи». Наличие плитовых могил в центральном Крыму (Нейзац), по-видимому, тоже не стоит связывать с «какими-либо этническими влияниями или заимствованиями» (Стоянова, 2013, с. 77–85, 87, 88).

Плитовые могилы Усть-Альминского некрополя. Данный некрополь, расположенный в Юго-Западном Крыму в устье р. Альма, к юго-востоку от одноименного позднескифского городища (рис. 1), функционировал с конца II – начала I в. до н. э. до середины III в. н. э. На его территории выявлены погребальные сооружения разнообразных конструкций, в том числе плитовые могилы с каменной обкладкой стенок и перекрытием.

В монографии 1994 г., отражающей ранний этап исследований памятника (1964, 1968 – 1977 гг.), Т. Н. Высотская при упоминании плитовых могил ограничилась кратким указанием на то, что они «представлены наименьшим числом, их всего 4» (Высотская, 1994, с. 57). Последующие раскопки привели к обнаружению еще нескольких могил, определенных как плитовые

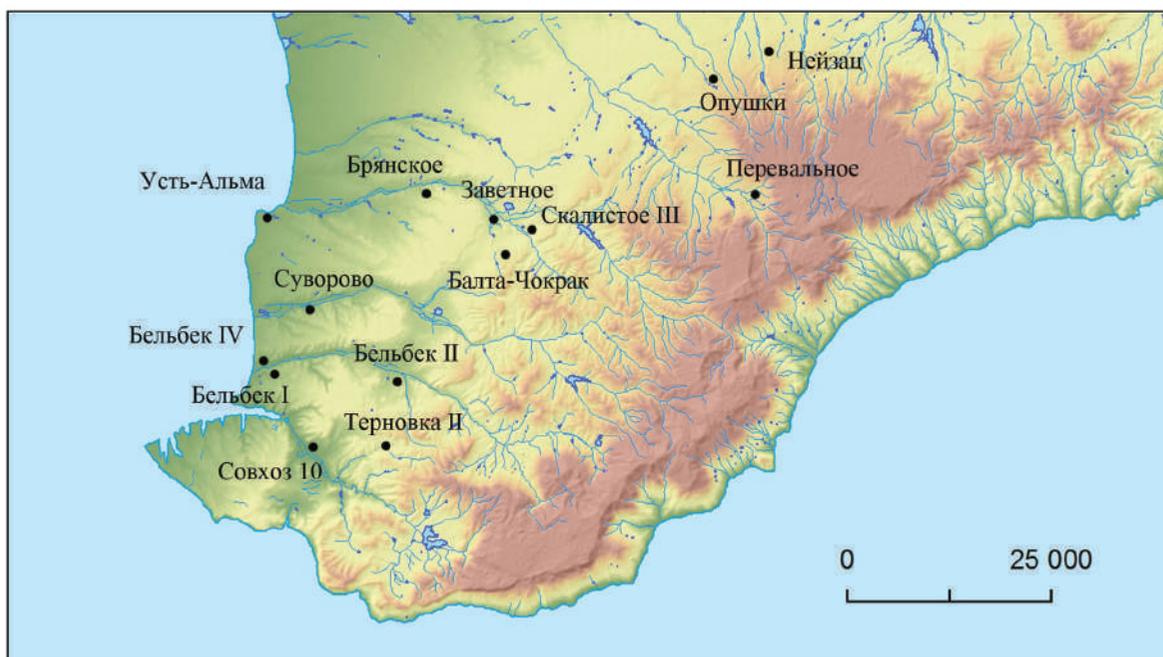

Рис. 1. Карта Юго-Западного и Центрального Крыма с обозначением некрополей с плитовыми могилами

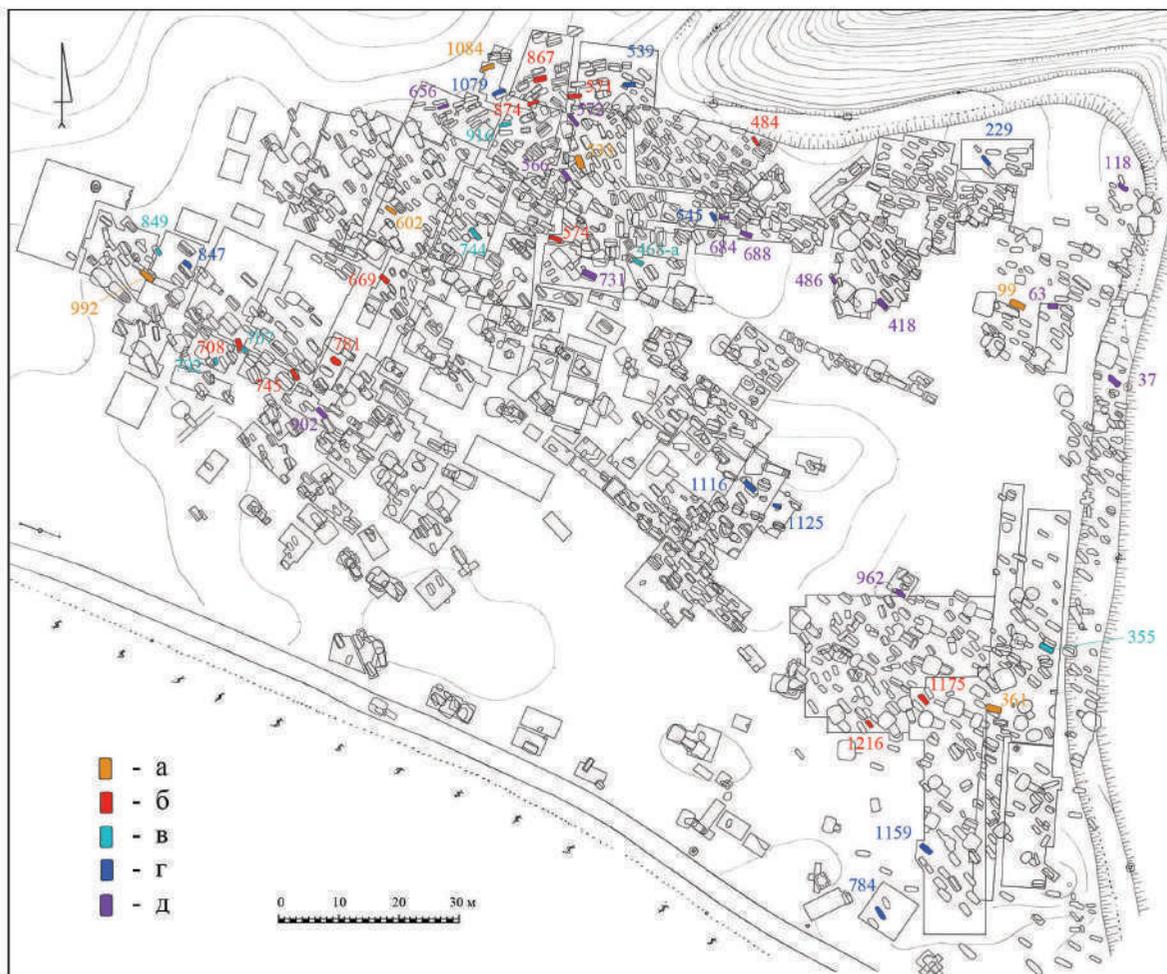

Рис. 2. План Усть-Альминского некрополя с обозначением могил с каменной обкладкой стенок: а — могилы с плитами у 1 стенки, б — могилы с частичной каменной обкладкой, в — могилы с плитами у 2 длинных стенок, г — могилы с плитами у 3 стенок, д — могилы с плитами у 4 стенок

(Пуздровский, Лобода, 1994, с. 225). В монографии 2007 г. А. Е. Пуздровский сообщил, что их число увеличилось до 20 (Пуздровский, 2007, с. 109).

Исследования памятника продолжались, вследствие чего выросло и количество обнаруженных на его территории плитовых могил. Среди 1258 выявленных к 2019 г. погребальных сооружений я насчитал 46 могил, перекрытых плитами, стенки которых имели более или менее выраженную каменную обкладку (рис. 2).

Среди них 6 объектов представляют собой сооружения, у которых плитами выложена только одна стенка, и 11 являются могилами с частичной обкладкой (несколько камней стоят у двух и более стенок, но с промежутками; в одном случае камнями выложены одна длинная и две торцовых стенки). Из общего их числа только 1 могила²⁷ может быть отнесена ко второй половине I в. н. э., 6 датируются в пределах конца I – II в. н. э., 7 были сооружены во второй половине II – первой половине III в. н. э.,

²⁷ Могила 406 с заплечиками и каменным перекрытием. У одной длинной стенки стояли два плоских камня, укреплявшие заплечики, третий находился у торцовой стенки. В могиле найдена фибула (Пуздровский, 2007, рис. 204, 4), предположительно отнесенная В. В. Кропотовым к группе 13, форме 12 (Кропотов, 2010, с. 280). Вероятно, изделие не было очищено от окислов, в результате чего его рисунок получился недостаточно информативным. Второй датирующей находкой мог бы явиться краснолаковый кувшин из этой же могилы, но аналогии ему мне не известны. Могу лишь отметить, что по некоторым формальным особенностям он напоминает кувшины I в. н. э.

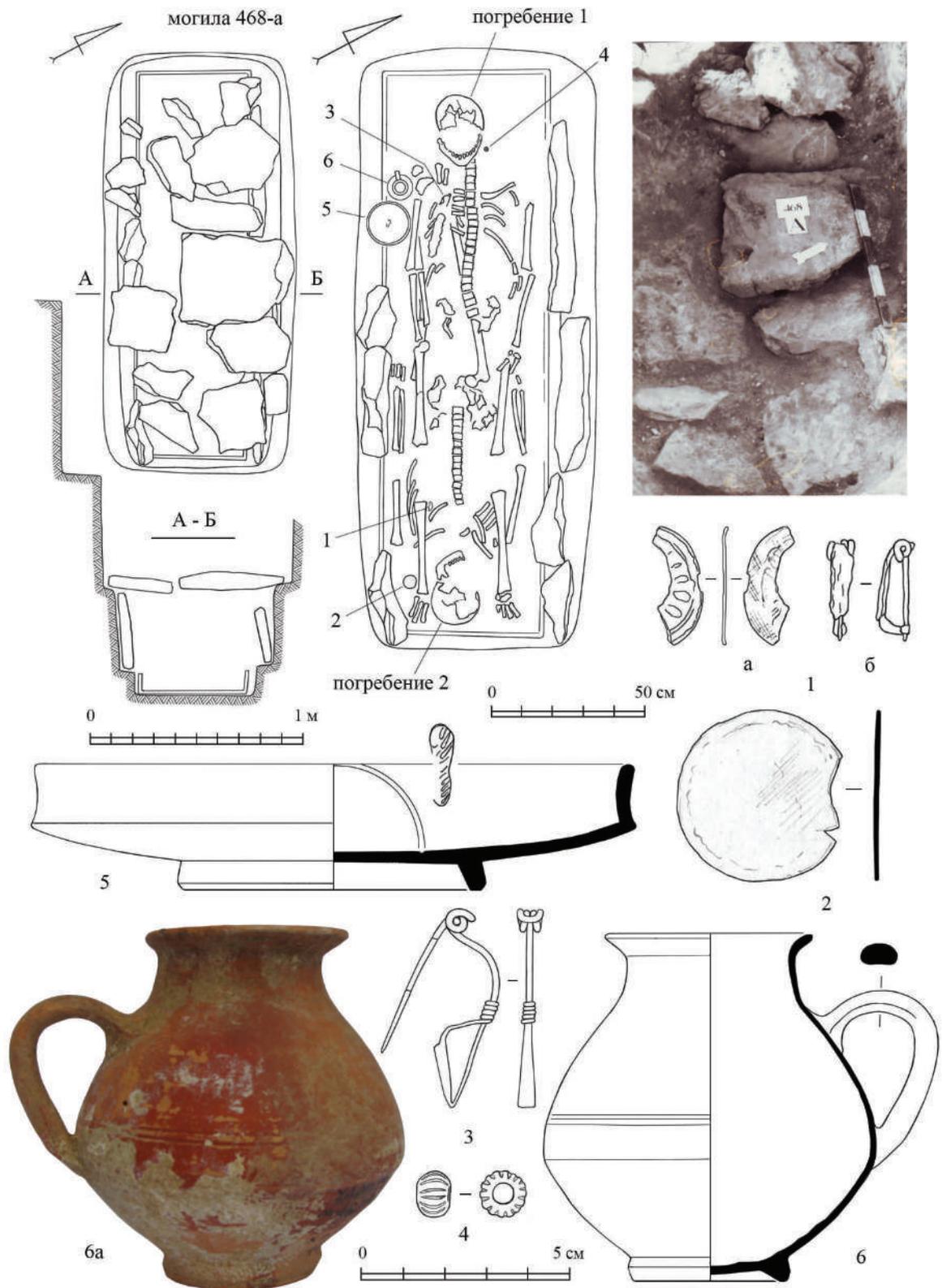

Рис. 3. Могила 468-а. План, разрез, фото, план погребений, находки. 1 (а, б) — фрагменты фибулы-броши, 2 — зеркало, 3 — фибула, 4 — бусина, 5 — краснолаковая тарелка, 6 — краснолаковый кувшин (ба — фото И. И. Неневоли) (1–3 — бронза, 4 — фаянс, 5, 6 — глина)

остальные датировать сложно. Вероятно, все эти могилы не следует причислять к действительно плитовым, и можно говорить о них лишь как о сооружениях с частичной обкладкой стенок.

К бесспорно плитовым относятся всего 29 могил. Из них: 7 с плитами у двух длинных стенок, 9 с плитами у трех стенок (у двух длинных и одной короткой торцевой) и 13 с плитами у каждой из четырех стенок.

Самыми ранними из учтенных плитовых могил Усть-Альмы являются могилы 468-а/1 (см. приложение) (рис. 3) и 744 (Пуздровский, Труфанов, 2017а, с. 14, рис. 24). Их широкая датировка определяется в рамках последней трети I – первой половины II в. н. э., но может быть сужена до конца I – первой четверти (или первой половины) II в. н. э. Возможно, к числу плитовых следует относить и могилу 745 этого же времени (Пуздровский, Труфанов, 2017а, с. 14, 15, рис. 25; 26), но из-за того, что она подверглась разрушению во время ограбления, судить о ее первоначальной конструкции трудно²⁸. Из числа прочих плитовых могил: 7 можно датировать в пределах II в. н. э., 11 относятся ко второй половине II – первой половине III в. н. э., датировка остальных вызывает сложности из-за ограблений или отсутствия в них датирующих вещей.

Вычисление процентного соотношения плитовых могил к общему количеству выявленных погребальных сооружений, практиковавшееся при анализе материалов других некрополей, применительно к Усть-Альме кажется нецелесообразным, так как пришлось бы рассматривать в качестве равнозначных учетных единиц могилы с одиночными захоронениями и склепы с десятками костяков. Более продуктивным оказалось бы сравнение количества людей, погребенных в плитовых могилах, с общим количеством людей, захороненных в некрополе, но сделать это невозможно из-за того, что многие объекты ограблены, и количе-

ство совершенных в них погребений установить невозможно. Вместо этого позволю себе сделать несколько замечаний по поводу общих и отличительных признаков конструкции плитовых могил Усть-Альминского некрополя, а также обряда совершенных в них захоронений.

1. Особенности конструкции. В усть-альминских могилах плиты, установленные под стенками ям, представляют собой некрупные, относительно плоские обломки камней без дополнительной обработки для придания им геометрически правильной формы. Обычно это обломки песчаника, иногда в конструкции присутствует несколько обломков конгломерата, еще реже применялся известняк. В сравнении с могилами из тщательно обработанных, плотно пригнанных плит Кыз-Аула и Ново-Отрадного, плитовые могилы Усть-Альмы выглядят не просто менее качественными, а как некая имитация, формально состоящая из тех же самых элементов, но представляющая собой сооружение несколько иного типа.

В большинстве случаев в перекрытии могил, помимо крупных плит, имеются камни небольших размеров, которые не достают краями до опор. Такое «перекрытие» не могло бы находиться в горизонтальном положении, не опираясь на помещенный в могилу гроб, или на грунт, насыпанный поверх гроба. Если через непродолжительное время в этой же могиле приходилось совершать еще одно захоронение, крышку гроба должны были снять, совершить обряд, после чего снова уложить плиты перекрытия поверх гроба. Если гроб успевал истлеть и грунт засыпал останки, то плиты проседали внутрь ямы. Следующее погребение в таком случае надо было совершать в новом гробу, поместив его поверх истлевшего раннего, в результате чего плиты перекрытия вновь получали опору.

Полагаю, что само наличие гроба являлось важным фактором и для сохранения

²⁸ При статистических подсчетах она учтена как могила с частичной обкладкой стенок, в качестве таковой я обозначил ее и на плане могильника (рис. 2).

вертикального положения камнями, находящимися под стенками. К моменту исследований камни обкладки, засыпанные грунтом, стоят вертикально, но при зачистке вываливаются из конструкции от одного неосторожного движения. При взгляде на обкладку стенок любой из усть-альминских могил не покидает мысль, что такая конструкция сама по себе, не подпираемая гробом, никак не могла бы находиться в вертикальном положении. Получается, что рассматриваемые могилы представляли собой не каменные ящики с пустым пространством под перекрытием, в которое помещали гроб, а нечто вроде более или менее тщательной каменной обкладки гроба, помещенного в яму и накрытого сверху плоскими каменными обломками.

2. О «коллективных захоронениях». В свое время была опубликована информация о том, что плитовые могилы Усть-Альмы «часто... содержали по несколько костяков» (Пуздровский, Лобода, 1994, с. 226). Впоследствии эти сведения стали воспроизводиться в качестве указания на то, что «некоторые из них содержали коллективные погребения» (Стоянова, 2013, с. 86). Данный тезис требует некоторых уточнений.

В отличие от плитовых могил «хоры» Боспора, многие из которых являлись гробницами многократного использования (от 2 до 7 погребений), усть-альминские могилы обычно индивидуальные. Большое количество костяков отмечено в 7 погребальных сооружениях, но все эти случаи далеко не равнозначны.

Действительных примеров повторного использования плитового сооружения для совершения в нем нового захоронения всего два. Это могилы 566 (рис. 4–7) и 902 (рис. 11), в каждой из которых было последовательно совершено по два погребения, причем стенки могил были обложены камнями уже при первом захоронении. Иными словами, данные могилы изначально сооружались как плитовые, а затем были использованы вторично.

Другие могилы (355, 468-а, 656) (рис. 3; 8) отличаются тем, что каждая из них вначале, при первом захоронении, представляла собой грунтовую яму с перекрытием, и лишь во время совершения второго погребения ее стенки обкладывались камнями, т.е. могила становилась плитовой в полном смысле этого слова на втором этапе своего функционирования. В могиле 656 (рис. 8), ранее существовавшей как простая грунтовая с перекрытием, похоронили женщину с двумя детьми в одном гробу, превратив ее при этом в плитовую могилу (Труфанов, 1999, с. 226–231). Три костяка в плитовой могиле формально позволяют относить объект к числу «коллективных захоронений», но то, что этих людей похоронили в одном гробу и, скорее всего, одновременно, не противоречит тенденции разового использования плитовых могил в Усть-Альминском некрополе.

Еще одним объектом, использованным в качестве аргумента в пользу наличия на Усть-Альме плитовых могил с «коллективными захоронениями», является могила 867 с пятью костяками. Именно как плитовая могила данный объект и был введен в научный оборот в первой публикации (Медведев, 2010, с. 221, рис. 5–7), что соответствует его определению, содержащемуся в отчете. Но конструкция этой могилы вообще необычная, и я не могу сказать, что она полностью мною понята. Во-первых, боковые плиты под стенкой располагались не на дне могилы, а на высоте 0,20–0,25 м выше уровня дна, что, скорее всего, было обусловлено тем, что нижняя часть могилы к моменту их установки уже была заполнена грунтом с более ранними захоронениями. Во-вторых, сбоку от ямы имеется подрубка, которую можно воспринимать как сохранившиеся остатки входной ямы. И в-третьих, противоположная стенка имеет наклон, характерный для подбойных камер. Допускаю, что первоначально это была подбойная могила, которая впоследствии (при одном из поздних захоронений)

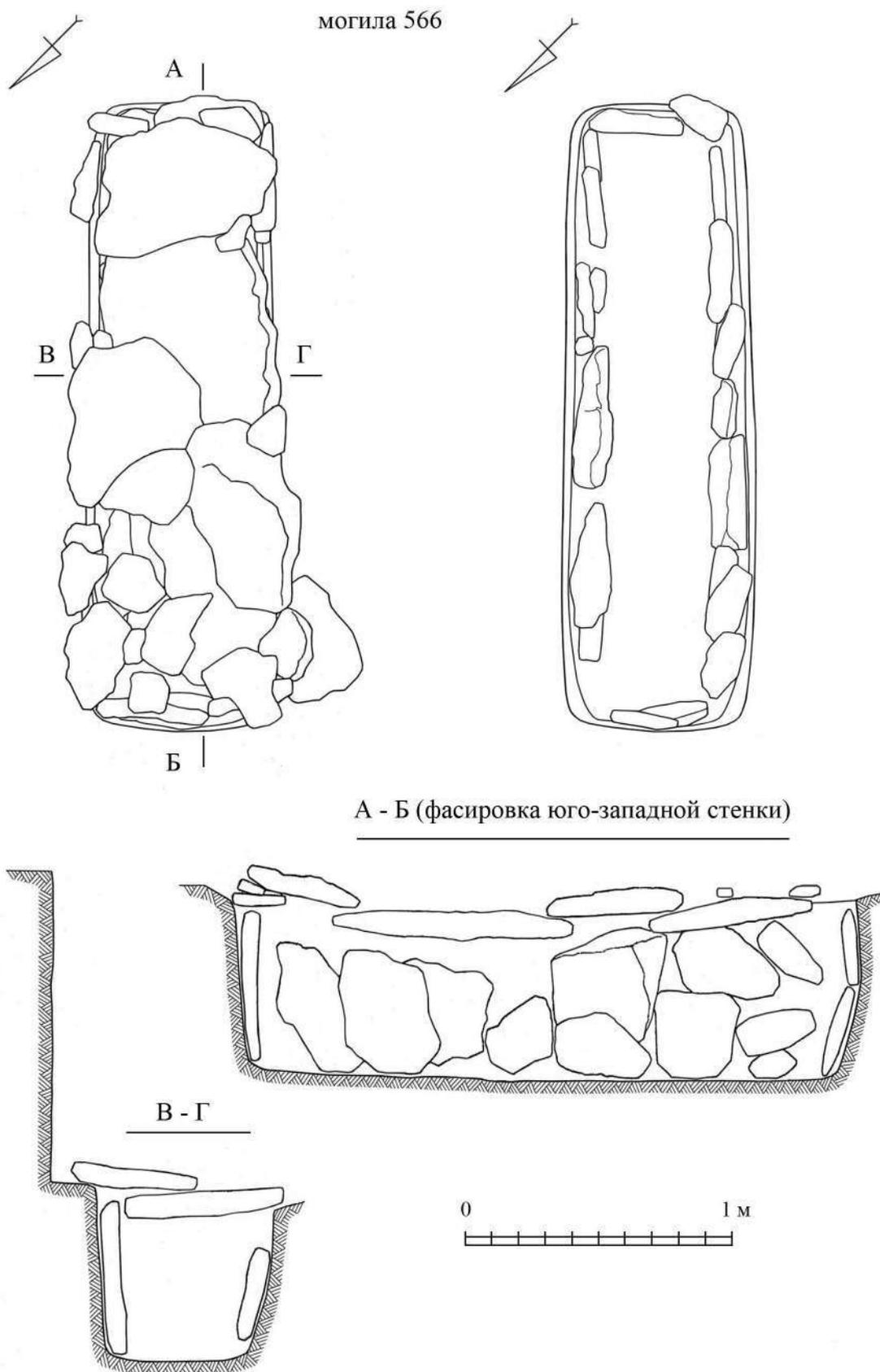

Рис. 4. Могила 566. Планы, разрезы и фасировка юго-западной стенки

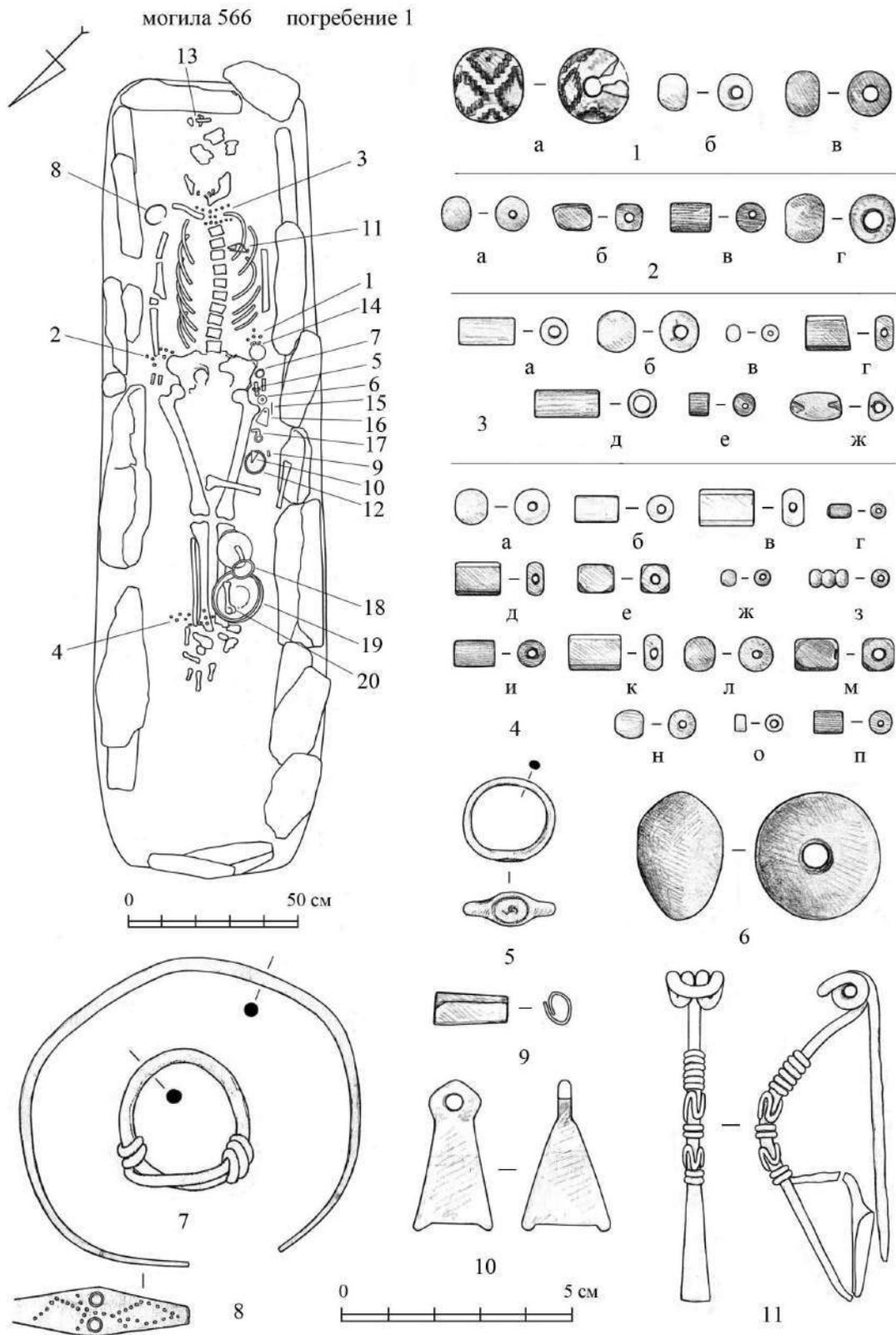

Рис. 5. Могила 566. Погребение 1. План, находки: 1 — бусы (а-в — стекло), 2 — бусы (а, б — стекло, в — гагат, г — бронза), 3 — бусы (а-д — стекло, е — гагат, ж — янтарь), 4 — бусы (а-н — стекло, о — фаянс, п — гагат), 5 — перстень, 6 — бусина, 7 — кольцо, 8 — браслет, 9 — пронизь, 10 — колокольчик, 11 — фибула (5 — бронза, стекло, 6 — халцедон, 7-11 — бронза)

могила 566 погребение 1

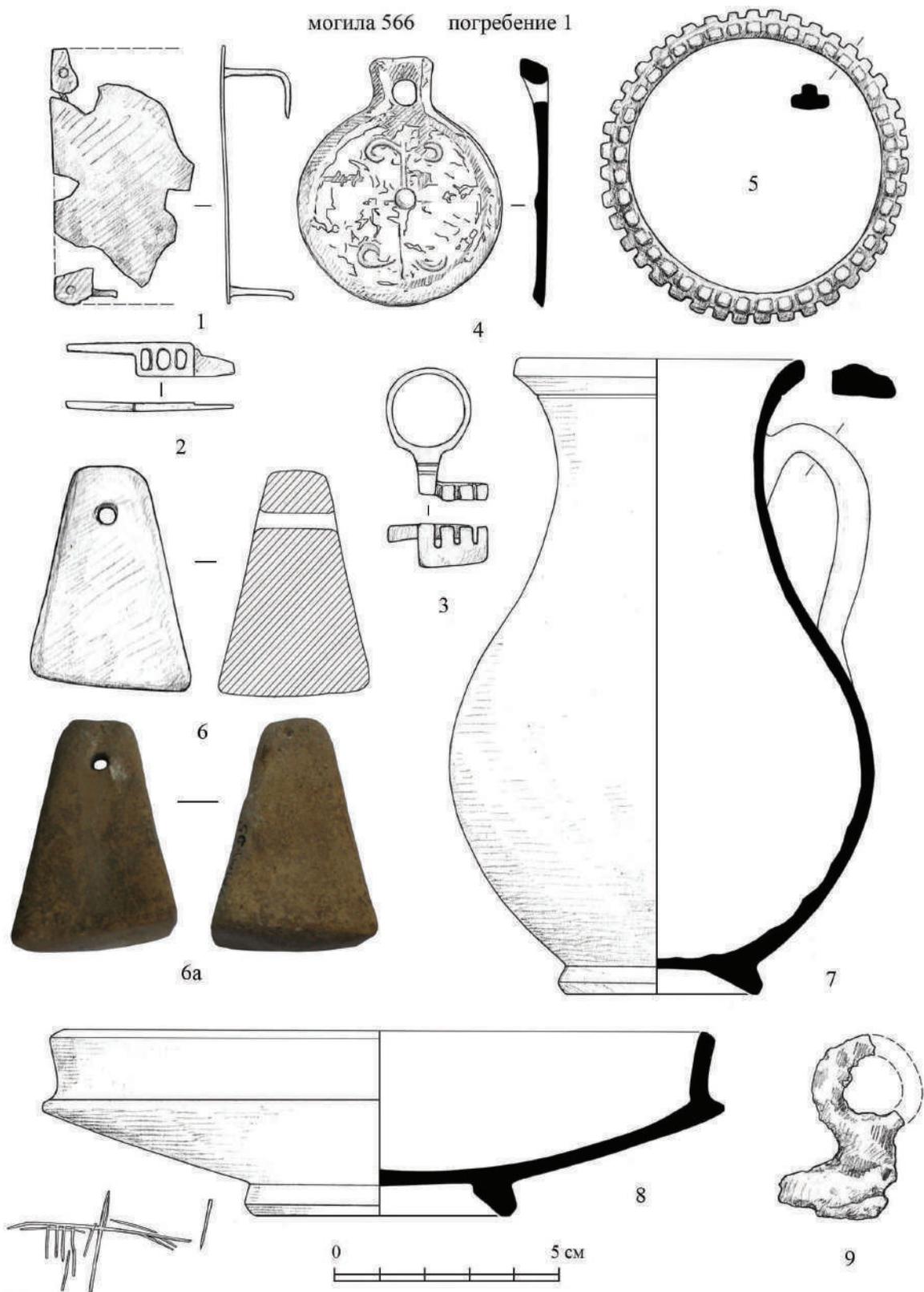

Рис. 6. Могила 566. Погребение 1. Находки: 1–3 — детали шкатулки, 4 — зеркало, 5 — кольцо, 6 — грузило (6а — фото И. И. Неневоли), 7 — краснолаковый кувшин, 8 — краснолаковая тарелка с граффити, 9 — ключ (1–5 — бронза, 6–9 — глина, 9 — железо)

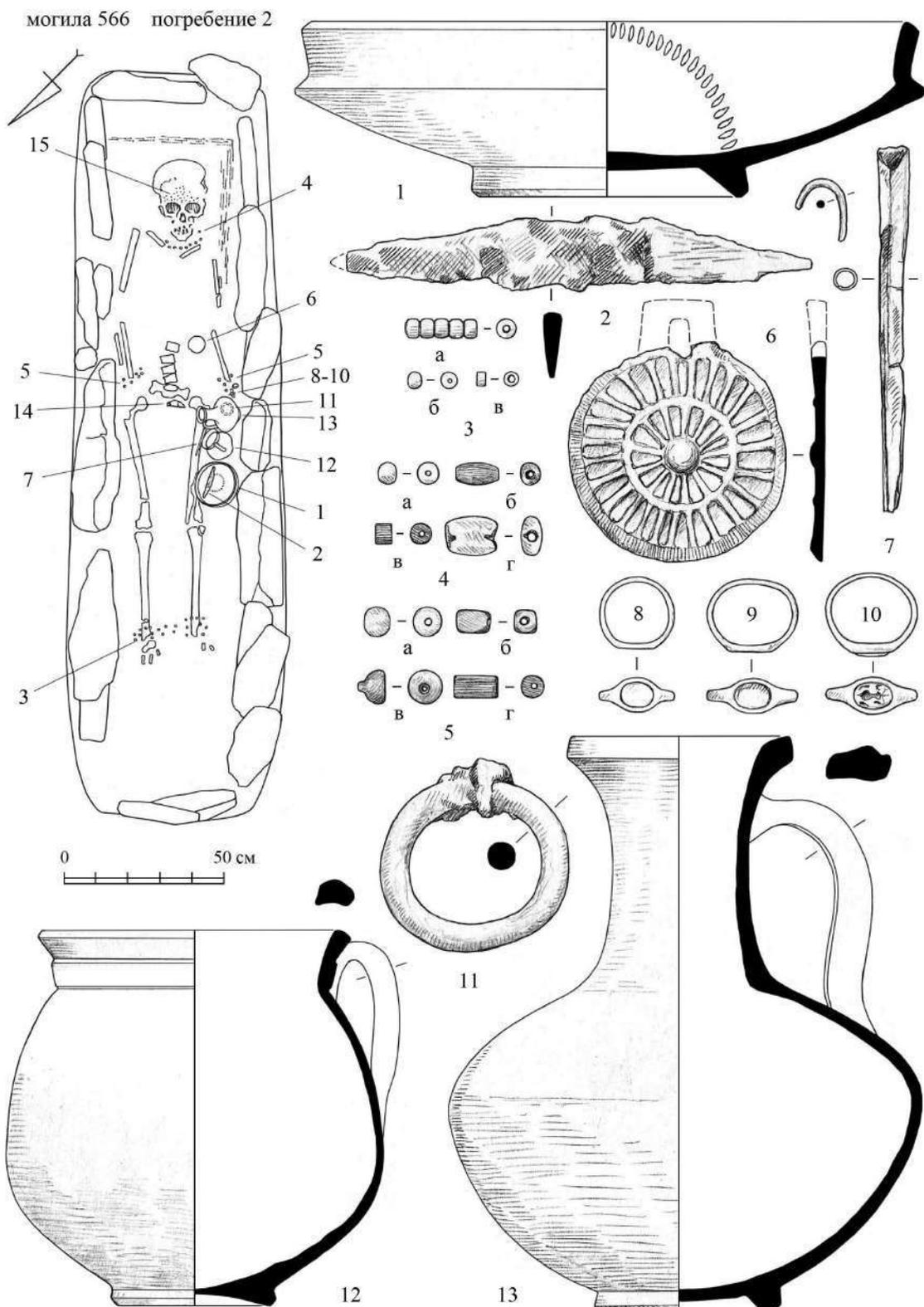

Рис. 7. Могила 566. Погребение 2. План, находки: 1 — краснолаковая тарелка, 2 — нож, 3 — бусы (а, б — стекло, в — фаянс), 4 — бусы (а — стекло, б, в — гагат, г — янтарь), 5 — бусы (а-в — стекло, г — гагат), 6 — зеркало, 7 — подвеска, 8-10 — перстни, 11 — кольцо, 12 — краснолаковый кубок, 13 — краснолаковый кувшин (1, 12, 13 — глина, 2 — железо, 6, 7, 11 — бронза, 8-10 — бронза, стекло), 14 — фибула, 15 — остатки румян

была превращена в подобие плитовой (Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 36, 37, рис. 78–80).

3. *Особенности погребального обряда.* Во многих усть-альминских плитовых могилах прослежены остатки деревянных гробов. При этом ни одного достоверного случая использования копод в них не зафиксировано. Могилы использовались для захоронений как взрослых (и мужчин, и женщин), так и детей.

Авторы монографии о Бельбеке IV предположили, что, поскольку «большинство плитовых могил в регионе доходят до нас ограбленными еще в древности», то это «может косвенно свидетельствовать о богатстве и/или о высоком социальном статусе погребенных в них» (Гущина, Журавлев, 2016, с. 9). По мнению же А. А. Масленникова, высказанному им в отношении некрополей Боспора, хотя сооружение плитовых могил и обходилось дороже простых грунтовых, но, судя по инвентарю, «вряд ли можно утверждать, что в плитовых могилах хоронились люди с материальным достатком значительно большим, чем в простых земляных гробницах с перекрытиями» (Масленников, 1990, с. 25).

Ограбленных плитовых могил в Усть-Альминском некрополе тоже не мало, но и не больше, чем погребальных сооружений какого-либо иного типа. Связывать их ограбление с особенным богатством захоронений, привлекавшим грабителей, нет оснований, так как погребения, оставшиеся непо потревоженными, в большинстве своем демонстрируют вполне обычный погребальный инвентарь. При этом количество находок в каждой отдельной могиле сильно варьируется: есть погребения вообще без вещей или с минимальным их количеством, но открыты и захоронения с множеством находок.

4. *О могилах с измененной конструкцией.* Как отмечалось выше, на Усть-Альме зафиксировано несколько случаев трансформации погребальных сооружений,

когда могила, изначально сооруженная в виде ямы с перекрытием, при повторном ее использовании была переоборудована в плитовую. К таким объектам относятся, например, могилы 355 и 468-а (рис. 3), в каждой из которых находились по два захоронения — раннее и позднее. В процессе переустройства эти могилы были расширены, причем раннему захоронению при этом старались не причинить разрушений, вследствие этого вертикальные камни устанавливались не на самое дно могилы, а на 0,10–0,15 м выше. Позднее же захоронение располагалось на одном уровне с подошвой вертикальных плит.

Еще одним примером трансформации является могила 656 (рис. 8), о которой уже упоминалось. Сооруженная в конце I – первой половине II в. н. э. как грунтовая могила с каменным перекрытием, в третьей четверти II в. н. э. она была преобразована в плитовую. На дату этого события указывает попавшая в это время в могилу монета Антонина Пия выпуска 152 – 153 гг. н. э. (рис. 8, 23) (Труфанов, 1999, с. 228, 231). Особенностью данного погребального сооружения является то, что расширять могильную яму при этом не стали, а выложили стенки камнями, установив их фактически поверх гроба, закрепив между досками и стенками ямы.

Интересный объект представляет собой могила 731 (рис. 10). Вначале ее соорудили как подбойную, а впоследствии во входной яме, совершили еще одно захоронение, выложив три стенки ямы обломками камней и накрыв их каменными плитами. Получилась плитовая могила, у которой роль одной из длинных стенок выполнял заклад подбоя. Это погребальное сооружение оказалось разграбленным, и судить о его датировке сложно, но сам факт использования подбойной могилы для переоборудования ее в плитовую заслуживает внимания. Случаи трансформации погребальных сооружений отмечены и в могильнике Совхоз 10 (Стржелец-

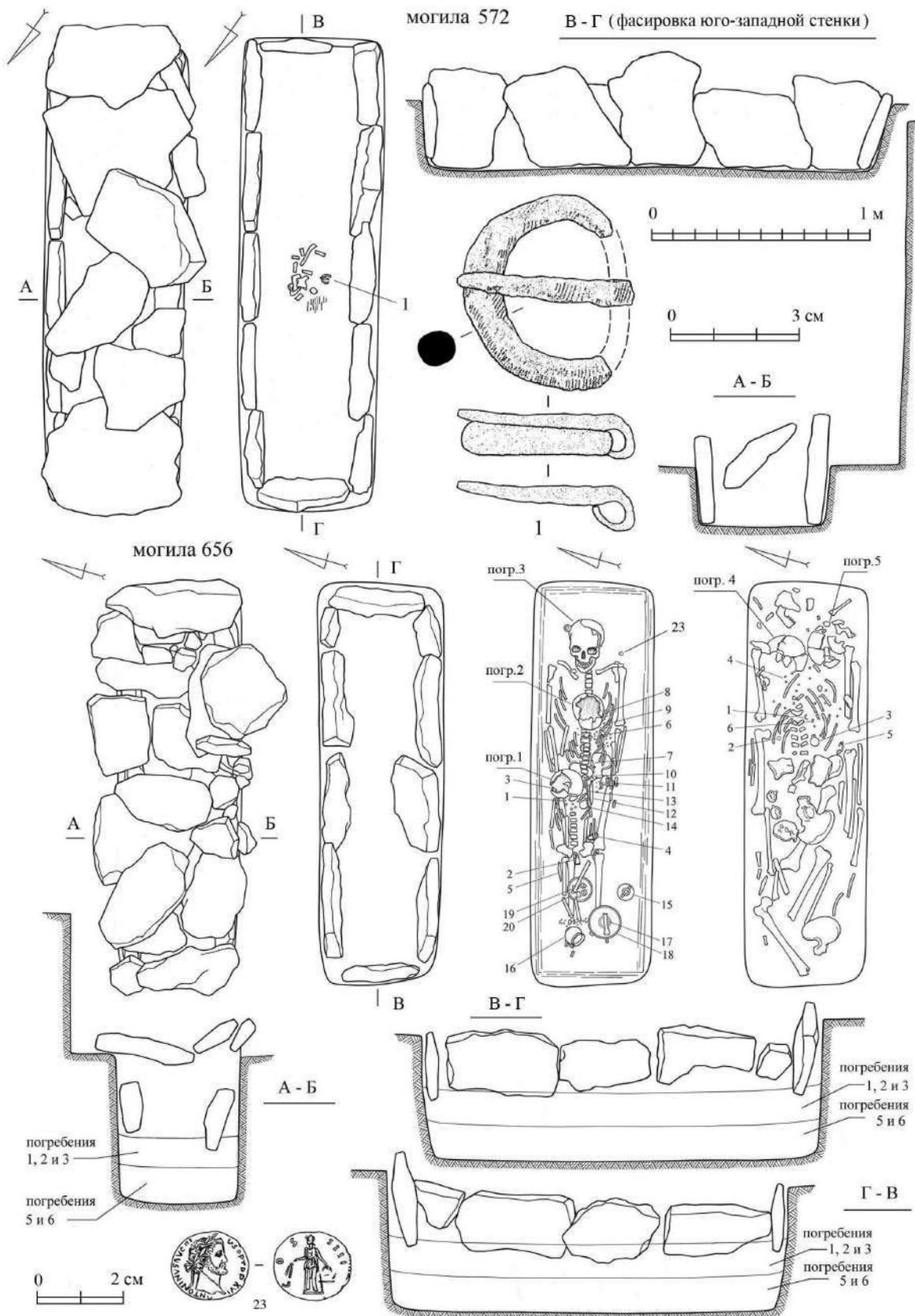

Рис. 8. Могила 572. Планы, разрез, находки: 1 — железная пряжка. Могила 656. План, разрез, планы погребений, находки: 23 — серебряная монета

могила 731

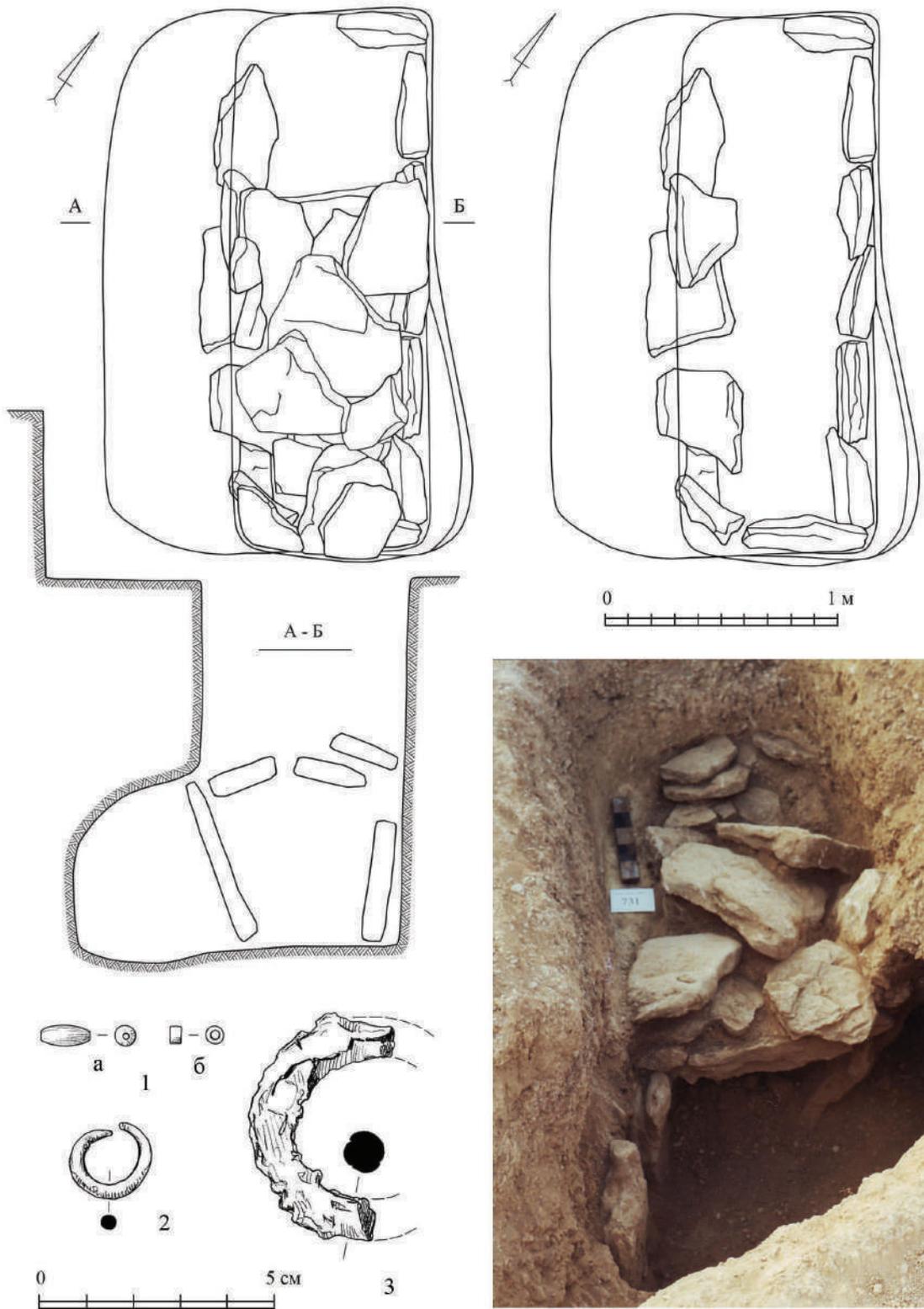

Рис. 9. Могила 684. План, разрезы, план погребения, фото, находки: 1 — фибула, 2 — кольцо, 3 — перстень, 4 — бусы (а-д — стекло), 5 — подвеска, 6 — бусы (а-е — стекло, ж — гагат, з — гагат), 7 — бусы (а-и — стекло, к — гагат, л — сердолик), 8 — бусы (а-г — стекло, д — гагат), 9 — краснолаковый кувшин (1, 2, 5 — бронза, 3 — бронза, стекло, 9 — глина)

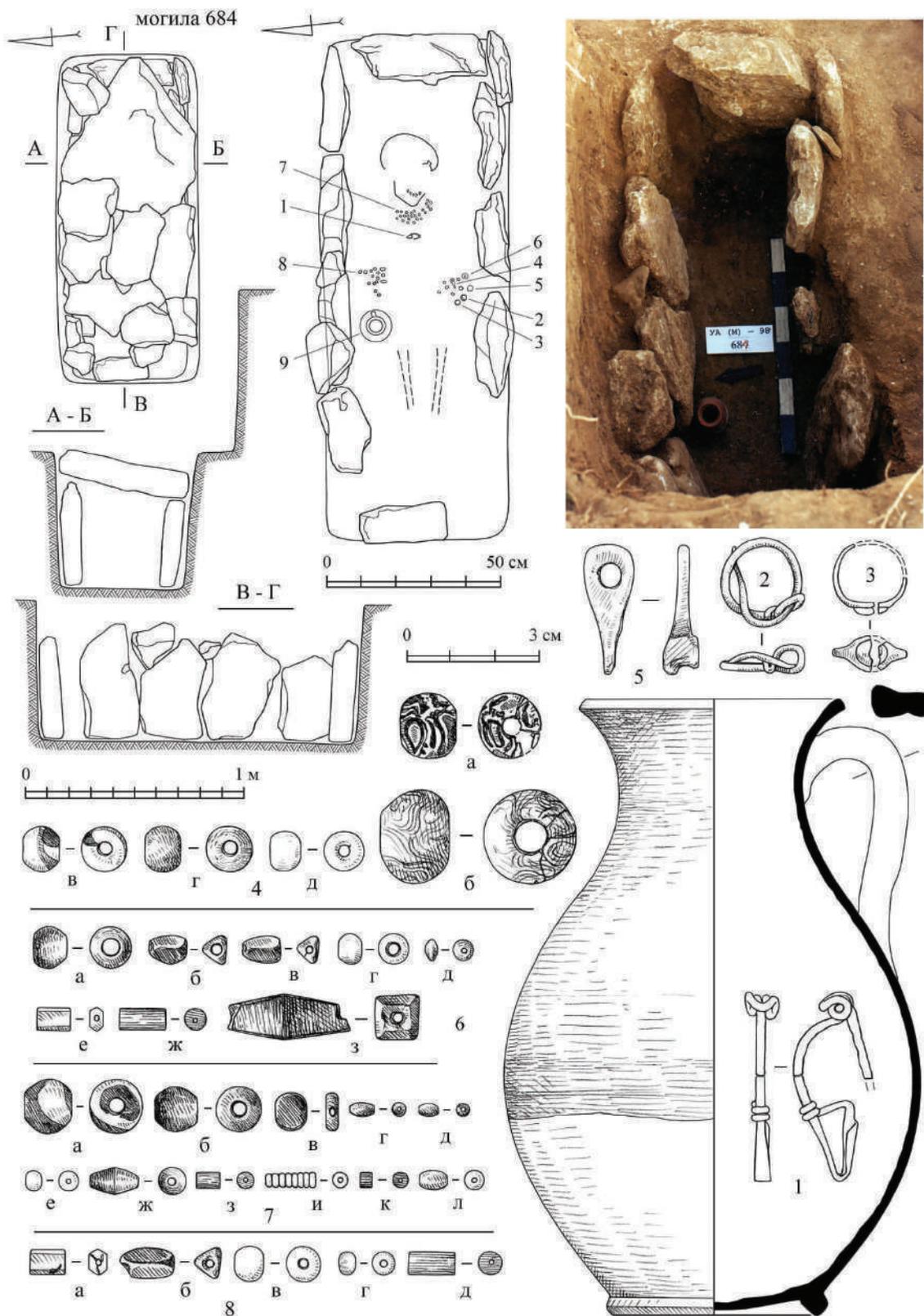

Рис. 10. Могила 731. Планы, разрез, фото, находки: 1 — бусы (а — стекло, б — фаянс), 2 — бронзовое кольцо или серьга, 3 — фрагмент железного кольца

кий и др., 2005, с. 37, рис. 6, 6), хотя с ними не все ясно²⁹.

Заключение. Если рассматривать Усть-Альминский некрополь отдельно от прочих памятников, то можно представить, что появление здесь плитовых могил произошло эволюционным путем в результате трансформации конструкции могил с перекрытием за счет увеличения количества применяемого камня. Есть основания полагать, что строители погребальных сооружений Усть-Альминского некрополя вообще не чурались экспериментов, что выражалось в разнообразии принимавшихся ими строительными решениями. Можно предположить, что эпизодически при сооружении грунтовой могилы по каким-то причинам камни стали использовать не только для ее перекрытия, но и для того, чтобы обкладывать ими стенки ямы. Свидетельством этой трансформации можно было бы считать упомянутые выше могилы 355, 468-а (рис. 3) и 656 (рис. 8). Этим можно было бы объяснить и вариативность конструкции, выражающуюся в том, что камнями обложена то одна или две, а то и три или все четыре стенки ямы.

В соответствии с этой гипотезой представляется естественным, если бы конструкция наиболее ранних сооружений имела вид еще не вполне сложившейся плитовой могилы. В таких ранних могилах камни устанавливались бы только у одной стенки, или же у разных стенок, но не регулярно, а с большими промежутками. Но подобная ранняя могила, предположительно датирующаяся второй половиной I в. н. э., пока известна всего одна³⁰. Остальные сооружения с частичной обкладкой стенок относятся к более позднему времени. Они синхронны плитовым и продолжают сооружаться наряду с ними вплоть до прекраще-

ния функционирования некрополя. Настоящие же плитовые могилы появляются на территории Усть-Альминского некрополя, пусть и в небольшом количестве, но как уже вполне сложившийся тип погребальных сооружений, то есть никакой постепенности в предполагаемой трансформации погребальных сооружений не наблюдается.

Кроме того, представляется, что если бы тенденция к расширению применения камня в конструкции могил действительно имела место, то плитовых сооружений на территории некрополя в итоге появилось бы гораздо больше. На склонах мыса, занимаемого могильником, имеются открытые выходы песчаника, так что, надо полагать, недостатка в камне жители поселения не испытывали.

Разумеется, эти контраргументы не лишают рассматриваемую гипотезу права на существование. Но, повторяюсь, что она кажется более или менее приемлемой, если рассматривать Усть-Альму отдельно от других памятников. Если же принимать во внимание динамику распространения плитовых могил на полуострове в целом, то вышеизложенное предположение начинает казаться сомнительным. Ведь в рамках все той же гипотезы следует предполагать независимое появление плитовых могил на каждом отдельном памятнике. Получается, что в первой половине I в. н. э. строители могил в Восточном Крыму (на территории так называемой «хоры» Боспора), до этого сооружавшие могилы в виде грунтовых ям с перекрытием, стали иногда сооружать плитовые могилы, обкладывая камнем их стенки (Масленников, 1990, с. 193). Спустя некоторое время (в конце I – первой половине II в. н. э.) независимо от этих событий другие строители могил, действуя тоже

²⁹ Согласно публикации, в могильнике Совхоз 10 обнаружено 6 объектов IV в. н. э., представляющих собой подбойные могилы с плитовой конструкцией во входной яме, причем дно плитовой могилы находилось ниже дна подбоя, а закладные плиты были установлены «на крышку ящика». Казалось бы, это должно означать, что подбой сооружался после совершения плитового захоронения. Но авторы публикации делают противоположный вывод, противоречащий описанной ими ситуации: «по-видимому, в таких могилах захоронения совершались последовательно, сначала в подбое, а затем в каменном ящике». Легче всего считать эту фразу опиской, но, может быть, от меня в их логике что-то ускользает. Возможно, предполагается, что при сооружении плитовой могилы заклад подбоя разбирали, а затем восстанавливали уже поверх плит перекрытия?

³⁰ Могила 406, о которой упоминалось выше.

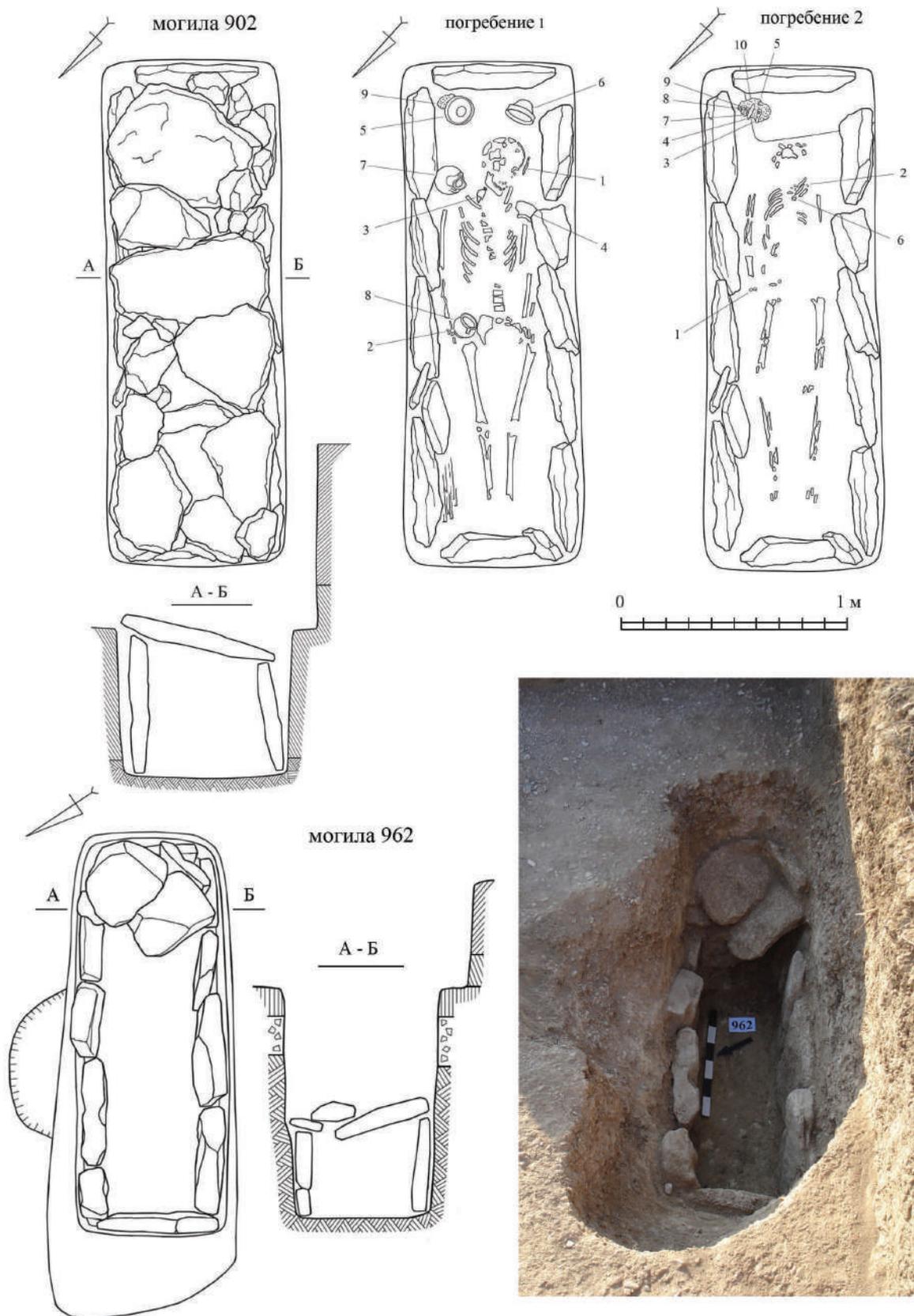

Рис. 11. Могила 902. Планы, разрез. Могила 962. План, разрез, фото

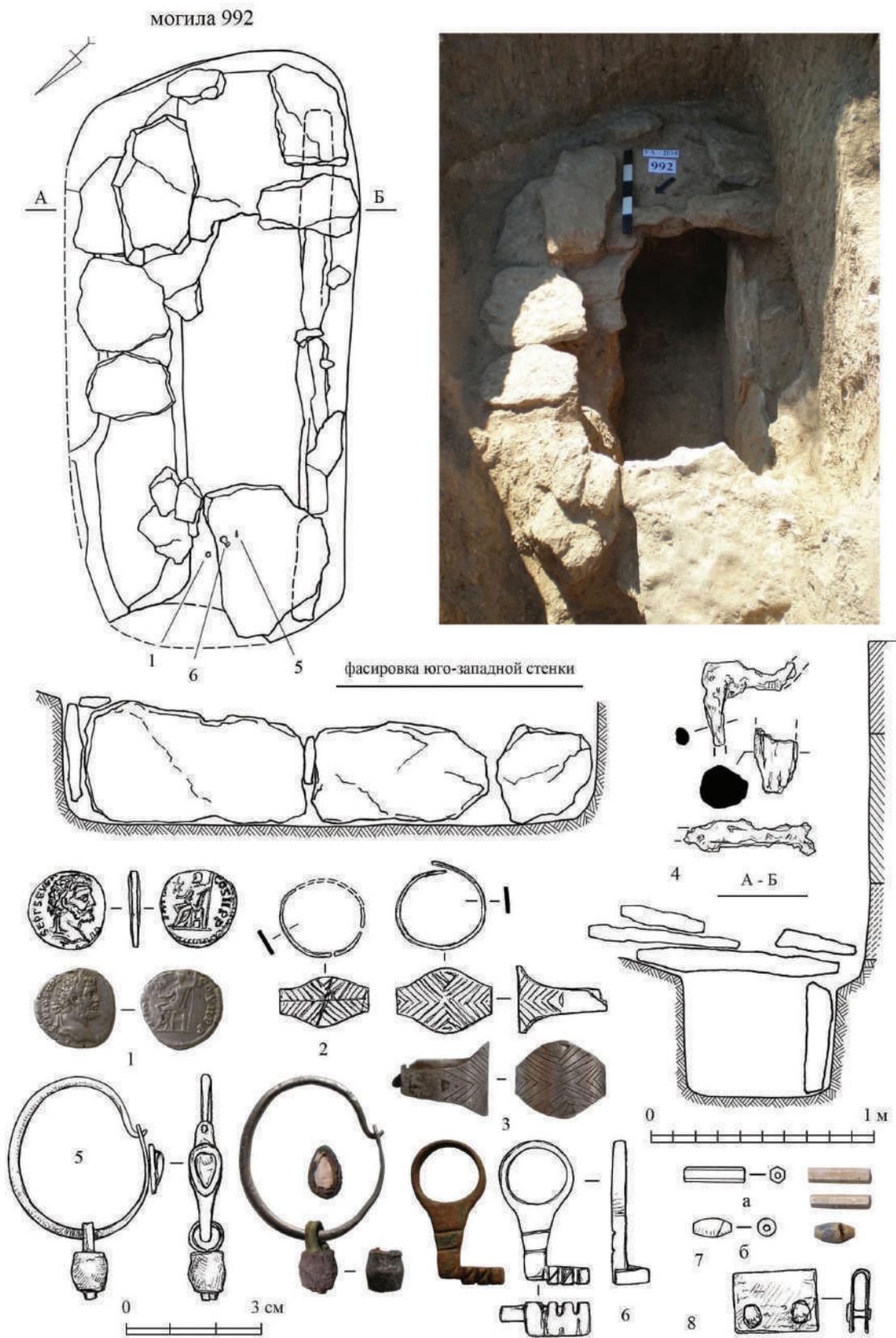

Рис. 12. Могила 992. План, разрез, фото, находки: 1 — монета, 2, 3 — перстни, 4 — фрагменты деталей шкатулки (?), 5 — серьга, 6 — ключ, 7 — бусы (а, б — стекло), 8 — ременная накладка (1-3, 8 — серебро, 4 — железо, 5 — серебро, бронза, коралл (?), 6 — бронза)

порознь, в ряде населенных пунктов Юго-Западного Крыма принимают такое же решение. То же самое случается и в Центральном предгорном Крыму, но не становится регулярной практикой, и плитовые могилы здесь не получают распространения. В таком изложении появление плитовых могил выглядит как некая закономерная и неизбежная стадия в развитии конструкции погребальных сооружений³¹, якобы наступившая в разных частях полуострова, потому что общество достигло соответствующего этапа развития.

Отказываясь же от этого предположения, поневоле начинаешь думать, что появление плитовых могил в Юго-Западном Крыму произошло не в силу внутренних причин, а вследствие какого-то внешнего импульса. Если же под таковым понимать переселение неких этнических групп, то вряд ли это могли быть боспорские греки. Сомневаюсь и в том, что эти люди являлись этническим сарматами — во всяком случае, не теми, кто понимается под носителями средне- и позднесарматской культур. В крайнем случае, можно говорить о возможном перемещении отдельных людей или небольших групп из среды оседлого варварского населения, обитавшего в Восточном Крыму. Учитывая, что зоны влияния Боспорского царства то сужались, то расширялись, а границы, по видимому, не представляли собой непреодолимый кордон, эпизодические перемещения небольших групп варварского населения как в ту, так и в другую сторону могли происходить неоднократно, не говоря уж о мобильности отдельных людей, например, подвизающихся в торговле. После середины III в. н. э. плитовые могилы появились в некрополях ближайшей округи Херсонеса (Совхоз 10, Терновка II, Бельбек I), и это можно в равной степени связывать как с оттоком сюда части варварского населения предгорного Крыма, оставившего

прежние места обитания, так и с дальними миграциями.

Приложение

В качестве примеров могил с каменной обкладкой, выявленных на территории Усть-Альминского некрополя, в иллюстративной части статьи представлен ряд объектов, которые упоминаются в тексте. Материалы исследования некоторых из них уже опубликованы, но результаты изучения других еще не публиковались в полном объеме, поэтому считаю целесообразным снабдить их упоминание более подробным описанием

Могила 468-а (рис. 3). Могильная яма ориентирована по линии ЮВ–СЗ, дно расположено на глубине 1,83–1,85 м от уровня современной поверхности. Размеры ямы в верхней части составляют 2,00 x 0,80 м. На высоте около 0,50 м от уровня дна в длинных стенках вырублены заплечики, на которых располагались плиты перекрытия. Под перекрытием выявлены вертикально стоящие у длинных стенок камни, установленные основанием на подрубки, сделанные на высоте 0,12–0,14 м от уровня дна. Ширина могилы на уровне подрубок составляла 0,70 м. Ниже, ко дну она сужалась до 0,57–0,58 м. В могиле обнаружены остатки двух погребений.

Погребение 1 (верхнее) располагалось на уровне подрубок. Принадлежало взрослому человеку, погребенному в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. Рядом с нижней челюстью найдена округло-ребристая фаянсовая бусина (рис. 3, 4), в области правой ключицы лежала бронзовая лучковая фибула (высота 5,0 см) (рис. 3, 3). У правой плечевой кости стоял краснолаковый кубок или кувшин (диаметр венчика 5,0 см, высота 8,5 см, диаметр поддона 4,0 см) (рис. 3, 6)³², рядом с ним находилась краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком и плохо

³¹ Наподобие «последнего этапа функционирования могильников», который «отличается усложнением и монументализацией погребальных конструкций» (Богданова, 1982, с. 38).

³² Приношу благодарность хранителю музейных предметов Бахчисарайского музея-заповедника И. И. Неневоле за выполненные им фотографии этого сосуда (КП9107 АЕ27950) и грузила (КП9603 АЕ37824) из могилы 566.

отпечатавшимся клеймом *planta pedis* (диаметр венчика 14,5 см, высота 3,1 см, диаметр поддона 7,3 см) (рис. 3, 5).

Погребение 2 (нижнее) находилось на дне могилы. Представляло собой костяк взрослого человека, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на ЮВ, в деревянном гробу, от которого сохранились пятна тлена с четкими контурами, размерами 1,85 x 0,55 м. К югу от черепа лежало бронзовое дисковидное зеркало (диаметр 4,2 см) (рис. 3, 2). Среди ребер обнаружены фрагменты бронзовой пружинной фибулы-броши с остатками круглого щитка (рис. 3, 1).

Датировка. Посуда, найденная в могиле (кувшин формы 22.2 и тарелка формы 2.2 (?): Журавлев, 2010, с. 43, 44, 85), датируется последней четвертью I – началом II в. н. э., но полной убежденности в том, что она связана именно с верхним погребением, у меня нет. Но даже если она относится к нижнему захоронению, то дата погребения 1 все равно вряд ли может быть намного более поздней. Учитывая наличие в нем лучковой фибулы (группа 4, серия I, вариант 3), подобные которой характерны для комплексов II в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 96), время этого погребения, скорее всего, можно определять в рамках конца I – первой четверти II в. н. э.

Могила 566 (рис. 4–7). Могильная яма размерами 2,30 x 0,65 м ориентирована по линии ЮВ–СЗ, ее дно расположено на глубине 1,80–1,82 м от уровня современной поверхности. Все четыре стенки по периметру обложены вертикально установленными на дне ямы плоским обломками известняка и песчаника, над которыми находились плиты перекрытия. В могиле выявлены остатки двух погребений, располагавшихся одно под другим.

Погребение 1 (верхнее) (рис. 5; 6) представляло собой скелет взрослого человека, захороненного в вытянутом положении

на спине, головой на ЮВ, кисти рук прижаты к бедрам, ноги сближены. Погребение было совершено в деревянном гробу, от которого сохранилось пятно древесного тлена. Реконструируемые размеры гроба составляют 1,70 x 0,33 – 0,40 м³³.

Между черепом и торцовой юго-восточной стенкой могилы найдены бронзовые детали шкатулки (рис. 5, 13): фрагменты прямоугольной накладки с гвоздями (рис. 6, 1), задвижка (рис. 6, 2) и ключ (рис. 6, 3). У правого плеча лежал бронзовый браслет с расплюснутыми окончаниями в виде змеиных головок (рис. 5, 8). В районе шеи зачищено скопление бус (рис. 5, 3), в том числе цилиндрические из белого глухого стекла (2 экз.) (рис. 5, 3а), округлые из белого глухого стекла среднего (2 экз.) (рис. 5, 3б) и мелкого (8 экз.) (рис. 5, 3в) размера, призматическая из зеленого полупрозрачного стекла (1 экз.) (рис. 5, 3г), цилиндрические из красного глухого стекла (3 экз.) (рис. 5, 3д), гагатовые короткоцилиндрические (65 экз.) (рис. 5, 3е) и янтарная неправильной формы (1 экз.) (рис. 5, 3ж).

На груди лежала бронзовая фибула с фигурной проволочной обмоткой спинки (рис. 5, 11). В районе запястья правой руки обнаружены бусы (рис. 5, 2), среди которых округлые из белого глухого стекла (11 экз.) (рис. 5, 2а), в форме искривленного четырнадцатигранника из черного на вид стекла (5 экз.) (рис. 5, 2б), гагатовая цилиндрическая (1 экз.) (рис. 5, 2в) и округлая из бронзы (1 экз.) (рис. 5, 2г). Еще одно скопление бус выявлено в районе левой руки между локтем и запястьем (рис. 5, 1). В него входили: округлая бусина с мозаичным орнаментом из белого, черного и красного стекла (1 экз.) (рис. 5, 1а), округлые из белого глухого стекла (2 экз.) (рис. 5, 1б) и округлая из красного глухого стекла (1 экз.) (рис. 5, 1в).

Обе кости левого предплечья (лучевая и локтевая) оказались смещенными со своего естественного местоположения и находи-

³³ На полевым чертеже контуры древесного тлена не обозначены.

Рис. 13. Могила 1079. Планы, разрез, фасировки стенок, фото, находки: 1 — краснолаковый кубок, фрагменты узкогорлой светлоглиняной амфоры

лись у колена левой ноги³⁴. Рядом с запястьем лежало бронзовое орнаментированное зеркало (рис. 5, 14; 6, 4). Среди фаланг пальцев левой руки обнаружен бронзовый перстень со стеклянной вставкой (рис. 5, 5).

К северо-западу от запястья левой руки, вдоль левого бедра лежало несколько предметов. Среди них бронзовая игла³⁵ (рис. 5, 15), бронзовое проволочное кольцо с завязанными концами (рис. 5, 7), крупная халцедоновая округлая и поперечно сжатая бусина (рис. 5, 6), глиняное ткацкое (?) грузило³⁶ пирамидальной формы (5,1 x 3,3 x 3,5 см) (рис. 5, 16; 6, 6), железный ключ (рис. 5, 17; 6, 9), бронзовое кольцо с тремя рядами выступов (диаметр 6,8 см) (рис. 5, 12; 6, 5), небольшой бронзовый пирамидальный колокольчик (рис. 5, 10) и пронизь из свернутой в трубочку бронзовой пластины (рис. 5, 9).

Поверх берцовой кости левой ноги располагалась краснолаковая посуда: завалившийся набор кувшин (диаметр венчика 6,4 см, высота 14,2 см, диаметр поддона 4,3 см) (рис. 5, 18; 6, 7) и тарелка с вертикальным бортиком (диаметр венчика 14,3 см, высота 4,1 см, диаметр поддона 5,8 см) с граффити на внешней поверхности стенки (рис. 5, 19; 6, 8), внутри которой лежала кость животного (рис. 5, 20).

В области щиколоток зачищено скопление бус (рис. 5, 4), в том числе округлые из белого глухого стекла (29 экз.) (рис. 5, 4а), цилиндрические из белого глухого стекла (12 экз.) (рис. 5, 4б), призматическая из белого глухого стекла (1 экз.) (рис. 5, 4в), бочковидные или цилиндрические из зеленого стекла (6 экз.) (рис. 5, 4е), призматические из зеленого полупрозрачного стекла (101 экз.)

(рис. 5, 4д), в форме четырнадцатигранника из зеленого полупрозрачного стекла (47 экз.) (рис. 5, 4е), округлые из зеленого стекла: одиночные (10 экз.) (рис. 5, 4ж) и в виде неразделенного столбика (1 экз.) (рис. 5, 4з), цилиндрические из красного глухого стекла (231 экз.) (рис. 5, 4и), призматические из красного глухого стекла (6 экз.) (рис. 5, 4к), округлые из черного на вид стекла (23 экз.) (рис. 5, 4л), в форме четырнадцатигранника из черного стекла (1 экз.) (рис. 5, 4м), округлые из стекла с золотистой металлической прокладкой (10 экз.) (рис. 5, 4н), фаянсовые короткоцилиндрические (около 80 экз.) (рис. 5, 4о) и гагатые цилиндрические (46 экз.) (рис. 5, 4п).

Погребение 2 (нижнее) (рис. 7) принадлежало взрослому человеку, захороненному в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Кисть правой руки располагалась поверх тазовых костей. Погребение было совершено в деревянном гробу, от которого сохранилось пятно древесного тлена в юго-восточной части могилы. На лобной кости черепа зафиксировано пятно розового пигмента, вероятно, румян (рис. 7, 15).

В области шейных позвонков и ключиц зачищено скопление бус (рис. 7, 4), в том числе округлые из белого глухого стекла (5 экз.) (рис. 7, 4а), вытянутая бочковидная из гагата (1 экз.) (рис. 7, 4б), гагатые короткоцилиндрические (32 экз.) (рис. 7, 4в), янтарная неправильной формы (1 экз.) (рис. 7, 4е). Между позвонником и локтем левой руки лежало бронзовое орнаментированное зеркало-подвеска, петля которого была утрачена в древности (рис. 7, 6). В районе запястий обеих рук

³⁴ Принимая во внимание то, что могила не была разграблена, кажется странным, что кости левого предплечья оказались смещенными. Во всяком случае, на полевом чертеже они были изображены мной именно в таком положении. Не стану утверждать, что это смещение не могло произойти из-за неаккуратности во время зачистки, но примечательно и расположение браслета, который находился не на запястье, а на правом плече погребенной. Чтобы так разместить в разные стороны крупные кости и вещи в процессе зачистки, оставив при этом на своих местах мелкие бусы, надо очень уж сильно постараться. Остается предположить, что смещение костей руки и надетаго на нее браслета произошло до зачистки по каким-то иным, не выясненным причинам.

³⁵ Игла рассыпалась при зачистке или была утеряна. В отчете нет ни ее фотографии, ни рисунка, не значится она и в коллекционной описи находок.

³⁶ Пока такая находка остается в Усть-Альминском некрополе единственной.

выявлены скопления бус (рис. 7, 5), в числе которых округлые из белого глухого стекла (13 экз.) (рис. 7, 5а), в форме четырнадцатигранника из черного стекла (1 экз.) (рис. 7, 5б), полусферическая с выступом из черного стекла (1 экз.) (рис. 7, 5в), гагатовые цилиндрические (9 экз.) (рис. 7, 5г). Среди фаланг пальцев левой руки найдены три бронзовых перстня, у одного из которых сохранилась стеклянная вставка с изображением (рис. 7, 8–10), причем, по крайней мере, один из них был надет на фалангу. В районе тазовых костей лежала бронзовая фибула³⁷.

Вдоль левого бедра располагались краснолаковые сосуды. Здесь находился повалившийся набор кувшин (диаметр венчика 5,0 см, высота 13,3 см, диаметр поддона 4,0 см) (рис. 7, 13), рядом с ним лежал кубок (диаметр венчика 6,8 см, высота 8,7 см, диаметр поддона 3,5 см) (рис. 7, 12), а к северо-западу от них стояла тарелка (диаметр венчика 13,8 см, высота 4,0 см, диаметр поддона 6,0 см) (рис. 7, 1) с железным ножом (рис. 7, 2) внутри. Под кувшином лежало бронзовое кольцо (рис. 7, 11). У левой бедренной кости найдена бронзовая трубчатая подвеска (рис. 7, 7). На щиколотках зачищено скопление бус (рис. 7, 3), среди которых округлые из красного глухого стекла в виде неразделенных столбиков (3 экз.) (рис. 7, 3а), округлые их белого глухого стекла (4 экз.) (рис. 7, 3б) и фаянсовые короткоцилиндрические (около 50 экз.) (рис. 7, 3в).

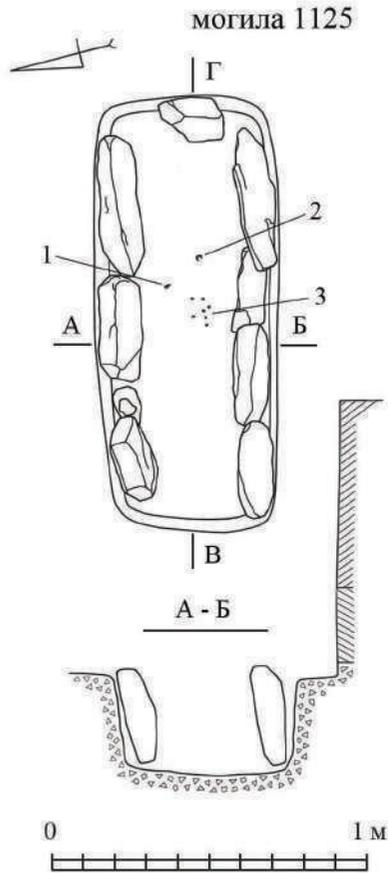
Датировка. Важной для определения датировки могилы является лучковая фибула с фигурной обмоткой (рис. 5, 11) из верхнего погребения 1. От того, считать ли эту заколку относящейся ко второй половине II – первой половине III в. н. э. (Труфанов, 2009, с. 211, 213) или к «заключительной части II – первой половине III в. н. э.» (серия I, вариант 4, форма 1) (Кропотов,

2010, с. 80), и зависит датировка данного погребения. Предшествующее захоронение 2, а значит и сооружение самой могилы, полагаю, следует относить ко второй половине II в. н. э. Основанием для такой датировки может служить зеркало (рис. 7, 6), декор которого характерен для изделий конца I – II в. н. э. (вариант 3-А) (Труфанов, 2007, с. 176, 177, рис. 2, 6), и наличие в этом же комплексе трубчатой подвески (рис. 7, 7) второй половины II – первой половины III в. н. э. (Храпунов, 2003, с. 342, прим.). Тарелки с вертикальным бортиком (рис. 6, 8; 7, 1), присутствующие среди вещевых наборов и того, и другого захоронения, относятся к сосудам формы 4.2 по Д. В. Журавлеву, которая «существует в течение всего II в. н. э., а также заходит в первую половину III в. н. э.» (Журавлев, 2010, с. 46).

Могилы 572 (рис. 8), плитовая с камнями у четырех стенок. Могильная яма размерами 2,10 x 0,60 м ориентирована по оси СЗ–ЮВ. Дно расположено на глубине 1,80 от уровня современной поверхности. Стенки по всему периметру обложены вертикально поставленными обломками песчаника и известняка. Поверх плит располагалось каменное перекрытие, часть конструкции которого была нарушена при ограблении могилы, произошедшем в древности. В придонной части перемешанного грунта заполнения могилы обнаружены лишь отдельные кости человека, древесный тлен и фрагментированная железная пряжка (рис. 8, 1), чего для узкой датировки объекта недостаточно.

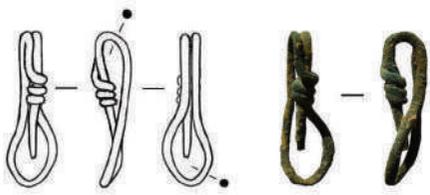
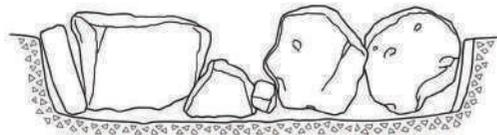
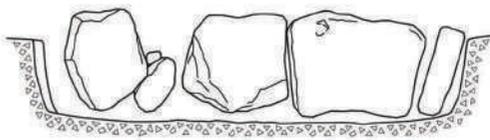
Могилы 656 (рис. 8). Материалы исследования данного объекта опубликованы (Труфанов, 1999, с. 226–231). В могиле находились останки пяти человек, располагавшиеся в два яруса, что соответствует двум этапам в функционировании данного погребального сооружения. Верхняя часть заполнения представляла собой каменную конструкцию с каменной обкладкой всех

³⁷ Как и в ситуации с иглой из погребения 1, ни рисунка, ни фотографии этой фибулы в отчете нет, отсутствует она и в коллекционной описи, что означает ее утрату до того, как коллекция была сдана в музей. Судя по изображению на полевом чертеже, скорее всего, это была лучковая подвязная фибула.

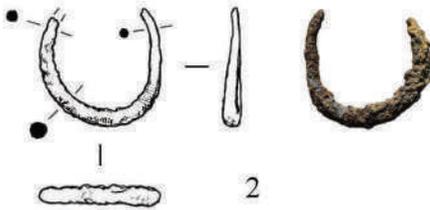

разрез по линии В - Г и фасировка северной стенки

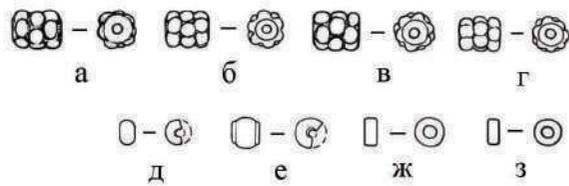
разрез по линии Г - В и фасировка южной стенки

1

2

3

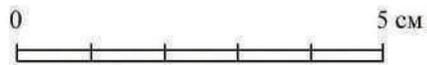

Рис. 14. Могила 1125. План, разрез, фото, фасировки стенок, находки:
1 — бронзовая подвеска, 2 — серьга из белого металла, 3 — бусы (а-е — стекло, ж, з — фаянс)

стенки и плитами перекрытия. Под камнями выявлен слой древесного тлена от гроба с останками трех человек: женщины и двух детей (погребения 1–3). Погребения сопровождались многочисленными предметами погребального инвентаря, среди прочего — серебряной монетой Антонина Пия 152 – 153 гг. н. э. (рис. 8, 23).

В нижней части заполнения могильной ямы найдены перемешанные кости двух взрослых людей (погребения 4 и 5) и разрозненные вещевые находки, в том числе серебряная монета Домициана 92 – 96 гг. н. э.

Датировка: сооружение могилы 656 и совершение в ней погребений нижнего яруса может быть датировано концом I – первой половиной II в. н. э. В третьей четверти II в. н. э. сюда же поместили гроб с умершей женщиной с двумя детьми, причем стенки ямы выложили плитами, а сверху положили плиты перекрытия, превратив, таким образом, данное сооружение в плитовую могилу.

Могилы 684 (рис. 9), плитовая с камнями у четырех стенок и перекрытием. Материалы раскопок этого объекта отражены в коллективной монографии (Пуздровский, Зайцев, Труфанов, Неневоля, 2021). Могильная яма, размерами 1,50 x 0,65 м, сужающаяся ко дну до 1,45 x 0,50 м, ориентирована по линии З–В. На дне, расположенном на глубине 1,48–1,50 м, выявлены остатки захоронения ребенка, погребенного головой на восток.

В районе шейных позвонков зачищено скопление бус (рис. 9, 7), в том числе округлые из черного стекла с белыми полосами (4 экз.) (рис. 9, 7а) и из черного стекла (2 экз.) (рис. 9, 7б), дисковидная из синего стекла (1 экз.) (рис. 9, 7в), бочковидные из красного стекла (9 экз.) (рис. 9, 7г) и зеленого стекла (5 экз.) (рис. 9, 7д), округлые из белого стекла (9 экз.) (рис. 9, 7е), вытянутые биконические из красного стекла (2 экз.) (рис. 9, 7ж), цилиндрические из зеленого стекла (5 экз.) (рис. 9, 7з), округлые из стекла с металлической прокладкой в виде нерасчлененных

столбиков (10 экз.) (рис. 9, 7и), гагатовые короткоцилиндрические (около 120 экз.) (рис. 9, 7к) и сердоликовая бочковидная (1 экз.) (рис. 9, 7л). В этой же области найдена бронзовая лучковая фибула (рис. 9, 1).

Два скопления бус выявлены у запястий (рис. 8, 3, 4). На левом запястье: округлая с орнаментом из «разводов» голубого, красного, черного и белого стекла (1 экз.) (рис. 9, 4а), округлая из белого и зеленого стекла (1 экз.) (рис. 9, 4б), округлая из белого стекла с красной полосой и черным пятном (1 экз.) (рис. 9, 4в), округлая из красного стекла (1 экз.) (рис. 9, 4г) и округлая из белого стекла (1 экз.) (рис. 9, 4д). Вероятно, из этой же области происходит еще одно скопление бус (рис. 9, 6): округлая из красного стекла (1 экз.) (рис. 9, 6а), трехгранные из синего стекла (2 экз.) (рис. 9, 6б), трехгранные из оранжевого стекла (2 экз.) (рис. 9, 6в), округлые из белого стекла (8 экз.) (рис. 9, 6г), биконическая из синего стекла (1 экз.) (рис. 9, 6д), призматические из белого стекла (2 экз.) (рис. 9, 6е), гагатовые цилиндрические (15 экз.) (рис. 9, 6ж) и гагатовая бипирамидальной формы (1 экз.) (рис. 9, 6з). Бусы на правом запястье: призматические из белого стекла (2 экз.) (рис. 9, 8а), трехгранная из черного стекла (1 экз.) (рис. 9, 8б), округлые из белого стекла (9 экз.) (рис. 9, 8в), округлая из стекла неопределенного цвета (1 экз.) (рис. 9, 8г) и гагатовые цилиндрические (11 экз.) (рис. 9, 8д).

В районе кисти левой руки найдены: бронзовый перстень со стеклянной вставкой (рис. 9, 3), кольцо из бронзовой проволоки (рис. 9, 2) и бронзовая подвеска (рис. 9, 5). У правого бедра погребенного стоял краснолаковый кувшин (диаметр венчика 5,9 см, высота 14,0 см, диаметр поддона 4,8 см) (рис. 9, 10).

Датировка. Определяющую роль в датировании комплекса играет сочетание в нем лучковой фибулы с расширенной ножкой (рис. 9, 1) и краснолакового кувшина (рис. 9, 9) при наличии бус некоторых

относительно поздних типов (рис. 9, 6е, 7в, 8а). В. В. Кропотов относит такие застежки (группа 4, серия I, вариант 2) ко второй половине I – началу II в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 72, 73). Широкогорлые кувшины, формально близкие сосуду, выявленному в могиле 684, встречаются в комплексах последней трети I – II в. н. э. (тип 6) (Труфанов, 2009, с. 177, рис. 32, 1–9; 33, 1–8). На основании только этих находок погребение можно было бы датировать в рамках последней трети I – первой половины II в. н. э., но наличие бус (призматических из белого глухого стекла и дисковидных из синего стекла), не характерных для устьальминских захоронений I в. н. э., дает основания для сужения этой даты до первой половины II в. н. э.

Мои́ла 731 (рис. 10). Объект представлял собой подбойную могилу, во входной яме которой находилась каменная конструкция, по-видимому, являвшаяся остатками плитовой могилы. Сооружение разграблено. В заполнении грабительского шурфа над плитами перекрытия собраны фрагменты крупного кувшина с биконическим корпусом на высоком кольцевом поддоне, подобные которому датируются в пределах II в. н. э. (Пуздровский, 2007, с. 186, рис. 160, 3, 4; Труфанов, 2019, с. 72, 73).

Входная яма, размерами 2,35 x 0,85 м, ориентирована по линии ЮВ–СЗ. Вдоль трех ее стенок вертикально установлены плиты известняка и песчаника, образовавшие каменный ящик. В качестве четвертой стенки использован заклад подбойной могилы. Поверх вертикальных плит располагалась конструкция каменного перекрытия, разрушенная в северо-западной части грабительским шурфом. В перемешанном заполнении плитовой могилы встречены разрозненные кости взрослого человека, обломок железного кольца (рис. 10, 3), оселок из сланца³⁸, бронзовое кольцо или серьга (рис. 10, 2), а также бусы (рис. 10, 1), среди которых вытянутая бочковидная из сине-

зеленого стекла (1 экз.) (рис. 10, 1а) и фаянсовая короткоцилиндрическая (1 экз.) (рис. 10, 1б).

Подбойная камера, размерами 2,30 x 0,55 м, сооружена к юго-западу от входной ямы. Ее дно расположено на глубине 2,35–2,36 м от уровня современной поверхности, на 0,05–0,07 м ниже дна входной ямы. В заполнении подбоя выявлены фрагментированные кости взрослого человека, вещевые находки отсутствовали. Данных для узкой датировки объекта недостаточно.

Мои́ла 902 (рис. 11), плитовая с каменной обкладкой четырех стенок и плитами перекрытия. Материалы исследования опубликованы (Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 59, 60, рис. 125–127). Под плитами обнаружены два погребения, располагавшихся одно под другим.

Датировка: вторая – последняя трети II в. н. э.

Мои́ла 962 (рис. 11), плитовая с каменной у четырех стенок, ограблена. Материалы исследования опубликованы (Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 105, рис. 227). Вещевых находок не обнаружено.

Мои́ла 992 (рис. 12). Могила с каменной обкладкой одной длинной стенки и каменным перекрытием, ограблена. Материалы исследования опубликованы (Пуздровский, Труфанов, 2016, с. 33, рис. 49). В заполнении грабительского шурфа найдены отдельные кости взрослого человека, два серебряных перстня (рис. 12, 2, 3), обломки железных деталей шкатулки (рис. 12, 4), серебряная накладка в виде согнутой пластины с двумя заклепками (рис. 12, 8), бронзовый ключ (рис. 12, 6), серебряная серьга с коралловой (?) вставкой и серебряной бочковидной подвеской на бронзовой петле (рис. 12, 5), бусы призматической формы из белого стекла (2 экз.) (рис. 12, 7а) и веретенообразная пронизь из серо-голубого стекла (1 экз.) (рис. 12, 7б), а также серебряная монета Септимия Севера (между 194 и 197 гг. н. э.).

³⁸ Рисунок и фотографии данного предмета в отчете нет.

Датировка: первая половина III в. н. э.

Могила 1079 (рис. 13), плитовая с камнями у трех стенок. Могильная яма ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Ее размеры в верхней части составляют 2,15 x 0,70 м, ко дну яма сужается до 2,05 x 0,58–0,60 м, дно расположено на глубине 1,15–1,20 м от уровня современной поверхности. У длинных стенок, а также у торцовой юго-западной установлены поставленные на ребро плоские камни, поверх которых находилось перекрытие. Среди плит перекрытия найдены обломки узкогорлой светлоглиняной амфоры типа С по Д. Б. Шелову (1978, с. 18, 19). Большая часть плит у длинной С-З стенки поставлена основанием на дно могилы, а плиты у длинной ЮВ и короткой ЮЗ стенок установлены на слое спрессованного грунта (подсыпки?), высотой 0,08–0,15 м от уровня дна. По-видимому, после помещения в могилу гроба пространство между ним и этими стенками было частично засыпано грунтом, и плиты устанавливались на образовавшийся слой подсыпки. Вероятно, по крайней мере, две плиты, стоящие у СЗ стенки и не достигающие основанием дна могилы, тоже были втиснуты после установки гроба. Перекрытие состояло из плоских каменных обломков средней величины и располагалось на высоте 0,45–0,60 м от уровня дна могилы. В юго-восточной части плиты перекрытия опирались не на вертикальные камни под стенкой, а на саму стенку, вырубленную в слое мергеля.

На дне могилы находилось захоронение взрослого человека, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Верхняя правая часть костяка сохранилась плохо. Кисть левой руки располагалась поверх левой бедренной кости. Над левым коленом лежал краснолаковый кубок (диаметр венчика 7,0 см, высота 9,1 см, диаметр дна 3,4 см) (рис. 13, 1).

Датировка. Учитывая фрагменты узкогорлой светлоглиняной амфоры, найденные среди плит перекрытия и собирающиеся

в полный профиль, погребение можно датировать в пределах второй четверти – конца II в. н. э.

Могила 1125 (рис. 14), плитовая с камнями у двух длинных стенок. Могильная яма ориентирована по линии СЗЗ–ЮВВ, ее размеры в верхней части составляют 1,35 x 0,57 м. Ко дну за счет наклона стенок яма сужается до 1,27 x 0,50 м, дно расположено на глубине 1,15–1,18 м от уровня современной поверхности. На дне вдоль северной и южной длинных стенок находились вертикально установленные плоские обломки известняка, песчаника и конгломерата, один камень стоял у торцовой восточной стенки. Плиты перекрытия отсутствовали, так как, по-видимому, были удалены при ограблении.

В перемешанном грунте заполнения могилы на разной глубине найдены: подвеска в виде петли из бронзовой проволоки (рис. 14, 1), серьга из белого металла (рис. 14, 2), а также бусы (рис. 14, 3), в том числе цилиндрические с тремя рядами бугорков из стекла с золотистой металлической прокладкой (4 экз.) (рис. 14, 3а–г), округлая из зеленого прозрачного стекла (1 экз.) (рис. 14, 3д), округлая из бесцветного стекла (1 экз.) (рис. 14, 3е) и короткоцилиндрические из бирюзового фаянса (2 экз.) (рис. 14, 3ж, з). Остатки костяка в могиле не выявлены, но, судя по размерам данного погребального сооружения, можно предположить, что здесь был погребен ребенок, кости которого истлели, или были удалены при ограблении.

Датировка. Бугристые бусы с металлической прокладкой относятся к типу 18 по Е. М. Алексеевой, но «данные для их датировки недостаточны» (1978, с. 32, табл. 26, 58). Фаянсовый бисер короткоцилиндрической формы характерен для комплексов первых веков н. э. Датировка прочих находок еще более затруднена, так что время сооружения могилы можно определять, используя лишь хронологию бисера.

Литература

- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. 104 с. (САИ. Вып. Г1–12).
- Арсеньева Т. М.* Могильник у д. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала нашей эры. / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1970. С. 82–149. (МИА. № 155).
- Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. 220 с.
- Богданова Н. О.* Могильник I ст. до н. э. – III ст. н. э. біля с. Завітне Бахчисарайського району // Археологія. 1963. Т. XVI. С. 95–109.
- Богданова Н. А.* Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. Д. Л. Талис. М.: б. и., 1982. С. 17–70. (Труды ГИМ. Вып. 54).
- Богданова Н. А.* Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. М. П. Абрамова. М.: б. и., 1989. С. 17–70. (Труды ГИМ. Вып. 70).
- Богданова Н. А., Гущина И. И.* Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960 – 1961 гг. // СА. 1964. № 1. С. 324–330.
- Богданова Н. А., Гущина И. И.* Новые могильники II – III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 132–139.
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.* Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I – III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–158.
- Висотська Т. Н.* Питання етнічного складу населення південно-західного Криму початку нашої ери // Археологія. 1970. Т. XXIII. С. 91–107.
- Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.
- Высотская Т. Н.* Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1987. С. 106–133.
- Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
- Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (По материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959, С. 154–238. (МИА. № 69).
- Гущина И. И.* О погребальном обряде населения Бельбекской долины (По материалам могильника Бельбек IV в юго-западном Крыму) // Археологический сборник. Погребальный обряд / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: б. и., 1997 г. С. 29–37. (Труды ГИМ. Вып. 93).
- Гущина И. И., Журавлев Д. В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016. Ч. 1. 272 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
- Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 140 с. (САИ. Вып. Д1–7).
- Журавлев Д. В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: б. и., 2010. 320 с. (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9).

- Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 102–116.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., Неневоля И. И., Фирсов К. Б., Радочин В. Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК // Херсонесский сборник. Вып. XIV / Глав. ред. С. Д. Крыжицкий. Севастополь: Издательский дом «Максим», 2005. С. 169–196.
- Зайцев Ю. П., Волошинов А. А., Кюнелът Э., Масыкин В. В., Мордвинцева В. И., Фирсов К. Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика / Под общей ред. Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 249–290.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 57–77.
- Земскова А. А. Классификация погребальных сооружений Европейского Боспора I – III вв. н. э. // ПИФК. 2008. Вып. XXI. С. 459–467.
- Кастанаян Е. Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI – IV вв. до н. э. и местные их особенности // Некрополи боспорских городов / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959, с. 257–295. (МИА. № 69).
- Корпусова В. М., Орлов Р. С. Могильник VI – IV ст. до н. э. на Керченском півострові // Археологія. 1978. Т. 28. С. 65–76.
- Корпусова В. Н. Некрополь Золотое. Киев: Наукова думка, 1983. 184 с.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: «АДЕФ-Украина», 2010. 384 с.
- Масленников А. А. Раскопки некрополя эллинистического времени у с. Золотое // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 84–89.
- Масленников А. А. Население Боспорского государства в первые века н. э. Москва: Наука, 1990. 230 с.
- Медведев Г. В. Могилы с коллективными погребениями из Усть-Альминского некрополя // Древняя и средневековая Таврика / Отв. ред. Ю. П. Зайцев и А. Е. Пуздровский. Донецк: «Донбасс», 2010, С. 219–234. (Археологический альманах. № 22).
- Печенкин Н. Раскопки в окрестностях Севастополя // ИТУАК. 1905. Вып. 38. С. 29–37.
- Пиоро И. С. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и в раннее средневековье). Киев: Лыбидь, 1990. 200 с.
- Пиоро І. С. Етнічна приналежність похованих у плитових могилах римського часу у Південно-Західному Криму у зв'язку з проникненням сарматів на територію сучасної України // Археологія. 2002. № 2. С. 64–74.
- Пуздровский А. Е. Могильник III – IV вв. н. э. у с. Перевальное в Крыму // Тезисы международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV – IX вв.)» / Отв. ред. А. И. Айбабин. Симферополь: б. и., 1994а, С. 55–56.
- Пуздровский А. Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н. э. // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994б, С. 114–126.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: «Бизнес-Информ», 2007. 480 с.

- Пуздровский А. Е., Лобода И. И.* Раскопки Усть-Альминского могильника // Археологические исследования в Крыму. 1993 год / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: Таврия, 1994. С. 224–227.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Лобода И. И.* Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 1995 г. // Архив ФГБУН ИАК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008 – 2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. 308 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004 – 2007 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2017а. 372 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000 – 2003 гг. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017б. 300 с.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Труфанов А. А., Неневоля И. И.* Исследования Усть-Альминского некрополя в 1997 – 1999 гг. Симферополь: Издательство – типография Мандарин, 2021. 408 с.
- Стоянова А. А.* Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). Симферополь: Издательство «Доля», 2012. 100 с.
- Стоянова А. А.* Плитовые могилы из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Вып. I / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь, Бахчисарай: Издательство «Доля», 2013. С. 77–92.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // *Stratum plus*. 2005. № 4. С. 27–277.
- Труфанов А. А.* Могила № 656 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Херсонесский сборник. Вып. X / Отв. ред. М. И. Золотарев. Севастополь: Дизайн-студия «КАЛАМО», 1999. С. 226–231.
- Труфанов А. А.* Исследования могильника у с. Брянское в 1995 – 1996 гг. // Херсонесский сборник. Вып. XIV / Глав. ред. С. Д. Крыжицкий. Севастополь: Издательский дом «Максим», 2005. С. 315–326.
- Труфанов А. А.* Зеркала-подвески первых веков н. э. их могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Под общей ред. Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
- Труфанов А. А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // *Stratum plus*. 2009. № 4. С. 117–328.
- Труфанов А. А.* Керамика из культурного слоя Усть-Альминского некрополя (по материалам раскопок 2008 – 2017 гг.) // История и археология Крыма. Вып. IX / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 67–99.
- Храпунов И. Н.* Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. 2003. Вып. III. С. 329–349.
- Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.

И. Н. Храпунов

Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы¹

Ключевые слова: Крым, могильник, погребальные сооружения, поздние скифы, сарматы, аланы, германцы

Резюме

Могильник Опушки расположен в центре крымских предгорий. К 2021 г. на площади 3539 м² изучено 318 погребальных сооружений, в том числе 39 земляных склепов, 112 подбойных могил, 164 грунтовые могилы, 1 каменный склеп, 1 каменный ящик, 1 плитовая могила.

Оказалось, что на склоне ничем внешне не примечательного холма в течение I в. до н. э. – IV в. н. э. хоронили носители нескольких археологических культур. Северную часть могильника занимали погребальные сооружения, в первую очередь склепы, позднескифской культуры, датируемые I в. до н. э. – первой половиной II в. н. э. Южнее располагался участок со склепами, подбойными и грунтовыми могилами III – IV вв. н. э., которые стали сооружать в Крыму, как считают многие исследователи, переселенцы с Северного Кавказа. Там же располагался единственный каменный ящик с трупосожжением германской традиции. Грунтовые и подбойные могилы I – III вв. н. э. открыты по всей территории могильника. Их с равной степенью вероятности могли оставить оседавшие на землю сарматы — носители сначала среднесарматской, а потом позднесарматской культур — или поздние скифы.

Могильник Опушки единственный в предгорном Крыму, где хоронили непрерывно с I в. до н. э. до IV в. н. э. Он также уникален сочетанием погребальных сооружений пяти археологических культур. Ежегодные раскопки приносят значительные новые материалы, позволяющие всесторонне характеризовать историю и культурные особенности населения крымских предгорий римского времени. Дальнейшие полевые и аналитические исследования могильника Опушки представляются чрезвычайно перспективными.

Для цитирования: Храпунов И. Н. Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С. 235–259.

Igor' Khrapunov

The Researches of the Cemetery of Opushki: The Results and Perspectives

Keywords: Crimea, cemetery, burial structures, Late Scythians, Sarmatians, Alans, Germanic tribes

Abstract

The cemetery of Opushki is located in the middle of the sub-mountainous area of the Crimea. By 2021, the excavations of the area of 3,539 m² uncovered 318 burial structures, including 39 burial vaults, 112 undercut graves, 164 simple pit graves, 1 stone vault, 1 cist, and 1 slabbed grave. It appeared that the slope of an unremarkable hill received burials of peoples of different cultures from the first century BC to the fourth century AD. The northern cemetery area was

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Республики Крым в рамках научного проекта №20-49-910003. The research was funded by Russian Foundation for Basic Research and Republic of Crimea, project number 20-49-910003.

occupied by funeral structures, primarily burial vaults, of the Late Scythian culture dating from the first century BC to the first half of the second century AD. To the south, there was an area of burial vaults, undercut and pit graves from the third and fourth centuries AD, which, according to many researchers, were constructed in the Crimea by the persons originating from the North Caucasus. There also was the only cist with a cremation following the Germanic tradition. Pit and undercut graves from the first to the third centuries AD were uncovered throughout the whole cemetery area. With equal probability, these could be created by the Sarmatians turning to the settled way of life and belonging first to the Middle Sarmatian and then to the Late Sarmatian archaeological cultures, or by the Late Scythians. The cemetery of Opushki is the only funeral site in the sub-mountainous Crimea with the burials continuing from the first century BC to the fourth century AD. It is also unique due to the combination of funeral structures representing five archaeological cultures. Annual excavations supply considerable new materials allowing the one to characterize the history and cultural specificities of the population of the Crimean sub-mountainous area in the Roman Period. Further field and analytical researches of the cemetery of Opushki seem very perspective.

Могильник Опушки расположен в центре крымских предгорий, приблизительно в 15 км востоку от Симферополя, в 1,5 км к юго-западу от села Опушки, на склоне обращенного к западу безымянного холма (рис. 1; 2). Памятник был открыт грабителями в 2002 г. В 2003–2005, 2007–2009, 2013, 2014, 2016–2020 гг. велись его научные исследования. Площадь могильника без его полных раскопок точно определить невозможно, приблизительно она составляет 2 га. К 2021 г. на площади 3539 м² изучено 318 погребальных сооружений, в том числе 39 земляных склепов, 112 подбойных могил, 164 грунтовые могилы, 1 каменный склеп, 1 каменный ящик, 1 плитовая могила. Исследовалась, в основном, северная часть могильника, но отдельные раскопы размещались почти по всей его территории (рис. 1).

Значительная часть погребальных сооружений была, в большей или в меньшей степени, разграблена в недавнее время, что существенно влияет на достоверность выводов, сделанных в результате его исследования.

Результаты раскопок регулярно публиковались (см. приложение), но подавляющее большинство полученного материала в научный оборот еще не введено.

В этой работе постараемся подвести некоторые итоги исследований могильника Опушки и наметить их перспективы.

Оказалось, что на склоне ничем внешне не примечательного холма в течение I в. до н. э. – IV в. н. э. хоронили носители нескольких археологических культур. Северную часть могильника занимали погребальные сооружения, в первую очередь склепы, позднескифской культуры, датируемые I в. до н. э. – первой половиной II в. н. э. Южнее располагался участок со склепами, подбойными и грунтовыми могилами III – IV вв. н. э., которые стали сооружать в Крыму, как считают многие исследователи, переселенцы с Северного Кавказа. Там же располагался единственный каменный ящик с трупосожжением германской традиции. Грунтовые и подбойные могилы I – III вв. н. э. открыты по всей территории могильника. Их с равной степенью вероятности могли оставить оседавшие на землю сарматы — носители сначала среднесарматской, а потом позднесарматской культуры — или поздние скифы.

Земляные склепы, обнаруженные в северной части могильника, представляют собой обычные для позднескифской культуры погребальные сооружения. Таких много на примыкающих к крупным позднескифским поселениям некрополях (Сымонович, 1983; Высотская, 1994; Пуздровский, Труфанов, 2016; 2017а; 2017б). Каждый склеп состоял из входной ямы и вырубленной в одной из ее коротких сторон погребальной камеры. Входная яма и погребальная камера

Рис. 1. Место расположения и план могильника Опушки

Рис. 2. Могильник Опушки. Виды с северо-запада и юго-востока

разделялись ступенькой, т. к. пол погребальной камеры всегда располагался ниже дна входной ямы. Погребальную камеру заполняли захоронения, расположенные в несколько ярусов. Кости погребенных и погребальный инвентарь сдвигались при совершении более поздних захоронений (рис. 3). Склеп предназначался для нескольких десятков, иногда более сотни, погребений. При этом нужно иметь в виду, что все раскопанные нашей экспедицией позднескифские склепы разграблены

в недавнее время. Поэтому подсчеты количества погребенных весьма приблизительны. В редких случаях погребения совершались не только в погребальной камере, но и во входной яме. Входная яма непременно заполнялась камнями. Заполнение, как правило, возвышалось над входной ямой и часто выходило за ее края. Трудно решить, разбирались ли это заполнение после совершения каждого погребения или камни засыпали только один раз, когда склеп переставали использовать. В пользу

второго предположения свидетельствуют конструктивные особенности склепов №№ 199 и 284, которые ранее не фиксировались не только в могильнике Опушки, но и в других позднескифских некрополях.

Во входных ямах этих склепов находились по две ямы от столбов диаметром 0,2–0,4 м (рис. 4). Столбы наверняка поддерживали конструкцию, перекрывавшую входную яму. Перекрытие, вероятно, использовалось,

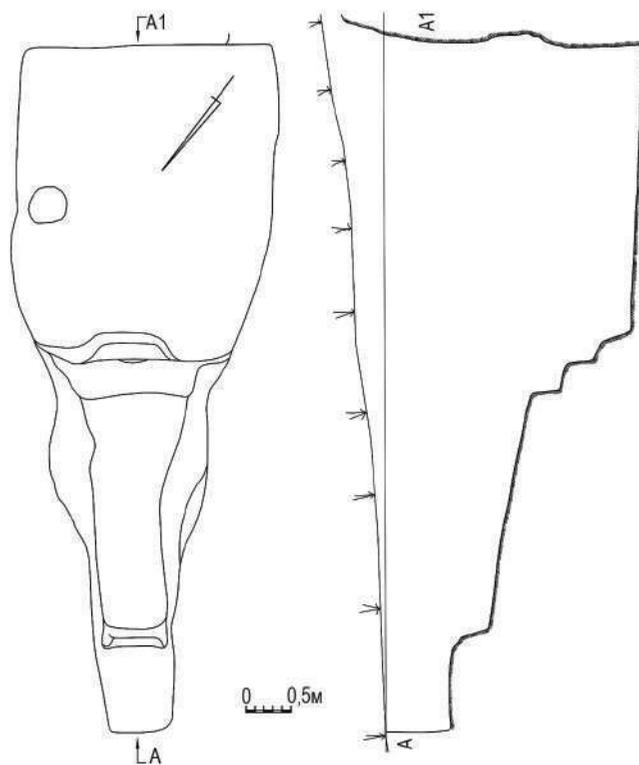

Рис. 3. Могильник Опушки. Склеп № 78

пока в склепе совершались захоронения. Когда они прекратились, входную яму засыпали камнями.

Особенного внимания заслуживает единственный в могильнике Опушки позднескифский каменный склеп. Пока такие

погребальные сооружения не находили в других позднескифских некрополях. Склеп состоял из прямоугольной в плане погребальной камеры и примыкавшей к ее короткой стене входной ямы (рис. 5; 6). Все сооружение возвышалось над древней

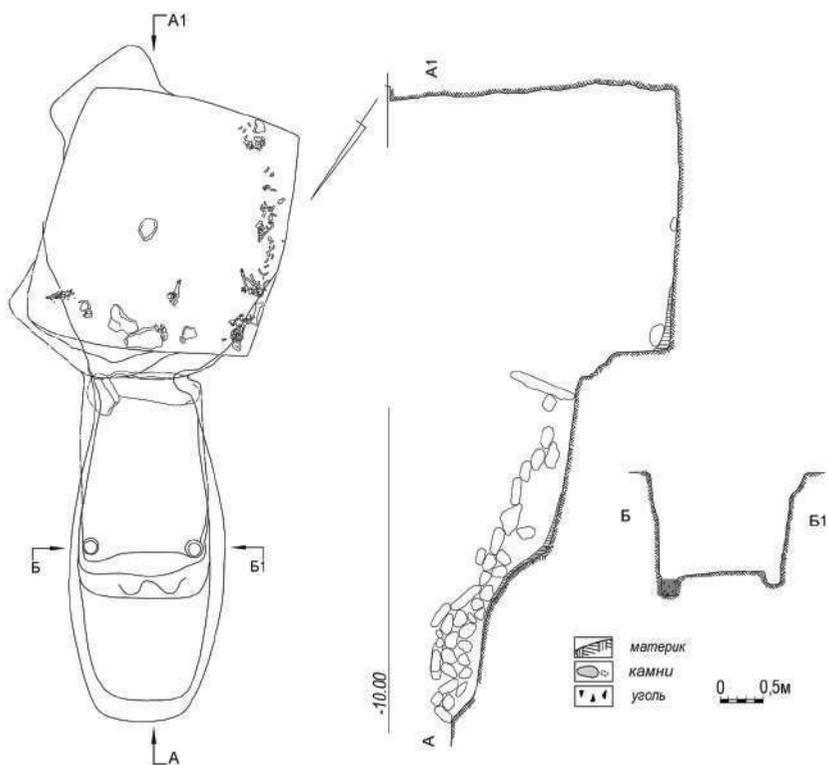

Рис. 4. Могильник Опушки. Склеп № 284. Столбовые ямки во входной яме

Рис. 5. Могильник Опушки. Каменный склеп № 250:
1 — рухнувшее перекрытие из каменных плит; 2 — погребения

Рис. 6. Могильник Опушки. Каменный склеп № 250:
1 — вид с востока; 2 — вид с запада

дневной поверхностью. Склеп имел поддерживаемую деревянными столбами крышу, перекрытую каменными плитами. На полу погребальной камеры и во входной яме зафиксированы останки более 130 погребенных. Причем все кости ранее погребенных преднамеренно сдвигались и перемещивались, не оставалось ни одного целого костяка. Довольно разнообразный, но не богатый погребальный инвентарь датирует сооружение I – первой половиной II в. н. э.

Традиция сооружать каменные склепы с многократными погребениями известна в Крыму с IV в. до н. э. Продолжалась она и в позднескифское время. Все известные до раскопок в Опушках каменные склепы располагались отдельно от грунтовых могильников под курганными насыпями. Опушкинский склеп единственный в своем

роде. Его наличие позволяет предположить, что население, оставившее могильник Опушки, не было вполне монолитно в культурном, а возможно и в этническом отношении. Выделялась группа людей, очевидно, родственников, которая, в отличие от всех остальных, сохраняла старые традиции сооружения каменных склепов, предназначенных для многократных погребений (Храпунов, Стоянова, 2020).

Сравнение продолжительности использования склепов с многократными погребениями и количества погребенных показывает, что ежегодно в них, в среднем, хоронили по одному человеку. Ни одна семья, даже расширенная, состоявшая из трех поколений родственников, не могла просуществовать долго, если приходилось хоронить одного из своих членов раз в год. Очевидно,

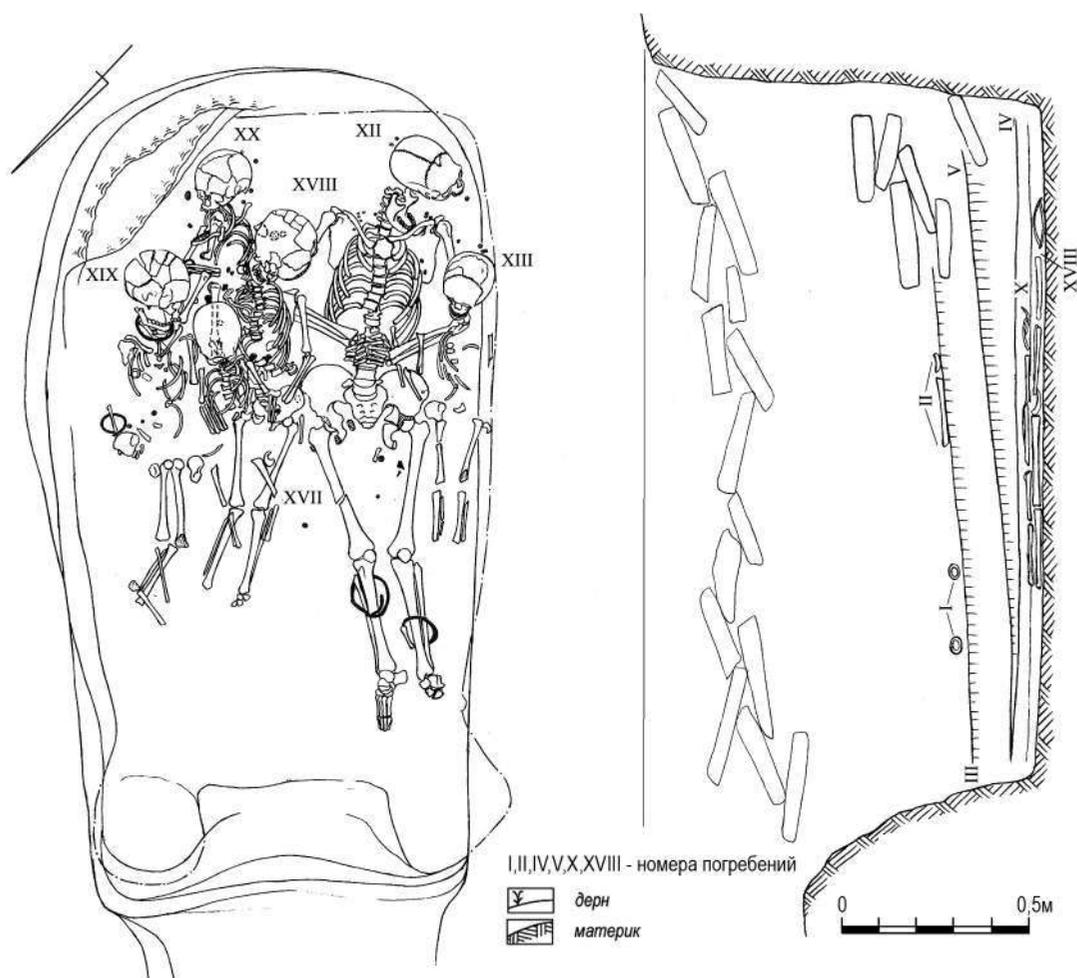

Рис. 7. Могильник Опушки. Могила № 21. План и разрез

что погребальные сооружения использовались большим, чем семья, коллективом, вероятно, родом или кланом.

На фоне обычных для позднескифской культуры грунтовых и подбойных могил с одним–двумя погребенными, выделяется могила № 21. Она грунтовая, содержала останки 20 погребенных, расположенных в пять ярусов. Могила была перекрыта камнями (рис. 7). Погребальный инвентарь беден, но все же дает возможность датировать погребальное сооружение I в. н. э. Ранее могилы, где фиксировались такие погребальные обряды, не встречались ни в могильнике Опушки, ни в других позднескифских некрополях.

На позднескифском участке некрополя раскопаны весьма компактно расположенные 52 могилы с погребениями коней, совершенными по единому обряду (рис. 8). Типичная конская могила представляла собой овальную в плане яму, ориентированную приблизительно с запада на восток. В восточной стене делали ступеньку. Лошадь укладывали на дно могилы, на живот с подогнутыми ногами, часто фиксируя положение туловища при помощи камней. Голову помещали на ступеньку, таким образом, что шея поднималась вверх почти вертикально. Могилу затем засыпали камнями. Насыпь возвышалась над древней дневной поверхностью. Коней хоронили взнузданными. В семи случаях в могилу помещали по два коня, в одном случае — трех. Иногда это были одновременные захоронения, иногда — асинхронные. В последнем случае кости ранее погребенного животного сдвигались. При совершении парных и тройного захоронений могилу и ступеньку в ее восточной стене делали больше, чем обычно, но в целом конструкция могилы не изменялась. Вместе с конями иногда хоронили собак.

Многочисленные удила, псалии и другие детали конской сбруи датируются I – первой половиной III в. н. э. Некоторые железные бляшки и псалии были плакированы золо-

том. Такой стилистический прием характерен для среднесарматской культуры (Гугуев, Безуглов, 1990, с. 172, 173; Курчатова, Бубулич, 2003, с. 301, 305; Храпунов, 2007, с. 118). В абсолютных датах это I и большая часть II в. н. э.

Устройство конских могил, подобных опушкинским, при котором в торцевой стене оставляли ступеньку для того, чтобы положить на нее голову животного, имеет аналогии в разных позднескифских могильниках (Высотская, 1994, с. 72; Пуздровский, 2001, с. 123; Пуздровский, Труфанов, 2016, с. 30, 63, 74; Пуздровский, Труфанов, 2017а, с. 88, 89). Во всех случаях речь идет об отдельных погребениях коней среди захоронений людей, а не об участке могильника, занятом, в основном, компактно расположенными конскими погребениями. Возможно, такая же, как в Опушках, ситуация фиксируется при раскопках могильника Левадки, но пока мы имеем об этом лишь отрывочные сведения (Мульд, Кропотов, 2015, с. 127).

В могильнике Опушки границы участка с конскими погребениями открыты с трех сторон. В западном направлении могилы с погребениями коней уходят в борт раскопа. Среди конских погребений встречаются могилы с захоронениями людей. Тем не менее, не подлежит сомнению, что на протяжении 100 или несколько большего количества лет коней приносили в жертву и хоронили рядом друг с другом по единому (с вариациями) обряду. Таков не известный ранее феномен позднескифской культуры.

Грунтовые и подбойные могилы датируются, в целом, I – первой половиной III в. н. э. Они открыты на территории всего могильника. Среди них много детских (Стоянова, 2012). Есть погребения с рядовым погребальным инвентарем (Храпунов, Стоянова, 2013). В некоторых могилах (рис. 9) сочетались достаточно дорогие, престижные сарматские и римские изделия (Стоянова, 2018; Khrapunov, Stoyanova, 2020). Одно из захоронений принадлежало вооруженному всаднику (Храпунов, 2007). Созда-

1

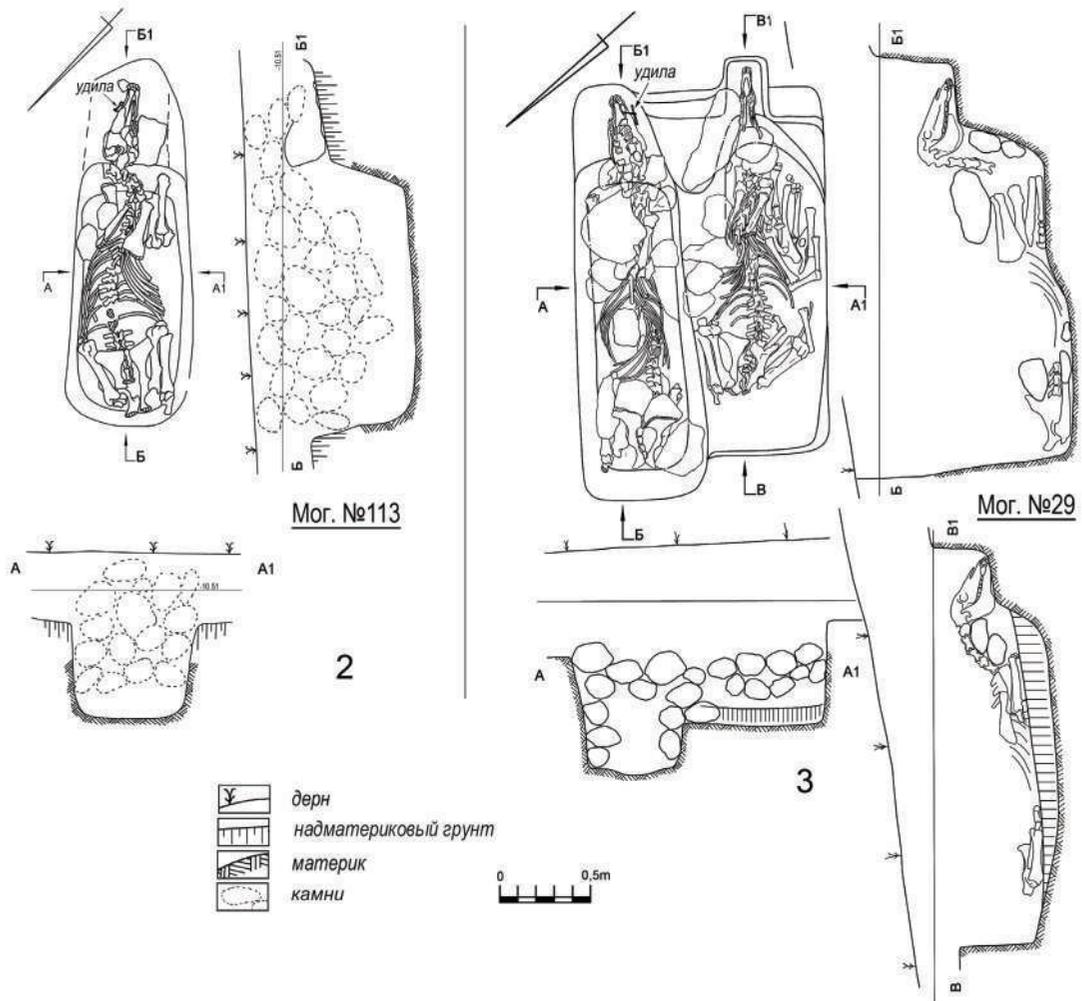

Рис. 8. Могильник Опушки. 1-3 — погребения коней

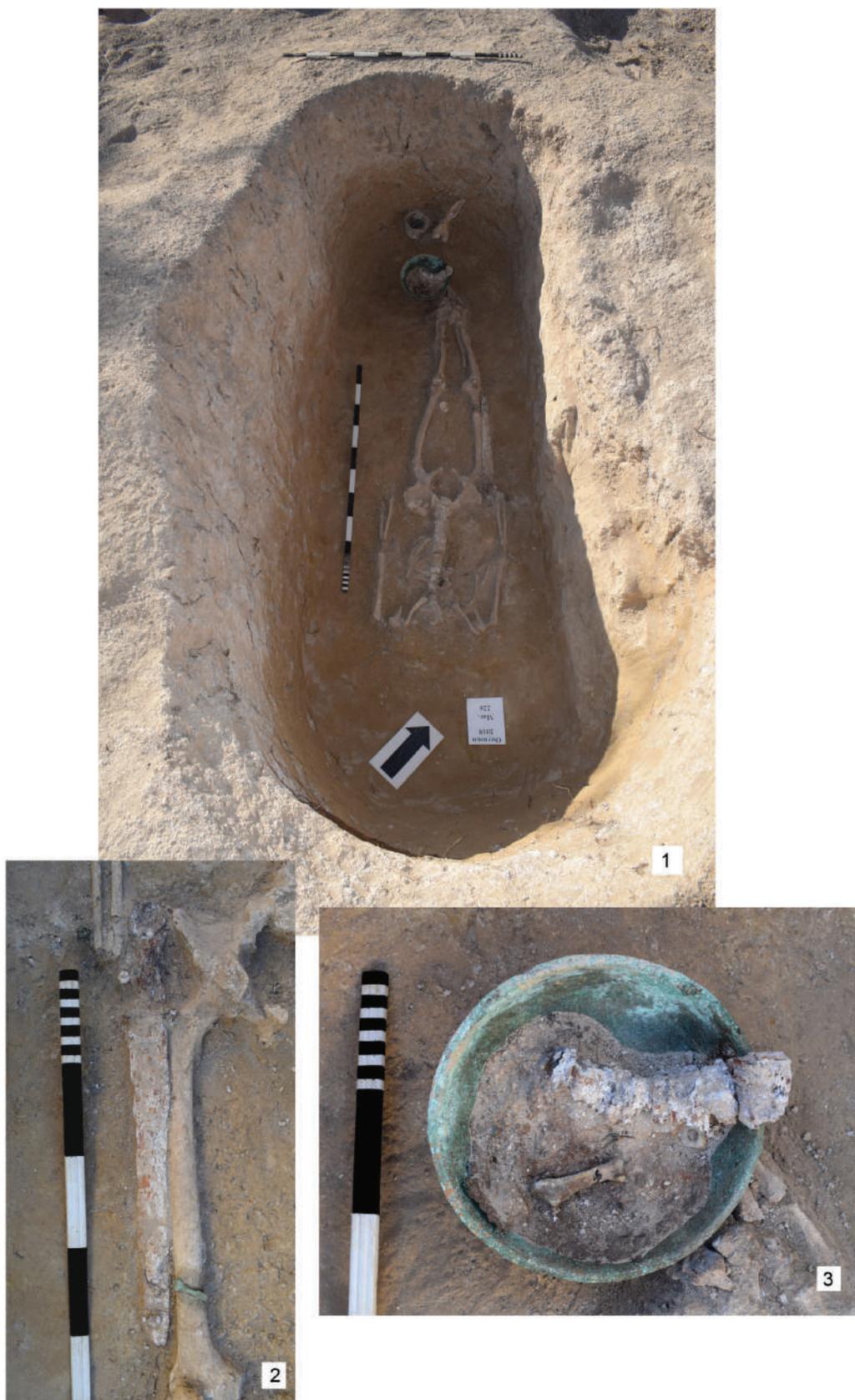

Рис. 9. Могильник Опушки. Могила № 226:
1 — общий вид; 2 — меч у бедренной кости; 3 — бронзовый таз с остатками колчана

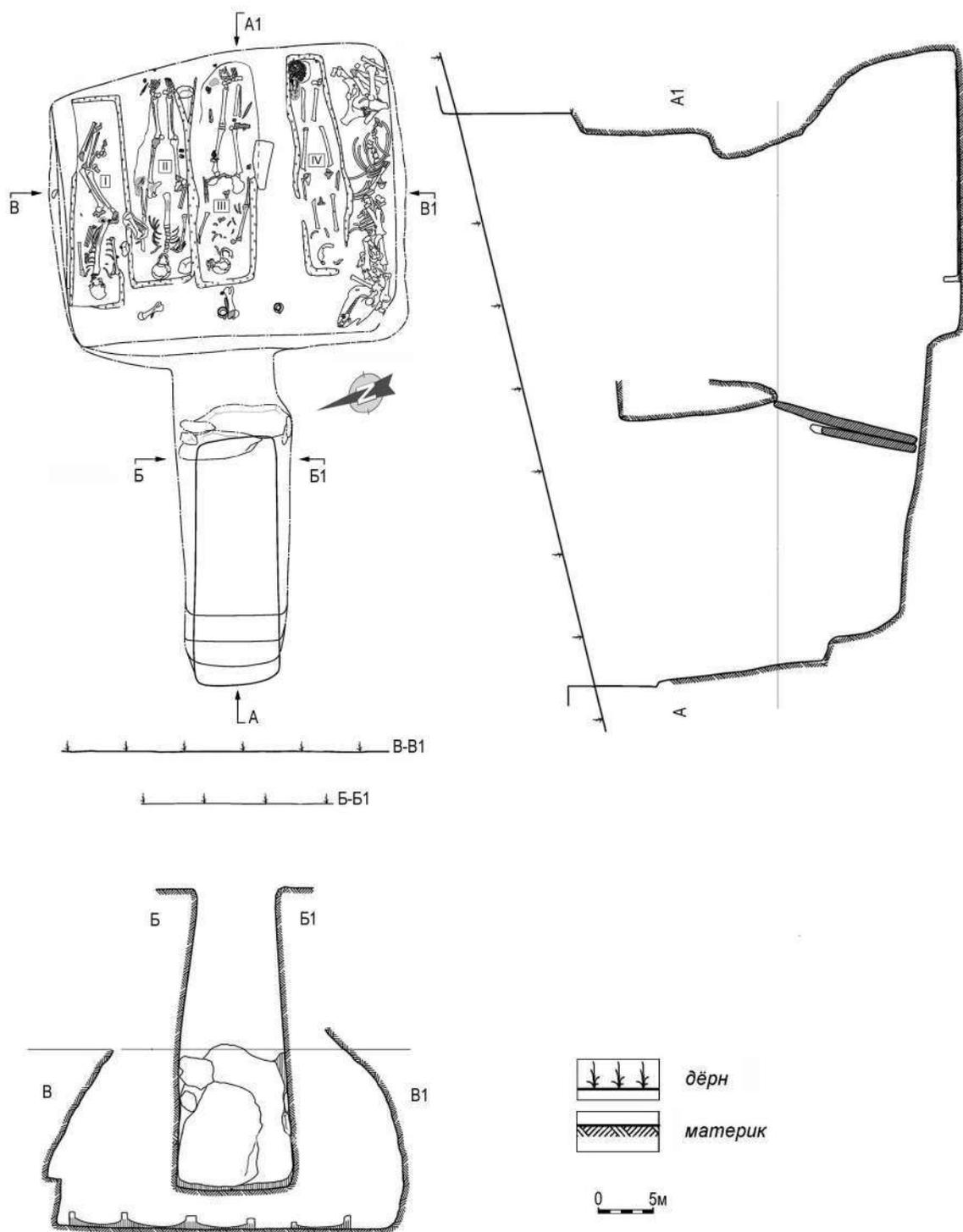

Рис. 10. Могильник Опушки. Склеп № 133. План и разрезы

ется впечатление, что в I – первой половине II в. н. э. людей, обладавших высоким социальным статусом, хоронили в грунтовых и подбойных могилах, а не в склепах. Возможно, это происходило потому, что в склепах с многократными многоярусными погребениями трудно было выделить специальное место для погребенного высокого ранга.

На всей территории могильника, исключая только его северный, позднескифский участок, открыто полтора десятка склепов III в. н. э. Они кардинально отличаются от позднескифских. Входные ямы не заполнялись камнями. Вход, сделанный в стене входной ямы, вел в короткий (0,4–0,8 м) дромос, который заканчивался входом в погребальную камеру. В ней совершалось по шесть – восемь погребений на полу в один ярус. В длинной стене входной ямы иногда выкапывали подбой. Такие же склепы продолжали сооружать и в IV в. н. э. (рис. 10; 11).

О причинах появления склепов с короткими дромосами в Крыму существует довольно давняя дискуссия. Некоторые исследователи полагают, что склепы такой конструкции были привнесены в Крым мигрантами с Северного Кавказа — аланами (Пиоро, 1990, с. 138, 139; Айбабин, 1999, с. 18–23; Храпунов, 2018а). Другие отвергают подобный вариант развития событий (Мошкова, Малашев, 1999, с. 195–197). Для подтверждения или опровержения гипотезы о миграции в Крым предков средневековых кавказских алан первостепенное значение имеет определение времени появления на полуострове склепов с короткими дромосами. До раскопок Опушкинского могильника склепы III в. н. э. в Крыму были известны буквально единично. Массово они распространяются приблизительно с рубежа III – IV вв. н. э. Теперь их количество значительно увеличилось, но анализ всех обнаруженных материалов еще впереди. Пока опубликованы результаты раскопок склепов № 124 (Храпунов, 2018б) и № 133

(Храпунов, 2020а) с погребальным инвентарем второй половины III – начала IV в. н. э.

В связи с поиском наиболее ранних погребальных сооружений описываемого типа, значительный интерес представляет склеп № 158. В неразграбленной части погребальной камеры этого склепа с коротким дромосом сохранились захоронения, совершенные в четыре яруса (рис. 12). В третьем снизу ярусе лежал денарий Септимия Севера 204 г. н. э. Значит, склеп был сооружен на рубеже II и III или во второй половине II в. н. э. Пока это наиболее раннее погребальное сооружение интересующего нас типа из открытых в Крыму.

Конструктивно склеп № 158 ничем не отличается от склепов с короткими дромосами III – IV вв. н. э., открытых на многих крымских некрополях, в том числе и в могильнике Опушки. В то же время, многоярусные погребения, как уже говорилось, — это один из самых ярких признаков позднескифской археологической культуры. Как случилось, что в одном погребальном сооружении сочетались признаки разных археологических культур? Логичным кажется следующий ответ на поставленный вопрос. Во второй половине II или в самом начале III в. н. э. в предгорном Крыму появились носители культуры склепов с короткими дромосами. Они столкнулись с людьми, сохранившими позднескифские погребальные традиции. Мигранты и автохтоны создавали единые коллективы. В результате формировались погребальные обряды, сочетавшие разные по происхождению элементы. Вероятно, носителей позднескифских традиций было не много. Поэтому в синхронных и однотипных склепу № 158 погребальных сооружениях хоронили по новым для предгорного Крыма правилам — в один ярус на полу погребальной камеры (Храпунов, Стоянова, 2021).

Среди множества предметов погребального инвентаря позднеримского времени выделяется серия украшений, изготовленных в полихромном стиле. Они делались из серебра, обтягивались золотой фольгой

с рельефным орнаментом и украшались крупными вставками из сердолика или стекла (рис. 13).

Изучение этих находок позволило установить следующее. Предгорный Крым пред-

ставляет собой один из ареалов вещей, изготовленных в полихромном стиле позднеримского времени, причем имеет ярко выраженные особенности. В отличие от территории Боспорского царства, Нижнего

Рис. 11. Могильник Опушки. Склеп № 133: 1 — входная яма; 2 — погребальная камера

Рис. 12. Могильник Опушки. Склеп № 158. Погребальная камера

Подонья, Северо-Западного Причерноморья, где в таком стиле украшались, главным образом, предметы вооружения и конской сбруи, в предгорном Крыму найдены исключительно украшения, преимущественно серьги. Сложен вопрос о месте производства украшений. Вероятнее всего, мастерские находились в различных античных центрах. На античное производство серег бесспорно указывают подвески в виде виноградных гроздей на одной паре украшений из могильника Опушки. В склепах №№ 124 и 133 найдены одинаковые комплекты украшений, каждый из которых состоял из пары серег и перстня. Перстни принадлежат обладающей общими стилистическими признаками группе украшений, изготовленных, по всей видимости, на Боспоре (Трейстер, 2011; 2015, с. 153). Последнее обстоятельство позволяет предположить боспорское происхождение серег, найденных вместе с перстнями.

Вещи в полихромном стиле позднеримского времени следует отнести к маркерам

высшего социального статуса их владельца. В подавляющем большинстве случаев они найдены в детских погребениях. Следовательно, статус передавался по наследству (Храпунов, Стоянова, 2018, с. 261).

На участке с погребениями поздне-римского времени открыт единственный в могильнике каменный ящик с кальцинированными костями ребенка, помещенными в лепной сосуд (рис. 14). Это трупосожжение бесспорно германской традиции. Другим следом, оставленным германцами, является лепной сосуд со стеклянными вставками, найденный на грабительском отвале (рис. 15) (Храпунов, 2017).

Среди могил позднеримского времени, а также над ними разжигали огни. От них остались обожженные бревна и камни, углубления в земле, заполненные углями и золой. Возможно, там сжигали дерево для угольных подсыпок в могилы, на которых совершали многие погребения. Даже если костры выполняли столь утилитарную функцию, не случайно их разводили на терри-

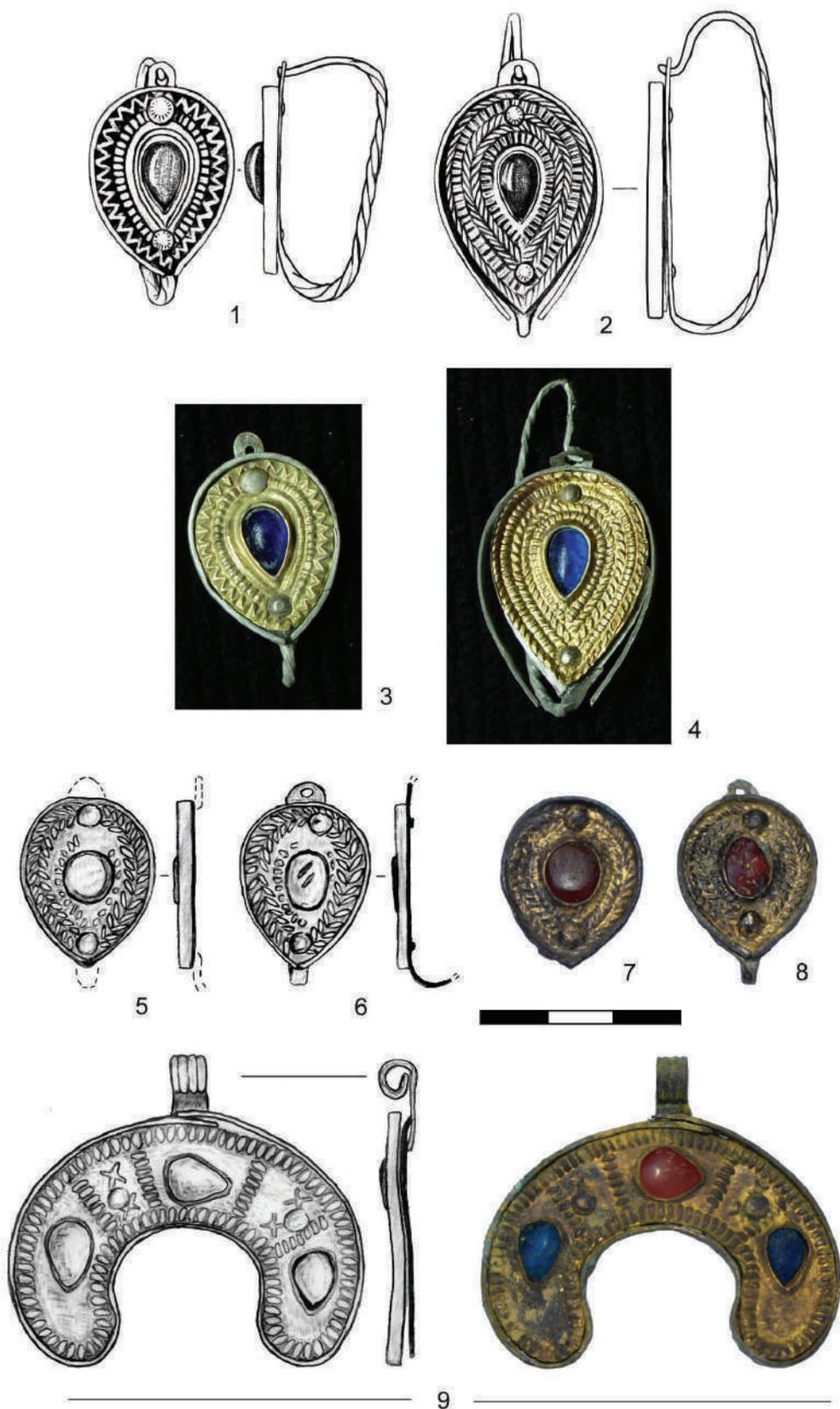

Рис. 13. Могильник Опушки. Украшения, изготовленные в полихромном стиле поздне римского времени: 1-8 — серьги; 9 — лунница

тории могильника, а не за его пределами. Следовательно, огонь занимал определенное место в религиозных представлениях и культовых практиках людей, хоронивших в могильнике Опушки. На других крымских некрополях ничего подобного до сих пор

не фиксировалось (Храпунов, 2020б).

Таковы, в общих чертах, некоторые итоги исследований могильника Опушки.

Перспектива исследования могильника, где раскопана приблизительно 1/6 – 1/7 часть, естественно, заключается

Рис. 14. Могильник Опушки. Могила № 20 (каменный ящик с трупосожжением)

в продолжении раскопок как можно более широкими площадями. Нужно установить границы участков, занятых погребениями разных культур, постараться найти ответ на неразрешимый пока вопрос: почему в разное время люди, относившиеся к разным

культурам и, наверняка, различавшиеся этнически, выбирали для погребения своих соплеменников именно этот холм?

Не известно поселение или поселения, где жили люди, хоронившие в могильнике Опушки. Если для нейзацкой культуры,

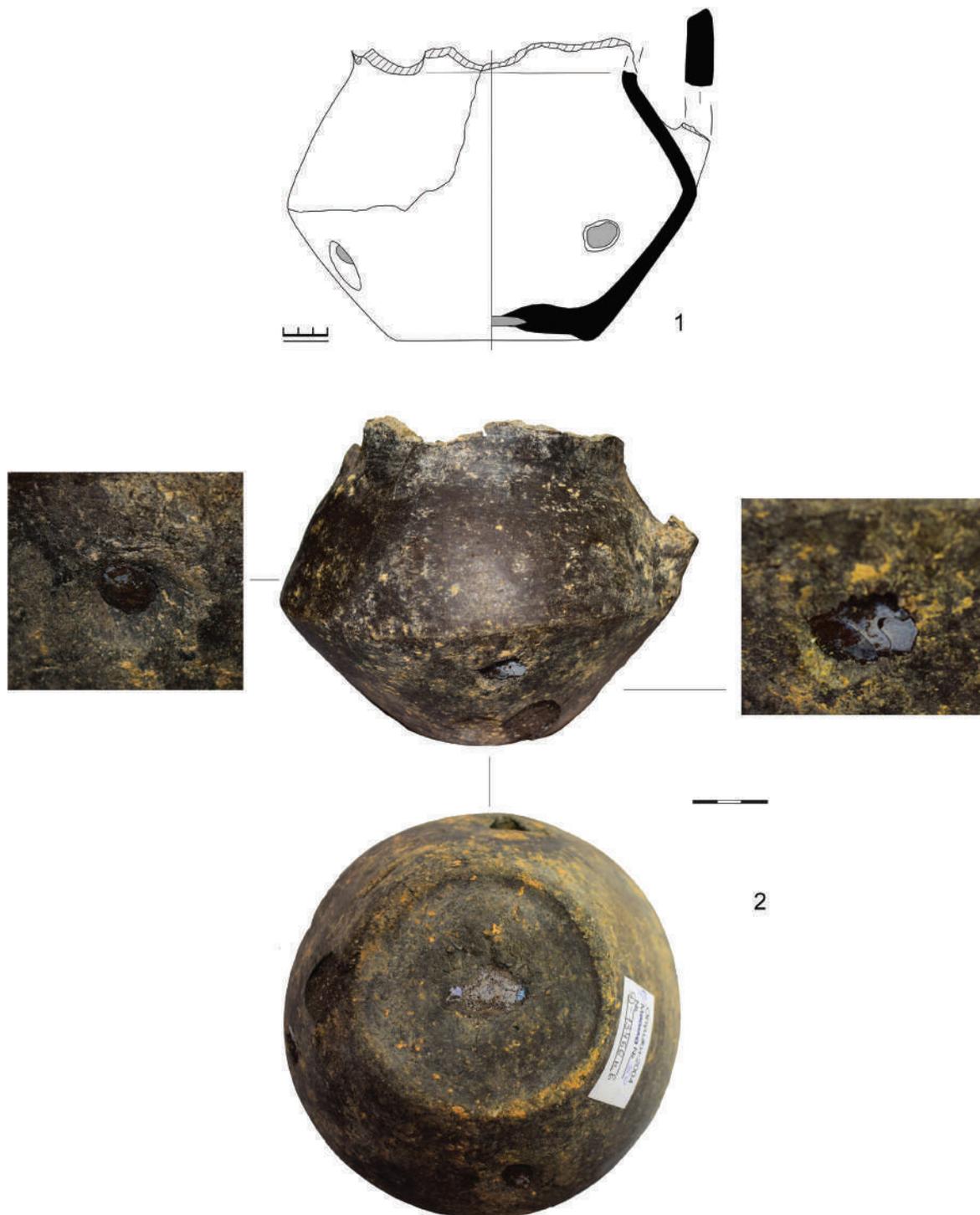

Рис. 15. Могильник Опушки. Лепной сосуд со стеклянными вставками

к которой относятся поздние погребения могильника, такое положение дел можно назвать естественным (Храпунов, 2019, с. 43), то для позднескифской культуры это не так. Могильники со склепами, содержащие многократные многоярусные погребения I в. до н. э. – первой половины II в. н. э., по всем существующим представлениям, должны располагаться неподалеку от позднескифских поселений и использоваться их жителями. Причем, судя по количеству погребенных в склепах могильника Опушки, поселение должно быть очень крупным.

В любом случае, несмотря на многочисленные разведки, поселение, где могли жить тысячи людей, похороненных в могильнике Опушки, не обнаружено. Не помогло делу и сообщение А. И. Маркевича, который видел где-то в окрестностях могильника остатки древних поселений и некрополей (Протоколы..., с. 57, 58). Никому из современных археологов найти их не удалось. Отсутствие поселения рядом с большим могильником кажется, по меньшей мере, странным. Поэтому его поиски могут рассматриваться в качестве одной из исследовательских перспектив, пусть и приобретающих с каждым годом все большую эфемерность.

К настоящему времени из 318 раскопанных погребальных сооружений могильника опубликованы результаты исследований немногим более 100. Ежегодные раскопки открывают все новые погребальные комплексы. Многие из них заслуживают отдельной публикации, что значительно расширит

наши представления об этнической, культурной, экономической, социальной истории Крыма в римское время.

Из всех групп материалов, полученных в ходе раскопок, пока опубликованы только уже упоминавшиеся украшения в полихромном стиле позднеримского времени (Храпунов, Стоянова, 2018) и стеклянные сосуды (Шабанов, 2020). Многочисленные и разнообразные краснолаковые и лепные сосуды, украшения, предметы вооружения, детали одежды и т. д. еще ждут своего исследователя.

Получены первые результаты химических анализов стеклянных сосудов и бус, изделий из цветных металлов (Сапрыкина, 2020). Их продолжение и введение в научный оборот потребует значительных усилий.

Не удается пока наладить систематическое исследование богатейших антропологических материалов. В планах остаются палеозоологические, палеогенетические, палеоклиматические исследования.

Могильник Опушки единственный в предгорном Крыму, где хоронили непрерывно с I в. до н. э. до IV в. н. э. Он также уникален сочетанием погребальных сооружений пяти археологических культур. Ежегодные раскопки приносят значительные новые материалы, позволяющие всесторонне характеризовать историю и культурные особенности населения крымских предгорий римского времени. Дальнейшие полевые и аналитические исследования могильника Опушки представляются чрезвычайно перспективными.

Литература

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская академия Евробизнеса, 1994. 206 с.
- Гугуев В. К., Безуглов С. И. Всаднические погребения первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. 1990. № 2. С. 164–175.
- Курчатов С., Бубулич В. «Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты» — 40 лет спустя // Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic / Ed. E. Sava. Chișinău: S.n., 2003. P. 285–312.

- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: б. и., 1999. С. 172–212.
- Мульд С. А., Кропотов В. В.* Позднескифский могильник Левадки в центральном Крыму (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 117–129.
- Пиоро И. С.* Крымская Готия. Киев: Лыбидь, 1990. 200 с.
- Протоколы* заседания 5 сентября 1903 г. Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. 1903. № 35. С. 56–58.
- Пуздровский А. Е.* Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма / Ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: б. и., 2001. С. 122–146 (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008 – 2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. 308 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000 – 2003 гг. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017а. 300 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004 – 2007 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2017б. 372 с.
- Сапрыкина И. А.* Химический состав металла предметов римского времени из могильников Нейзац и Опушки // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь–Керчь, 2021. С. 367–370.
- Стоянова А. А.* Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2012. 100 с.
- Стоянова А. А.* Погребение с провинциально-римским зеркалом и двумя курильницами из могильника Опушки в Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). IV / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 83–101.
- Симонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства. Киев: Наукова Думка, 1983. 173 с.
- Трейстер М. Ю.* Об одной группе боспорских золотых перстней II – III вв. н. э. // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 312–322.
- Трейстер М. Ю.* Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории / Ред. М. Ю. Трейстер. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 77–181.
- Храпунов И. Н.* Погребение воина 2 в. н. э. из могильника Опушки // Древняя Таврика / Ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 115 – 124.
- Храпунов И. Н.* Еще один германский след в Крыму // Stratum plus. 2017. № 4. С. 135–139.
- Храпунов И. Н.* Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). IV / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018а. С. 133–145.
- Храпунов И. Н.* Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018б. С. 137–169.
- Храпунов И. Н.* Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // РА. 2019. № 1. С. 32–49.

- Храпунов И. Н.* Склеп с монетами III в. н. э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2020а. Т. 19. № 2. С. 247–278.
- Храпунов И. Н.* Следы огня на могильнике Опушки // История и археология Крыма. Вып. XII / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Колорит, 2020б. С. 201–208.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Отв. ред. Е. В. Смынтына. Киев: Видавець Олег Філюк, 2013. С. 184–207.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Украшения в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // Stratum plus. 2018. № 4. С. 255–262.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Каменный склеп Опушкинского могильника // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VI / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта ЛТД», 2020. С. 66–112.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Склеп с многократными погребениями III в. н. э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20, № 1. С. 217–250.
- Шабанов С. Б.* Стекланные сосуды римского времени из могильника Опушки в Крыму (по материалам раскопок 2003 – 2019 гг.) // ПИФК. 2020. № 2. С. 110–134.
- Khrapunov I., Stoyanova A. A.* Grave with Roman Imports in the Cemetery of Opushki in the Crimea // Ziridava. Studia Archaeologica. 2020. 34. P. 287–304.

Библиография исследований могильника Опушки

В библиографический список включены публикации результатов раскопок могильника, а также статьи, целиком или в значительной степени написанные по его материалам.

1. *Радочин В. Ю.* Могильник у с. Опушки (антропологический материал) // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: б. и., 2007. С. 259–260.

2. *Сапрыкина И. А.* Химический состав металла предметов римского времени из могильников Нейзац и Опушки // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: б. и., 2021. С. 367–370.

3. *Стоянова А. А.* Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2012. 100с.

4. *Стоянова А. А.* Бусы в costume населения предгорного Крыма римского времени (по материалам могильника Опушки) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017.

5. *Стоянова А. А.* Погребение с провинциально-римским зеркалом и двумя курильницами из могильника Опушки в Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). IV. / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 83–101.

6. *Стоянова А. А., Храпунов И. Н.* Римские импорты из Опушкинского могильника в Крыму // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). С. 294–303.

7. *Храпунов И. Н.* Погребение воина 2 в. н. э. из могильника Опушки // Древняя Таврика / Ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 115–124.

8. *Храпунов И. Н.* Исследование могильника Опушки // Археологічні дослідження в Україні 2013 / Ред. Ю. Болтрик. Київ: ІА НАНУ, 2014. С. 93.

9. *Храпунов И. Н.* Позднескифские склепы из могильника Опушки (Крым) // Ранний железный век от архаики до рубежа эр. Центры, периферии и модели культурных взаимодействий. Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб: «Скифия-принт», 2015. С.119–120.

10. *Храпунов И. Н.* Некоторые итоги исследований могильника Опушки в Крыму // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 232–236.

11. *Храпунов И. Н.* Еще один германский след в Крыму // Stratum plus. 2017. № 4. С. 135–139.

12. *Храпунов И. Н.* Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Отв. Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 137–169.

13. Храпунов И. Н. Некоторые итоги и перспективы исследований варварских памятников римского времени в предгорном Крыму (на примере могильника Опушки) // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: б. и., 2019. С. 589–592.
14. Храпунов И. Н. Следы огня на могильнике Опушки // История и археология Крыма. Вып. XII / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 201–208.
15. Храпунов И. Н. Склеп с монетами III в. н. э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19. № 2. С. 247–278.
16. Храпунов И. Н., Власов В. П., Мульд С. А., Стоянова А. А. Новые исследования могильников римского времени в центральном Крыму // Археологічні відкриття в Україні 2002 – 2003 рр. / Ред. Н. О. Гаврилюк. Київ: Шлях, 2004. С. 335–336.
17. Храпунов И. Н., Мульд С. А. Первые итоги исследования могильника Опушки // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: б. и., 2005. С. 338–342.
18. Храпунов И. Н., Мульд С. А. Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // Херсонесский сборник. Вып. XIV / Гл. ред. С. Д. Крыжицкий. Севастополь: Издательский дом «Максим», 2005. С. 341–345.
19. Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Изд-во «Доля», 2009. 96 с.
20. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Исследования могильника Опушки в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні. 2009 / Гол. ред. Д. Н. Козак. Київ; Луцьк: б. и., 2010. С. 454.
21. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Отв. ред. Е. В. Смынтина. Киев: Видавець Олег Філюк, 2013. С.184–207.
22. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Украшения в позднеимском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // Stratum plus. 2018. № 4. С. 255–262.
23. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Исследования могильника Опушки в 2017 г. // История и археология Крыма. Вып. VIII. / Отв. ред. В. В. Майко. Севастополь: ООО «Колорит», 2018. С. 163–164.
24. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Погребение с римскими импортами из могильника Опушки // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории / Материалы научной конференции. Севастополь, 17 – 19 сентября 2019 года / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь: б. и., 2019. С. 314–319.
25. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Исследования могильника Опушки в 2018 г. // История и археология Крыма. Вып. XI / Отв. ред. В. В. Майко. Севастополь: ООО «Колорит», 2019. С. 323–328.

26. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Каменный склеп Опушкинского могильника // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VI / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта ЛТД», 2020. С. 66–112.
27. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Исследования могильника Опушки в 2019 г. // История и археология Крыма. Вып. XIII / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 429–434.
28. Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Склеп с многократными погребениями III в. н. э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20, № 1. С. 217–250.
29. Храпунов И. Н., Шабанов С. Б. Погребения коней в могильнике Опушки // *Stratum plus*. 2021. № 4. С. 49–60.
30. Шабанов С. Б. Два стеклянных сосуда из комплекса позднеримского времени могильника Опушки в предгорном Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Отв. Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 170–177.
31. Шабанов С. Б. Новые находки стеклянных сосудов позднеримского времени в крымских предгорьях // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: б. и., 2020. С. 392–397.
32. Шабанов С. Б. Стеклянные сосуды римского времени из могильника Опушки в Крыму (по материалам раскопок 2003 – 2019 гг.) // ПИФК. 2020. № 2. С. 110–134.
33. Шабанов С. Б. Погребальный комплекс среднесарматского времени из могильника Опушки в Крыму // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20, № 1. С. 251–262.
34. *Khrapunov I., Stoyanova A. A. Grave with Roman Imports in the Cemetery of Opushki in the Crimea // Ziridava. Studia Archaeologica. 2020. 34. P. 287–304.*

С. Б. Шабанов

Стекланные сосуды I – первой половины III вв. н. э. из варварских памятников предгорного Крыма

Ключевые слова: Северное Причерноморье, предгорный Крым, скифы, сарматы, стекланные сосуды, римское время

Резюме

На территории Крыма наиболее ранние стекланные сосуды появляются около середины I тыс. до н. э. Происходят они из античных центров полуострова и их округи. В дальнейшем количество стеклнной посуды постепенно увеличивается, что подтверждается материалами из некрополей Пантикапея и Херсонеса. В I в. до н. э. – I в. н. э. стеклнная посуда начинает проникать и в варварскую среду. В предгорных поселениях и могильниках появляются бальзамарии, стаканы, кувшины, бутылки и другие категории стеклнной посуды. Количество ее пока не значительно, но дальнейшее укрепление связей с обитателями полисов приводит к резкому увеличению в скифо-сарматской среде античного импорта, в т. ч. и стеклнной посуды, во второй половине I – II вв. н. э. Археологические исследования последних лет, проводимые в крымских предгорьях, значительно расширили представления не только об ассортименте стеклнной посуды, но и той роли, которую она играла в повседневной жизни варварского населения предгорного Крыма в первые века н. э. Стало очевидно, что стеклнная посуда занимала важное место и в погребальной культуре людей, оставивших могильники «Совхоз №10», Бельбек I – IV, Фронтное 3 и проч. За несколько столетий сформировались погребальные традиции и «наборы» вещей, без которых не обходились мужские и женские захоронения. В состав таких «наборов» входили и стеклнные сосуды. В середине III в. н. э. в Северном Причерноморье происходят значительные этнополитические изменения, вызванные так называемыми «готскими походами», и в Крыму появляются погребения нового типа. Изменяется и погребальный инвентарь, в том числе происходит и практически полная смена ассортимента стеклнной посуды.

Для цитирования: Шабанов С. Б. Стеклнные сосуды I – первой половины III вв. н. э. из варварских памятников предгорного Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С. 260–275.

Stanislav Shabanov'

The Glass Vessels from the First to the First Half of the Third Centuries AD in the Barbarian Sites in the Sub-Mountainous Crimea

Keywords: Northern Black Sea Area, sub-mountainous Crimea, Scythians, Sarmatians, glass vessels, Roman Period

Abstract

The earliest glass vessels appeared in the Crimea about the mid-first millennium BC. They originated from the ancient Greek cities in the peninsula and their environs. Later on, the quantity of glass vessels gradually increased, according to the materials of the cemeteries of Chersonese and Pantikapaion. In the first century BC and the first century AD, glass vessels started penetrating to the barbarians. In the cemeteries and settlements in the Crimean sub-mountainous area, there appeared balsamaria, tumblers, pitchers, bottles, and other glass ware categories. Although

the quantity of glass ware was still inconsiderable, later on the strengthening connections with the residents of Greek poleis resulted in drastic increase of Greek and Roman imports, Glass vessels in particular, among the Scythians and Sarmatians in the second half of the first and the second centuries AD. In recent years, archaeological investigations in the sub-mountainous area of the Crimea considerably enlarged our notion of the assortment of glass vessels and their role in everyday life of the barbarian population in the sub-mountainous Crimea in the first centuries AD. It became obvious that glass vessels also occupied an important place in the funeral culture of the populations which created the cemeteries of Sovkhoz no. 10, Bel'bek I–IV, Frontovoe 3, and others. Throughout a few centuries, there developed funeral traditions and sets of grave goods necessary for men's and women's burials. These sets also contained glass vessels. In the mid-third century AD, important ethnic-political changes occurred in the Northern Black Sea Area in result of the so-called "Gothic invasions," and the Crimea received new type of graves. Grave goods changed as well; particularly, the set of glass vessels was almost totally replaced by new types.

В Северном Причерноморье стеклянная посуда появляется на рубеже VI – V вв. до н. э. вместе с греческими колонистами, постепенно завоевывая местные рынки и становясь неотъемлемой частью средиземноморского импорта. Если по началу к стеклянным сосудам относились как к предметам роскоши, придавая им яркие цвета и орнаментацию, то со временем они получают широкое применение и в повседневной жизни. Большую роль в этом сыграло развитие стеклоделия в I тыс. до н. э. и, особенно, распространение техники выдувания. Новые приемы позволяли производить стеклянную посуду в большом количестве и достаточно быстро. Сосуды стали приобретать разнообразные формы, отвечающие их функциональности. Небольшие бальзамарии или флаконы подходили для хранения ароматических веществ, для жидкостей и сыпучих продуктов использовались колбы или бутылки, для подачи продуктов к столу — кувшины, блюда и тарелки, а для приема пищи — стаканы, чаши, канфары и проч. Стеклоделие становится частью погребального обряда, о чем свидетельствуют многочисленные находки стеклянных изделий в некрополях античных городов по обеим сторонам Боспора Киммерийского, в Ольвии и в Херсонесе.

В римское время стеклянные сосуды вместе с другими античными импортами

стали попадать в крымские предгорья. В варварских памятниках найдено большое количество целых и фрагментированных стеклянных сосудов, являвшихся предметами обмена или торговых сделок, дарами вождям или военными трофеями. Отмечено использование стеклянной посуды в культовых практиках населения горного Крыма. Десятки и сотни чаш, бальзамариев, кубков и прочих сосудов найдено при исследовании так называемых «святилищ», открытых на горных перевалах и хребтах (см. Гаврилов, Труфанов, 2014, с. 80, 81; Новиченкова, 2015, с. 94–103; Шаров, 2016, с. 61–69; Шкрибляк, 2019, с. 341, 342).

На данный момент известно о находках более трехсот стеклянных сосудов в погребениях I – первой половины III вв. н. э., открытых в крымских предгорьях. Наибольшее их количество сконцентрировано в Юго-Западном Крыму, в долинах рек Альма, Бельбек и Черная. Эта территория в первые века н. э. являлась округой крупного античного центра — Херсонеса, ставшего для местного варварского населения источником античного импорта, поступавшего в Причерноморье из отдаленных уголков Римской империи. Наибольшее количество стеклянной посуды, найденной в могильниках Юго-Западного Крыма (Усть-Альма, Бельбек IV, «Совхоз №10» и др.), относится ко II – началу III вв. н. э.

Видимо, на это время приходится период наиболее интенсивных контактов местного скифо-сарматского населения с херсонеситами (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, с. 128). В глубине предгорий, восточнее р. Альмы, стеклянных сосудов раннеримского времени найдено значительно меньше, что пока можно связать с недостаточной изученностью памятников этого времени. Небольшое количество сосудов обнаружено в могильниках Левадки, Битак, Опушки, Нейзац, некрополе Неаполя Скифского. Тем не менее, ассортимент стеклянной посуды I – первой половины III вв. н. э. из варварских погребений достаточно широк и представлен различными категориями изделий, на характеристике которых далее остановимся подробнее.

Бальзамарии. На рубеже эр в Средиземноморье появляются небольшие стеклянные сосуды, имитирующие распространенные в эпоху эллинизма глиняные флаконы или унгвентарии (Hayes, 1997, P.85–87). Основным их назначением становится хранение ароматических веществ и благовоний, использовавшихся в парфюмерии и медицине. В Северном Причерноморье стеклянные бальзамарии появляются в первые десятилетия I в. н. э. Их находки известны в первую очередь в Ольвии, Херсонесе и городах Боспорского царства (Козуб, 1986, с. 42; Зубарь, 1982, с. 85–88; Кунина, Сорокина, 1972, с. 171). Они пользуются большой популярностью и на три столетия становятся самой массовой категорией стеклянной посуды в регионе. Варварское население, обитавшее в окрестностях античных центров, в результате тесных контактов с греками в большом количестве получает импортные изделия, в том числе и стеклянные бальзамарии. Такая же ситуация отмечена и в крымских предгорьях, особенно в Юго-Западном Крыму. Десятки бальзамариев найдены в могильниках Усть-Альма (Пуздровский, 2007, рис. 191, 1–4, 6–15; 192, 1–13; Труфанов, 2005 – 2009,

с. 134), «Совхоз №10» (Стржелецкий и др., 2004 – 2005, с. 125–127), Бельбек IV (Гушина, Журавлев, 2016а, с. 68–70), Фронтное 3 (Гавритухин и др., 2020, с. 100; Gavritukhin et al, 2021, P. 100), Киль-Дере 1 (Язиков, Свиридов, 2021, с. 458), Чернореченском, Инкерманском (Шабанов, 2013а, рис. 2, 3) и др. Меньше их известно в погребальных комплексах центральной части крымских предгорий, в могильниках Левадки¹, Битак (Труфанов, 2005 – 2009, рис. 5, 6, 7, 9, 10, 13), Опушки (Шабанов, 2020, рис. 1, 2, 3, 5), Нейзац (Шабанов, 2011, с. 161, 162), а также в Восточном некрополе Неаполя Скифского (Сымонович, 1983, табл. XII, 6, 11, 15). Нельзя не упомянуть, что фрагменты бальзамариев находят при исследовании и позднескифских поселений, например, на Булганакском городище (Шабанов, 2013б, с. 336), Неаполе Скифском (Зайцев, 2003, рис. 109, 3, 11–15, 18, 20–24, 27–30) и в Барабановской балке (Храпунов, 2016, с. 27). Только количество их значительно уступает материалам из погребальных памятников. Несмотря на то, что бальзамарии, ввиду своего назначения, не отличались большим разнообразием форм, все же со временем они видоизменялись. Это сделало их незаменимыми при датировке закрытых комплексов.

Морфологически бальзамарии, найденные в предгорном Крыму, можно разделить по форме тулова на несколько типов: сферические, полусферические, усеченно-конические и «каплевидные» (рис. 1, 1–10; 2, 1–7). Высота тулова и горла, наличие перехвата на тулове и у основания горла, а также прочие детали позволяют выделить еще несколько вариантов того или иного типа. В крымских предгорьях в единичных экземплярах встречаются бальзамарии редких форм, например биконической (см. Пуздровский, 2007, рис. 191, 4). Широкое распространение получили небольшие бальзамарии с усеченно-коническим туловом и высоким цилиндрическим горлом

¹ Сообщение С. А. Мульда.

из тонкого, прозрачного с зелено-голубым оттенком стекла (рис. 1, 5–7; 2, 3–5). Появляются они в середине – второй половине I в. н. э. и встречаются в погребениях вплоть до III в. н. э. У более поздних экземпляров тулово становится крупнее, имеет более уплощенную форму и широкое дно (рис. 1, 8; 2, 7). Лучше всего такие сосуды представлены в могильнике «Совхоз №10», где найдены в урнах с кремациями, датирующимися преимущественно II – III вв. н. э. (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, с. 47–51). В могильниках предгорного Крыма целые и фрагментированные бальзамарии находят во всех типах погребальных сооружений, но больше всего в подбойных могилах, где их клали чаще всего в ногах погребенных. Иногда их можно встретить в шкатулках и нишах для посуды, как например, в могильнике Бельбек IV (мог. 106, 131) (Гущина, Журавлев, 2016а, с. 140, 146). В середине – второй половине III в. н. э., во время смены ассортимента стеклянной посуды, находки бальзамариев становятся единичными, а в следующем столетии они и вовсе исчезают. Такая же тенденция отмечается в причерноморских античных центрах, что объясняется возросшей варваризацией населения и отходом от античных традиций (Кунина, Сорокина, 1972, с. 171).

Стаканы. Вторую большую группу составляют стеклянные сосуды для питья, которые называют стаканами или кубками. Появляются они в предгорном Крыму в I в. н. э. К этому времени относятся находки фрагментированных стаканов типа *Isings 31*, украшенных рельефным орнаментом в виде стилизованных бутонов лотоса, из Булганакского городища и Неаполя Скифского (Шабанов, 2013б, с. 335, 336, рис. 1, 9; Зайцев, 2003, рис. 109, 5). Такие сосуды изготавливались в технике свободного выдувания в заранее заготовленную форму. К. Айсингс датировала их I – II вв. н. э., отметив, что они имитировали металлическую посуду и назывались «*toreumata*», т. е. «отчеканенные» или имеющие релье-

фный орнамент (Isings, 1957, P. 45. 46). Н. З. Кунина датировала подобный сосуд из коллекции Государственного Эрмитажа второй половиной I в. н. э. и относила к продукции восточно-средиземноморских или италийских стеклоделательных мастерских (Кунина, 1997, кат. 118). Небольшой фрагмент стенки такого стакана, датированный Н. П. Сорокиной I в. н. э., найден на городище Пантикапея (Сорокина, 1962, рис. 3, 1). Несколько фрагментированных стаканов середины I – первой половины II вв. н. э. происходят из раскопок Херсонеса (см.: Рыжова, Рыжова, 2019).

В технике выдувания в форму был изготовлен стакан с посквительной надписью из могильника Фронтное 3 (рис. 2, 8). Редкую для предгорного Крыма находку украшали горизонтальные фризы с лавровыми венками, разделенными пальмовыми ветвями, и греческой надписью «*ΛΑΒΕ ΤΗΝ ΝΕΙΚΗΝ*» — «Одержжи победу» (Гавритухин и др., 2020, с. 100; Gavritukhin et al., 2021, P. 100). Целые и фрагментированные сосуды с надписями-изречениями известны в разных античных центрах Северного Причерноморья (Сорокина, 1962, с. 230, 231, рис. 14; Алексеева, Сорокина, 2007, с. 28, рис. 22, 2; Колесниченко, Савельев, 2015, с. 35, рис. 1, 1, 2; Сорокина, 1978, с. 269, рис. 15, 2), но в крымских предгорьях встречаются впервые. Датируются такие изделия I – началом II вв. н. э. и традиционно исследователями относятся к продукции средиземноморских мастерских (Шабанов, 2019, с. 328).

В могильнике Бельбек IV найден стеклянный стакан типа *Isings 12* с округлыми стенками, украшенными несколькими горизонтальными шлифованными линиями (рис. 1, 11). Датировка сосуда — конец I в. н. э. (Гущина, Журавлев, 2016а, с. 70). Еще несколько фрагментированных стаканов данного типа происходят из раскопок городища Неаполя Скифского. Их дата не выходит за пределы I – первой половины/середины II вв. н. э. (Зайцев, 2003, с. 35,

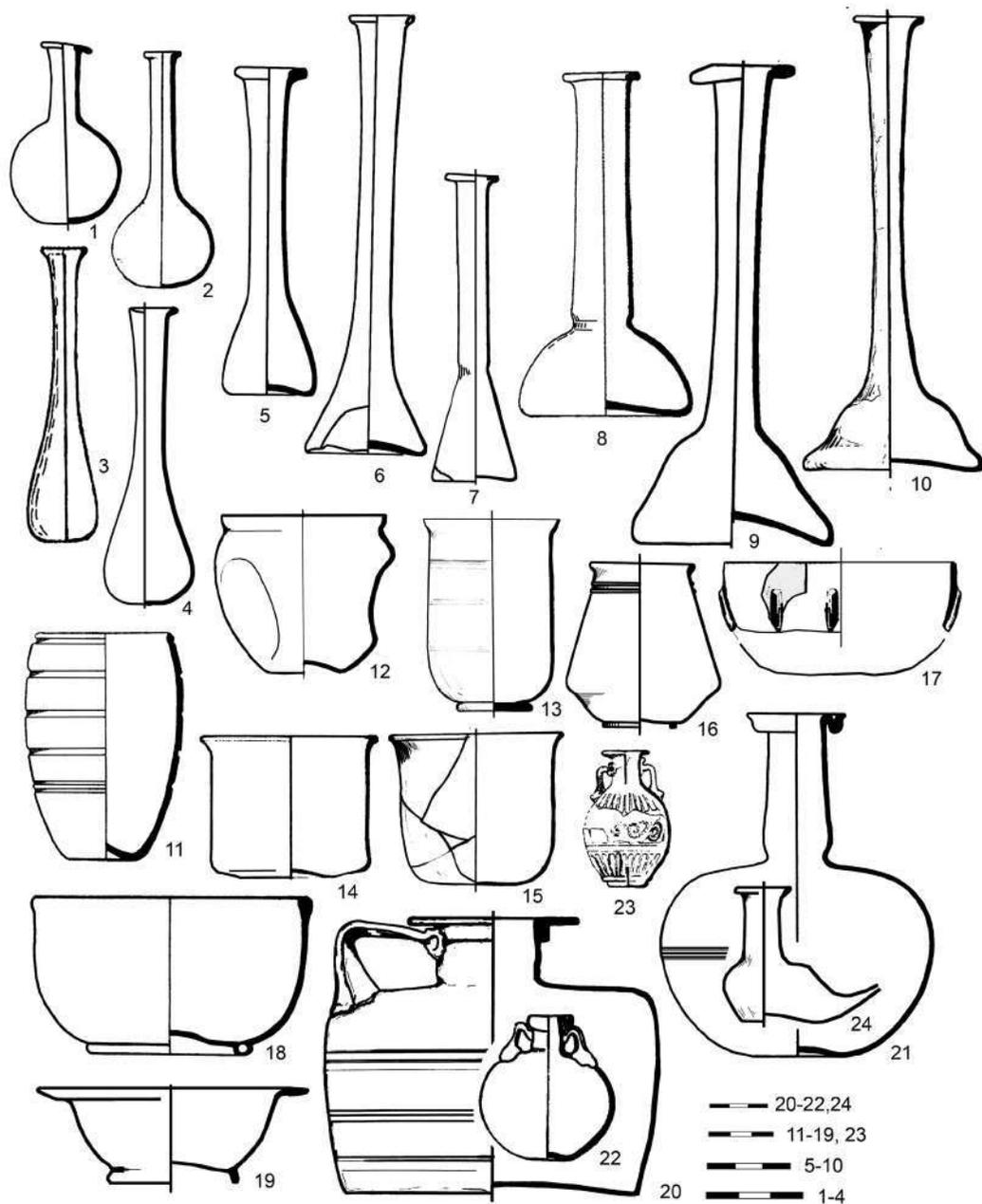

Рис. 1. Стекланные сосуды. 1 — Заветное: мог. № 344 (по: Волошинов, Масякин, 2007, рис. 8, 6); 2 — Усть-Альма: мог. № 316 (по: Пуздровский, 2007, рис. 191, 8); 3 — Восточный некрополь Неаполя Скифского: мог. № 75 (по: Сымонович, 1983, табл. XII, 15); 4 — Бельбек IV: мог. № 203 (по: Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 133, 7); 5–6 — Усть-Альма: мог. № 830, № 1040 (по: Пуздровский, Труфанов, 2017, рис. 14, 21; Пуздровский, Труфанов, 2016, рис. 138, 10); 7 — Нейзац: мог. № 368 (по: Шабанов, 2011, рис. 11, 69); 8–9 — Бельбек IV: мог. № 106, № 231 (по: Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 62, 2; 157, 19); 10 — «Совхоз № 10»: мог. № 42 (по: Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 6, 41); 11 — Бельбек IV: мог. № 144 (по: Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 89, 16); 12–13 — «Совхоз № 10»: мог. № 64, № 137 (по: Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 9, 53; 18, 81); 14 — Бельбек IV: мог. № 221 (по: Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 148, 7); 15 — «Совхоз № 10»: мог. № 128 (по: Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 18, 24); 16 — Черная речка: мог. № 36 (86) (по: Шабанов, 2013а, рис. 1, 2); 17 — Булганакское городище (по: Храпунов, 1991, рис. 33, 16); 18 — Бельбек I: мог. № 14 (по: Сорокина, Гущина, 1980, рис. 2, 1); 19 — Восточный некрополь Неаполя Скифского: мог. № 1 (по: Сымонович, 1983, табл. XII, 2); 20 — «Совхоз № 10»: мог. № 104 (по: Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 14, 108); 21–22 — Бельбек IV: мог. № 131, № 197 (по: Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 80, 2; 129, 6); 23 — Усть-Альма: мог. № 926 (по: Пуздровский, Труфанов, 2017, рис. 164, 6); 24 — «Совхоз № 10»: мог. № 70 (по: Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 10, 58)

Рис. 2. Стекланные сосуды. 1 — Опушки: мог. № 233; 2 — Усть-Альма: мог. № 942 (по: Пуздровский, Труфанов, 2017, табл. 15, 1); 3 — Нейзац: мог. № 368 (по: Шабанов, 2015, кат. 36); 4–5 — Битак: мог. № 150, № 153 (по: Шабанов, 2015, кат. 33, 34); 6 — Бельбек IV: мог. № 100 (по: Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 299); 7–8 — Фронтное 3: мог. № 61, № 319 (по: Гавритухин и др., 2020, рис. 4, 18, 29); 9 — Бельбек IV: мог. № 221 (по: Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 298, 2); 10 — Нейзац: мог. № 329 (по: Шабанов, 2015, кат. 66); 11 — Усть-Альма: мог. № 1040 (по: Пуздровский, Труфанов, 2016, табл. 14, 5); 12 — Опушки: мог. № 78; 13 — Бельбек IV: мог. № 100 (по: Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 298, 1); 14 — Заветное, мог. 43 (по: Vlasov, 1995, fig. 1, 1); 15 — Бельбек IV: мог. № 187 (по: Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 296, 1); 16–17 — Фронтное 3: мог. № 263, № 304 (по: Гавритухин и др., 2020, рис. 4, 27, 28); 18 — Бельбек IV: мог. № 221 (по: Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 301); 19–20 — Фронтное 3: мог. № 5, № 76 (по: Гавритухин и др., 2020, рис. 4, 16, 17); 21 — «Совхоз № 10»: мог. № 136 (по: Романчук, 2008, рис. 100); 22 — Фронтное 3: мог. № 232 (по: Гавритухин и др., 2020, рис. 4, 26)

рис. 109, 10, 19). Подобные сосуды получили широкое распространение на всей территории Римской империи и ее периферии (Isings, 1957, P. 27–30; Allen, 1998, P. 25; Cool, Price, 1995, Fig. 5, 2; Barkoczi, 1988, S. 55, Taf. I, 12), в том числе и в Северном Причерноморье (Кунина, 1997, кат. 293; Кадеев, Сорочан, 1989, с. 30, рис. 16, 3; Сорокина, 1962, с. 226, рис. 9, 7; Сорокина, 1977, с. 135–138, рис. 6, 1, 2; Сорокина, 1978, рис. 2, 9).

Три стакана типа *Isings 34* из тонкого прозрачного стекла на сплошном дисковидном поддоне (рис. 1, 13) происходят из могильника «Совхоз №10». Найдены они в погребальных комплексах, датирующихся не позднее II в. н. э. (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, с. 121). Также как и сосуды предыдущего типа, стаканы на дисковидном поддоне получили широкое распространение в Римской империи со второй половины I в. н. э., некоторые экземпляры известны и в комплексах IV в. н. э. (Isings, 1957, P. 48, 49). В Северном Причерноморье они встречаются на протяжении всего римского времени в Херсонесе (Седикова, 1996, рис. 4, 1) и на Боспоре (Кунина, 1997, кат. 296; Алексеева, Сорокина, 2007, с. 48, 49, рис. 1, табл. 33; Шевченко, 2004, рис. 4, 3; Сорокина, 1977, с. 136, 137, рис. 6, 3; Голофаст, 2006, с. 321, рис. 2, 5, 8, 13–16). В крымских предгорьях стаканы *Isings 34* пока известны только в округе Херсонеса.

Два стакана с округлым туловом и четырьмя вдавлениями, из тонкого прозрачного бесцветного стекла типа *Isings 32* (рис. 1, 12), найдены в могильнике «Совхоз №10» в погребениях II в. н. э. (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, с. 120). К. Айсингс наиболее ранние экземпляры относил к середине – второй половине I в. н. э., а поздние — ко второй половине III в. н. э. (Isings, 1957, P. 46, 47). Н. З. Кунина стаканы с вдавлениями, найденные в некрополе Пантикапея, датировала второй половиной I в. н. э. и видела в них продукцию восточно-

средиземноморских мастерских, возможно, расположенных на о. Кипр (Кунина, 1997, кат. 305–307). Один стакан из Танаиса Н. П. Сорокина датировала I – III вв. н. э. (Сорокина, 1965, с. 204, 205). Известны они среди «италийского» стекла I – II вв. н. э., найденного в Херсонесе (Кадеев, Сорочан, 1989, рис. 16, 5), через который, видимо, и поступали в Юго-Западный Крым.

Популярностью в варварской среде крымских предгорий до середины III в. н. э. пользовались стеклянные стаканы с цилиндрическим туловом без поддона. Их можно разделить на два типа. Сосуды первого типа имели хорошо заметное выделенное дно (рис. 1, 14; 2, 9). Найдены они в погребальных комплексах середины II – первой половины III вв. н. э. в могильниках Бельбек IV (Гущина, Журавлев, 2016а, с. 70), «Совхоз №10» (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 2, 5), Фронтное 3 (Гавритухин и др., 2020, рис. 4, 19), Заветное (Firsov, 1999, Fig. 14, 1), а также в одном из детских погребений второй половины II – первой половины III вв. н. э., открытых на позднескифском поселении Кермен-Бурун в Юго-Западном Крыму (Волошинов и др., 2019, с. 60). За пределами крымских предгорий подобные стаканы известны на Боспоре, где также датируются II – III вв. н. э. (Алексеева, 1982, с. 63, рис. 35, 7; Толстикова и др., 2005, рис. 17, 1).

Стеклянные стаканы с цилиндрическим туловом второго типа имеют прямые стенки, слегка вогнутое дно, отогнутый и оплавленный венчик (рис. 1, 15). Происходят они из могильников «Совхоз №10» (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 18, 24, 22, 171), Бельбек IV (Сорокина, Гущина, 1980, с. 91, рис. 1, 2), Усть-Альма (Пуздровский, Труфанов, 2016, рис. 108, 1), Чернореченского (Шабанов, 2013а, с. 165, 166, рис. 1, 3) и Нейзац. Все они датируются II – первой половиной III вв. н. э. К этому же времени относятся стеклянные стаканы из коллекций Государственного Эрмитажа (Кунина, 1997, кат. 326), Государственного исторического

музея (Сорокина, 1962, с. 226, рис. 7, 2) и Центрального музея Тавриды (Шабанов, 2015, кат. 64).

Ко II – первой половине III вв. н. э. также стоит отнести один стеклянный стакан на кольцевом поддоне с биконическим туловом из Чернореченского могильника (рис. 1, 16) (Шабанов, 2013а, с. 157, рис. 1, 2). Аналогичный сосуд II – III вв. н. э., возможно, ольвийского происхождения, находится в коллекции Государственного Эрмитажа (Кунина, 1997, кат. 320), и еще один, депаспортизированный, в фондах Центрального музея Тавриды (Шабанов, 2015, кат. 65).

К наиболее поздним в рассматриваемой категории стеклянной посуды можно отнести стаканы со сферическим туловом без поддона и оплавленным валикообразным венчиком (рис. 2, 10). Происходят они из погребений первой половины – середины III в. н. э. в могильниках Усть-Альма (Пуздровский, Труфанов, 2016, рис. 143, 13), «Совхоз №10» (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 31, 23), Танковое (Вдовиченко, Колтухов, 1994, рис. 4, 3), Нейзац (Шабанов, 2011, рис. 4, 29, 30). Во второй половине III в. н. э. такие сосуды выходят из употребления и получают распространение уже сферические стаканы с сильно отогнутым необработанным краем.

Чашу. Наиболее ранние стеклянные сосуды открытого типа в памятниках предгорного Крыма представлены только небольшими фрагментами. К ним можно отнести полихромную чашу типа *garland bowl* из Усть-Альминского некрополя (рис. 2, 11) (Пуздровский, Труфанов, 2016, рис. 137, 2) и фрагмент сосуда, изготовленный в технике *millefiori* из могильника Опушки (рис. 2, 12) (Шабанов, 2020, рис. 1, 1)². Подробнее стоит остановиться на первом

сосуде. Чаши, украшенные гирляндами, или *garland bowl*, в Северном Причерноморье ранее не встречались, а их находки на территории Римской империи единичны. Одна целая чаша, дающая представление о форме и технике изготовления сосуда, хранится в собрании музея Метрополитен в Нью-Йорке (США) (Lightfoot, 2002, P. 21). Изделие представляет собой полусферическую чашу (*d* — 18,1 см), сформованную из четырех частей желтого, красного, синего и белого цвета. Внутри каждой из частей были помещены украшения в стиле *millefiori*, стилизованные под гирлянды цветов. Датируется этот сосуд рубежом эр, точное место находки неизвестно. Таким образом, в Усть-Альминского некрополе был найден лишь небольшой фрагмент одной из частей чаши, а именно фрагмент желтого цвета. Уникальная для Причерноморья находка сосуда, совмещающего в себе техники литья и *millefiori*, сильно расширяет зону распространения подобных сосудов, ранее ограниченную только Аппенинским полуостровом (Lightfoot, 2002, P. 21).

Встречаются в крымских предгорьях появившиеся еще в эллинистическую эпоху литые чаши типа *Isings 3* или *Rippenschale* (рис. 1, 17). Фрагментированные сосуды известны на позднескифских поселениях — Неаполе Скифском (Зайцев, 2003, рис. 110, 9) и Булганакском городище (Храпунов, 1991, рис. 33, 16; Шабанов, 2013б, с. 336, рис. 1, 1)³. Еще один фрагмент происходит из детского погребения II – III вв. н. э. могильника Нейзац (Шабанов, 2011, с. 167, рис. 12, 24). Причем в могилу был положен, скорее всего, не целый сосуд, а именно его фрагмент. В могильниках Бельбек II и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму известны находки небольших обломков стеклянных

² В Северном Причерноморье стеклянные сосуды, изготовленные в технике *millefiori* известны на Боспоре (Сорокина, 1962, рис. 1; Алексеева, Сорокина, 2007, с. 60, рис. 14; Яценко, 2008, илл. 1, 1–4; Винокуров, Трейстер, 2019, с. 57, рис. 1, 2) и в Ольвии (Пуклина, 2016, с. 164). Значительно больше таких сосудов найдено в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, где их и производили в I в. до н. э. (Isings, 1957, P. 15, 16; Oliver, 1968, P. 64).

³ Пока наибольшее количество сосудов типа *Isings 3* за пределами античных центров найдено при исследовании так называемых святилищ, расположенных в предгорном и горном Крыму (Новиченкова, 2015, с. 96, 97, рис. 196; Шкрибляк, 2019, с. 341, 342).

сосудов, в том числе и чаш *Rippenschalle*, оправленных бронзовой проволокой и выполнявших, видимо, роль украшений (Сорокина, Гущина, 1980, с. 97, рис. 2, 3, 4, 5). Такое же назначение мог выполнять и фрагмент чаши из Нейзаца.

Во II – первой половине III вв. н. э. в крымских предгорьях получили широкое распространение стеклянные тонкостенные чаши, изготовленные в технике выдувания. Они имели обычную для таких изделий полусферическую форму тулова и невысокий кольцевой поддон. Часто их украшали полым стеклянным валиком, вытянутым из стенки сосуда, или наплавленными нитями из того же стекла, что и сам сосуд. Такие чаши можно разделить на два типа. У одних верхний край был прямой (рис. 1, 18), у других — горизонтально отогнут (рис. 1, 19; 2, 13). Чаши первого типа известны в могильниках Усть-Альма (Труфанов, 2020, рис. 5, 8), Бельбек II (Сорокина, Гущина, 1980, рис. 2, 1) и Бельбек IV (Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 179, 2; 191, 2; 194, 2). Сосуды с горизонтально отогнутым краем найдены в погребениях Восточного некрополя Неаполя Скифского (Сымонович, 1983, табл. XII, 2) и могильника Бельбек IV (Сорокина, Гущина, 1980, рис. 2, 2). Отдельно стоит упомянуть стеклянную чашу на высоком кольцевом поддоне с усеченно-коническим туловом из подбойной могилы № 7 некрополя Неаполя Скифского (Бабенчиков, 1949, рис. 8), датирующуюся по аналогиям первой половиной III в. н. э. (Кунина, 1997, кат. 323; Дмитриев и др., 2011, с. 168, 169, рис. 156, 1). Пока это единственный сосуд данного типа в крымских предгорьях.

Еще одна большая категория стеклянных сосудов из крымских предгорий представлена **кувшинами**, которые использовались для хранения или подачи пищи к столу. Широкое распространение в первые века н. э. на территории Римской империи получили кувшины двух форм — цилиндрической (рис. 1, 20) и четырехгранной (рис. 2, 18), изготовленные в технике выдувания

в заранее заготовленную форму. Известны они и в предгорном Крыму. Один целый цилиндрический кувшин типа *Isings 51* найден в погребальном комплексе II – первой половины III вв. н. э. могильника «Совхоз №10» (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 14, 108) и один фрагментированный — на городище Неаполя Скифского (Зайцев, 2003, рис. 110, 11). Три небольших четырехгранных кувшина или «кубикоса» типа *Isings 50* происходят из могильников Бельбек IV (Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 45, 10; 148, 6) и «Совхоз №10» (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 8, 92). На доньях всех трех кувшинов присутствуют характерные для данного типа сосудов «клейма» (Шабанов, 2017, с. 91, 95, рис. 2, 9; 3, 1, 2). Находки целых и фрагментированных кувшинов типа *Isings 50* и *51* известны на территории Херсонеса (Зубарь, 1982, рис. 58, 1; Рыжова, 2020, с. 36), откуда, видимо, и попадали в Юго-Западный Крым. В крымских предгорьях в первые века н. э. также встречаются кувшины из тонкого прозрачного стекла разнообразных форм и размеров, изготовленных свободным выдуванием (рис. 2, 17, 19, 20). К этому же времени относятся находки необычных сосудов-ойнохой в могильниках «Совхоз №10» (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 8, 92; 18, 26) и Фронтное 3 (Гавритухин и др., 2020, с. 100, рис. 4, 28; Gavritukhin et al, 2021, P. 100). Во второй половине III – IV вв. н. э. получают распространение кувшины другой, более традиционной, формы с вытянутым туловом, расширяющимися в нижней части округлыми стенками и четко выделенным цилиндрическим горлом.

Колбы или **бутыли**, в отличие от кувшинов, не обладали большим морфологическим разнообразием. Их формы зависели от основного назначения сосудов — хранение продуктов. Все они представлены сосудами со сферическим туловом и цилиндрическим горлом. Большая их часть однотипна и на протяжении римского времени не претерпела каких-либо серьезных изменений,

и лишь некоторые сосуды, найденные в погребальных комплексах IV в. н. э., имеют большие размеры, чем раннеримские экземпляры. При описании колб отдельно можно упомянуть только стеклянный сосуд II в. н. э. типа *Isings 70* (рис. 1, 21) из могильника Бельбек IV (Сорокина, Гущина, 1980, с. 95, рис. 2, 7; Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 80, 3), отличающийся от остальных сложнопрофилированным венчиком и наличием шлифованных полос на тулове⁴. Подобные колбы, найденные в некрополе Пантикапея, Н. З. Кунина датировала второй половиной I в. н. э. и относила к продукции восточно-средиземноморских мастерских (Кунина, 1997, кат. 214–216).

В крымских предгорьях встречаются и небольшие сосуды, иногда называемые «туалетными», использовавшиеся для хранения ароматических масел и косметики — **арибаллы** и **амфориски**. Арибаллы имели широкое сферическое тулово, короткое цилиндрическое горло и две небольшие ручки (рис. 1, 22). Известны находки пяти сосудов в могильниках Бельбек IV (Гущина, Сорокина, 2016, с. 71, 72, табл. 129, 6; 208, 3), «Совхоз №10» (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, с. 119, табл. 1, 55; 52, 18) и Фронтное 3 (Gavritukhin et al, 2021, P. 102, Fig. 7, 10). Датируются они первыми веками н. э. и после середины III в. н. э. в предгорном Крыму не встречаются, хотя в других уголках античного мира бытуют до IV в. н. э. (Isings, 1957, P. 78–81). Все известные в Северном Причерноморье находки происходят с территории Боспора (см. Sorokina, 1987; Грач, 1999, табл. 177, 8; Арсеньева и др., 2001, табл. 47, 575).

Амфориски отличались большим разнообразием форм, чем арибаллы. Так два сосуда II в. н. э. из могильников Усть-Альма и Фронтное 3 были изготовлены в технике выдувания в форму и имеют рельефное тулово, украшенное каннелюрами, валютами и завитками (рис. 1, 23; 2, 16)

(Пуздровский, Труфанов, 2016, рис. 164, 6; Гавритухин и др., 2020, с. 100, рис. 4, 27). Традиционно такие изделия относят к продукции сети стеклоделательных мастерских Эниона, расположенных в Восточном Средиземноморье и Италии (Щапова, 1983, с. 134; Колесниченко, Островерхов, 2012, с. 17). Известны они и в Северном Причерноморье, в частности в Херсонесе (Журавлев, Костромичев, 2017, табл. 30, 7). Еще один амфориск из розового стекла имеет тулово в форме многогранника (рис. 2, 14). Найден он в могильнике Заветное в погребении второй половины II – первой половины III вв. н. э. (Богданова, 1989, с. 55, табл. XIX, 6). Аналогичные фигурные сосуды известны на Боспоре и на Кавказе (Сорокина, 2001, с. 11, 12). Традиционным же для амфорисков на протяжении всего времени их существования было круглой формы вытянутое тулово и острое или «каплевидное» дно. Один такой сосуд типа *Isings 60* найден в могильнике Бельбек IV в погребальном комплексе конца I в. н. э. (рис. 2, 15) (Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 121, 2). К группе «туалетных» сосудов можно отнести и **миниатюрные сосудики** или **баночки** с округлым туловом и сильно отогнутым краем раннеримского времени типа *Isings 68* (рис. 2, 22), найденные в Усть-Альминском некрополе (Пуздровский, 2007, рис. 191, 6), могильниках Бельбек IV (Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 129, 5), «Совхоз №10» (Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 9, 63) и Фронтное 3 (Гавритухин и др., 2020, рис. 4, 26). Все они происходят из комплексов, датирующихся временем не позднее середины III в. н. э.

В могильнике «Совхоз №10» найдены один **канфар** (рис. 2, 21) и один **канфаровидный кубок**. Оба сосуда можно было бы отнести к одной категории, но они отличаются друг от друга формой тулова и устройством отдельных элементов. Л. А. Рыжова подробно разобрала эти находки в своей

⁴ Имеется сообщение о находке еще одной колбы типа *Isings 70* в могильнике Фронтное 3, но полностью комплекс пока не опубликован (Гавритухин и др., 2020, с. 100).

публикации, посвященной стеклянным канфарам из коллекции Херсонесского музея, и датировала их не позднее середины III в. н. э. (Рыжова, 2003, с. 162). Пока за пределами Херсонеса и его округа стеклянные канфары в Крыму не известны. Близкие к ним по форме двуручные литые сосуды-скифосы найдены в культовом комплексе на перевале Гурзуфское Седло в горном Крыму и датируются временем не позднее I в. до н. э. (см.: Новиченкова-Лукичева, 2013).

С распространением римского влияния Н. П. Сорокина связывала появление в Северном Причерноморье стеклянных *гумтусов* или «капельников» (Сорокина, 1990, с. 74). Они представляют собой небольшой тонкостенный флакон с округлым туловом, из стенки которого вытягивался носик-слив (рис. 1, 24). Использовались такие сосуды в медицине, а также для кормления детей и хранения ароматических масел. В крымских предгорьях найдено пять гумтусов, три из которых датируются II – III вв. н. э., остальные — IV в. н. э. Найдены они в могильнике «Совхоз №10» (Сорокина, 1990, с. 76, кат. 21; Стржелецкий и др., 2003 – 2004, табл. 10, 58; 44, 21), куда попали, видимо, из Херсонеса, где встречались на протяжении всего римского времени (Зубарь, 1982, с. 92, 93, рис. 60, 1; Зубарь, Сорочан, 1986, с. 120, рис. 8, 1).

В крымских предгорьях найдено более тысячи целых и фрагментированных стеклянных сосудов римского времени, из которых несколько сотен происходит из комплексов, датирующихся не позднее середины III в. н. э. Сконцентрированы находки этого времени преимущественно в Юго-Западном Крыму, т. е. в округе Херсонеса. В открытых здесь могильниках типа «Совхоз №10», Усть-Альма, Бельбек IV, Фронтное 3, Киль-Дере 1 и других обнаружено большое количество разнообразной стеклянной посуды. Значительную часть ее составляли бальзамарии, использовавшиеся жителями античных городов для хранения ароматических веществ и медицинских компонентов.

Так ли их использовали скифы или сарматы, сказать однозначно нельзя. Количество обнаруженных в варварских могильниках бальзамариев столь велико, что можно говорить о высоком уровне гигиены и медицины в варварской среде. Это, однако, вызывает сомнения. С другой стороны, для других целей столь узкофункциональные предметы вряд ли годились. Тем не менее, стеклянные бальзамарии или флаконы в I – первой половине III вв. н. э. становятся устойчивым элементом погребальных «наборов», сопровождавших женские, детские, а иногда и мужские захоронения в могильниках Юго-Западного Крыма. В середине III в. н. э. эта группа находок исчезает. Им на смену приходят более крупного размера колбообразные сосуды и колбы, получившие широкое распространение в IV – V вв. н. э. Исследователи в качестве одной из возможных причин исчезновения столь популярной категории стеклянных сосудов называют постепенную варваризацию северопричерноморских полисов под влиянием притока нового населения, чуждого обычаям античного мира (Кунина, Сорокина, 1972, с. 171).

Существенное место в повседневной жизни населения крымских предгорий в первые века н. э. стали занимать стеклянные изделия утилитарного назначения — стаканы, чаши, кувшины, колбы. Находки их известны и на поселениях, и в могильниках. Имея простую, незамысловатую форму, они выполняли ту же функцию, что и изделия из глины, дерева или металла. Отличала их только хрупкость. Такая особенность стеклянной посуды, видимо, делала ее более дорогой и ценной по сравнению с лепными или краснолаковыми сосудами. Единичными экземплярами представлены редкие и красивые сосуды высшего класса, настоящие произведения искусства. К таким можно отнести чашу типа *garland bowl* из Усть-Альминского некрополя или сосуд, изготовленный в технике *millefiori*, найденный в могильнике Опушки. К сожалению, сохранились они только во фрагментах, что, тем

не менее, не отменяет того факта, что даже в такие отдаленные уголки античного мира попадали ценные стеклянные изделия. В остальном, большая часть стеклянной посуды, найденной в предгорном Крыму, находит аналогии как в северопричерноморском регионе, так и за его пределами.

В заключение стоит сказать, что в середине III в. н. э. в Северном Причерноморье происходят значительные этнополитические изменения, связанные с так называемыми «готскими походами». В крымских предгорьях появляются новые погребальные традиции, изменяется погребальный инвентарь. Это касается и стеклянной посуды. Ее ассортимент значительно изменяется, что, однако, не приводит к его заметному сокращению. Полностью исчезают некоторые типы стаканов, чаш, кувшинов. Им на смену приходят новые формы и типы

сосудов. Связывать это, видимо, стоит с перестройкой устоявшихся экономических связей северопричерноморских античных центров — главных источников стеклянной посуды для населения предгорного Крыма. В первую очередь это касается Херсонеса. Заметно увеличение в крымских погребениях IV в. н. э. стеклянных сосудов из западно-римских провинций и с территории так называемых «свободных германских племен», откуда они могли попадать к крымским варварам не через причерноморские античные центры, а при контактах с носителями черняховской культуры. Следующая значительная смена ассортимента стеклянной посуды в Северном Причерноморье, и в крымских предгорьях в частности, произошла на рубеже IV – V веков, когда регион сотрясло гуннское вторжение.

Литература

- Алексеева Е. М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. II / Под ред. И. Т. Кругликовой. Краснодар: Книжное изд-во, 1982. С. 5–116.
- Алексеева Е. М., Сорокина Н. П.* Коллекция стекла античной Горгиппии. М: Интербук-бизнес, 2007. 160 с.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981 –1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 275 с.
- Бабенчиков В. П.* Новый участок некрополя Неаполя Скифского // ВДИ. 1949. № 1. С. 111–119.
- Богданова Н. А.* Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на Юге Восточной Европы / Отв. ред. М. П. Абрамова. М.: ГИМ, 1989. С. 17–70. (Труды ГИМ. № 70).
- Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г.* Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред. сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 82–88.
- Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю.* Фрагменты сосудов мозаичного стекла из раскопок цитадели городища Артезиан // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы конференции. Т. 1 / Отв. ред. А. Д. Васильев. М.: Пробел-2000, 2019. С. 56–60.
- Волошинов А. А., Бейлин Д. В., Рукавишников И. В.* Детские погребения поселения Кермен-Бурун // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь: б. и., 2019. С. 57–65.

- Волошинов А. А., Мяскин В. В.* Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005 – 2006 гг.) // Древняя Таврика / Под ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 291–302.
- Гаврилов А. В., Труфанов А. А.* Святилище Туар-Алан II в. до н. э. – первой половины I в. н. э. в Юго-Восточном Крыму // История и археология Крыма. Вып. I / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 73–152.
- Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Языков С. В.* Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С. 91–110.
- Голофаст Л. А.* Стекло из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // БИ. 2006. Вып. XI. С. 309–330.
- Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. Ч.1. М.: ГИМ, 2016а. 272 с.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. Ч.2. М.: ГИМ, 2016б. 320 с.
- Дмитриев А. В., Довгалюк Н. П., Малышев А. А., Масленников А. А., Онайко Н. А.* Описание погребальных комплексов. Каталог // Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: ИА РАН, 2011. С. 9–225. (Некрополи Черноморья. Т. IV).
- Журавлев Д. В., Костромичев Д. А.* Комплексы с ювелирными изделиями из Херсонесского некрополя. Ч. 1: Материалы раскопок Р. Х. Лепера в 1909 – 1910 гг. М.: ООО «РИА Внешторгиздат», 2017. 184 с.
- Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
- Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I – IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 143 с.
- Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* Новый погребальный комплекс II – IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / Отв. ред. В. А. Анохин. Киев: Наукова думка, 1986. С. 101–129.
- Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. Харьков: Вища школа, 1989. 136 с.
- Козуб Ю. И.* Стекланные бальзамарии из некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / Отв. ред. В. А. Анохин. Киев: Наукова думка, 1986. С. 41–52.
- Колесниченко А. М., Островерхов А. С.* Фігурний келих із Пантикапея та розповсюдження дутого у форму скла у Північному Надчорномор'ї в I – середині II ст. // Археологія. 2012. № 2. С. 13–26.
- Колесниченко А. М., Савельев О. К.* Склянки з написом ΚΑΤΑΙΧΑΙΡΕΚΑΙΕΥΦΡΑΙΝΟΥ із розкопок Тіри та проблема їх походження // Археологія. 2015. № 4. С. 34–45.
- Кунина Н. З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб: Изд-во АРС, 1997. 360 с.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П.* Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Т. XIII. С. 146–177.
- Новиченкова Н. Г.* Горный Крым: II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н. Орианда, 2015. 216 с.

- Новиченкова-Лукичева К. В.* О стеклянных скифосах из горного Крыма и Прикубанья // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 314–317.
- Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия. III в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008 – 2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. 308 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004 – 2007 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2017. 372 с.
- Пуклина О.* Стеклянные полихромные сосуды из Ольвии // *Емінак*. 2016. № 4. С. 164–168.
- Романчук А. И.* Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Монография: в 2 т. Т. 1: Античный полис. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2008. 720 с.
- Рыжова Л. А.* Стеклянные канфары из собрания Херсонесского заповедника // Херсонесский сборник. Вып. XII / Отв. ред. М. И. Золотарев. Севастополь: б. и., 2003. С. 151–164.
- Рыжова Л. А.* Клейма на доньях призматических бутылок из раскопок Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. XXI / Отв. ред. А. В. Зайков. Севастополь: б. и., 2020. С. 36-45.
- Рыжова Л. А., Рыжова Ю. С.* Стеклянные кубки с рельефным орнаментом в виде «бутонов лотоса» из раскопок Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. XX / Отв. ред. А. В. Зайков. Севастополь: б. и., 2019. С. 165–174.
- Седикова Л. В.* Комплекс находок позднеантичного времени из цистерны в VI квартале Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. VII / Отв. ред. И. А. Антонова. Севастополь: Ахтиар, 1996. С. 175–185.
- Сорокина Н. П.* Стекло из раскопок Пантикапея 1945 – 1959 гг. // Пантикапей / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 210–236 (МИА. № 103).
- Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука, 1965. С. 202–238 (МИА. № 127).
- Сорокина Н. П.* Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // Античный мир и археология. Вып. 3 / Отв. ред. В. Г. Борухович. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977. С. 115–144.
- Сорокина Н. П.* Античное стекло в собрании Одесского археологического музея // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. П. О. Карышковский. Киев: Наукова думка, 1978. С. 267–274.
- Сорокина Н. П.* Стеклянные капельники, или гуттусы первых веков нашей эры из Северного Причерноморья // Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. С. В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1990. С. 71–78 (Труды ГИМ. Вып. 74).
- Сорокина Н. П.* Два стеклянных сосуда из Заветнинского могильника // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 10–12 (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Сорокина Н. П., Гущина И. И.* Стеклянные изделия из могильников первых веков нашей эры Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным / Под ред. Т. Б. Поповой. Москва: ГИМ, 1980. С. 89–100 (Труды ГИМ. Вып. 51).
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* Население округа Херсонеса в первой половине I тыс. новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // *Stratum plus*. 2003 – 2004. № 4. С. 27–277.

- Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова Думка, 1983. 173 с.
- Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Цистерна римского времени на Западном плато Первого кресла горы Митридат // Древности Боспора. Вып. 8 / Сост. А. А. Масленников. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 340–376.
- Труфанов А. А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2005 – 2009. № 4. С. 117–328.
- Труфанов А. А.* Склеп 649 из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым) // Херсонесский сборник. Вып. XXI / Отв. ред. А. В. Зайков. Севастополь: б. и., 2020. С. 197–215.
- Храпунов И. Н.* Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981 – 1989 гг.) // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 3–34.
- Храпунов И. Н.* Поселение в Барабановской балке (II – IV вв. н. э.). Симферополь: БФ «Наследие тысячелетий», 2016. 164 с.
- Шабанов С. Б.* Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996 – 2011 гг.) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 141–191.
- Шабанов С. Б.* Стеклянные сосуды из раскопок Инкерманского и Чернореченского могильников (из коллекции Бахчисарайского заповедника) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Изд-во «Доля», 2013а. С. 155–170.
- Шабанов С. Б.* Стеклянные сосуды из раскопок Булганакского городища в Крыму // Гілея. 2013б. Вип. 69. С. 334–339.
- Шабанов С. Б.* Римское стекло. Стеклянные сосуды из собрания Центрального музея Тавриды. Симферополь: Н. Оріанда, 2015. 160 с.
- Шабанов С. Б.* Клейма на стеклянных сосудах из Северного и Северо-Западного Причерноморья // ПИФК. 2017. № 1. С. 88–104.
- Шабанов С. Б.* Стеклянные сосуды с посвятельными надписями и их значение в античном мире // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, находки, теории. Материалы научной конференции / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь: б. и., 2019. С. 327–330.
- Шабанов С. Б.* Стеклянные сосуды римского времени из могильника Опушки в Крыму (по материалам раскопок 2003 – 2019 гг.) // ПИФК. 2020. № 2. С. 110–134.
- Шаров О. В.* Хронология культовых комплексов Таракташ в Восточном Крыму // БИ. 2016. Вып. XXXII. С. 61–85.
- Шевченко Н. Ф.* Материалы исследования некрополя Горгиппии в 2003 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4 / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: б. и., 2004. С. 186–211.
- Шкрибляк И. И.* Античное святилище на г. Кара-Тау в Предгорном Крыму // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь: б. и., 2019. С. 336–342.
- Щапова Ю. Л.* Очерки древнего стеклоделия. М.: Издательство МГУ, 1983. 200 с.
- Язиков С. В., Свиридов А. Н.* Новый могильник римского времени Киль-Дере 1 в Инкерманской долине: первые итоги исследования // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы межд. научн. конф. / Ред. сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь – Керчь: б. и., 2021. С. 455–461.

- Яценко Е. Г. Стекланные сосуды I – середины II вв. н. э. из раскопок городища Танаиса // *Novensia*. 2008. № 18–19. С. 365–380.
- Allen D. *Roman Glass in Britain*. Shire: Shire Publications, 1998. 64 p.
- Barkoczi L. *Pannonische Glassfunde in Ungarn*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 192 s. (*Acta Archaeologica*. IX).
- Cool H. E. M., Price J. *Roman vessel glass from excavations in Colchester, 1971 – 85*. Colchester: Colchester Archeological Trust, 1995. 455 p. (Colchester Archeological Report 8).
- Firsov K. The Roman Period necropolis of Zavetnoe in southwest Crimea. Burial structures and mortuary ritual // *Grave Matters. Eight studies of First Millenium AD burials in Crimea, England and southern Scandinavia* / Ed. M. Rundkvist. Oxford: BAR Publishing, 1999. P. 1–18. (BAR International Series 781).
- Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sukhanov E., Sviridov A., Yazikov S. The cemetery of Frontovoe 3. New data on the culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration periods // *Študijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied*. 2021. 68 (1). P. 87–118.
- Hayes J. W. *Handbook of Mediterranean Roman Pottery*. London: British Museum Press, 1997. 108 p.
- Isings K. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen–Djakarta: J. B. Wolters Pbl, 1957. 185 p.
- Lightfoot C. S. *Greek and Roman Art* // *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*. 2001. Vol. LIX. No 1. P. 18–24.
- Oliver A. *Millefiori Glass in Classical Antiquity* // *JGS*. 1968. Vol. X. P. 48–70.
- Sorokina N. P. *Glass aryballos (first–third centuries A. D.) from the Northern Black Sea region* // *JGS*. 1987. Vol. 29. P. 40–46.
- Vlasov V. P. *Necropoli di Zavetnoe, distretto di Bachčisaraj* // *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*. Milano: Electa, 1995. P. 108–109.

Н. Н. Чемодуров

О некоторых аспектах истории изучения грунтовых некрополей римского времени в предгорном Крыму¹

Ключевые слова: римское время, могильник, предгорный Крым, Опушки, Суворово, история археологии

Резюме

В настоящей работе рассматриваются некоторые аспекты истории и современного состояния научных представлений о грунтовых некрополях предгорного Крыма. Осуществляется попытка осветить неизвестные ранее страницы начала исследований могильников Опушки, Суворово, Бельбек I, Мангуш. Определяются возможные перспективы выявления новых источников по истории разведок и раскопок на памятниках римского времени в рассматриваемом регионе. Актуализируется проблема применения комплексного подхода в археологии.

Для цитирования: Чемодуров Н. Н. О некоторых аспектах истории изучения грунтовых некрополей римского времени в предгорном Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2021. С. 276–285.

Nikolay Chemodurov

On some aspects of the history of the exploration of burial grounds of the Roman period in the Foothill Crimea

Keywords: Roman time, burial ground, Foothill Crimea, Opushki, Suvorovo, history of archeology

Abstract

The paper examines some aspects of the history and current state of scientific understanding of the burial grounds of the Foothill Crimea. An attempt to illuminate the previously unknown pages of the beginning of the research of the burial grounds of Opushka, Suvorovo, Belbek I, Mangush is being made. Possible prospects for identifying new sources on the history of exploration and excavation at the monuments of the Roman time in the region under consideration are determined. The problem of applying an integrated approach in archeology is actualized.

Внешняя и Внутренняя гряды Крымских гор, протянувшиеся с северо-востока на юго-запад полуострова, образуют уникальный субрегион, который в научной литературе принято называть предгорным. На протяжении тысячелетий в его пределах селились люди, свидетельства пребывания

которых в наши дни относят к отдельным археологическим культурам. В римское время, которое большинство современных исследователей определяют в рамках I в. до н. э. – IV вв. н. э., в предгорном Крыму появляются многочисленные грунтовые некрополи. Возникновение научного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Республики Крым в рамках научного проекта №20-49-910003. The research was funded by Russian Foundation for Basic Research and Republic of Crimea, project number 20-49-910003.

интереса к различным памятникам первых веков н. э. приходится на 20-е гг. XIX в. и было обусловлено поразительными результатами обследования Неаполя Скифского (Тункина, 2002, с. 542). Последующие открытия крупных варварских городищ связаны с именами Ф. Дюбуа де Монпере, И. П. Бларамберга, А. Я. Фабра, П. И. Кепена и других ревнителей крымских древностей (Тункина, 2013). Тем не менее, раскопки погребений в предгорьях, преимущественно курганов, были предприняты только в последней четверти XIX в. (Колтухов, Сенаторов, 2016). И лишь с конца XIX — начала XX вв. начинается процесс изучения грунтовых могильников.

Впервые такие исследования в предгорном Крыму произвел Ф. Дюбуа де Монпере (Тункина, 2013, с. 332). В результате своих изысканий на западном и восточном склонах Неаполя Скифского в 1834 г. путешественник датировал обнаруженные им могилы I – II вв. н. э., а также отметил необычайную культурную эклектичность погребального инвентаря. Ф. Дюбуа де Монпере первым произвел раскопки на Западном некрополе городища. Впоследствии его изучение проводилось спорадически (Ящуржинский, 1889; Лашков, 1890; Веселовский, 1894). Территория памятника с середины XIX в. попала в зону жилой застройки Симферополя, в результате чего многие комплексы оказались разрушенными или ограбленными. Сообщения о поступлении многочисленных находок в музей Таврической ученой архивной комиссии помещались в изданиях этого учреждения. На сегодняшний день опубликованы материалы, хранящиеся в Государственном историческом музее (Гущина и др., 2001), а также в Центральном музее Тавриды (Храпунов и др., 1994). Тем не менее, в отечественной литературе не известны работы, специально посвященные Западному некрополю. Поэтому выявление новых и обобщение полученных

сведений об этом памятнике представляется достаточно перспективным.

В начале XX в. сразу несколько грунтовых некрополей обнаружил Н. М. Печенкин. Осенью 1901 г. в Панаитовой балке на Северной стороне Севастополя им было зачищено одно вырубленное в скале погребение, датированное Н. И. Веселовским I в. н. э. В следующем году в 4,5 км выше по течению от устья р. Бельбек был обнаружен, а в 1903 – 1904 гг. частично исследован некрополь² (Печенкин, 1905, с. 34). Раскопки на памятнике больше не производились, хотя материалы анализируются во многих современных публикациях. Совсем недавно архивные материалы, касающиеся археологических изысканий Н. М. Печенкина, были опубликованы (Смекалова, Виноградов, 2020). В 1904 г. Н. М. Печенкин раскопал курган у Братского кладбища. Весьма примечательно его замечание о том, что впускные могилы, относившиеся к римскому времени, являются свидетельством использования насыпи кургана в качестве места обустройства некрополя, который со временем разросся на прилегающие территории (Печенкин, 1905, с. 38). В настоящее время известны аналогии на могильнике Холмовка (Труфанов, 2014), курганах Мамай-Оба (Зубар, Савеля, 1989), на территории совхоза «Коминтерн» (Пуздровский, 2007, с. 94). А. Е. Пуздровский полагал, что такое явление, характерное для первых веков н. э., могло быть вариантом перехода от подкурганного к грунтовому типу могильника (Пуздровский, 1994, с. 114).

Члену ТУАК П. А. Двойченко принадлежит заслуга открытия еще одного грунтового могильника в дер. Саблы Симферопольского уезда. Здесь в 1904 и 1913 гг. он обследовал потревоженные «счастливыми» погребения. Каких-либо выводов о находках П. А. Двойченко не предложил, но описание конструкции могилы и состава инвентаря (орнаментированные зеркала,

² В настоящее время могильник известен под названием Бельбек I.

серьги со стеклянными вставками, кольца с «выступами») может соответствовать склепу первых веков н. э. (Протокол..., 1914а, с. 290). Попытки продолжить исследования на месте обнаружения склепа, насколько известно, с тех пор не предпринимались. Тем не менее, материалы почти столетие спустя были проанализированы и опубликованы (Журавлев, Фирсов, 2001). Похожим образом сложилась судьба комплекса, доследованного А. А. Столбуновым у с. Константиновка Симферопольского района в 1971 г. Значительные находки, сделанные в склепе, введены в научный оборот спустя два десятилетия (Орлов, Скорий, 1989).

В 1910 г. сотрудники архивной комиссии А. А. Иванов и А. Л. Люстих осмотрели захоронения «с плитами», найденные рабочими, копавшими межевой ров в одном из поселков Симферопольского уезда. В могилах обнаружены стеклянный бальзамарий, бронзовая фибула «прекрасной сохранности», бронзовая подвеска и другие предметы (Протокол..., 1914б, с. 306). Управляющий соседнего имения С. Д. Крылов сообщил членам архивной комиссии о «громодном количестве битой черепицы» на возвышенности вблизи открытых могил. А. И. Маркевич обратился к Р. Х. Леперу с просьбой произвести раскопки открытого некрополя. Но разрешение землевладельцы предоставили лишь, когда местные жители уже «исследовали» погребения. В итоге проведению работ помешала начавшаяся зима. Об этом событии упоминает А. Е. Пуздровский (Пуздровский, 2007, с. 101). Описывая следы погребений, выявленные в нижнем течении р. Кача, автор ссылается на сообщение Н. И. Репникова, содержащее аналогичные сведения, но датированное 1935 г. (Репников, 1940, л. 279). В связи с этим А. Е. Пуздровский отнес найденный могильник к Усть-Качинскому городищу. Вместе с тем, такую интерпретацию опровергает примечание, оставленное и в протоколе ТУАК, и у Н. И. Репникова о том, что наход-

ки были сделаны в ходе размежевания земель Млинарича и Мичуриной. Согласно Статистическому справочнику Таврической губернии, их имения находились в дер. Аранчи, Симферопольского уезда (совр. пос. Суворово, Бахчисарайского района) (Андриевский, 1915, с. 20). По-видимому, в сведениях Н. И. Репникова допущена неточность. Таким образом, речь в сообщении членов ТУАК идет об известном в наши дни могильнике Суворово, открытом вновь в 1993 г. после сообщений о его активном разграблении (Белый, Неневоля, 1993). Новые данные о первых исследованиях памятника могут быть выявлены в неопубликованном наследии Р. Х. Лепера.

Неутомимый открыватель крымских древностей Н. И. Репников проделал огромную работу по археологическому обследованию речных долин Крыма. Многие выявленные памятники, учтенные в неизданных «Материалах к археологической карте юго-западного нагорья Крыма» (Репников, 1940), исследованы лишь в последние десятилетия. Среди них, к примеру, могильник римского времени Дружное, в ходе осмотра которого в 1900-е гг. Н. И. Репников отметил следы катакомбных погребений (Храпунов, 2002, с. 13). Исследователь также сообщает о могильнике Эски-Эли (ныне — Вишневое), открытом в ходе земляных работ в 1914 г. (Репников, 1940, л. 280), и выявленном повторно в 2002 г. (Туровский, Колодченко, 2014). В каталоге Н. И. Репникова приведены данные о некрополе у дер. Мангуш, обнаруженном местными жителями (Репников, 1940, с. 377). Ранее об этом сообщал на заседании ТУАК А. И. Маркевич, добившийся приобретения находок для музея комиссии (Протокол..., 1914в, с. 310). Лишь два предмета из восемнадцати, происходящих из Мангуша, опубликовала Т. Н. Высотская (Высотская, 1972, с. 87).

Впервые попытку ввести в научный оборот «Материалы» Н. И. Репникова предприняла Г. И. Мосберг. Выделив в каталоге могильники первых веков н. э., исследо-

вательница предложила разделить их по признаку использования погребальных конструкций на катакомбные и рядовые (не имеющие склепов) (Мосберг, 1946, с. 118). Такую классификацию подвергла критике Т. Н. Высотская (Висотська, 1970, с. 91). В настоящее время наиболее существенной следует признать публикацию одной главы работы Н. И. Репникова, в которой современными авторами определено местоположение большинства приведенных в «Материалах» памятников, а также дополнены сведения об истории их изучения (Абрамова, Севастьянов, 2017). Тем не менее, большая часть исследования Н. И. Репникова все еще требует современного анализа.

В конце 1902 г. до губернатора Таврической губернии дошли сведения о самовольных раскопках могил жителями дер. Аталык-Эли Симферопольского уезда. Сообщение о находках древних предметов, пещеры и остатков поселения канцелярия губернатора направила в Императорскую археологическую комиссию (Протокол..., 1902, с. 81). В отчете комиссии отмечено получение сообщения и «связок бус из камня и стекла» (Отчет..., 1905, с. 134). Археологическая комиссия поручила ТУАК выяснить подробности открытия. В августе 1903 г. в окрестностях Аталык-Эли побывал А. И. Маркевич. Приблизительно в 2 км от деревни в урочище Чокрак, расположенном на склоне возвышенности, на левом берегу р. Бештерек, им обследованы раскопанные могилы, «совершенно одного типа» с неапольскими. Погребений по заключению исследователя в этой местности могло быть множество (Протокол..., 1903а, с. 58). Над могильником А. И. Маркевич выявил остатки жилых построек. Еще одно поселение в урочище «Городцы», согласно докладу о разведках, располагалось в 1 км к западу от урочища Толбан³. Несколько

других памятников, упомянутых, но судя по тексту сообщения, лично А. И. Маркевичем не обследованных, находились на правом берегу р. Бештерек в урочище Матай.

Предметы древности, собранные в ходе разведок, были отправлены в Петербург (Протокол..., 1903а, с. 58). Вместе с тем, в отчетах Археологической комиссии данных об этом нет (Отчет..., 1906; Отчет..., 1907). В известиях ТУАК сохранились сведения о том, что получив отчет А. И. Маркевича о нескольких древних поселениях и могильнике, комиссия в течение 1903 – 1904 гг. дважды обращалась в ТУАК с просьбой произвести их раскопки, предлагая для этого средства (Протокол..., 1903б, с. 63; Протокол..., 1904а, с. 71). В ответных письмах сообщалось, что в ТУАК не было свободных членов, которые могли бы заняться исследованиями (Протокол..., 1904б, с. 74). После начала Русско-Японской войны и событий Первой русской революции переписка по этому поводу не возобновлялась (Протокол..., 1905, с. 93).

Спустя четверть века памятники в окрестностях Аталык-Эли привлекли внимание заведующего археологическим отделом Центрального музея Тавриды Н. Л. Эрнста. В планы отдела на 1928 г. были включены обследования долин притоков Салгира — Бурульчи, Зуи и Бештерека, до этого «исследовавшихся лишь спорадически». Тем не менее, отмечалось, что в этой местности давно известны многочисленные поселения и могильники римского времени (План..., 1928, л. 1). Согласно отчету о работах, проведенных в 1928 – 1929 гг., «обследования, разведки и раскопки» затронули, в частности, Соловьевское городище⁴, а найденные артефакты поступили на хранение в фонды ЦМТ (Отчет, 1929, л. 1, 2). В 1930 г. планировалось продолжить раскопки городища Соловьевка и могильника, рас-

³ В 1920-е гг. здесь появляется поселок Толбаш, современные Опушки.

⁴ Русские переселенцы последней четверти XIX в. дали дер. Аталык-Эли второе название – Соловьевка. В документах довоенного времени использовались оба названия: Аталык-Эли и Соловьевка.

полагавшегося рядом (План..., 1929, л. 8). Какие-либо документы, составленные Н. Л. Эрнстом по итогам изучения памятников в районе Аталык-Эли — Соловьевки, в настоящее время не выявлены. По сведениям В. Ф. Гайдукевича, некоторые данные об этом Н. Л. Эрнст планировал привести на несостоявшемся Крымском пленуме ГАИМК в 1936 г. (Гайдукевич, 1949, с. 531). В 1932 г. заведующий археологическим отделом познакомил с результатами своих разведок П. Н. Шульца, который в дневнике поездки в Крым критично высказался о том, что столь значимые материалы в то время еще не были опубликованы (Дневник..., 1932, л. 17). В 1937 г. в музей поступило обращение Наркомпроса КАССР с просьбой дополнить список памятников, рекомендованных к утверждению ВЦИК как имеющие всесоюзное значение. В перечне приведены все археологические объекты, упомянутые А. И. Маркевичем в 1903 г. (Отчеты..., 1937, л. 19). Следовательно, эти памятники, включая могильник в урочище Чокрак, в конце 1930-х гг. были хорошо известны.

Во второй половине XX в. древности в районе Аталык-Эли практически не обследовались. Некоторые из них включали в списки позднекиевских памятников П. Н. Шульц и А. А. Щепинский (Список..., л. 2; Материалы..., 1968, л. 43). Краткие сведения о разведках А. И. Маркевича и Н. Л. Эрнста привела в монографии О. Д. Дашевская (Дашевская, 1991, с. 47, 54). Попытку разобраться в местоположении рассматриваемых объектов предпринял С. Г. Колтухов (Колтухов, 1991). Поселение «Городцы» исследователь расположил в 1,5 км к югу от с. Опушки. Следует отметить, что это противоречит сведениям А. И. Маркевича, указавшего местоположение городища в одной версте к западу от урочища Толбан. В публикации С. Г. Колтухова поселение в урочище Чокрак «расположено неподалеку от описанного» (т.е. «Городцы»), хотя у А. И. Маркевича этот памятник находится над могильником. Наконец, остатки постро-

ек, упомянутые в 1903 г. на правом берегу р. Бештерек, объединены С. Г. Колтуховым в Соловьевское поселение. Последнее в коллективном исследовании 2015 г. приблизительно помещено на месте современной воинской части, к югу от с. Опушки (Смекалова и др., 2015, с. 159). Таким образом, в современной литературе нет единого мнения о точном местоположении памятников в окрестностях с. Соловьевка. Представляется, что могильник в урочище Чокрак может быть отождествлен с известным в наши дни под названием Опушки, как справедливо отмечают Т. Н. Смекалова, С. Г. Колтухов и Ю. П. Зайцев. Впрочем, это утверждение можно считать верным в том случае, если сведения в протоколах ТУАК от 1902 и 1903 гг. относятся к одному месту обнаружения могил рядом с дер. Аталык-Эли. Но только выявление новых неопубликованных данных и археологические обследования позволят приблизиться к истине в этом вопросе.

В современной литературе, помимо затронутых в настоящей публикации могильников Опушки, Суворово и Бельбек I, к первым векам н. э. относят еще около тридцати памятников. Многие из них — Курское (Труфанов, Колтухов, 2001), Холмовка (Труфанов, 2014), Вишневое (Туровский, Колодченко 2014), Красная Заря (Белый, Неневоля, 1994), Брянское (Белый, Неневоля, 1994), Балта-Чокрак (Зайцев и др., 2005), Фонтаны (Храпунов, Мульд, 2004), Левадки (Храпунов, Мульд, 2004), Алексеевка (Пуздровский, 2007, с. 97) — были открыты в конце 1980 – начале 1990-х гг. вследствие массового разграбления. Потревоженными оказались и обнаруженные ранее могильники Нейзац, (Храпунов, 2011), Дружное (Храпунов, 2002), Усть-Альминский (Высотская, 1994), Перевальное (Пуздровский и др., 1994), Озерное III (Лобода, 1977), Тас-Тепе (Пуздровский и др., 2001), Бельбек III (Гущина, 1970) и IV (Гущина, Журавлев, 2016), Красный Мак (Лобода, 1995). Большинство из перечисленных погребальных памят-

ников, а также некрополи Инкерманский (Веймарн, 1963), Чернореченский (Бабенчиков, 1963), Восточный Неапольский (Сымонович, 1983), Битакский (Пуздровский, 2001), Красный Мак (Лобода, 1994), Озерное III (Лобода, 1977), являются не до конца исследованными. О. Д. Дашевская еще в 1991 г. была вынуждена характеризовать погребальные памятники, используя аналогии преимущественно из неапольского некрополя, либо из-за пределов Крыма (Дашевская, 1991, с. 25). Следует отметить, что уже к рубежу XIX – XX вв. несистемными раскопками на Неаполе был накоплен значительный археологический материал, на который исследователи ориентировались при обнаружении подобных памятников (Протокол..., 1903, с. 57; Протокол..., 1914, с. 292). Вместе с тем, в 1983 г. Т. Н. Высотская и О. А. Махнева констатировали, что регион Центрального Крыма в римское время является малоизученным (Высотская, Махнева, 1983, с. 66).

Детальное изучение погребальных памятников является принципиально важным в развитии современных представлений о римском периоде в истории Крыма. В последние десятилетия процесс накопления знаний следует признать достаточно динамичным. Так, в 2000-е гг. на могильниках Опушки, Суворово, Красная Заря и Нейзац, функционировавших до IV в. н. э., были открыты захоронения II в. н. э. (Храпунов и др., 2009; Юрочкин, 1995). Раскопки некрополей Перевальное, Чернореченского, Инкерманского показали, что новые комплексы появляются на них во второй половине III – IV вв. (Труфанов, 2009). Эти

данные опровергли прежние представления о резких изменениях в этническом составе населения предгорного Крыма в начале – середине III в. н. э. Исследования на могильнике Опушки позволили иначе представить ареал германцев на полуострове после находки трупосожжения (Храпунов, Мульд, 2005), впервые сделанной в центральной части предгорий (Пуздровский, 2007). Результаты раскопок последних лет сдвинули к первой половине III в. начало сооружения склепов особой конструкции, характерной для некрополей предгорного Крыма второй половины III – IV вв. н. э. (Храпунов, 2019).

Выявление новых подробностей истории изучения погребальных памятников представляется немаловажным. Высоко результативными следует признать работы, в которых применяется комплексный анализ не только археологических, но и архивных, и музейных источников. Яркий пример использования комплексного подхода связан с раскопками подбойной могилы №169 могильника Нейзац, в которой был обнаружен обломок серебряной фибулы. В результате обращения к творческому наследию Н. Л. Эрнста выяснилось, что им еще в 1927 г. были начаты раскопки погребения с фибулой, а недостающий фрагмент застежки обнаружился в фондах ЦМТ (Храпунов, 2011, с.13). Многие аспекты более чем столетних раскопок могильников римского времени в предгорном Крыму остаются недостаточно освещенными. Их раскрытие возможно при условии исключительного внимания к богатому опыту предшествующих поколений исследователей.

Литература

- Абрамова Н. А., Севастьянов А. В. Глава об археологических памятниках долины реки Качи из неопубликованной работы Н. И. Репникова «Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма» // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до гнузцев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 272–304.
- Андриевский Ф. Н. Статистический справочник Таврической губернии / Под ред. М. Е. Бененсона; Стат. бюро Тавр. губ. земства. Симферополь: Типография Тавр. губ. Земства, 1914 –1915. 733 с.

- Бабенчиков В. П.* Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 94–141.
- Белый О. Б., Неневоля И. И.* Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г. // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 251–255.
- Веселовский Н. И.* Раскопки в Симферопольском уезде // Отчет Археологической комиссии за 1889. СПб: Типография главного управления уделов, 1894. С. 65–67.
- Веймарн Є. В.* Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 15–42.
- Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.
- Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская академия Евробизнеса, 1994. 206 с.
- Висотська Т. М.* Питання етнічного складу населення південно-західного Криму початку нашої ери // Археологія. 1970. Т. 23. С. 91–107.
- Высотская Т. Н., Махнева О. А.* Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1983. С. 66–80.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. 624 с.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В., Фирсов К. Б.* Позднескифские коллекции в собрании Государственного Исторического музея // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: б. и., 2001. С. 230–238 (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 140 с. (САИ. Вып. Д 1-7).
- Дневник поездки по музеям Крымской АССР П. Н. Шульца за 1932 г.* НА ИАК РАН Ф. Л–7. Оп.4. Д. 16.
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б.* Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: б. и., 2001. С. 223–229 (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Зайцев Ю. П.* Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., Неневоля И. И., Фирсов К. Б., Радочин В. Ю.* Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района // Херсонесский сборник. Вып. XIV / Гл. ред. С. Д. Крыжицкий. Севастополь: Издательский дом «Максим», 2005. С. 169–196.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.* Скифы Предгорного Крыма в VII – IV вв. до н. э. Курганы 1890 – 1892 и 1895 гг. Симферополь: б. и., 2016. 288 с.
- Лашков Ф. Ф.* Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Типография П. Т. Гордиевского, 1890. 116 с.
- Лобода И. И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963 – 1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 236–252.
- Лобода И. И.* Исследования могильника IV – V вв. в с. Красный Мак // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму / Ред. сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1992. С. 102–114.

- Колтухов С. Г.* Пізньоскіфські поселення східної частини Передгірського Криму (матеріали до археологічної карти Кримської Скіфії) // *Археологія*. 1991. № 4. С. 76–88.
- Маркевич А. И.* К столетию исследований на городище Неаполя у Симферополя // *ИТОИАЭ*. 1929. Вып. 3. С. 4–14.
- Масловский В. В.* К вопросу о древнейшем населении Крыма // *Медицинский архив*. 1925. Т. 1. № 3. С. 308–323.
- Мосберг Г. И.* К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма // *СА*. 1946. Т VIII. С. 113–119.
- Орлов К. К., Скорий С. А.* Комплекс з бронзовим посудом римського часу з поховання в центральном Криму // *Археологія*. 1989. № 2. С. 63–73.
- Отчет* Императорской комиссии за 1902 год. СПб: Типография главного управления уделов, 1905. 201 с.
- Отчет* Археологической комиссии за 1904 год. СПб: Типография главного управления уделов, 1907. 476 с.
- Отчет* о научно-исследовательской работе археологического отдела Центрального музея Тавриды за 1928–1929 гг. ГАРК. Ф. Р-2865. Оп. 2. Д. 8.
- Отчеты* о работе Центрального краеведческого музея, Центрального антирелигиозного музея, Евпаторийского и Керченского краеведческих музеев за 1937 г. ГАРК Ф. Р-2865. Оп. 2. Д. 14.
- Печенкин Н. М.* Раскопки в окрестностях г. Севастополя // *ИТУАК*. 1905. № 38. С. 31–43.
- План научно-исследовательской работы археологического отдела Центрального музея Тавриды на 1928 г. ГАРК. Ф. Р-2865. Оп. 2. Д. 7.
- План научно-исследовательской работы археологического отдела Центрального музея Тавриды на 1929–1933 гг. ГАРК. Ф. Р-2865. Оп. 2. Д. 4.
- Протоколы заседания 28 сентября 1903 г. Таврической ученой архивной комиссии // *ИТУАК*. 1902. № 34. С. 72–80.
- Протоколы заседания 5 сентября 1903 г. Таврической ученой архивной комиссии // *ИТУАК*. 1903а. № 35. С. 56–58.
- Протоколы заседания 17 ноября 1903 г. Таврической ученой архивной комиссии // *ИТУАК*. 1903б. № 35. С. 60–68.
- Протоколы заседания 16 апреля 1904 г. Таврической ученой архивной комиссии // *ИТУАК*. 1904а. № 36. С. 70–74.
- Протоколы заседания 18 мая 1904 г. Таврической ученой архивной комиссии // *ИТУАК*. 1904б. № 36. С. 74–77.
- Протоколы заседания 4 февраля 1905 г. Таврической ученой архивной комиссии // *ИТУАК*. 1905. № 38. С. 92–98.
- Протоколы заседания 30 января 1914 г. Таврической ученой архивной комиссии // *ИТУАК*. 1914а. № 51. С. 286–292.
- Протоколы заседания 26 февраля 1914 г. Таврической ученой архивной комиссии // *ИТУАК*. 1914б. № 51. С. 302–308.
- Протоколы заседания 26 марта 1914 г. Таврической ученой архивной комиссии // *ИТУАК*. 1914в. № 51. С. 308–316.

- Пуздровский А. Е.* Новый участок Восточного некрополя Неаполя скифского // РА. 1992. № 2. С. 181–199.
- Пуздровский А. Е.* О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма / Под. ред. Ю. М. Могаричева. Симферополь: Таврия, 1994. С. 114–126.
- Пуздровский А. Е.* Могильник III – IV вв. н.э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV – IX вв.) / Под. ред. А. И. Айбабина Симферополь: б. и., 1994. С. 55–56.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И.* Новые памятники III – IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 32–50.
- Пуздровский А. Е.* Погребения первых вв. н. э. Битакского могильника с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: б. и., 2001. С. 122–140 (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II до н. э. — III в. н. э. Симферополь: «Бизнес-Информ», 2007. 480 с.
- Репников Н. И.* Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма. РО НА ИИМК РАН, Ф. 10, д. 9, 10.
- Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П.* Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма. СПб.: Алетейя, 2015 г. 248 с. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XV).
- Симонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 173 с.
- Труфанов, А. А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2009. № 4. С. 117–328.
- Труфанов А. А.* Могильник I – III вв. н. э. у с. Холмовка и впускные погребения первых веков н. э. в курганах Юго-Западного Крыма // История и археология Крыма. Вып. I / Ред. В. В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 183–209.
- Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб: Наука, 2002. 676 с.
- Тункина И. В. П. И. Кеппен, А. Я. Фабр, Ф. Дюбуа де Монпере* как первооткрыватели позднескифских городищ Крыма // Причерноморье в скифо-античное и ранне-средневековое время: сб. научн. работ, посвящ. 65-летию В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 324–340.
- Туровский Е. Я., Колодченко П. Н.* Варварский могильник I – III вв. н. э. у с. Вишневое // Таврические студии: исторические науки. 2014. № 6. С. 112–116.
- Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И. Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Доля, 2011. С. 13–113.
- Храпунов И. Н.* Некоторые итоги и перспективы исследований варварских памятников римского времени в предгорном Крыму (на примере могильника Опушки) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь, Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2019. С. 589–592.

- Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 239–269.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // Херсонесский сборник. Вып. XIV / Гл. ред. С. Д. Крыжицкий. Севастополь: Издательский дом «Максим», 2005. С. 341–345.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А.* Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Издательство «Доля», 2009. 96 с.
- Храпунов И. Н., Храпунова Л. Н., Таратухина Е. Е.* Археологические коллекции Крымского краеведческого музея // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 271–289.
- Шульц П. Н.* Отчет Тавро-Скифской экспедиции 1946 г. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 92.
- Шульц П. Н.* Список позднескифских городищ, селищ и могильников Крыма. НА ИАК РАН Ф. Л-7. Оп.4. Д.20.
- Щепинский А. А.* Материалы к карте памятников Крыма. НА ИАК РАН Ф. Л-8. Оп.1. Д. 46
- Ящуржинский Х. П.* Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе // ИТУАК. 1889. № 7. С. 44–56.

Список сокращений

АВИМ	Аксайский Военно-исторический музей
АДУ	Археологічні дослідження в Україні
АМА	Античный мир и археология
АО	Археологические открытия
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГИКЗ	Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник
БИ	Боспорские исследования
ВДИ	Вестник древней истории
ВОКМ	Волгоградский областной краеведческий музей
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ГАРК	Государственный архив Республики Крым
ГИМ	Государственный исторический музей
ЗКОИКМ	Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей
ИАК	История и археология Крыма
ИАК РАН	Институт археологии Крыма Российской академии наук
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИИЯЛ УНЦ РАН	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МИДК	Музей истории донского казачества
НАВ	Нижеволжский археологический вестник

ОГИКМ	Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей
Памятники XII 2000	Памятники природного и историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области. Вып. XII. Зеленовский район / Отв. ред. М. Н. Сдыков. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2008.
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры
РА	Российская археология
РОМК	Ростовский областной музей краеведения
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СОМК	Саратовский областной музей краеведения
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
ТУАК	Таврическая ученая архивная комиссия
УАВ	Уфимский археологический вестник
ЦМТ	Центральный музей Тавриды
ACSS	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
AJA	American Journal of Archaeology
ADelt	Арχαϊολογικόν Δελτίον
BAR	British Archaeological Reports
BSS	Black Sea Studies
EurA	Eurasia Antiqua
FGrH	F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker. Leiden: Brill, 1923–1958
JGS	Journal of Glass Studies

Сведения об авторах

Антонов Егор Евгеньевич (Москва),

младший научный сотрудник отдела классической археологии
Института археологии РАН. E-mail: antonov.yegor@gmail.com

Безуглов Сергей Иванович (Ростов-на-Дону),

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
археологической лаборатории Южного федерального университета.
E-mail: sergbez@mail.ru

Глебов Вячеслав Петрович (Ростов-на-Дону),

кандидат исторических наук, научный сотрудник
ООО «Археологическое научно-исследовательского бюро».
E-mail: glebov-63@mail.ru

Грумеза Лавиния (Яссы, Румыния),

Институт археологии Румынской Академии наук.
E-mail: lavinia_grumeza@yahoo.com

Гугуев Владимир Константинович (Ростов-на-Дону),

независимый исследователь.
E-mail: guguev@mail.ru

Евглевский Александр Викторович (Донецк),

старший научный сотрудник археологической
научно-исследовательской группы исторического факультета
Донецкого национального университета.
E-mail: a.yevglevsky@gmail.com

Корнеев Денис Сергеевич (Симферополь),

независимый исследователь.
E-mail: Dk000111000@gmail.com

Красноперов Александр Анатольевич (Ижевск),

кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского
института истории, языка, литературы Удмуртского федерального
исследовательского центра Уральского отделения РАН.
E-mail: khaa@udm.ru

Максименков Виктор Константинович (Симферополь),

магистрант исторического факультета
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
E-mail: victorskiff@mail.ru

Мульд Сергей Альфредович (Симферополь),

научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории
и археологии Крыма Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского. E-mail: muld@mail.ru

Нессель Виктория Александровна (Севастополь),

заведующая отделом античной истории Государственного историко-
археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».
E-mail: v_nessel@mail.ru

Трейстер Михаил Юрьевич (Берлин, Германия),

доктор исторических наук, научный сотрудник
Германского археологического института.
E-mail: mikhailtreister@yahoo.de, ORCID iD: 0000-0001-7451-3325

Труфанов Александр Анатольевич (Симферополь),

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела археологии раннего железного века
Института археологии Крыма РАН.
E-mail: trufanov.a67@mail.ru

Храпунов Игорь Николаевич (Симферополь),

доктор исторических наук, профессор
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

Чемодуров Николай Николаевич (Симферополь),

аспирант кафедры археологии и всеобщей истории
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
E-mail: Pasternatskiy@bk.ru

Шабанов Станислав Борисович (Симферополь),

руководитель проектов и программ
благотворительного фонда «Наследие тысячелетий».
E-mail: neizats2004@mail.ru

Научное издание

КРЫМ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ
(II в. до н. э. – IV в. н. э.)
VII

Перевод на английский язык: Никита Храпунов
Оригинал-макет: Юрий Борозна

Подписано печать 23.10.2021 г. Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная, печать офсетная. Гарнитура Arial
Тираж 300 экз.

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»

Тел.: +7 978 849 08 94, e-mail: ancient2008@mail.ru
295051, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Чернышевского 10а

Институт археологии Крыма РАН

Республика Крым, г. Симферополь, проспект Вернадского 2

Приобрести все выпуски сборника «Крым в сарматскую эпоху» можно в книжном интернет-магазине «CrimeanBook» (crimeanbook.com)

НАСЛЕДИЕ
тысячелетий
благотворительный фонд